

Институт славяноведения РАН

К. В. Мельчакова

БОСНИЯ *и* ГЕРЦЕГОВИНА

в общественно-политической
жизни России в 1856–1875 гг.

МОСКВА «ИНДРИК» 2019

УДК 94(497.6), 94(47)
ББК 63.3(4Бос)5, 63.3(2)5
М 48

Ответственный редактор
доктор исторических наук С.И. Данченко

Рецензенты
кандидат исторических наук Л.В. Кузьмичёва
кандидат исторических наук П.А. Искендеров

Мельчакова К.В.

Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. — М.: Индрик, 2019. — 432 с., ил.

ISBN 978-5-91674-537-5
DOI: 10.31168/91674-537-5

В данной книге идет речь о русской политике в османских провинциях Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг. На основе большого массива источников, в том числе архивных документов, реконструирована деятельность первых российских дипломатических представительств в Сараеве и Мостаре, изучена работа русских общественных благотворительных организаций и Св. Синода в деле помощи православному населению Боснии и Герцеговины, поднимается вопрос о знакомстве русского общества с жизнью этой славяно-турецкой области Балкан.

Melchakova K.

Bosnia and Herzegovina in Public and Political Life of Russia in 1856–1875. — Moscow: Indrik Publishers, 2019. — 432 pp., ill.

This book deals with Russian policy in the Ottoman provinces of Bosnia and Herzegovina in 1856–1875. On the basis of different sources, including archival documents, the author reconstructed activities of the first Russian diplomatic missions in Sarajevo and Mostar as well as studied the work of Russian public charities and the Holy Synod, that provided help to the Orthodox population of Bosnia and Herzegovina; the question of familiriazation of Russian society with the life in this Slavic-Turkish region in the Balkans was also touched upon.

© Мельчакова К.В., текст, 2019
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2019

ISBN 978-5-91674-537-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
----------------	---

ГЛАВА 1

Российские императорские консульства в Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг.

Открытие первого консульства Российской империи в Сараеве	55
Босния и Герцеговина в творчестве российского дипломата и ученого А.Ф. Гильфердинга	65
Деятельность российских консульств в Сараеве и Мостаре в 1858–1875 гг.	101

ГЛАВА 2

Боснийский вопрос и русское общество в 1850–1870-е годы

Русские благотворительные общества в деле организации помощи Боснии и Герцеговине	129
Русская периодическая печать о боснийских проблемах в 50–70-е годы XIX века	170

ГЛАВА 3

Деятельность России по оказанию помощи православной церкви и просвещению в Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг.

Поездки священнослужителей Боснии и Герцеговины в Россию	207
Сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой и Россия	238
Учащиеся из Боснии и Герцеговины в России	265

ГЛАВА 4

Боснийский вопрос в русско-сербских отношениях в 1856–1875 гг.

Сербские планы в отношении Боснии и Герцеговины и Россия	295
Сербское княжество и организация православного образования в Боснии и Герцеговине	312
Церковный вопрос в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е годы и Сербия	328

ГЛАВА 5

Другой ракурс: русские планы в отношении Боснии и Герцеговины в контексте политики Османской империи и монархии Габсбургов

Политика Османской империи в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е годы	343
Политика монархии Габсбургов в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е годы	378
Заключение	393
Источники и литература	397
Указатель имен	419

Моим родителям

ВВЕДЕНИЕ

В западной части Балканского полуострова располагается Босния и Герцеговина. Это славянское государство ассоциируется у рядового обывателя с трагичными событиями распада Югославии в 1990-е годы. Некоторые могут припомнить и сараевский выстрел, положивший в 1914 г. начало Первой мировой войне. А между тем история края богата интересными фактами, которые делают этот уголок Европы особенным. Некогда средневековое королевство, Босния, начиная с середины XV века, побывала в составе Османской империи, монархии Габсбургов, Королевства сербов, хорватов и словенцев и Югославии. На одной из улиц современного Сараева красуется памятный знак, символизирующий пересечение культур Запада и Востока. Несмотря на то, что географически Босния расположена в Европе, пройденный ею исторический путь дает полное право отмечать подобную особенность. В этом краю, где преобладает славянское население, встречаются ислам и христианство. В чем же уникальность этих балканских земель и почему именно здесь произошел ряд событий, имеющих мировое значение? Эти вопросы требуют глубокого и серьезного изучения и могут лечь в основу множества научных монографий. Данное исследование предлагает обратиться к истории края в последние годы его пребывания в составе Османской империи (1856–1875 гг.).

Русско-балканские отношения не раз становились предметом исследования историков. Существует обширная литература по данной проблематике. Однако всё еще есть большие лакуны, вопросы, имеющие принципиальное значение, но не получившие должного освещения. Один из них — вопрос об истоках формирования позиции России в отношении судьбы Боснии и Герцеговины. Он напрямую связан с событиями 1856–1875 гг.

1856 год — время окончания Крымской войны и провозглашения хатт-и-хумаюна в Османской империи. Тогда же было принято решение об открытии первого дипломатического представительства России в Боснии — консульства в Сараеве. Эта дата и стала отправной точкой данного

исследования, которое охватывает временной период до лета 1875 г. — начала Герцеговинского восстания, переросшего в Великий Восточный кризис¹.

В эти годы Босния и Герцеговина входила в состав Османской империи в качестве особого, самого западного вилайета — Боснийского (ранее Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака). После длительного соперничества ее судьбу решили Австро-Венгрия и Россия. Именно в 1850–1870-е годы всё громче звучит «боснийский вопрос» — то есть вопрос о будущем османской провинции Босния и Герцеговина.

Изучение исследователями истории Боснии как части Османской империи неминуемо приводит к столкновению с рядом трудноразрешимых проблем и противоречий. Не представляется возможным точно определить границы этого региона. В разное время к этой области Балкан относили то одну, то другую пограничные территории. С турецким завоеванием Босния и Герцеговина на четыре столетия оказалась частью крупного исламского государства. Такая же участь постигла и Сербию, и Болгарию, но такой активности в принятии ислама, как в Боснии, больше не было нигде.

Приход османов в Боснию и Герцеговину в современной историографии зачастую воспринимается как позитивное явление. Многие историки признают, что турецкое завоевание стало для Боснии спасением от раздробленности. Перейдя в ислам, местная знать (беговат) обеспечила свое будущее. Благодаря географическому положению Боснийский пашалык был центром торговли с Европой. Соседство с монархией Габсбургов придавало этому краю важнейший оборонительный статус. Вместе с тем оно позволяло европейцам разворачивать в регионе деятельность по пропаганде христианских ценностей. Так произошло

¹ События кризиса широко освещены в исторической науке. См., напр.: *Вяземская Е.К.* Восстания в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1875 — апрель 1877): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1984; *Кузьмичёва Л.В.* Сербо-русские отношения в период Восточного кризиса 1875–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1986; *Екмечић М.* Устанак у Босни 1875–1878. Београд, 1996.

разделение одного народа на католиков, православных и мусульман, которые к середине XIX в. уже перестали ощущать свое этническое единство. Религиозная принадлежность стала маркером национальности.

Разобщенность населения Боснии и Герцеговины была специфическим явлением. Впервые о нем заговорил первый российский консул в Сараеве, историк-славист А.Ф. Гильфердинг в конце 1850-х годов. Позже это неоднократно подтверждалось русскими и европейцами, побывавшими в этих краях. Образно говоря, Босния и Герцеговина представляли собой в миниатюре всю Османскую империю. Мусульмане жили в городах, имели возможность сделать карьеру на государственной службе, платили меньше налогов, являлись наиболее привилегированной частью общества. Католики находились под крылом у миссионеров и собственного духовенства. В самом бедственном положении пребывали православные. В крае не было школ для этой категории населения, церкви были разорены, ответственность за них несло греческое духовенство, которое не столько заботилось о своей пастве, сколько во всем искало личной выгоды.

Не было единства населения и в социальном плане. Большинство православных торговцев не оказывало никакой поддержки своим братьям по вере, а их предпочтения целиком и полностью зависели от возможности получения личных благ. Такое положение дел было выгодным для центральной власти. Порта лавировала, играла на интересах отдельных групп, стараясь не допустить их объединения в борьбе за независимость. Время от времени в пашалыке возникали сепаратистские движения под руководством местного беговата.

1850–1870-е годы в Османской империи стали временем проведения в жизнь второго этапа реформ, вошедших в историю под названием «танзимат» (мн. ч. от араб. слова «танзим» — упорядочение). Программа реформ была заложена Гюльханейским хатт-и-шерифом султана Абдул-Меджида 1839 г. и частично реализована в 1840–1850-е годы. Положение дел в империи было достаточно тяжелым. Сокращение налоговых поступлений, истощение государственной казны, финансовая зависимость страны от Англии, Франции и Австрии, рост недовольства населения, подъем

национально-освободительного движения, кризис в армии и постоянное давление Европы на султана — таковы были последствия Крымской войны. Тот путь реформирования, по которому шла Османская империя до этого времени, был закрыт. В основе всех изменений в стране в период с 1839 г. по 1853 г. лежала идея решения внутренних проблем при минимальном вмешательстве извне. Главный творец реформ Мустафа Решид-паша² надеялся на движение Османской империи вперед, но по своему особому пути, без участия европейских держав. Начавшаяся война с Россией и активное вмешательство Англии и Франции на стороне Турции способствовали изменению основной идеи реформ танзимата: теперь пришлось реализовывать западную модель развития и переносить на свою почву элементы западной экономической, политической, культурной системы.

Подвел итоги Крымской войны Парижский конгресс, который открылся в феврале 1856 г. В его работе принимали участие представители России, Османской империи, Франции, Англии, Австрии, Пруссии и Сардинии. Одним из главных вопросов, стоявших перед великими державами на мирном конгрессе, был вопрос о судьбе европейских провинций Турции. Свой проект решения этой проблемы разработала и Россия, но Порты при содействии европейских держав опередила события.

18 февраля 1856 г. был издан хатт-и-хумаюн — султанский указ о реформах. Он был подготовлен Высшим советом по реформам, учрежденным в 1854 г. по настоянию английского посла в Константинополе Джорджа Каннинга. В разработке текста документа негласно принимали участие послы Франции, Англии и Австрии, которые сумели создать для своих стран выгодные условия для реализации внешнеполитических и экономических планов в отношении Османской империи³.

С принятием хатт-и-хумаюна началась политика конструирования новой нации — османской. Обеспечение всем гражданам безопасности личности, гласности суда, обещание кодифицировать законы, реформа провинциальных советов,

² См.: Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984.

³ Новицев А.Д. История Турции. Т. 4. Ч. 3. (1853–1875). Л., 1978. С. 82.

меджлисов (обеспечение свободы избрания в них представителей мусульманского и немусульманского населения), борьба со взяточничеством — этот комплекс мер расширял права немусульманского населения империи. Вопрос о равенстве исповедующих ислам и представителей других конфессий занимал больше половины хатта. Однако об этом речь шла и на первом этапе реформ, но в 1856 г. вступила в действие 9 статья Парижского мирного договора, которая утвердила право иностранных держав вмешиваться во внутренние дела Турции. Новым наполнением программы стало расширение прав для иностранцев: отныне они могли владеть в империи недвижимым имуществом при условии соблюдения местных законов, а также получали массу привилегий в экономической сфере. Таким образом, Россия потеряла статус единоличной покровительницы над христианским населением Турции, которым она обладала по условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.

Рушилась основная идея обновления Османской державы. Первоначально планировалось, что новый облик страна будет принимать, опираясь на Коран. Запад же не только сделал Турцию зависимой в экономическом плане, но и, дав широкие уступки немусульманскому населению и добившись права оказывать прямое влияние на него, получил возможность активизировать деятельность в неспокойных регионах и держать Османскую империю под контролем. Не случайно автор реформ 1839–1853 гг. Мустафа Решид-паша стал одним из главных критиков нового курса. В стране росло недовольство переменами. Уже в 1859 г. в Константинополе против правительства открыто выступили представители секты Накшбанди–Халиди, в состав которой входили высокопоставленные военные и священнослужители⁴. Прошел громкий судебный процесс. По империи прокатилась волна кризисов.

В Боснии и Герцеговине европейские державы активно продвигали свою политику по реформированию Османской империи. К середине XIX века христианское население Балканского полуострова по уровню экономического,

⁴ Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. М., 2012. С. 629.

социального, политического и культурного развития догнало, а порой и опережало мусульманское население края. Зачастую христиане занимали ведущие позиции в торговле и промышленности. Находясь в постоянном контакте с Европой, они считались главными носителями прогрессивных идей в империи. И естественно, в отличие от Малой Азии, весть о принятом хатте на Балканах распространилась намного быстрее⁵.

Эхо прокатившихся по Европе революций 1848–1849 гг. ослабило узы, основанные на страхе перед центральной властью и ее представителями на местах. Проведение в жизнь под руководством Европы хатт-и-хумаюна 1856 г. вселяло надежду на скорое освобождение.

Естественно, мусульманское население не выражало восторга по поводу нововведений. Примечательно также и то, что недовольны были и греческие иерархи православной церкви. Ведь если раньше они полностью руководили православной паствой и отвечали за нее перед султаном, то теперь эта власть от них ускользала.

В рассматриваемый период в Османской империи сменилось два султана. Физически слабый, изнеженный, чувствительный, мнительный, расточительный человек, предпочитающий мир войне, сторонник абсолютной власти, любитель европейской музыки и европейского образа жизни султан Абдул-Меджид (1823–1861) правил до 1861 г. Умер он от туберкулеза⁶. Его сменил брат — Абдул-Азиз (1830–1876). Известный отечественный тюрколог А.Д. Новичев так рисует его портрет: физически сильный, стрелок, наездник, охотник, борец, вспыльчивый, недоверчивый, плохо образован, распутник, отрицательно относился к реформам⁷.

Особенно сложным был процесс проведения реформ в самом западном вилайете Османской империи — Боснийском⁸. Религиозная разобщенность местного населения

⁵ Новичев А.Д. Указ. соч. С. 97.

⁶ Там же. С. 101.

⁷ Там же. С. 107.

⁸ В 1865 г. Боснийский пашалык и Герцеговинский санджак были объединены в Боснийский вилайет.

способствовала усилению влияния внешних сил. Австрия и Ватикан вели пропаганду среди паствы римско-католической церкви, для православного населения авторитетами являлись Сербия, Черногория и, конечно же, Россия. В вилайете сталкивались интересы всех великих держав.

Пользуясь тем, что Босния и Герцеговина находились далеко от центра, местные турецкие чиновники и военачальники чинили здесь произвол, присваивали себе земли и налагали на местное население дополнительные поборы. Это, а также соседство со свободолюбивой Черногорией и дважды поднимавшейся на восстание Сербией, делали этот регион взрывоопасным.

После Крымской войны и в России настало время перемен. Новый император Александр II взял курс на внутреннее реформирование страны. Последовали изменения и в министерстве иностранных дел. 15 апреля 1856 г. К.В. Нессельроде оставил пост министра. Новым руководителем МИД стал князь А.М. Горчаков (1798–1883). Выпускник Царскосельского лицея, он имел большой опыт дипломатической работы: был секретарем посольств в Лондоне и Риме, советником дипломатического представительства в Берлине, поверенным в делах во Флоренции, служил советником посольства в Вене, посланником в Штутгарте, с 1850 г. был посланником при Германском союзе, а в 1854–1856 гг. вел дипломатические переговоры в Вене⁹.

Поражение в Крымской войне привело к ослаблению авторитета России в Европе и потере влияния на Балканах, где упрочили свои позиции Англия и Франция. Такое положение дел стало причиной изменения внешнеполитического курса страны.

Ключом к успеху в деле внутренних преобразований должно было стать спокойствие на внешнеполитической арене. Согласно новому курсу Россия отказывалась от политики в духе Священного союза, делая упор на свои национальные интересы. Сложив с себя полномочия охранителя

⁹ См.: *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005; *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М., 2018.

Венской системы, Александр II стремился восстановить авторитет России как великой державы. Важнейшая внешнеполитическая задача заключалась в отмене унижительных положений Парижского мирного договора.

Говоря о внешней политике России, сто́ит отметить, что условно ее можно разделить на два периода. Первый — от поражения в Крымской войне и до 1870–1871 гг. — прошел под знаком борьбы с ограничительными статьями Парижского мира. Тогда империя ориентировалась на союз с Францией, но отношения между странами испортились после Польского восстания 1863–1864 гг. В это время в Европе шел процесс объединения Германии. В 1866 г. прогремела австро-прусская война, итогом которой стало поражение Австрии и создание Северогерманского союза. 1870–1871 гг. прошли под знаком франко-прусской войны, в результате которой на карте Европы появилась новая держава — Германская империя. Воспользовавшись ситуацией, А.М. Горчаков объявил об отмене нейтрализации Черного моря, что подтвердила Лондонская конференция 1871 г. Всё это время шел процесс освобождения Италии. Второй период — это время с начала 1870-х годов. В 1873 г. был создан Союз трех императоров, который объединил Россию, Германию и Австро-Венгрию.

Одним из ключевых направлений внешней политики России были Балканы¹⁰. Регион Османской империи находился в компетенции Азиатского департамента МИД. Это подразделение министерства с 1856 до 1861 гг. возглавлял Егор Петрович Ковалевский (1811–1868). Разносторонне образованный человек, он был знаком с Балканами не понаслышке — в 1830–1840-х годах пребывал с дипломатической миссией в Черногории¹¹.

Ковалевский был человеком, сочувствующим славянству, он активно поддерживал молодежь из славяно-турецких областей, был одним из организаторов Московского славянского благотворительного комитета. Уход в 1861 г. Ковалевского с поста директора Азиатского департамента явился результатом возникших у него разногласий

¹⁰ См.: История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012.

¹¹ См.: Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841.

с Горчаковым¹². До 1864 г. Азиатский департамент возглавлял Николай Павлович Игнатъев (1832–1908), затем, до 1875 г., Петр Николаевич Стремоухов (1823–1885).

Одним из итогов Крымской войны стало расширение сети российских консульств на Балканах¹³, что должно было способствовать укреплению влияния России в регионе. Программа открытия сети консульств была разработана летом 1856 г., а в октябре с предложением учредить дипломатические представительства Российской империи в Болгарии, Боснии, Герцеговине и Албании Горчаков обратился к Александру II¹⁴. На должности консулов глава Азиатского департамента Ковалевский подбирал молодых энергичных людей, которые обладали знаниями по истории региона, владели местными языками. Велся отбор дипломатов нового поколения. Кандидаты должны были обладать не только высокими моральными качествами, но и незаурядным интеллектом; обращалось внимание и на их происхождение, вероисповедание, образование. Для многих из них назначение на консульскую должность было первым опытом службы подобного рода.

Главной соперницей России в Боснии и Герцеговине была Габсбургская монархия, которая реализовывала свои планы через посредничество католических миссионеров

¹² Хевролина В.М. Министерство иностранных дел России в 1856–1878 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 3–26.

¹³ См., напр.: Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // Геополитические факторы внешней политики России второй половины XVI — начала XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. М., 2007. С. 221–266; Фролова М.М. К вопросу о деятельности дипломатических представительств России в болгарских землях Османской империи в период с 1856 по 1866 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы консолидации. М., 2008. С. 173–193; она же. Русское консульство в Видине и переселение болгар в Россию (1861 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010. С. 170–187.

¹⁴ Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах. С. 221–266.

и население Далмации. Россия же рассчитывала на поддержку Сербии и Черногории. Переломным моментом стал конец 1858 г., когда на смену сербскому князю Александру Карагеоргиевичу (1842–1858 гг.), который симпатизировал Австрии, к власти в Сербском княжестве вернулась династия Обреновичей. Россия добивалась реализации своей внешнеполитической программы в регионе, используя потенциал Сербии. Сербская правящая элита во главе с князем Михаилом стремилась к полной независимости княжества и строила амбициозные планы по созданию большого национального государства, объединяющего всех сербов.

После Крымской войны возрос интерес русского общества к Боснии и Герцеговине. Российское правительство не могло открыто действовать в этих областях Османской империи, что расценивалось бы как вмешательство в дела другого государства. Эту роль взяли на себя созданные благотворительные организации, оказывавшие помощь славянам. У истоков деятельности славянских комитетов стояли как представители славянофильского течения, так и собственно российское правительство. Появление комитетов именно после Крымской войны не было случайным — в тот период правительству нужен был союзник в балканских делах.

Обзор источников

Данное исследование проводилось с привлечением широкого круга разнообразных источников. Использовались как опубликованные материалы (периодическая печать, сборники русских и сербских документов о политике в Боснии и Герцеговине, частная переписка общественных деятелей), так и архивные документы.

Основную часть источниковой базы составляют материалы, выявленные автором в российских и сербских архивах. Было проведено исследование архивных фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ),

Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы), отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской Академии наук (РО ИРЛИ РАН), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), Архива Сербии (АС) и Архива Сербской академии наук и искусств (АСАНУ).

Все обозначенные выше источники можно подразделить на несколько групп: официальные правительственные документы; документация фондов общественных организаций; источники личного происхождения, в том числе эпистолярное наследие русских и сербских общественных деятелей по боснийскому вопросу; материалы русской периодической печати по боснийской проблематике; иллюстрации; справочники и статистические данные.

К первой группе источников относится официальная переписка российских дипломатов по вопросам Боснии и Герцеговины. Прежде всего это донесения консулов в МИД¹⁵.

В 1980-е годы возрос интерес к проблемам боснийского региона. Отечественными и югославскими учеными была проведена многолетняя масштабная работа по изданию документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия»¹⁶, охватывающих период с 1850 по 1875 гг.

¹⁵ Донесения консулов обычно составлялись с периодичностью раз в две недели — в начале и середине каждого месяца. Они направлялись в Азиатский департамент МИД и в посольство в Константинополе. В МИД посылались документы, которые касались наиболее важных вопросов. Помимо донесений, консулы направляли телеграммы по вопросам, требующим безотлагательного решения, также составлялись записки обобщающего характера. См.: *Хевролина В.М.* Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории их дипломатической деятельности (1856–1874) // *Внешняя политика России. Источники и историография.* М., 1999. С. 45.

¹⁶ *Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы.* М., 1985; *Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы.* М., 1988.

Над составлением двух томов трудились такие известные отечественные специалисты-балканисты, как Ю.А. Писарев, В.Г. Карасёв, В.И. Косик, Д.Ф. Поплыко, В.М. Хевролина, а также югославские исследователи: М. Экмечич, Б. Маджар, С. Перазич, Р. Петрович, И. Тепич. Учеными была проведена работа по выявлению документов в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Сараева и Вены. В 2008 г. серия была продолжена выходом в свет сборника «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы»¹⁷.

В Отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (ИСл РАН) хранятся копии документов по истории русско-боснийских отношений в 1850–1870-е годы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Данные материалы были выявлены и собраны группой ученых, сотрудников Института славяноведения, при подготовке вышеупомянутой публикации «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия». Это огромный массив материалов, который включает в себя сотни донесений российских дипломатов из Боснии и Герцеговины в министерство иностранных дел. Многие документы не вошли в окончательную версию публикации. Часть из них, на французском и немецком языках, сопровождаются качественными переводами, выполненными сотрудниками Института славяноведения. Это документы из трех фондов АВПРИ: Посольство в Константинополе, Главный архив и Славянский стол. Доступ к данным бесценным, в контексте нашего исследования, источникам был невероятной исследовательской удачей. В монографии даются сноски на материалы АВПРИ в соответствии с шифрами, указанными на копиях документов, хранящихся в ИСл РАН. В связи с этим выражаю огромную благодарность всему коллективу исследователей, работавших над выявлением, сбором, описанием и переводом этих материалов.

Большой интерес представляют документы из фонда российского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева (ГА РФ. Ф. 730). Здесь содержатся его многочисленные записки

¹⁷ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1878. Документы. М., 2008.

о положении христиан в Боснии, донесения о деятельности вождя герцеговинского восстания Луки Вукаловича (1812–1873), доклады о ситуации в Османской империи и землях балканских славян.

В РГВИА были выявлены донесения в военное министерство о положении православного населения и состоянии турецкой армии в Боснии и Герцеговине (Ф. 450. Коллекция военно-ученого архива «Турция»). Они составлены на основе сообщений российских консулов в Мостаре и Сараеве, поскольку в рассматриваемый период в Боснии не было российского военного агента. Главное внимание в этих документах уделялось политике реформ, проводимой Портой на Балканах при султанах Абдул-Азизе, и формированию отрядов башибузуков в 1864–1866 гг.

В РГИА были изучены материалы фондов канцелярий Св. Синода (Ф. 796) и обер-прокурора Св. Синода (Ф. 797), а также фонда митрополита Московского Филарета (Ф. 832). Выявленные документы позволили изучить деятельность Св. Синода в боснийском регионе.

Стоит отметить, что многие донесения консулов дублировались и пересылались не только в Св. Синод и военное министерство, но и в Славянский комитет. Подтверждение этому мы находим в фонде Московского славянского благотворительного комитета (ГА РФ. Ф. 1750), куда копии поступали либо от директора Азиатского департамента МИД, либо лично от консулов. Это говорит о тесной взаимосвязи российского правительства и благотворительных организаций.

Анализ официальной документации позволяет сделать главный вывод о том, что Россия последовательно выступала как защитница православия в Боснии и Герцеговине. Донесения российских консулов — весьма ценный, но в определенной степени субъективный источник, отражающий и степень индоктринации его авторов.

В конце 1970-х — 1980-е годы в Югославии возрастает интерес историков к вопросу об участии Сербии в национально-освободительной борьбе на Балканах 1850–1870-х годов, что привело к активизации архивных изысканий. При этом значительное внимание уделялось и боснийскому вопросу. Выявленные сербскими учеными материалы вошли

в сборник документов «Сербия и освободительные движения на Балканах от Парижского мира до Берлинского конгресса: (1856–1878)»¹⁸. Еще одной значимой публикацией стал совместный труд отечественных и югославских ученых о деятельности сербской общественно-политической организации Омладины¹⁹. Интерес к истории Боснии сохраняется в научном сообществе и в начале XXI в. В 2007 г. вышел сборник документов, посвященный проблемам управления Дабробосанской митрополией в 1836–1878 гг., подготовленный сербским ученым Н. Радославлевицем²⁰.

Опубликованные материалы дополнены в настоящей работе данными из сербских архивохранилищ. В Архиве Сербии была проведена работа в фондах министерства народного просвещения (Ф. МПс.) и Белградской митрополии (Ф. МБ.). Содержащиеся там документы представляют собой прошения отдельных личностей или общин из Боснии и Герцеговины и решения сербского правительства по этим вопросам. В основном речь идет об оказании помощи местным церквям и учебным заведениям. Эти материалы свидетельствуют о том, что свою политику в боснийском регионе сербские власти старались проводить неофициально, при помощи тайных организаций. Это, в частности, подтверждают документы из фонда Илии Гарашанина (Ф. ИГ.), где были обнаружены источники, позволяющие реконструировать программу сербской пропаганды в Боснии.

В Архиве Сербской академии наук и искусств (АСАНУ) были изучены документы фонда сербского государственного деятеля Йована Ристича (1831–1899), общественного деятеля Матии Бана (1818–1903), а также донесения сербских агентов, связанные с работой комитета по освобождению Боснии.

Анализ официальной документации из сербских архивов показал, что Сербия стремилась к самостоятельному

¹⁸ Србија и ослободилачки покрети на Балкану од Париског мира до Берлинског конгреса: (1856–1878). Књ. 1. Београд, 1983.

¹⁹ Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови-Сад, 1977.

²⁰ Радослављевић Н. Грађа за историју Сарајевске (Дабробосанске) митрополије 1836–1878. Београд, 2007.

решению боснийского вопроса. Босния и Герцеговина воспринимались в Белграде как исконно сербские земли.

Исследование деятельности русских общественных организаций в Боснии и Герцеговине проводилось также с привлечением архивных материалов.

Наибольший интерес представляет фонд Московского славянского благотворительного комитета (ГА РФ. Ф. 1750)²¹. Здесь собраны прошения из боснийских и сербских земель, переписка комитета с Азиатским департаментом МИД, российскими дипломатами на Балканах, Св. Синодом, отделением комитета в Петербурге. Все материалы можно условно разделить на следующие группы: 1) документация о развитии сети школ в Боснии и Герцеговине, организации учебного процесса и подготовке к отправке местной молодежи на обучение в Россию и Сербию; 2) документация о поддержке православия в регионе (сбор средств на строительство и реставрацию церквей и монастырей, обеспечение их богослужебными книгами и утварью); 3) документы о католической и протестантской пропаганде в крае.

Существенным дополнением служат материалы личного фонда секретаря Московского славянского комитета Нила Александровича Попова (ОР РГБ. Ф. 239). Особого внимания заслуживает опись к бумагам комитета за 1868–1877 гг.²² В ЦГА Москвы работа проводилась с фондом Бахметьевых (Ф. 1845) и фондом Московского славянского благотворительного общества (Ф. 1901). Здесь были выявлены отчеты о финансовых затратах комитета в разное время, которые позволяют составить представление о том, какое количество средств направлялось в Боснию и Герцеговину. Отчеты, сметы и переписка Петербургского отделения Славянского комитета, касающиеся этих провинций, хранятся в ЦГИА СПб. (Ф. 400).

Анализ документации Славянского комитета свидетельствует о том, что эта благотворительная организация весьма активно действовала в интересах российской политики

²¹ Московский славянский благотворительный комитет был основан в 1858 г.; с 1869 г. начали работу его отделения в Санкт-Петербурге, Одессе и Киеве.

²² ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2.

на Балканах. МИД использовал комитет для поднятия уровня образования и поддержания православия в Боснии и Герцеговине.

Исследование эпистолярного наследия русских общественных деятелей позволило выявить круг лиц, заинтересованных в разрешении боснийского вопроса и связанных с деятельностью русских благотворительных организаций в этом направлении.

Прежде всего объектом внимания стали материалы личного архива протоиерея русской посольской церкви в Вене Михаила Федоровича Раевского (1811–1884). Значительная часть его наследия была опубликована в 1970–1980-е годы²³ — это материалы из ОПИ ГИМ (Ф. 347). Кроме того, в данной монографии были привлечены некоторые неопубликованные документы из этого фонда, а также из ОР РНБ (Ф. 627). Исследование указанных источников позволило выявить русских корреспондентов Раевского, сочувствующих боснийскому вопросу, сербских деятелей, с которыми он обсуждал будущее Боснии. Раевский был главным координатором множества славянских проектов. К нему в Вену стекались письма отовсюду, начиная с прошений боснийских крестьян об оказании помощи и заканчивая отчетами российских консулов о проделанной работе. Переписка Раевского — один из самых информативных источников. Анализ материалов его архива позволил также проследить эволюцию взглядов этого крупного общественного деятеля на боснийский вопрос и проблеме славянства в целом.

Важной фигурой, проявлявшей интерес к судьбе зарубежных славян в 1850–1870-е годы, была фрейлина императрицы графиня Антонина Дмитриевна Блудова. Она являлась одним из учредителей Петербургского славянского комитета Блудовой, Васильчиковой и Протасовой, созданного в 1856 г. Личные документы Антонины Дмитриевны хранятся в фонде Паниных–Блудовых в РГАДА (Ф. 1274). Среди них — письма от русских общественных деятелей, прошения от боснийских

²³ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975; Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Т. II. Књ. 1. Београд, 1989.

славян, переписка с сербским митрополитом Михаилом. Особую ценность имеет тетрадь А.Д. Блудовой с черновыми записками по Восточному вопросу²⁴. Здесь содержатся дневниковые записи, повествующие о пребывании графини в Сербии в 1858 г. и ее встрече с управительницей сараевской школы для девочек Стакой Скендеровой.

А.Д. Блудову очень волновало будущее турецких славян. На ее имя из Боснии и Герцеговины поступало множество прошений о помощи, и ей удавалось привлечь внимание русских сановников и аристократов к проблемам босняков и герцеговинцев. Она же сообщала о положении боснийских христиан императрице Марии Александровне, которая не раз вносила существенные пожертвования в пользу балканских славян и считалась покровительницей женского образования в регионе.

При написании монографии была также проведена работа с личными фондами лиц, игравших ключевую роль в организации помощи славянам Боснии и распространении в русском обществе знаний о них. Это фонды: Аксаковы (ОР РГБ. Ф. 3, ОР РНБ. Ф. 14, РГАЛИ. Ф. 10, РО ИРЛИ РАН. Ф. 3)²⁵, А.Ф. Гильфердинг (РГАЛИ. Ф. 1571, ОР РНБ. Ф. 182), А.С. Ионин (ГА РФ. Ф. 939), И.П. Корнилов (ОР РНБ. Ф. 377, РГИА. Ф. 970), Е.П. Ковалевский (ОР РНБ. Ф. 356), М.П. Погодин (ОР РГБ. Ф. 231, РГАЛИ. Ф. 373), Н.А. Попов (ОР РГБ. Ф. 239).

Эти материалы чрезвычайно ценны и разнообразны, часть из них носит характер деловой переписки. Не меньшую ценность представляют письма сугубо личного характера, где деятели славянского движения России свободно выражают мнения по боснийскому вопросу и о сотрудничестве разных отделений Славянского комитета, Св. Синода и МИД. К таковым можно отнести переписку российского консула в Сараеве А.Ф. Гильфердинга с директором Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевским²⁶ и А.В. Плетнёвой²⁷.

²⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2772.

²⁵ Интерес также представляют опубликованные письма И.С. Аксакова: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. СПб., 1896.

²⁶ См., напр.: ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 1. Ед. хр. 176.

²⁷ См., напр.: РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 53.

Следует также отметить переписку Н.А. Попова с сараевским архимандритом С. Косановичем, который в 1870-е годы совершил продолжительную поездку по России с целью сбора средств в пользу школ и церквей Боснии²⁸. Параллельно в Славянский комитет и Св. Синод поступали официальные отчеты о путешествии архимандрита. Эти материалы не только позволяют реконструировать историю его пребывания в России, но и демонстрируют организационные проблемы, с которыми сталкивались гости из славянских земель. Кроме того, Косанович, выступая в роли агента Славянского комитета, снабжал его полезной информацией о происходящем в Боснии, давал характеристики другим боснийским агентам, предостерегал от связей с австрийскими и турецкими шпионами.

Частные письма российских дипломатов А.С. Ионина, Е.Р. Шулепникова, А.Ф. Гильфердинга, А.Н. Кудрявцева порой раскрывают то, о чем нельзя было говорить в официальных донесениях; их авторы указывают на ошибки, допущенные организаторами русской благотворительной деятельности. Анализ документов показывает, что все российские консулы и вице-консулы в Боснии и Герцеговине состояли в переписке с деятелями Славянского комитета. В некоторых случаях можно заметить, что симпатии дипломатов склонялись на сторону благотворителей, а долг перед руководством МИД отходил на второй план. Особенно отчетливо это наблюдается в их переписке с М.Ф. Раевским.

Эпистолярное наследие русских общественных деятелей существенно дополняет документы официального характера. Оно демонстрирует сложную систему связей и контактов, которые соединяли представителей славянства, русских общественных деятелей, сербского митрополита Михаила, Св. Синод, чиновников МИД и министерства просвещения России.

Однако при работе с этим корпусом источников возникает и трудноразрешимая проблема. Некоторые личности, участвующие в деятельности тайных комитетов по освобождению Боснии, и связанные с ними российские консулы общались между собой, используя специальные шифры.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11–13.

К сожалению, удалось обнаружить ключ лишь к одному из них. Однако есть упоминания о существовании других методов шифровки. В таком зашифрованном письме фраза: «Министерство просвещения обещало поставить 2 ящика книг для библиотеки» на самом деле означала: «Русское правительство обещало поставить 200 ружей в Боснию». Поэтому от исследователя может ускользнуть истинный смысл многих на вид обычных писем.

В монографии использованы также материалы дневников и воспоминаний общественных и государственных деятелей России²⁹. Большую ценность представляет дневник австрийского консула в Белграде Беньямина фон Каллаи³⁰. Он содержит сведения о связях сербских обществ по освобождению Боснии с австрийским правительством и о планах монархии Габсбургов относительно будущего положения этого региона.

Периодическая печать была одним из главных инструментов формирования общественного мнения в XIX веке. В связи с этим, обращаясь к заявленной теме, нельзя обойти стороной вопрос о боснийской проблематике на страницах российских газет и журналов в период 1850–1870-х годов.

В работе исследованы публикации по боснийско-герцеговинскому вопросу в периодических изданиях России разной направленности. В первую очередь были изучены материалы славянофильского издания «Русская беседа». Оно не пользовалось большой популярностью в России, но при этом распространялось в землях зарубежных славян. Из органов официальной печати было детально проанализировано издание военного министерства «Военный сборник», выражающее официальную государственную позицию по боснийскому вопросу. Представлялось очень важным обратиться к двум авторитетным в рассматриваемый период изданиям М.Н. Каткова — журналу «Русский вестник» и газете «Современная летопись». На их страницах публиковалось немало работ, авторами которых были члены Славянского комитета. Кроме того, анализ русской прессы позволил показать, какое место боснийский вопрос занимал на страницах

²⁹ Милютин Д.А. Воспоминания 1863–1864. М., 2003; Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Дневник 1855–1882 гг. М., 1929.

³⁰ Дневник Беньямина Калаја. 1868–1875. Београд; Нови Сад, 1976.

популярных у читателя журналов: «Голос», «Вестник Европы», «Нива», «Русское слово», «Дело» и «Современник».

В качестве иллюстративного материала в монографии был привлечен «Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года» саратовского фотографа Петра Павловича Пятницкого (1832–1882).

К последней группе источников можно отнести справочные и статистические данные, предоставляющие сведения о населении Боснии и Герцеговины, финансовом обеспечении российских консульств в Мостаре и Сараеве³¹.

Изученная источниковая база обширна и разнообразна. Исследованные материалы позволяют взглянуть на поставленную проблему с различных сторон. Обозначенный массив источников проливает свет на многие аспекты, касающиеся места Боснии и Герцеговины в общественно-политической жизни России, раскрывает сложную систему связей российского правительства и благотворительных организаций по боснийскому вопросу.

Степень разработанности вопроса в научной литературе

Начало изучения истории Боснии и Герцеговины

Территории Боснии и Герцеговины стали предметом исследования уже в XIX веке. Интерес к этим землям в первую очередь, был связан с деятельностью европейских миссионеров и дипломатов. Одна из первых работ о Боснии появилась еще в 1822 г. — французский путешественник Шарль Пертузье издал сочинение, посвященное взаимоотношениям

³¹ Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie. Saint-Pétersbourg, 1861–1878; Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб., 1868; Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных учреждений Министерства иностранных дел. Составил по поручению Министерства иностранных дел М. Никонов. СПб., 1869.

Боснии с Портой³². Первая история края принадлежит перу францисканского монаха Ивана Франьо Юкича³³. Труд был написан после его путешествия по Боснии и Герцеговине и охватывает период с древнейших времен и до 1850 г. В 1865 г. в Сербии вышло в свет «Описание Боснии и Герцеговины» Томы Ковачевича³⁴. Хотя автор этой работы и пользовался материалами своих предшественников, однако он заявляет о принципиальности публикации сочинения на кириллице — в противовес работе Юкича, пользовавшегося латиницей. На страницах «Описания» Ковачевич обратил внимание на религиозный и этнический состав местного населения и указал на то, что по своей природе оно является сербским.

Во второй половине XIX века значительно повысился интерес к Боснии в Европе³⁵. В основу сочинений западноевропейских авторов легли впечатления от их путешествий по славянским областям Османской империи. Освободительные устремления народов Балкан нашли отклик в сочинениях европейских путешественников, повествующих о своем пребывании в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-х годах³⁶.

³² *Pertusier C.* La Bosnie. Considérée dans ses rapports avec l'Empire Ottoman. Paris, 1822.

³³ *Jukić I.F.* Zemljopis i poviestnica Bosne od slavoljuba bošnjaka. Zagreb, 1851.

³⁴ *Ковачевић Т.* Описъ Босне и Херцеговине. Београд, 1865.

³⁵ Подробнее см.: *Ekmečić M.* Slika o Bosni i Hercegovini u evropskoj putopisnoj literaturi od 1850. do 1878. godine // *Balkanica VIII*. Belgrade, 1977; *Breccwell W.C.* Opinion-maker: the Balkans in british popular literature, 1856–1876 // *Jugoslovensko-britanski odnosi*. Beograd, 1988; *Lukić-Tesarović I.* Sećanja britanskih putnika koje su putovali po našim krajevima u 18. i 19. veku // *Jugoslovensko-britanski odnosi*. Beograd, 1988; *Растовић А.* Британски путописци у Босни и Херцеговини у другој половини XIX и почетком XX века // *Зборник за историју Босне и Херцеговине*. Т. 4. Београд, 2004. С. 273–295; *Езерник Б.* Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М., 2017.

³⁶ К примеру: *Макензи Г.М., Ирби А.П.* Путовање по словенским земляма Турске Европе. Београд, 1868; *Evans A.J.* Illyrian letters. London, 1878; *Idem.* Kroz Bosnu i Hercegovinu peške u vrijeme pobune 1875. Sarajevo, 1965; *Irijart Š.* Bosna i Hercegovina. Putopis iz vremena ustanka 1875–1876. Sarajevo, 1981.

Русская дореволюционная историография

В русской историографии вопрос о Боснии и Герцеговине чаще всего возникал в контексте других проблем. Появление трудов, посвященных этим землям, было связано с обострением Восточного вопроса.

Первые опубликованные сочинения³⁷ о Боснии и Герцеговине принадлежат перу российского консула в Сараеве, ученого-слависта А.Ф. Гильфердинга. Его труд «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»³⁸, выполненный в виде путевых заметок, до сих пор является единственным комплексным этнографическим исследованием региона. Он открывает мир, историю, природу, менталитет славян Боснийского пашалыка, Герцеговинского санджака и областей Старой Сербии. Еще при жизни автора это сочинение было переведено на сербский язык и до сих пор является ценнейшим источником о жизни в Боснии и Герцеговине во второй половине 1850-х годов. Еще одна работа Гильфердинга — «Босния в начале 1858 года»³⁹ — носит справочно-статистический характер.

Важно отметить, что труды А.Ф. Гильфердинга лежат в основе практически всех последующих русских и зарубежных исследований этого региона Балкан.

В начале 1870-х годов в России появляется ряд публицистических работ о проблемах православного населения края. К боснийской проблематике обратился русский историк и общественный деятель Н.А. Попов⁴⁰. Он представил

³⁷ Упоминания о Боснии и Герцеговине присутствуют в работах А.Г. Розелион-Сашальского и И.П. Липранди. Они относятся к первой половине XIX века и не были опубликованы. См.: Керимова М.М. Югославянские народы и Россия: Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С. 103–104.

³⁸ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859.

³⁹ Он же. Босния в начале 1858 года // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Т. XXIII. Отд. II. С. 69–126.

⁴⁰ Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. Выпуск 1. СПб., 1871; он же. Православие в Боснии и Герцеговине и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873.

читателю планы австрийцев по распространению католицизма в регионе с целью его дальнейшего присоединения. Попов приводит ряд статистических сведений, конкретные примеры ущемления здесь православия, говорит о «недобросовестном» греческом духовенстве, коварстве австрийцев и гнете со стороны турок. Часть текста его работ — парафраз донесений российских консулов из Боснии и Герцеговины А.Н. Кудрявцева и Н.А. Иларионова в Московский славянский комитет⁴¹. Эти работы носят исключительно пропагандистский характер. В них освещаются лишь негативные стороны жизни славян, говорится о пользе русской благотворительности и безграничной любви населения Боснии и Герцеговины к России.

В 1876 г. к боснийской проблематике обратился ученый О.М. Бодянского, филолог, историк и публицист А.А. Майков. В сербской газете «Застава» были опубликованы статьи Майкова о Боснии, затем они вышли отдельной книгой в Нови-Саде⁴². Эти труды также можно отнести к публицистике.

В 1890–1900-е годы появился ряд работ на славянскую тему российского генерала, военного историка Н.Р. Овсяного. В труде «Сербия и сербы»⁴³, где в основном анализируются статистические данные, Боснию и Герцеговину он относит к ареалу сербского населения. Овсяный также затронул вопрос о сербах-мусульманах⁴⁴. В аналитической статье «Из истории сербов-мусульман» он знакомит русского читателя с боснийской знатью — беговатом.

В 1901 г. в Санкт-Петербурге была опубликована работа известного русского этнографа, антрополога и политического деятеля А.Н. Харузина «Босния и Герцеговина. Очерки оккупированной провинции Австро-Венгрии»⁴⁵. Изданию

⁴¹ См.: ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 84–93.

⁴² Два письма профессора А.А. Майкова о Боснии. Нови Сад, 1878.

⁴³ Овсяный Н.Р. Сербия и сербы. СПб., 1898.

⁴⁴ Он же. Из истории сербов-мусульман // Овсяный Н.Р. Ближний восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913. С. 72–102.

⁴⁵ Харузин А.Н. Босния и Герцеговина. Очерки оккупированной провинции Австро-Венгрии. СПб., 1901.

труда предшествовало путешествие автора по этим землям. Сочинение представляет собой путевые заметки, содержит исторические, этнографические и статистические данные; в нем много отсылок к исследованиям Гильфердинга. Харузин проводит сравнительный анализ положения Боснии и Герцеговины во время турецкого правления и австрийской оккупации.

Большое внимание Боснии и Герцеговине уделил и известный ученый А.Л. Погодин в работе «Славянский мир», вышедшей во время Первой мировой войны⁴⁶. Исследователь представил читателю краткую историю Боснии. Говоря о судьбе населения этого региона, он акцентирует внимание на том, что местные жители всегда были предоставлены сами себе, а Сербия разворачивала активную деятельность в крае только в период правления Михаила Обреновича (1839–1842 гг. и 1860–1868 гг.), восстание же 1875 г. было спровоцировано Австро-Венгрией. В целом вся работа А.Л. Погодина пропитана духом разочарования в возможности славянского единства и отрицает существование «славянского мира».

Первые исследователи Боснии и Герцеговины констатировали, что это особый регион, и предрекали конфликты, связанные с этими территориями в будущем. Всё же, говоря о проблеме изучения Боснии и Герцеговины в дореволюционный период, следует указать на тот факт, что большая часть работ носила скорее публицистический характер и появлялась вследствие обострения Восточного вопроса. Первым же исследователем Боснии и Герцеговины по праву можно считать А.Ф. Гильфердинга.

Советская и современная российская историография

Славистическая наука в советском государстве подверглась серьезной ревизии. Исследования по истории Боснии и Герцеговины в первые десятилетия советской власти не появлялись. В 1939 г., с открытием славистической кафедры на историческом факультете Московского

⁴⁶ Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915.

государственного университета, было положено начало новому этапу изучения истории зарубежных славянских народов, в том числе боснийцев и герцеговинцев.

Интерес к Боснии и Балканам значительно возрос в послевоенный период. 1960-е годы стали временем появления крупных работ, посвященных политике России на Балканах. В свет вышла двухтомная «История Югославии»⁴⁷, авторы которой предприняли попытку показать основные этапы социально-экономического развития югославянских народов и их многовековую борьбу против иноземного гнета, феодальной и капиталистической эксплуатации. В связи с этим Босния и Герцеговина в XIX веке предстает перед читателем в основном как очаг национально-освободительного движения. Пытаясь разобраться в причинах народных волнений, автор раздела, посвященного Боснии, Н.П. Данилова затрагивает также вопрос о социально-экономическом развитии региона.

Перу выдающегося отечественного историка-слависта С.А. Никитина принадлежит ряд работ о формировании русской балканской политики после Крымской войны⁴⁸. Особенно важна его инициатива по выявлению новых источников и введению их в научный оборот. Понятия «русский след» и «русское влияние» предстают на основании анализа этих источников как результат деятельности не только российского министерства иностранных дел, но и общественных организаций. Так, С.А. Никитин впервые изучил вопрос о деятельности Славянского комитета и его роли в реализации внешнеполитической стратегии России в славянском мире⁴⁹. Ученый установил тесную связь российского внешнеполитического ведомства и этой общественной организации, отметив ее роль в популяризации образа России среди зарубежных славян и ознакомлении русского общества с ними. Работы С.А. Никитина позволили взглянуть и на проблему русско-боснийских отношений в совершенно ином ракурсе.

⁴⁷ История Югославии. Т. 1–2. М., 1963.

⁴⁸ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.

⁴⁹ Он же. Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М., 1960.

Изучение истории возникновения и деятельности Славянского комитета продолжил, уже в XXI веке, А.А. Поповкин⁵⁰. Он реконструировал историю создания организации, рассмотрел вопросы о ее отношениях с русским обществом, а также об издательской деятельности и взаимоотношениях с цензурным ведомством и министерством народного просвещения.

В 1970-е годы в СССР появляются специальные работы, посвященные Боснии и Герцеговине. Проблему аграрных отношений в регионе затрагивают в своих трудах Н.П. Данилова⁵¹ и В.Н. Кондратьева⁵². Их исследования свидетельствуют о том, что российские консулы проводили детальный анализ социально-экономического положения края, и это позволило показать изменение характера аграрных отношений в период танзимата. Личность боснийского деятеля Васы Пелагича стала объектом изучения Д.Ф. Поплыко⁵³.

⁵⁰ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2013.

⁵¹ Данилова Н.П. Аграрные законы 40–50-х гг. XIX в. и зарождение элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве Боснии и Герцеговины // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970; она же. Церковная борьба в Боснии в 60–70-х годах XIX в. (по донесениям русского консула в Сараево) // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 233–241.

⁵² Кондратьева В.Н. К вопросу о предпосылках восстания 1858 г. в Боснийской Крайне и Посавинье // Ученые записки Института славяноведения. Т. 18. М.–Л., 1959; она же. Данные о торговле в Боснии и Герцеговине в 1866–1869 гг. // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1961; она же. Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 году // Ученые записки Института славяноведения. Т. 28. М.–Л., 1964; она же. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е гг. XIX в.). М., 1971; она же. К истории крестьянских требований в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX в. // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. Сборник статей и материалов. М., 1972. С. 267–270.

⁵³ Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич в России // Развитие капитализма и национального движения в славянских странах. М., 1970;

Как уже говорилось, в 1980-е годы начинается публикация источников по истории русской политики в Боснии. На основе их анализа появились новые работы по этой тематике. В 1986 г. в Сараеве прошла международная научная конференция, посвященная проблемам истории Боснии и Герцеговины в 1850–1875 гг. Ее материалы вошли в сборник статей югославских и отечественных ученых: Б. Маджара, Н.В. Кабаковой, В.Г. Карасёва, В.И. Косика, С. Перазича, Р. Петровича, Ю.А. Писарева, Д.Ф. Поплыко, И. Тепича, В.М. Хевролиной и М. Экмечича⁵⁴.

Открытие фондов советских архивов позволило исследователям сконцентрировать внимание на отдельных ранее не изученных вопросах истории Боснии и Герцеговины. Появились работы о состоянии православной церкви в регионе⁵⁵, деятельности первых социалистов⁵⁶; большое внимание уделялось предпосылкам возникновения национально-освободительного движения⁵⁷ и роли российских консулов в этом процессе⁵⁸. Исследователи констатировали тесную связь между изменением характера русской политики на Балканах и активизацией Сербского княжества в Боснии. Данная проблематика нашла продолжение

она же. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983.

- ⁵⁴ Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987.
- ⁵⁵ *Perazić S.* Razvoj srpske pravoslavne crkve u Bosni i Hercegovini 1850–1875 godine // Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине. С. 73–82.
- ⁵⁶ *Карасёв В.Г.* К вопросу о первых боснийско-герцеговинских социалистах // Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине. С. 83–96.
- ⁵⁷ *Поплыко Д.Ф.* Предпосылки и условия развития национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине (1850–1864) // Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине. С. 55–72.
- ⁵⁸ *Косик В.И.* Деятельность рагузского консула К.Д. Петковича во время восстаний южной и юго-восточной Герцеговины конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. // Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине. С. 145–156.

в отдельном, 13-м выпуске серийного периодического научного издания «Балканские исследования»⁵⁹. Эти же авторы затронули вопросы о состоянии школьного дела⁶⁰, влиянии реформ танзимата на положение Боснии и Герцеговины⁶¹, об австрийской, русской и сербской политике в крае⁶². Статья Н.В. Кабаковой посвящена деятельности русских благотворительных организаций в Боснии⁶³. В ней обозначены основные направления русской благотворительности в регионе, приводятся частные примеры оказания помощи. Однако в работе присутствует ряд неточностей. Так, автор ошибочно отождествляет Московский славянский комитет с комитетом графини Блудовой. Кроме того, о русской благотворительности в регионе Н.В. Кабакова говорит лишь в позитивном ключе, в то время как многие из названных в ее статье проектов не были реализованы на практике.

⁵⁹ Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. М., 1991.

⁶⁰ *Перазич С.* Начальные школы сербско-православных общин в Боснии и Герцеговине (1850–1875) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. С. 176–184.

⁶¹ *Маджар Б.* Турецкие реформы и развитие некоторых культурных институтов в Боснии и Герцеговине в 1850–1870 гг. // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. С. 60–175; *Тепич И.* О финансовом положении Боснии и Герцеговины в составе Османской империи в 50–70-е гг. XIX в. в свете русских источников // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. С. 74–95.

⁶² *Карасёв А.В.* Подготовка Сербии к войне с Османской империей в 60-х гг. XIX века // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. С. 148–159; *Косик В.И.* Австрийская политика в Боснии и Герцеговине. (По материалам советско-югославских публикаций документов) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. С. 141–147; *Хевролина В.М.* Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. С. 129–140.

⁶³ *Кабакова Н.В.* Благотворительная деятельность русской общественности относительно Боснии и Герцеговины в 50–70-х годах XIX века // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. С. 185–193.

В отечественную и зарубежную историографию прочно вошел термин «Восточный вопрос». Составной частью этой большой многоплановой проблемы является и вопрос о судьбе балканских владений Турции. Эта тема являлась и по-прежнему остается ключевой в трудах историков, посвященных внешней политике⁶⁴, в том числе и в работах исследователей-балканистов.

И.С. Достян в своей монографии «Россия и балканский вопрос»⁶⁵ представила свое видение, отметив, что в определении термина «Восточный вопрос» произошла эволюция. В исследовании автор рассматривает его не только как проблему Проливов, но и как общую судьбу владений Османской империи. Балканский вопрос — это проблема освобождения от власти Турции поработенных ею в XIV–XV вв. народов и задача воссоздания национальных государств в Юго-Восточной Европе. Исследовательница прослеживает эволюцию в политике правительства России на Балканах.

В 1986 г. под редакцией В.Н. Виноградова увидел свет очередной том серии, посвященной Балканам в системе международных отношений, — «Международные отношения на Балканах. 1856–1878»⁶⁶. Авторы этого коллективного труда исследовали Восточный вопрос как комплекс проблем, включающих кризис военно-феодальной Османской империи, развертывание национально-освободительного движения балканских народов и соперничество европейских держав в регионе.

⁶⁴ См., напр.: Очерк истории министерства иностранных дел (1802–1902). СПб., 1902; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978; Очерки истории министерства иностранных дел. Т. 1–3. М., 2002; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006; *он же.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М., 2018.

⁶⁵ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос: из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972.

⁶⁶ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 / Под ред. В.Н. Виноградова. М., 1986.

В последнее десятилетие в Институте славяноведения РАН издана серия книг «История Балкан». Одна из них посвящена событиям 1856–1878 гг.⁶⁷ Особое внимание в работе уделяется боснийскому фактору, который был одним из составляющих Восточного вопроса. Раздел, посвященный истории Боснии, написан Е.К. Вяземской, П.А. Искендеровым и А.В. Карасёвым. Исследователи отметили планы сербского и черногорского правительств относительно Боснии и деятельность Омладины в регионе. Впервые в отечественной науке была показана тесная связь этих элементов — ранее данные сюжеты рассматривались отдельно друг от друга.

К проблеме Боснии и Герцеговины во внешнеполитических планах России неоднократно обращалась Е.К. Вяземская⁶⁸. В своих работах автор поднимает важные вопросы об инициаторах восстаний в регионе и планах Австро-Венгрии в отношении этих земель. Е.К. Вяземская много внимания уделяет изучению и реконструкции русско-австрийских переговоров по вопросу о присоединении Боснии к монархии Габсбургов. Изучая политику сербского кабинета, она приходит к выводу о том, что попытки организовать восстание в Боснийском вилайете Сербия прекратила во второй половине 1860-х годов. В 1850–1860-е годы большое влияние на население пашалыка оказывала Черногория, а восстание 1875 г. было спровоцировано не столько Сербией и Черногорией, сколько Австро-Венгрией.

⁶⁷ История Балкан: судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Под ред. В.Н. Виноградова. М., 2012.

⁶⁸ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина во внешнеполитических планах России в 50–70-х гг. XIX в. // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в.–1878 г.). М., 1995. С. 100–118; она же. Босния и Герцеговина между Западом и Востоком (начало XIX в. — 1878) // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997; она же. Восстания в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1875 — апрель 1877): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1984; она же. Черногория и восстания 50-х–начала 60-х годов XIX в. в Герцеговине и Боснии // Международные отношения на Балканах. 1856–1878. С. 184–196.

Русско-австрийское противостояние на Балканах оказывало прямое влияние на деятельность русских благотворительных организаций, в какой-то степени именно оно стало катализатором для их активизации в регионе. Вопрос об австрийских планах относительно Боснии детально рассмотрен в работах А.С. Медякова⁶⁹. Он показал, какое место балканская политика занимала в жизни Австрии и Венгрии, как менялась их позиция по вопросу о судьбе Боснии и Герцеговины. Очень интересен тезис о боязни «панславизма» и «панруссизма» в венгерском обществе, которые оказывали весомое влияние на позицию венгров относительно будущего Боснии.

К вопросу о функционировании консульской службы на Балканах и позиции МИД России при выборе своих дипломатических агентов обращалась в своих работах В.М. Хевролина⁷⁰.

Еще один важнейший аспект исследования — это политика Сербии в Боснии и Герцеговине. В кандидатской диссертации А.В. Карасёва⁷¹ значительное место уделено планам сербской правящей элиты в отношении этих провинций. Автором представлены материалы о пропагандистской деятельности тайных сербских комитетов в славяно-турецких областях и о подготовке здесь восстания. Босния и Герцеговина являлись приоритетным регионом

⁶⁹ Медяков А.С. Внешняя политика Австро-Венгрии 1867–1871 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1996; *он же*. Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010.

⁷⁰ Хевролина В.М. Документы архивов СССР об истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-х годах // Меѓународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине. С. 97–112; *она же*. Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории их дипломатической деятельности (1856–1874). С. 40–64; *она же*. Министерство иностранных дел России в 1856–1878 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4; *она же*. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов).

⁷¹ Карасёв А.В. Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1984.

для Сербского княжества. В своем стремлении к приобретению этих земель Сербия лавировала между Россией, Австрией и Францией. А.В. Карасёв убедительно показал, что российская дипломатия активно поддерживала Балканский союз, формировавшийся в 1860-е годы, и использовала его для решения своих стратегических задач.

В исследуемый период Босния и Герцеговина являлись частью Османской империи, и поэтому вполне понятен был бы интерес к этому региону специалистов-османистов. Однако, к сожалению, в отечественной историографии ощущается острая нехватка работ, посвященных истории Боснийского вилайета в эпоху танзимата.

Проблеме реформ в Османской империи и вмешательству в дела Порты России и Великобритании посвящена монография болгарской исследовательницы М. Тодоровой⁷². Одна из последних работ по данной проблематике принадлежит перу И.Ф. Макаровой⁷³. Ее исследование посвящено изучению влияния реформ танзимата на политическую, экономическую и социальную историю болгарского народа. Центральное место уделяется автором вопросу турецкого управления провинциями с православным населением.

В трудах отечественных историков-османистов показана сущность реформ танзимата и выдвигается тезис о превращении Османской империи из субъекта в объект мировой политики⁷⁴.

В 2006 г. вышла работа С.В. Олюнина «Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества»⁷⁵. Автор пишет

⁷² Тодорова М. Англия, Россия и танзимат (вторая четверть XIX века). М., 1983.

⁷³ Макарова И.Ф. Болгары и танзимат. М., 2010.

⁷⁴ Новичев А.Д. История Турции. Т. 4. Ч. 3. (1853–1875). Л., 1978; Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1994; Петросян Ю.А. Османская империя. М., 2012; он же. Российская историография Османской империи XVIII–XX вв. СПб., 2012.

⁷⁵ Олюнин С.В. Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006.

о неполной интеграции боснийских земель в Османскую империю и влиянии Запада на этот регион. Политика османизации Боснии, включение местного населения в состав новой османской нации привели к противоположному результату: в ходе реформ боснийское общество продолжало оставаться традиционным, а разобщенность между представителями разных религий только усилилась.

Реализация внешнеполитической доктрины не может идти вразрез с общественной мыслью. Проблема восприятия Балкан частью русского общества является одной из ключевых для понимания русской политики в этом регионе⁷⁶. Этой теме посвящена одна из последних работ А.В. Болдырева⁷⁷, в которой изучены российско-турецкие отношения в 1856–1871 гг. и реакция общественного мнения в России на политику, проводимую правительством в отношении Османской империи во время нейтрализации Черного моря.

В XIX веке одним из инструментов формирования общественного мнения выступала периодическая печать. В связи с этим очень важно понять ее роль в складывании представлений российского общества по боснийскому вопросу. Разрешению этих проблем помогают исследования, посвященные русской периодике в XIX веке и отражению в ней славянского вопроса, — это работы А.С. Никитина⁷⁸, Л.И. Ровняковой⁷⁹, Т.Ф. Пирожковой⁸⁰, а также коллективный труд о славянофильском журнале «Русская беседа»⁸¹.

⁷⁶ См., напр.: Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии. М., 2015.

⁷⁷ Болдырев А.В. Русско-турецкие отношения середины 19 в. и российское общество. М., 2013.

⁷⁸ Никитин С.А. Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 1. С. 18–51; он же. Южнославянские связи русской печати 60-х годов XIX века // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 6. С. 89–122.

⁷⁹ Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е гг. XIX века). Л., 1986.

⁸⁰ Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.

⁸¹ «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2011.

В последнее время в исторической науке становится популярной немаловажная тема о роли личности в истории. Появляются труды о тех людях, чья деятельность была напрямую связана с Балканами⁸². Зачастую именно от конкретного человека зависит воплощение проектов в жизнь. В данном случае одной из центральных фигур является «первооткрыватель» Боснии и Герцеговины для России А.Ф. Гильфердинг.

По этой теме следует отметить в дореволюционный период сочинения А.Н. Пыпина⁸³, который очень высоко оценил его работу «Босния, Герцеговина и Старая Сербия». Деятельности Гильфердинга-слависта также посвящен ряд трудов К.Н. Бестужева-Рюмина. Среди них — небольшая статья в монографии «Биографии и характеристики (летописцы России)»⁸⁴, где автор характеризует Гильфердинга как человека, всю деятельность которого определила идея народного самосознания, и как сторонника единства славянского мира. К личности А.Ф. Гильфердинга обращался и П.А. Лавров⁸⁵, который в специальном очерке уделил большое внимание его научной и государственной деятельности, дал краткий разбор основных трудов ученого.

Затем долгое время многообразная деятельность Гильфердинга была вне поля внимания исследователей. Во второй половине XX в. эти вопросы стала изучать Л.П. Лаптева⁸⁶.

⁸² См.: *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов: научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь, 1999; *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004; *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005; *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы. М., 2011; *Тесля А.А.* Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.

⁸³ *Пыпин А.Н.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Сборник, составленный Гильфердингом. СПб., 1860 // Современник. 1860. № 3. отд. 3. С. 120–130; *он же.* Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. № 9.

⁸⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 300–306.

⁸⁵ Русский биографический словарь. Т. V. СПб., 1916. С. 195–204.

⁸⁶ *Лаптева Л.П.* К истории русско-славянских отношений 50–70-х гг. XIX в. (А.Ф. Гильфердинг и его письма М.Ф. Раевскому) // Вестник

В своих многочисленных трудах она дала оценку творчества Гильфердинга и представила детальный разбор его сочинений. Славянский вопрос в его трудах, славянофильские взгляды и представления о будущем славянского мира, вклад в русскую историческую науку — все эти аспекты являются предметом исследований Л.П. Лаптевой, ее работы содержат бесценную информацию и уникальные материалы.

В 2012 г. А.В. Черных защитил кандидатскую диссертацию, посвященную общественно-политической и научной деятельности А.Ф. Гильфердинга⁸⁷. В работе представлен источниковедческий анализ его трудов. А.В. Черных не оставляет без внимания и боснийскую проблематику⁸⁸.

Московского университета. Сер. История. 1976. № 2. С. 34–45; *она же*. Александр Федорович Гильфердинг // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 121–125; *она же*. А.Ф. Гильфердинг и К.С. Аксаков // Аксаковские чтения. Материалы научных конференций 1985 и 1987 гг. Вып. 2/89. М., 1989. С. 35–38; *она же*. А.Ф. Гильфердинг как историк зарубежных славян // История и историография зарубежного мира в лицах. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. Самара, 1997. С. 183–201; *она же*. Славяноведение в Московском университете в XIX — нач. XX вв. М., 1997; *она же*. Александр Федорович Гильфердинг // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 6. Архивно-информационный бюллетень № 2. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1999. С. 37–45; *она же*. Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Комитета // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2002; *она же*. Русский славист А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003. С. 91–102; *она же*. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005; *она же*. Русский славист А.Ф. Гильфердинг как исследователь лужицких сербов // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009. С. 151–160.

⁸⁷ Черных А.В. Общественно-политическая и научная деятельность Александра Федоровича Гильфердинга (1831–1872): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; 07.00.09. М., 2012.

⁸⁸ *Он же*. А.Ф. Гильфердинг в Боснии и Герцеговине. 1857–1858 гг. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 155–164; *он же*. Общественная

В своем этнографическом исследовании «Югославянские народы и Россия»⁸⁹ М.М. Керимова дала оценку труду А.Ф. Гильфердинга о Боснии⁹⁰, отметив его большое значение как первого комплексного исследования быта и нравов жителей Боснии и Герцеговины.

Еще одной значимой фигурой в истории русско-боснийских отношений является протоиерей русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский. Его деятельности на славянском поприще посвящено множество работ историков-славистов⁹¹. Среди них — монография И.В. Чуркиной

и политическая деятельность А.Ф. Гильфердинга в 50–70-е гг. XIX в. // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния. Материалы третьей региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.). Воронеж, 2009. С. 56–60.

⁸⁹ Керимова М.М. Указ. соч.

⁹⁰ Там же. С. 56–58, 103–109.

⁹¹ Киселькова Н.В. Вековать ли нам в разлуке? Чешская пресса, протоиерей Раевский и российские реалии 1860-х годов // Родина. 2007. № 7. С. 34–37; она же. Протоиерей Михаил Федорович Раевский (1811–1884) // Русский православный храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах: К 110-летию со дня освящения. М., 2007. С. 112–119; Лантева Л.П. К истории русско-славянских отношений 50–70-х годов XIX в. (А.Ф. Гильфердинг и его письма к М.Ф. Раевскому) // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1976. № 2. С. 34–45; Матула В., Чуркина И.В. Архив М.Ф. Раевского как исторический источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70-е гг. XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974; Ненашева З.С. Русская православная церковь в Праге. Часть 1. Трудное начало // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 412–431; Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. — 1914 г. М., 1986; она же. М.Ф. Раевский и его записки о национальном движении южных славян 1848–1849 гг. // Балканские исследования. Вып. 12. М., 1994. С. 62–81; она же. Первые годы деятельности М.Ф. Раевского // В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь И.С. Достяна. М., 2010. С. 287–296; она же. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011; она же. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. М., 2017.

«Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне»⁹², в которой автор уделяет большое внимание его контактам с представителями Боснии и Герцеговины.

Подводя итог, можно сказать, что заявленная тема в отечественной историографии изучена недостаточно. Данная проблематика была предметом интереса исследователей в годы подготовки публикации вышеупомянутого сборника «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия». Имеющиеся статьи представляют собой анализ документов этого издания.

В работах отечественных историков — югославистов и балканистов наблюдается определенный сербский крен. В основном труды посвящены проблемам православного населения Боснии и Герцеговины, значительно меньше внимания уделено в них католикам и мусульманам.

Зарубежная историография

В XIX веке сербские ученые опирались на работы А.Ф. Гильфердинга о Боснии и Герцеговине. Начало изучению региона было положено только после австрийской оккупации, что обусловило чрезвычайную политизированность трудов, выходящих в Сербии и Боснии. В 1888 г. австрийскими властями в Сараеве был открыт Национальный музей. В 1890-е годы при музее начался выпуск научного журнала, посвященного истории, природе, географии, культуре Боснии и Герцеговины⁹³.

Традицию включать Боснию в контекст истории всего сербского народа заложил сербский ученый С. Станоевич. В 1908 г., в связи с аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, он опубликовал труд «История Боснии и Герцеговины»⁹⁴. История края показана в нем в духе сербской политики, которая стремится включить эти земли в состав Сербии. Сербский вопрос автор понимает как вопрос о судьбе всего сербского населения, в том числе Боснии и Герцеговины.

⁹² Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011.

⁹³ Гласник Земальског музеја Босне и Херцеговине.

⁹⁴ Станојевић С. Историја Босне и Херцеговине. Београд, 1909.

Историки межвоенного периода продолжили эту линию. Специальную работу Боснии посвятил в 1925 г. известный сербский ученый В. Чорович⁹⁵. В монографии «Политическая ситуация в Боснии и Герцеговине» (1939 г.)⁹⁶ он утверждает, что эти провинции всегда считались сербскими землями, и поэтому вполне закономерно их присоединение к Югославии, ядром которой является Сербия. Идея неизбежности образования югославянского государства, объединяющего всех сербов, стала лейтмотивом большинства трудов сербских историков межвоенного периода.

Как и в Советском Союзе, в социалистической Югославии проблеме Боснии и Герцеговины особое внимание начало уделяться в 1960-е годы. В это время в историографии активно разрабатывалась тема внешней политики княжества Сербия в 1850–1870-е годы и создания Балканского союза. В связи с этим исследователи обращались и к боснийскому вопросу⁹⁷.

В это же время балканская проблематика начинает изучаться и на Западе. В США выходят работы Л. Ставрианоса, Барбары и Чарльза Елавичей⁹⁸. В них излагается комплексный взгляд на развитие европейских провинций Турции. Исследователи отмечают активную роль России в решении боснийского вопроса и тесную связь боснийских и сербских земель.

Вопрос о русско-сербских отношениях в 1875–1878 гг. является предметом изучения американского историка Д. Маккензи⁹⁹. Его исследования очень хорошо фундаментированы, написаны на материалах русских, сербских

⁹⁵ Чоровић В. Босна и Херцеговина. Београд, 1925.

⁹⁶ Он же. Политичке прилике у Босни и Херцеговини. Београд, 1939.

⁹⁷ См., напр.: Војводић В. Рад Србије на политичкој пропаганди у Босни и Херцеговини (1868–1873) // Историјски гласник. 1960. 1–2. С. 3–50; 3–4. С. 3–54; Вучковић В.Ј. Неуспела политичка акција Матије Бана 1860–61. // Историски часопис. Књ. IX–X. 1959. Београд, 1960; Јакшић Г. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први балкански савез. Београд, 1963.

⁹⁸ См., напр.: Jelavich B., Jelavich C. The Balkans. New Jersey, 1965; Stavrianos L.S. The Balkans. 1815–1914. New York, 1965.

⁹⁹ MacKenzie D. The serbs and russian pan-slavism 1875–1878. New York, 1967.

и австрийских архивов. Исследователь задается целью выяснить, какова была природа отношений между Россией и Сербией, насколько в действительности они были близки. Под сербами автор понимает население Сербского княжества, Боснии, Герцеговины, Черногории и Воеводины. Босния и Герцеговина предстает в его исследовании как объект притязаний Сербского княжества и монархии Габсбургов. Говоря о событиях, предшествующих восстанию 1875 г., Маккензи обращается к планам сербских властей по организации пропаганды в Боснии.

В 1980-е годы в Белграде вышла в свет многотомная «История сербского народа»¹⁰⁰. Известный ученый, академик М. Экмечич является автором раздела, посвященного истории сербского населения в Османской империи с середины XIX в. до 1878 г.

В это же время появляются и специальные труды по истории Боснии и Герцеговины. В монографии Д. Слиепчевича «Боснийский вопрос в XIX веке»¹⁰¹ эти провинции рассматриваются как объект международных отношений. Автор отметил тесную связь Боснийского пашалыка с Сербией и Черногорией, затронул проблему пропаганды, которую вели представители великих держав в регионе. Для Д. Слиепчевича характерно восприятие Боснии как части Сербского государства. Данную позицию он обосновывает тем, что сербы и боснийцы имели одну церковно-национальную традицию и одинаковую идею государственности. Автор придерживается точки зрения о том, что жители Сербии и Боснии хотели свободы и объединения, при этом он признает, что Герцеговина больше тяготела к Черногории.

Вопрос об административном устройстве Боснии и Герцеговины во времена османского владычества детально изучил историк М. Аличич¹⁰².

В 1988 г. был опубликован фундаментальный труд боснийского историка И. Тепича «Босния и Герцеговина

¹⁰⁰ Историја српског народа. Књ. 5. Т. 1. Београд, 1981.

¹⁰¹ *Slijepčević Đ. Pitanje Bosne i Hercegovine u XIX veku.* Keln, 1981.

¹⁰² *Aličić S.M. Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine.* Sarajevo, 1983.

в русских источниках: (1856–1878)»¹⁰³. Основными материалами для его написания послужили донесения российских консулов в Азиатский департамент МИД. Проведя масштабное исследование русских архивов, Тепич не только всесторонне осветил социально-экономическую ситуацию в Боснии и Герцеговине в этот период, но и большое внимание уделил деятельности российских консулов в регионе. В результате он пришел к выводу, что Россия была заинтересована в налаживании контактов исключительно с православным населением. И. Тепич дал высокую оценку деятельности российских дипломатов, направленную на улучшение положения православного населения Боснии. Эту тематику продолжил боснийский историк Э. Радушич, исследовав политику Великобритании в Боснии и Герцеговине в 1857–1878 гг.¹⁰⁴

Боснийская проблема становится чрезвычайно актуальной во время боснийской войны 1992–1995 гг. Именно тогда в Сараеве выходит коллективная работа «Босния и Герцеговина с древнейших времен до конца Второй мировой войны»¹⁰⁵. Особенность труда состоит в том, что здесь впервые многовековая история Боснии и Герцеговины представлена изолированно от истории Сербии и сербского народа. Раздел, посвященный истории Боснии с конца XVIII в. до австрийской оккупации, написан И. Тепичем, который отметил, что этот период стал временем серьезных перемен в общественной и культурной жизни населения Боснии и Герцеговины. Изменение турецкого управления шло параллельно с усилением движения за автономию края или присоединение его к Сербии.

События 1990-х годов на Балканах обратили особое внимание западных историков на Боснию и Герцеговину. Большинство их работ носят яркую антисербскую направленность и чрезвычайно политизированы.

¹⁰³ *Tenuš I.* Bosna i Hercegovina u ruskim izvorima: (1856–1878). Sarajevo, 1988.

¹⁰⁴ *Radušić E.* Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. godine — od branitelja i zaštitnika do tužioca i sudije. Sarajevo, 2013.

¹⁰⁵ *Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja drugog svjetskog rata.* Sarajevo, 1994.

В 1993 г. по инициативе профессора Гарвардского университета Р. Мотахеда в США была проведена научная конференция «Мусульмане Боснии и Герцеговины. Их историческое развитие от средневековья до распада Югославии» (в том же году вышел одноименный сборник статей¹⁰⁶). Одна из целей конференции состояла в том, чтобы показать, что изучение истории мусульман Боснии — устоявшееся и давнее явление. Несмотря на название, акцентирующее внимание исключительно на исламскую часть населения края, раздел, посвященный периоду 1800–1878 гг., представляет собой историческую справку о всем народе Боснии.

Исследовать основы боснийско-герцеговинского общества от прихода славян на Балканы в VI–VII вв. до распада СФРЮ поставили своей целью два американских историка — Р. Донья и Д. Файн. Оба исследователя в 1960–1970-е годы занимались изучением истории региона непосредственно в Боснии. Их книга появилась в разгар войны 1992–1995 гг.¹⁰⁷ В ней авторы попытались опровергнуть тот факт, что причиной войны явилась столетняя взаимная неприязнь местного населения, основанная на религиозном факторе. Они замечают, что к моменту австро-венгерской оккупации 1878 г. местное общество уже было сильно дифференцировано, многонационально, но в нем не было никаких национальных конфликтов. По их мнению, война 1992–1995 гг. произошла исключительно из-за сербских и хорватских притязаний присоединить к себе боснийские земли. Сейчас эта работа пользуется большой популярностью в Боснии и Герцеговине¹⁰⁸.

С 1995 г. в Сербской академии наук и искусств был начат выпуск сборников, содержащих работы по истории Боснии и Герцеговины¹⁰⁹. Редактором этого издания являлся академик

¹⁰⁶ The Muslims of Bosnia — Herzegovina. Their Historic Development from the Middle Ages to the Dissolution of Yugoslavia. Cambridge, 1993.

¹⁰⁷ Donia R.J., Fine J.V.A. Bosnia and Herzegovina. A tradition Betrayed. New York, 1994.

¹⁰⁸ Donia R., Fine J. Bosna i Hercegovina: iznevjerena tradicija. Sarajevo, 2011.

¹⁰⁹ Сборник за историју Босне и Херцеговине. Т. 1–6. Београд, 1995–2009.

М. Экмечич, признанный специалист в этой области¹¹⁰. В своих работах он затронул множество аспектов боснийского вопроса. Один из них — это проблема мифа. Миф, привнесённый из внешней среды, по мнению ученого, является главным провокатором войн и конфликтов в регионе. Неслучайно одну из своих работ он называл «Краткое хождение по мукам через историю Боснии»¹¹¹. Мифы и предрассудки наследуются и передаются от отцов к сыновьям, считает автор. Так, давние провокации внешних сил оформились в определенную позицию, которая затем начинала восприниматься как непреложная истина. Затрагивает М. Экмечич и важнейший вопрос об обособлении мусульман. С его точки зрения, оно произошло после оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Основная же причина нерешенности сербского вопроса в годы кризиса 1870-х годов заключалась, по его мнению, в неразвитости сербского национального движения, которое не могло обойтись без помощи извне. Всех деятелей славянских комитетов М. Экмечич относит к славянофильскому направлению. Он отмечает зависимость сербской политики в Боснии от славянофилов и считает, что панисламизм в Боснии и Герцеговине появился только в 1876 г. Именно тогда восстание славян в регионе переросло в религиозную войну ислама и христианства. В целом же для него также характерно изучение истории региона в контексте всей сербской истории.

¹¹⁰ *Екмечић М. Покушај организовања устанка у Босни 1860–1862. // Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине. Година IX. Сарајево, 1958. С. 197–219; он же. Национална политика Србије према Босни и Херцеговини и аграрно питање (1844–1875) // Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине. Т. X. Сарајево, 1959. С. 197–219; он же. Стварање Југославије. 1790–1918. Т. 2. Београд, 1989; он же. Устанак у Босни 1875–1878. Београд, 1996; он же. Улога ислама у социјалном и политичком развоју Балкана // Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век). Међународни научни скуп. 11–13 децембар 1996. Београд, 1997. С. 15–54; он же. Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд, 2002; он же. Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2008.*

¹¹¹ *Он же. Кратки ход по мукама кроз историју Босне // Екмечић М. Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд, 2002. С. 135–154.*

Проблема вмешательства России и Австрии (Австро-Венгрии) в дела Боснии и Герцеговины затронута в монографии Д. Берича «Сербский вопрос и политика Австро-Венгрии и России. 1848–1878»¹¹². Автор пишет о том, что Центральная Европа пыталась решить германский вопрос, Романская — итальянский, а Юго-Восточная — сербский. В работе прослеживается определенный сербоцентризм. Выдвинутый автором тезис о желании разных по вере народов объединиться в одну государственную единицу нельзя принять полностью. Берич говорит не столько о соперничестве Австрии и России в регионе, сколько об их сотрудничестве. Российский «фаворитизм» по отношению к Черногории он определяет как негативное явление.

В своей монографии «Балканы: национализм, война и великие державы»¹¹³ британский журналист М. Гленни также пишет о Боснии XIX века — в разделе «Танзимат: Османская империя, Босния и Герцеговина 1839–1875»¹¹⁴. В нем представлены история и особенности развития этих провинций под османским владычеством.

Монография сербского историка Ч. Попова «Великая Сербия. Реальность и миф»¹¹⁵ явилась откликом на судебный процесс над сербским президентом Слободаном Милошевичем в 2001–2006 гг. Ч. Попов полагает, что сербские притязания на боснийские земли в 1850–1870-х годах были вполне обоснованны, так как план «Начертание» сербского государственного деятеля И. Гарашанина опирался на идею исторического права, к тому же в боснийских землях православный элемент являлся преобладающим.

Традиция восприятия Боснии и Герцеговины как неотъемлемых частей Сербии сохраняется и поныне¹¹⁶. Так,

¹¹² *Берић Д.* Српско питање и политика Аустроугарске и Русије. 1848–1878. Београд, 2000.

¹¹³ *Glenny M.* The Balkans: nationalism, war and the Great Powers, 1804–1999. New York, 2000.

¹¹⁴ *Ibid.* P. 70–134.

¹¹⁵ *Попов Ч.* Велика Србија. Стварност и мит. Нови Сад, 2007.

¹¹⁶ См., напр.: *Душанчић-Липљански Ј.Б.* Срби Босне и Херцеговине у XIX веку. Борба за слободу и уједињење. Београд, 2018.

данная позиция просматривается в монографии профессора Белградского университета Сузаны Раич «Внешняя политика Сербии между ожиданиями и реальностью (1868–1878)»¹¹⁷. Исследовательница подчеркивает значение деятельности сербского государственного деятеля Й. Ристича, который продолжил дело князя Михаила Обреновича и И. Гарашанина, а главными конкурентами для Сербии в регионе называет австрийскую и русскую пропаганды.

Интерес представляют также обобщающие работы боснийских историков, посвященные Боснии и Герцеговине¹¹⁸. Одним из последних является многотомный труд Г. Шливо, в котором уделено большое внимание истории края в период до австрийской оккупации¹¹⁹. Говоря о положении местного населения, автор затрагивает также вопрос о деятельности дипломатических представительств европейских стран в Сараеве и Мостаре и их влиянии на жизнь турецких славян и работу османской администрации.

Боснийский историк С. Банджович является автором двухтомного труда, посвященного вопросу деосманизации Боснии¹²⁰. Он также обращается к проблеме мифа, обозначенной в трудах М. Экмечича. По его утверждению, Босния и Герцеговина стали ареной столкновения восточного и западного мышления. Благодаря усилиям Европы ислам в этом регионе воспринимался как ересь, чуждое явление. Банджович считает, что негативный образ Османской империи и сведения об угнетаемом ею народе во многом преувеличены. Агрессия западного радикального национализма, пропагандирующего тезис об истинности христианской природы славянского мира, утверждает он, явилась главной

¹¹⁷ *Pajuћ S.* Спољна политика Србије између очекивања и реалности (1868–1878). Београд, 2015.

¹¹⁸ См., напр.: *Bojić M.* Historija Bosne i Bošnjaka: (VII–XX vijek). Sarajevo, 2001.

¹¹⁹ *Šljivo G.* Bosna i Hercegovina 1854–1860. Landshut, 1998; *Idem.* Bosna i Hercegovina 1861–1869. Tešanj, 2005.

¹²⁰ *Bandžović S.* Bošnjaci i deosmanizacija Balkana. Muhadžirski pokreti i prebježišta «sultanovih musafira» (1683.–1875.). Sarajevo, 2013; *Idem.* Deosmanizacija Balkana i Bošnjaci. Ratovi i muhadžirska pribježišta (1876.–1923.). Sarajevo, 2013.

причиной волнений 1870-х годов в регионе. В том, что местное население исповедовало ислам, не было ничего плохого, считает автор, но сами сербы под влиянием западных воззрений начали исключать мусульман из своего племени, именуя их турками. Основным лейтмотивом политики сербского князя Михаила и черногорского князя Николы была ненависть к туркам, а значит, и к славянам, исповедующим ислам. Такая позиция в корне отличается от концепции большинства сербских историков. Согласиться с ней можно лишь отчасти. Известны сербские планы привлечения на свою сторону представителей всех вероисповеданий.

Современная турецкая историография также не оставляет без внимания историю Боснии и Герцеговины. Однако в основном интерес у ученых вызывает период после 1878 г.¹²¹

Начиная с XIX столетия, сербская историография поддерживает тезис об историческом праве Сербии на обладание землями Боснии и Герцеговины. Боснийская историография придерживается точки зрения о природной целостности и самостоятельности общества края, разобщенность которого является продуктом пропаганды, привносимой извне. Западные историки обратили особое внимание на проблемы региона в связи с войной 1992–1995 гг. К сожалению, в зарубежной историографии трудно встретить взвешенную позицию — исследования носят по большей части ярко выраженный про- или антисербский характер. Тем не менее изученная литература позволяет взглянуть на боснийскую проблему с разных сторон.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии русско-боснийские отношения во второй половине XIX века редко становились предметом специального исследования. В сербской исторической науке сохраняется

¹²¹ *Armağan M.* Abdulhamid'in Kurtlarla Dansı 2. İstanbul: Timaş Yayınları, 2009; *Şerif M.* Jön Türklerin. Siyasi Fikirleri 1895–1908. İstanbul, 2011; *Bozdağ I.* Sultan Abdulhamid'in Hatıra Defteri. İstanbul, 2009; *Özcan U. II.* Abdulhamid Dönemi Osmanlı Karadağ Siyasi ilişkileri. Doktora Tezi Süleyman Demirel Üniversitesi Isparta, 2009; *Emgili F., Kahramanyol M.* Sırbistan'ın Osmanlı topraklarındaki istihbarat ve teşkilatlanma çalışmaları (1898–1912). Ankara, 2010.

тенденция изучения истории Боснии как части истории всего сербского народа. В отечественной историографии Босния и Герцеговина возникают в контексте рассмотрения Восточного вопроса, при этом долгое время историки изучали только проблему народных восстаний в этих областях. Сейчас круг проблем и сюжетов становится шире. Изучение политики России в Боснии и Герцеговине идет в совокупности с исследованием деятельности общественных организаций, органов периодической печати и отдельных личностей.

Данная монография представляет собой дополненный и частично измененный текст кандидатской диссертации, защищенной на историческом факультете Московского государственного университета в 2016 г. Появление исследования было бы невозможно без мудрого, профессионального руководства моего научного руководителя Людмилы Васильевны Кузьмичевой, помощи и поддержки кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, а также сотрудников Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. Особую благодарность выражаю Светлане Ивановне Данченко за мастерскую редакторскую работу и Анне Андреевне Леонтьевой за научные консультации в сложных для меня вопросах османистики. Также благодарю сотрудников российских, сербских, боснийских и словенских архивов и библиотек, без помощи и содействия которых данное исследование не явилось бы миру. Большое спасибо всем моим родным и близким за терпение, веру в меня и поддержку, так необходимую в трудные минуты творческого процесса.

Российские императорские консульства в Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг.

Открытие первого консульства Российской империи в Сараеве

В XIX веке служба в российском МИД не слыла престижной профессией. Аристократы редко решались строить дипломатическую карьеру. Неблагодарной считалась и должность консула, а если место назначения располагалось где-нибудь на «задворках цивилизации», то приятного было совсем мало. При этом консул должен был обладать глубокими специальными знаниями, выполнять большие объемы канцелярской бумажной работы, постоянно контактировать с местными жителями и властями — и все это, как правило, за небольшое жалование. Заработная плата консулов не была высока. Так, в 1868 г. консул в Сараеве получал 2.940 руб. серебром в год, 500 руб. выделялось ему на наем дома и переписку, 1.176 руб. составляла зарплата секретаря. Вице-консул в Мостаре получал 1.960 руб. заработной платы и 300 руб. на переписку и наем дома¹. Эти зарплаты были примерно такими же, как и у других российских дипломатов, работающих в Европейской Турции.

Еще одной проблемой для консула был вопрос карьерного роста: максимум, чего можно было достигнуть, — это должность генерального консула.

Основными поставщиками консульских кадров были: факультет восточных языков Санкт-Петербургского

¹ Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений Министерства иностранных дел. Составил по поручению Министерства иностранных дел М. Никонов. СПб., 1869. С. 271–275.

университета, Лазаревский институт восточных языков и Казанский университет.

С 1823 г. при Азиатском департаменте МИД существовало отделение восточных языков, где изучали восточные и европейские языки, географию и историю азиатских стран, мусульманское и международное право, нумизматику. Молодые дипломаты направлялись на стажировку в Константинополь, где при русской миссии было училище на девять мест для изучения турецкого, греческого, арабского, французского и итальянского языков².

Во второй половине XIX в. были выработаны единые правила приема в МИД. Вводились специальные экзамены. Без вступительных испытаний можно было стать драгоманом (переводчиком восточных языков). В системе МИД ощущалась острая нехватка этих специалистов. Чаще всего должности секретарей и драгоманов при консульствах совмещал один человек. Если же драгоман претендовал на занятие консульской должности, ему было необходимо сдать квалификационный экзамен.

Все консульства делились на 4 класса:

1. Генеральные консульства (во главе — генеральный консул);
2. Консульства (во главе — консул);
3. Вице-консульства (во главе — вице-консул);
4. Консульские агентства (во главе — консульские агенты или секретари).

Свои донесения консулы направляли не только в структуры МИД — они снабжали информацией военное министерство, Св. Синод и Славянский комитет. Именно отчеты, посылаемые консулами в высшие инстанции, служили основным материалом, на основании которого корректировалась внешняя политика России. Если говорить о консулах в Боснии и Герцеговине, то в военное министерство в первую очередь они отправляли подробные сведения о численности и расположении турецких войск в регионе, формировании отрядов башибузуков³.

² Григорьев. Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М., 2010. С. 69–97.

³ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 74. Л. 11–21, 61–62 об., 79, 85, 98–104.

Конечно, консульские донесения — источник достаточно субъективный. Порой дипломаты преподносили информацию в искаженном виде, а российские консулы на Балканах были склонны преувеличивать размеры турецких бесчинств по отношению к христианскому населению.

После Крымской войны Россия расширила сеть консульских агентств⁴. Одним из приоритетных направлений ее внешней политики стали Балканы. Впервые в истории российское дипломатическое представительство появилось на землях Боснии и Герцеговины.

Уже с конца 1840-х годов православные жители этого края не раз обращались к России с просьбой учредить свои консульства в Боснийском пашалыке и Герцеговинском санджаке, но у России не было торговых интересов в регионе, и никакой реакции в ответ не следовало⁵. Ситуация изменилась лишь после Крымской войны. Решение об открытии российского консульства в Сараеве было принято в октябре 1856 г. Перед этим учреждением ставились следующие задачи: наблюдение за проведением в жизнь положений хатт-и-хумаюна 1856 г. и защита интересов православного населения Боснии и Герцеговины.

Первым российским консулом в Сараеве стал 25-летний выпускник Московского университета, славянофил, историк-славист Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872). Согласно полученным инструкциям, молодой дипломат был обязан наблюдать за обстановкой в регионе, информировать о происходящем остальных консулов на Балканах и Азиатский департамент МИД.

Александр Федорович
Гильфердинг.
Фотопортрет 1872 г.
(ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 802)

⁴ Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // Геополитические факторы внешней политики России второй половины XVI — начала XX в. М., 2007. С. 221–266.

⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 11–13.

К прямому исполнению своих консульских обязанностей Гильфердинг приступил через пять месяцев после назначения. Путь в Сараево для начинающего дипломата лежал через Фрушкогорские монастыри⁶, Вену, Триест и Рагузу, где он около месяца ожидал инструкций из Константинополя.

Гильфердинг сам изъявил желание отправиться в далекую славяно-турецкую область. Его отец, Федор Иванович⁷, зани-

⁶ Шестнадцать православных монастырей, расположенных в историко-географической области Срем (Воеводина).

⁷ Федор Иванович Гильфердинг (1798–1864) — родился в Москве, по вероисповеданию был католиком, происходил из дворян. В 1815 г. окончил курс обучения в благородном пансионе при Московском университете со званием студента, затем посещал лекции, но в двадцатилетнем возрасте по собственному прошению был уволен и в 1819 г. поступил на службу в министерство иностранных дел России. Свою карьеру начал с исправления должности актуариуса, затем переводчика. В 1824 г. был причислен к канцелярии министра иностранных дел, получив чин титулярного советника. В 1829 г. был секретарем конференции на переговорах о мире с Османской империей в Адрианополе. Затем был прикомандирован к генерал-фельдмаршалу графу И.И. Дибичу. В ноябре 1829 г. Ф.И. Гильфердинг занял пост директора дипломатической канцелярии Дибича, а позже — И.Ф. Паскевича. В 1830 г. женился на Амалии Яковлевне де-Витте. В 1836 г. был назначен чиновником шестого класса (коллежский советник) при Паскевиче как главнокомандующем армии. В 1838 г. ему было пожаловано имение в Августовской губернии Царства Польского с годовым доходом в 750 руб. В 1839 г. он был произведен в статские советники, в 1843 г. получил чин действительного статского советника. Во время Венгерской кампании 1849 г. Ф.И. Гильфердинг возглавил канцелярию действующей армии, затем получил должность директора департамента внутренних сношений МИД России. Этот высокий пост он занимал до конца октября 1858 г. В 1851 г. Ф.И. Гильфердинг был назначен управляющим Государственным архивом министерства иностранных дел, в 1852 г. произведен в тайные советники. В октябре 1858 г. стал сенатором, а также ему было повелено присутствовать в Совете министерства иностранных дел с оставлением в занимаемых должностях. В сентябре 1862 г. исправлял обязанности товарища министра иностранных дел. См.: РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1.

мал видные посты в российском МИД и был близким другом директора Азиатского департамента Е.П. Ковалевского, который и составил протекцию для его сына.

Прежде всего, эти края влекли А.Ф. Гильфердинга как ученого-слависта. Он надеялся найти неизвестные древнеславянские рукописи, изучить быт и нравы местного населения. То, что он не ставил на первое место служебные обязанности, возмущало некоторых его старших коллег. Так, нелестно отзывался о нем в письме к М.Ф. Раевскому генеральный консул в Рагузе П.Н. Стремоухов: «Вы судите об этом господине чересчур снисходительно. Не знаю и не могу оценить его заслуг и достоинств в ученом и литературном отношении, но решительно и по совести хочу сказать, что в десять раз лучше было бы не посылать никого в Боснию, чем это существо. Это эгоист сверху донизу, мелочный, холодный и упрямый человек; притом и здесь он своими странностями сделался посмешищем всего города, а турки и иностранные консулы сделают из него непременно шута, потому что он имеет такое высокое понятие о себе, что и не подозревает, когда над ним в глаза смеются. Вся его цель теперь отыскать никем не виданные еще материалы для истории и литературы, и за какую-нибудь рукопись он готов быть покорным слугой и католиков, и иностранцев. Он не только не сумеет внушить нашим единоверцам никакого к себе доверия, но непременно оттолкнет их от себя своей невыносимой холодностью, чему я уже видел, к несчастью, примеры. И это-то человек, которого босняки и герцеговинцы ждут как мессию, и это-то первый русский чиновник, который появится в этих странах после стольких лет непрерывного ожидания!»⁸

Егор Петрович
Ковалевский

Ед. хр. 2514; там же. Ед. хр. 2515; там же. Ф. 1863. Оп. 1. Ед. хр. 23; Русский биографический словарь. Т. 5. М., 1916. С. 206–207.

⁸ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 417.

В пользу Гильфердинга говорила его профессиональная подготовка: он прекрасно владел сербским языком, хорошо знал историю и культуру сербского народа. К тому времени им уже была написана и издана «История сербов и болгар»⁹. Этот труд был переведен на сербский язык и пользовался большой популярностью¹⁰.

Секретарем консульства стал выпускник Лазаревского института восточных языков Александр Семенович Ионин (1837–1900). Новость о назначении на эту должность застала его на службе при русской миссии в Константинополе. В отличие от Гильфердинга, это известие Ионин воспринял с меньшим энтузиазмом. В письме к неустановленному лицу он сетовал, что ему предстоит «углубиться еще в одно из самых положительных захолустьев Турции, где небо может быть такое же голубое, как и в Италии, где природа, говорят, прекрасна, но где красоты ее совсем не отразились на человеке...»¹¹.

Александр Семенович
Ионин

Представления о Боснии у Ионина были самыми что ни на есть мрачными: «Всё вот до сих пор видел людей, а теперь надобно ладить с дикарями»¹². Упомянул он и о миссии своего начальника. По его словам, Гильфердинг ехал туда чисто из научного интереса и на небольшой промежуток времени. Сам Ионин надеялся, что его пребывание на Балканах продлится не более полутора лет.

В апреле 1857 г. Ионин доставил инструкции, фирман и берат в Рагузу Гильфердингу, а затем они двинулись в путь. Дорога в Сараево заняла около двух недель. Поездка и соприкосновение с ориентальной культурой произвели большое впечатление на Гильфердинга. Было решено ехать через Требинье и Мостар. Существовал более короткий и безопасный путь по реке Неретва через город Меткович, но было необходимо оценить ситуацию в беспокойных уголках Герцеговины.

⁹ Гильфердинг А.Ф. Письма об истории сербов и болгар. М., 1855.

¹⁰ Гильфердинг А. Историја Срба и Бугара. Свеска I. Београд, 1857.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1 об.

О пути до Сараева А.С. Ионин подробно рассказал в письме к издателю и литературоведу П.А. Ефремову: «Прибывши в Рагузу, мы отправились с консулом в путь верхом до самого Сараева, куда мы за разными церемониями и остановками приехали только на 12-й день, хотя настоящего пути быстрого только 6. Вы себе представить не можете этого отчасти несносного путешествия по скалам, по склизким камням, по таким крутизнам, что нужно просто скатываться и совершенно без пути и дороги. Дикость невероятная, везде разрушение и ветхость, в народе апатия, доходящая до глупости. Впрочем, иногда мы были вознаграждаемы истинно великолепными видами. В долинах природа роскошна, зато на горах — голый черный камень, на котором не растет даже и вереск. Как приятно ехать верхом по такому пути, уже предоставляю вообразить Вам. (...) Церемониал и быт турок со здешними угнетенными несчастными христианами еще более замечателен»¹³.

Из Мостара поступили первые донесения Гильфердинга о притеснениях христианского населения. В главном городе Герцеговины российские дипломаты пробыли пять дней. Их разместили во дворце местного паши. Наибольшее удивление и недоумение у работников консульства вызвала манера османских чиновников вести дела. В письме к А.В. Плетнёвой¹⁴ Гильфердинг подробно описал особенности жизненного уклада турецкого управленца: «В 8 часов позовут нас ужинать к Его превосходительству: сажают за стол, уставленный бесконечным множеством солений и бутылок, подают всем трубки (...). Паша съест соленый кусочек, выпьет рюмку мастики (род весьма крепкой водки), запьет водой, захлебнет дымом из кальяна и скажет мне комплимент по-турецки, который мне переведут и на который

¹³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 6 об.–7.

¹⁴ Александра Васильевна Плетнёва (1823–1901) — урожд. княжна Щетинина, супруга литератора, критика, академика, поэта, ректора Петербургского университета, профессора русской словесности Петра Александровича Плетнёва (1791–1865). Семейство Гильфердингов было в дружеских отношениях с Плетнёвыми. В фондах РО ИРЛИ РАН хранятся письма А.Ф. и Ф.И. Гильфердингов к супружеской чете Плетнёвых.

ответчу приличным изъявлением чувств; так дело идет два часа (...), пока не дойдут до самых горячих излиятий любви и пока не опустеет до дна графин мастики (...), потом два часа опять тянется самый ужин, двадцать пять кушаний самых разнообразных и между ними всякий раз по трубке, но уже не комплименты, тяжелое молчание; наконец, в полночь, отодвигается стол, и все сидят еще с полчаса, отягченные кто винными испарениями, кто скукою и табачным дымом. Так проводит свои вечера вся турецкая знать»¹⁵.

23 мая 1857 г. российские дипломаты наконец-то прибыли к месту назначения. Консульство располагалось в арендованном доме ремесленника Джордже Терзибаши (Вукичевича) на Ташлиханской улице. В те времена это здание считалось одним из самых красивых в Сараеве¹⁶.

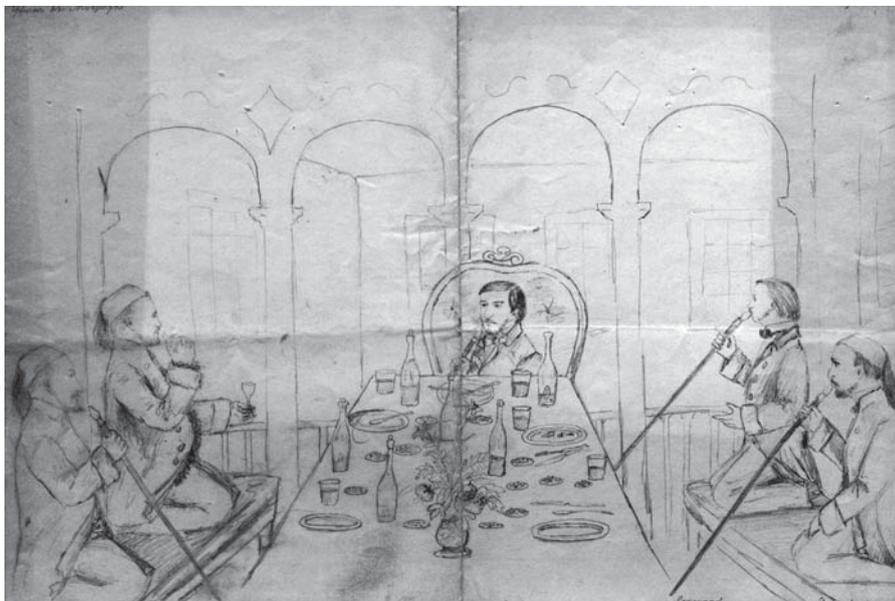
В штат консульства входили кавазы (охрана) и посыльные. Кавазы получали хорошую плату в 6, а позднее в 7 дукатов ежемесячно¹⁷. На должность кавазов Гильфердинг нанял двух албанцев — Али-агу и Вели-агу. Известно, что Али-ага занимался ростовщичеством и ссуживал деньги под большие проценты. Он сопровождал Гильфердинга во всех его поездках. Эти кавазы прослужили при консульстве России до 1869 г. Посыльными состояли Ристо Михайлович и Ристо Милевич. Они выполняли важные поручения по пересылке и передаче почты. Милевич очень хорошо зарекомендовал себя и до 1875 г. работал посыльным российского вице-консульства в Мостаре. Оплата его труда составляла 8,5 дукатов в месяц. Неоднократно посыльные получали большие поощрительные премии от российского правительства¹⁸. Кроме того, у консульства была разветвленная сеть тайных агентов, которые присылали свои донесения из разных мест Боснии и Герцеговины.

¹⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 11 об.–12 об.

¹⁶ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 24–25.

¹⁷ На территории Боснии и Герцеговины ходили австрийские монеты: *дукаты, талеры*, позже *гульдены* и *форинты*. Мелкая монета называлась *грошем*. Также использовалась турецкая *лира*. Можно встретить наименование «*пиастр*» — название европейских серебряных монет в Османской империи.

¹⁸ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 49.

«Ужин у мостарского паши». Карандашный рисунок А.Ф. Гильфердинга (РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 19)

Гильфердинг сразу же установил дружеские отношения с дипломатическими представителями всех иностранных консульств¹⁹. Особенно близок он был с дипломатами

¹⁹ Самой первой державой, открывшей дипломатическое представительство в Боснии и Герцеговине, была Франция: консульство работало в 1793–1797 гг., в 1807–1815 гг. действовало консульство в Травнике, в 1853 г. начало работу вице-консульство в Сараеве. Австрия впервые открыла консульство в Травнике, оно работало в 1808–1821 гг., в 1849 г. было одобрено открытие дипломатических представительств в Травнике и Мостаре. После 1850 г. монархией Габсбургов также были открыты генеральное консульство в Сараеве, вице-консульство в Мостаре и консульские агентства в Бая-Луке (на 1863–1864 гг. было временно перемещено в Бихач), Ливно, Тузле (в 1865 г. было перемещено в Брчко) и Требинье. В 1857 г. было открыто английское консульство в Сараеве и вице-консульство в Мостаре. В 1863 г. вице-консульство в Сараеве открыла Италия. С 1864 г. в Сараеве работало консульство Пруссии. См.: *Šljivo G. Bosna i Hercegovina u XIX stoljeću u spisima stranjih izveštaca*. Tešanj, 2008. S. 7–95.

из Австрии. В это время австрийское консульство ожидало приезда нового консула, Е. Реслера, который слыл ярым ненавистником России²⁰. Гильфердингу все же удалось сблизиться с австрийским коллегой, не питая, впрочем, иллюзий относительно его дружелюбия. Российский консул сообщал, что австрийский чиновник ищет любого момента, когда можно будет каким-либо образом скомпрометировать консулов других стран. Кроме того, дружба с представителем Австрии могла препятствовать в деле налаживания отношений с местным православным населением. Главную же цель политики Австрии Гильфердинг видел в насаждении раздоров и конфликтов на территории Боснии и Герцеговины, поскольку нестабильность в регионе была основным фактором укрепления ее влияния здесь. Такую же тактику использовал и английский консул Генри Адриан Черчил. Однако последний, вместе со своим французским коллегой, открыто выражал свою неприязнь к представителю Австрии. Эти раздоры были на руку российскому консулу. Англичане имели большое влияние на османские власти в Боснии и пользовались особым положением — к примеру, им разрешалось обращаться к местным властям, не соблюдая установленный церемониал. Австрийцы же имели большое влияние на пашу и его окружение. Самое невыгодное положение занимал французский консул — Гастон Виетт. Он не пользовался расположением турок; симпатизировали ему лишь узкие круги католического населения²¹.

Отношения с главами православной паствы Боснии и Герцеговины для российского консула складывались не самым лучшим образом. Дабробосанский митрополит Дионисий первоначально ввел Гильфердинга в заблуждение и представился ему главным радетелем православия в регионе. Однако позже стало ясно, что он чинил препятствия в налаживании контактов российских дипломатических агентов с православным населением, которое было им очень недоволено. Не удалось найти общий язык и с герцеговинским митрополитом Григорием. «Об нем не слышно ничего

²⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 76.

²¹ *Tenuš I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 26–28.

другого, кроме жалоб на его корыстолюбие и равнодушие к народу. Его почти не видели в Мостаре; он постоянно объезжает свою епархию, чтобы собирать деньги и жить на счет монастырей и семейств, в домах которых останавливается», — сообщал Гильфердинг²². О злоупотреблениях Григория Гильфердинг поставил в известность посольство Российской империи в Константинополе; эта информация была передана в Константинопольскую патриархию. В январе 1858 г. Ионин писал Гильфердингу о том, что данные меры возымели действие — Григорий исправил свое поведение²³. Хвалебного отзыва со стороны Гильфердинга удостоился митрополит Зворницкий Агатангел. Это был один из немногих церковных иерархов, который изучил сербский язык и трудился на благо паствы.

Устранение и ослабление греческого духовенства в Боснии и Герцеговине Гильфердинг считал одной из главных задач российского консульства, и одним из способов к ее достижению было воспитание священнослужителей из местной среды. Этим и объясняется в первую очередь активная деятельность Гильфердинга и других консулов России по оказанию помощи учебным заведениям и организации учебного процесса в Боснии и Герцеговине.

Босния и Герцеговина в творчестве российского дипломата и ученого А.Ф. Гильфердинга

Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии

За свое непродолжительное пребывание в славянских областях Османской империи А.Ф. Гильфердинг успел объездить почти всю Боснию и Герцеговину. Результатом этих странствий стала публикация им труда под названием «Босния, Герцеговина и Старая Сербия²⁴».

²² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 53.

²³ Там же. С. 118.

²⁴ Старая Сербия — это исторический термин, так обозначаются территории Сербского государства периода династии

«Писать о Боснии не буду Вам сегодня, потому что поговорим скоро об этом, да и везу с собою множество дописанных и недописанных [работ] про этот любопытный край, на который сто́ит посмотреть», — писал Гильфердинг своему доброму другу К.С. Аксакову накануне отъезда из Сараева²⁵.

Путешествие по этим областям А.Ф. Гильфердинг осуществлял не из праздного любопытства — в ходе поездок он действовал одновременно как ученый, общественный деятель и дипломат.

Целью **Гильфердинга-ученого** в первую очередь был сбор рукописей и других материалов, которые должны были помочь при написании задуманной им «Истории славян». Об этом он признавался в письме к хорватскому ученому И.А. Кукулевичу-Сакцинскому²⁶. Кроме того, будучи профессиональным филологом, Гильфердинг изучал диалекты и говоры этой части ареала сербскохорватского языка, составлял словарь народных пословиц и поговорок. В своем труде он постоянно делает отступления, размышляя о филологических тонкостях сербского языка. В статье, посвященной 25-летней годовщине со дня смерти А.Ф. Гильфердинга, русский историк и этнограф А.М. Лобода писал: «Ученая и дипломатическая практика в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии была, можно сказать, проверкой и завершением его теоретической подготовки; она раскрыла перед Гильфердингом замечательное поле для изучения и, что весьма важно, самый вопрос о народности представила во всем его быющем в глаза жизненном значении, чуждом как кабинетного подкрашивания, так и такого же игнорирования»²⁷.

Гильфердинг-славянофил отправился в путешествие для подробнейшего изучения быта и нравов славянского

Неманичей, не вошедшие в состав автономного Сербского княжества в 1833 г.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 105. Л. 4.

²⁶ Письма А.Ф. Гильфердинга — И.А. Кукулевичу-Сакцинскому // Живая старина. 1894. Вып. 2. С. 178–190.

²⁷ Лобода А.М. Памяти А.Ф. Гильфердинга (к 25-летней годовщине со дня его смерти) // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 90.

народа и поисков пути сближения русского читателя с турецкими славянами. «Одна из причин недостатка сочувствия и бездействия русского общества к славянам есть именно незнание их», — писал он И.С. Аксакову²⁸. Популяризация сведений о славянах среди широкого круга русских читателей была средством для достижения главной цели — формирования в русском обществе чувства единства со всем славянством. Этой цели служили труды Гильфердинга, которые он посвящал сербам, хорватам, болгарам, полякам, чехам, лужицким сербам²⁹. Еще в начале своей ученой деятельности А.Ф. Гильфердинг занялся составлением нового общеславянского алфавита, который должен был стать основой для универсального языка всех славян. Эта работа была закончена им только в 1871 г.³⁰

Гильфердинг-консул, как первый дипломатический представитель России в крае, должен был составить самое полное представление о нем, в том числе и о характере турецкого управления. Это было очень важно ввиду того, что данные земли никогда ранее не были предметом серьезного изучения ни в дипломатическом, ни в военном ведомствах России. Собранные Гильфердингом сведения помогли составить своеобразную карту ареала русского влияния в крае. Кроме того, он наладил контакты с местным населением и немногочисленными представителями интеллигенции, которые могли бы сочувствовать реализации русских планов на Балканах. Позднее такие поездки по новой территории будут обязательным пунктом программы для исполняющих должность консула. «Всякий раз, когда того потребует польза службы, и по крайней мере раз в три года, генеральный консул или консул обязан объезжать свой округ, сам осматривать положение вице-консульств и обращать внимание на те меры, которые следует предпринять или предложить правительству в выгодах

²⁸ Гильфердинг А.Ф. Письма к И.С. Аксакову // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 202.

²⁹ См.: Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 1–4. М.–СПб., 1868–1874.

³⁰ Гильфердинг А.Ф. Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб., 1871.

российской торговли и мореплавания», — таково было предписание для чиновников российского МИД³¹.

За время консульства Гильфердинг совершил три поездки по территориям славянской Турции. Собранные им при этом данные и легли в основу его сочинения.

Российский консул предлагает читателю разнообразные сведения о Боснии, Герцеговине и Старой Сербии. Он обращает внимание на природу, народ, быт и нравы местных жителей, культуру, историю, турецкое управление, язык. В труде приводятся также тексты обнаруженных им в разных хранилищах средневековых грамот, детально анализируются легенды. О произведении Гильфердинга знаменитый русский ученый А.Н. Пыпин писал: «Эта книга есть одно из лучших путешествий по славянским землям в нашей литературе и может быть поставлена наряду с путешествием Григоровича³² по Европейской Турции»³³.

За работу о Боснии в 1860 г. Российская императорская академия наук присудила Гильфердингу половину Демидовской премии по географии, которая до 1866 г. считалась самой почетной неправительственной наградой в России.

Сочинение слависта пережило несколько изданий. В 1858 г. оно было опубликовано в «Русской беседе» в форме писем к А.С. Хомякову³⁴, в 1859 г. увидело свет в «Записках Русского географического общества», а также вышло отдельной книгой³⁵, а в 1873 г. было включено в третий том

³¹ Справочная книга для лиц центральных и заграничных установлений Министерства иностранных дел. С. 35–36.

³² Очерк путешествия по Европейской Турции Виктора Григоровича. Казань, 1848.

³³ Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. № 9. С. 265.

³⁴ Гильфердинг А.Ф. Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. Кн. I. Смесь. С. 54–76; Русская беседа. 1858. Кн. II. Смесь. С. 65–92; Русская беседа. 1858. Кн. III. Смесь. С. 64–97; Русская беседа. 1858. Кн. IV. Смесь. С. 51–80; Русская беседа. 1859. Кн. I. Смесь. С. 125–132; Русская беседа. 1859. Кн. II. Смесь. С. 57–104.

³⁵ Он же. Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии // Записки Русского географического общества. Т. 13. СПб., 1859/60; он же. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859.

собрания сочинений Гильфердинга³⁶. Появилось также несколько изданий на сербском языке³⁷.

Особое внимание следует уделить еще одной работе, написанной Гильфердингом по результатам пребывания в Боснии. Она вышла в свет под названием «Босния в начале 1858 года». Это сочинение пережило три публикации: первоначально оно появилось на страницах «Вестника Императорского Русского географического общества»³⁸, затем — в «Русской беседе»³⁹ и, наконец, вошло в третий том собрания сочинений Гильфердинга⁴⁰. Работа была написана им еще в Мостаре, в марте 1858 г. В предисловии автор писал: «Я хочу в возможно кратком очерке познакомить читателя с внутренним состоянием славянской страны, которая может получить со временем довольно важное значение в Юго-Восточной Европе»⁴¹. Можно выделить несколько основных вопросов, которые затрагивает ученый:

1. География региона, природа, экономическое развитие;
2. Население, этнический и религиозный состав;
3. Турецкое управление.

Вслед за Гильфердингом читатель следует по землям Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака. По сути дела, его путешествие состояло из трех поездок. Маршруты были таковы:

³⁶ Он же. Босния, Герцеговина и Старая Сербия / Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. М., 1873. Далее в тексте монографии ссылки даются на эту публикацию.

³⁷ Србский летопись 1859. Матица србска. Т. 1., Т. 2. Будим, 1859; Србский летопись 1860. Матица србска. Т. 1., Т. 2. Будим, 1860; Часови одмора. Т. 3. Београд, 1859.

³⁸ Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 года // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Т. XXIII. Отд. II. С. 69–126.

³⁹ Он же. Босния в начале 1858 года // Русская беседа. 1858. Кн. IV. Приложения. С. 1–58.

⁴⁰ Он же. Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. С. 279–328. Далее в тексте монографии ссылки даются на эту публикацию.

⁴¹ Там же. С. 281.

1. Рагуза — Требинье — Мостар — Сараево;
2. Сараево — Рогатица — Вышеград (юг Боснии) — Старая Сербия (Печ, Косово поле, Дечаны, Призрен, Приштина, Дробняк, Пива) — Сараево;
3. Поездка по средней Боснии (Фойница, Травник, Яйце, Баня-Лука).

Что же представляли собой, по описанию Гильфердинга, эти территории в конце 50-х годов XIX в.?

«Наконец-то я за неприступной турецкой границей, наконец-то я в таинственной земле, о которой слышал столько рассказов и в которую ни один из рассказчиков не смел проникнуть (...) я давно уже кружил вокруг Боснии, и все говорили мне о ней с каким-то страхом», — так начинается повествование о загадочном для русского обывателя крае Гильфердинг⁴². Совпал ли наводящий ужас образ турецких земель, рисуемый людьми, которым довелось здесь побывать, с тем, что он сам увидел там?

«Итак, я теперь на турецкой земле, между дикими людьми», — сообщал путешественник⁴³. Первое, что увидел он на своем пути, были герцеговинские территории. Кругом запустение, жизнь остановилась. Гильфердинг признается, что будто бы попал в далекое прошлое. То же самое он встретил и в Боснии, о которой пишет так: «Не знаю, почему заслужила в сербском народе титул “хваленной” или “хвалящейся” Босны (...) как я скоро удостоверился, и хвалиться ей нечем, и хвалить ее не за что»⁴⁴. Единственным островком благополучия являлся главный город Боснии: «Кроме города Сараево, несколько продвинутого вперед торговыми отношениями, вся Босния остается такой, какой она была 200 или 300 лет тому назад»⁴⁵. Однако А.Ф. Гильфердинг развеивает миф о постоянно подстерегающих путешественника опасностях, жестокости турок по отношению к неверным иноземцам и лихачестве

⁴² Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 6.

⁴³ Там же. С. 7.

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ Письмо А.Ф. Гильфердинга к А.В. Плетнёвой // Русская литература. 1991. № 2. С. 134.

местных славянских разбойников. За все время путешествия российский консул, постоянно сопровождаемый свитой из охранников-кавазов, ни разу не столкнулся с серьезной опасностью. Да и охрана была приставлена к нему лишь для исполнения двух функций: поиска верного пути следования и ограничения числа возможных контактов российского дипломата с местным славянским населением.

В Старой Сербии наблюдалась аналогичная картина. «Что касается до дикости, то поездка по албанским краям Старой Сербии убедила меня уже, как мало эта дикость угрожает опасностью европейцу, путешествующему с приличным конвоем кавазов», — писал Гильфердинг⁴⁶. Впечатления от увиденного приводят его к мысли, что «в Старой Сербии нет ничего, кроме старины. Жизнь славянская в ней угасла. Ее поглотил наплыв албанцев»⁴⁷.

В городах Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака в основном проживало исламизированное население, и все они были похожи друг на друга: «Те же домики из нежженого кирпича, большею частью необеленные и окруженные бесконечными заборами, те же узкие гладкомощенные улицы, та же гаршия (гостиный двор)»⁴⁸. Большинство городских жителей Боснии составляло мусульманское население — аги, беги⁴⁹, а также прежние дворовые и сельские люди (кметы), занимающиеся торговлей и ремеслом⁵⁰. Впрочем, мусульманский город и деревня мало отличались друг от друга. Российский консул дает такое описание: «Удивительно, как в Боснии и Герцеговине пустеет и разрушается все то, что принадлежит мусульманам. Вы встречаете село и видите в нем развалившуюся, брошенную избу: спросите, чья была эта изба, и вам непременно скажут, что в ней жил мусульманин»⁵¹. Удручающие картины

⁴⁶ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 230.

⁴⁷ Там же. С. 119.

⁴⁸ Там же. С. 166.

⁴⁹ Аги и беги — представители боснийской аристократии, принявшие ислам, землевладельцы.

⁵⁰ Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 года. С. 292.

⁵¹ Он же. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 22.

мусульманских жилищ Гильфердинг встречал во всех уголках Боснии и Герцеговины⁵².

В сельской местности, где проживало христианское славянское население, наблюдалось полное запустение. Тяжелый налоговый гнет и произвол турецких помещиков тормозили развитие региона.

Гильфердинг замечал: «Нет теперь края в Турции, где бы безалаберщина и варварство господствовали в такой силе, как в этих славяно-мусульманских областях»⁵³.

Во время путешествий российский консул с честью сносил все невзгоды и неудобства, встречавшиеся ему на пути: пребывание в турецких ханах («первобытных гостиницах»), многочасовые обеды и нескончаемые беседы с османскими чиновниками, труднейшие переезды по полному бездорожью... В письме к И.А. Кукулевичу-Сакцинскому, написанном по окончании несения службы в Сараеве, Гильфердинг признавался: «Теперь мне позволено возвратиться домой, и я с нетерпением жду приезда моего преемника, чтобы отправиться в путь. Пребывание в Боснии оставило во мне приятное впечатление по своей оригинальности и значительной ученой добыче; но, по совести скажу, надолго я никому не желаю вкушать сараевской жизни»⁵⁴.

Одна из самых важных задач дипломата состояла в том, чтобы выяснить, чего местное население ждет от русских и что оно знает о России. Гильфердинг сообщает, что русских местные жители кличут «московами». Кто же такие эти загадочные «московы»? Что это за люди? В какой далекой стране они живут, и каким образом доходили вести о них в турецкие земли?

По мнению Гильфердинга, православные славяне Боснии и Герцеговины искали надежной опоры, поддержки и сочувствия со стороны братского русского народа, однако в этих поисках они зачастую сталкивались с двумя труднопреодолимыми препятствиями. Первое из них состояло

⁵² Там же. С. 19, 22, 23, 251.

⁵³ Письмо А.Ф. Гильфердинга к А.В. Плетнёвой. С. 134.

⁵⁴ Письма А.Ф. Гильфердинга — И.А. Кукулевичу-Сакцинскому. С. 198.

в практически полном отсутствии знаний о русской земле и существовании смутных, иногда даже сказочных представлений о царе «русов» и его народе, что объяснялось низким уровнем образования местного населения или же полным его отсутствием. Второе препятствие состояло в действиях османской администрации, которая, по понятным причинам, стремилась ограничить контакты своих подданных с православными братьями-славянами. Гильфердинг неоднократно указывал на то, что его постоянно, всяческими способами пытались оградить от общения с православным населением, и ему приходилось прибегать к разным уловкам, чтобы выведать истинное положение дел.

Гильфердинг указывал на то, что связь с Россией местные жители ощущали скорее на религиозном уровне, воспринимая ее прежде всего как православную державу. «Я стоял в Дужской церкви⁵⁵, слыша те же молитвы (...), окруженный толпой простолюдинов в их странных костюмах, с их бритыми головами, с их красными чалмами в руках (...) на меня, чужого, смотрели как на родного брата, потому что видели во мне единоверца...» — пишет российский консул⁵⁶. На протяжении всей поездки, в разных местах Боснийского пашалыка, его встречали толпы людей, пришедших издалека, чтобы посмотреть на русских. Гильфердинг утверждает, что в этих «торжественных» встречах не было и намека на преследование каких-либо корыстных целей: чаще всего «им просто хотелось “полюбоваться” на православных, приехавших из далекого царства»⁵⁷. «О России они имеют самое смутное понятие, про политические расчеты и отношения — никакого», — уверяет читателя Гильфердинг⁵⁸. Особенно свято чтит образ России в герцеговинских землях, где, по наблюдению автора путевых заметок, православная вера сохранилась больше, чем в Боснии. «Имя России читится здесь как святыня», священник поминает «благочестивейшего царя православного,

⁵⁵ Дужи — православный монастырь в Герцеговине.

⁵⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 10.

⁵⁷ Там же. С. 11.

⁵⁸ Там же.

и народ гласно молит Господа Бога покорить под ноги его всякого врага и супостата», — пишет Гильфердинг⁵⁹. В своих донесениях в МИД он утверждал, что эти слова — не пустой звук, а вполне осознанный глас народа, который повторяет за священником свои мольбы. Упомянув о подобных эпизодах, Гильфердинг не раз указывал на необходимость учреждения российского консульства в Мостаре.

Сохранение позиций России в Герцеговине он считал одной из первостепенных задач. Об этом ранее упоминал и П.Н. Стремоухов, который был недоволен решением открыть консульство в Сараеве и считал, что в первую очередь нужно было установить дипломатический форпост в Мостаре⁶⁰.

Большой интерес проявляли православные жители Герцеговины к обучению и дальнейшему образованию своих священнослужителей. В этом Гильфердинг также старался оказать им посильную помощь — организовывал поездки с образовательной целью в Россию, присылал учебные материалы и богослужебные книги⁶¹.

Пишет Гильфердинг и о восприятии России мусульманским населением. Со стороны турецкой администрации наблюдалось вполне благосклонное отношение к консулу, но важно учитывать, что он был дипломатом и поэтому имел в глазах османских чиновников особый статус.

Боснийские мусульмане — явление уникальное. Гильфердинг указывает на то, что они отличались и от своих братьев, славян-христиан, и от турок, и от албанцев-мусульман.

«Москов представляется босняку-мусульманину каким-то страшным, мистическим существом. “Все гяуры⁶² злы, говорят они, но самый злой гяур — москов”. Когда мусульманин захочет выразить самым страшным образом ненависть свою к “влаху” (христианину), то он назовет его *московом*», — пишет

⁵⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 43.

⁶⁰ Зарубежные славяне и Россия. С. 417.

⁶¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 54, 83.

⁶² Гяур — презрительное прозвище немусульман.

Гильфердинг⁶³. Примечательно также, что ненавистное новотурецкое платье османских чиновников, скроенное на европейский манер, боснийские мусульмане почему-то именовали «московским»⁶⁴.

Российский дипломат православного вероисповедания вряд ли мог должным образом изучить особенности воззрений и жизненного уклада боснийских мусульман. Он не скрывает, что многие вопросы для него так и остались непонятными и неразгаданными. Тем не менее во время путешествия его неоднократно принимали в домах местной мусульманской знати со всем славянским радушием и восточным почтением.

У жителей данного региона было весьма смутное представление о России. Российская империя в глазах православных была единоверной сестрой турецких славян. Они были уверены в том, что русский народ придет им на помощь, если это потребуется. Однако никаких призывов к участию в свержении турецкой власти со стороны жителей Боснийского пашалыка на тот момент не было слышно.

В своем труде Гильфердинг большое внимание уделяет быту, нравам, национальному характеру жителей Боснии и Герцеговины. Он начинает рассказ о путешествии с описания герцеговинских земель, к славянскому населению которых у него вполне благосклонное отношение. По большей части здесь проживали православные славяне. Гильфердинг отмечает следующие черты национального характера местных жителей: доброту, тягу к знаниям, трудолюбие. По его словам, народ Герцеговины «самый бедный, но зато самый добрый, самый крепкий, самый деятельный (...) Он жаждет образования и богато одарен способностями (...) Какое бы тут было зерно деятельности, если бы только дали этому народу какое-нибудь средство приобрести начатки образования»⁶⁵. Автор отмечает, что для герцеговинцев характерны единство и чувство сплоченности — они готовы прийти на помощь, как только кто-нибудь бросит клич.

⁶³ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 5.

⁶⁴ Там же. С. 56.

⁶⁵ Там же. С. 10.

Полную противоположность своим соседям представляли, по мнению Гильфердинга, славяне Боснии. Среди наиболее типичных черт их характера он выделяет лень, разобщенность и беспечность. Особенно ярко это наблюдается в Сараеве. Босниец, по словам российского дипломата, будет жить в полуразвалившейся лачуге с низкими потолками и даже не задумается о том, что можно выстроить крепкий деревянный дом, используя находящиеся по соседству леса, босниец не будет засеивать поля на равнинной местности, боясь борьбы с холодом⁶⁶.

При общении с боснийскими мусульманами Гильфердинг подметил, что для них большое значение имели родственные связи и история предков: «Дух братства и взаимной поддержки гораздо сильнее в боснийских мусульманах, нежели в христианах», — писал он⁶⁷. Их отличительной чертой, по его мнению, являлась «безжизненная, ленивая гордость», которая наполнялась либо добродушием и благородством, либо отвратительной злостью⁶⁸. Горделивого боснийца Гильфердинг представляет так: «Вы с первого взгляда можете узнать мусульманина-босняка по манерам и походке: он смотрит на все с таким презрением, он двигает свои толстые, заспанные члены с неописанною вялостью»⁶⁹. «Гордецам» тем не менее была присуща трусость, а особый трепет у них вызывали черногорские юнаки⁷⁰.

«Как же живут босняки-мусульмане, что они делают? Обратитесь с этим вопросом к самому босняку, и он вам ответит следующими тремя словами: так вот сидим», — пишет Гильфердинг⁷¹. На страницах его трудов славяне-мусульмане сидят на корточках и с чубуком дома, сидят в лавках и кофейнях. «Босняк придет утром к источнику, напьется воды, сколько может за один раз, сядет где-нибудь поблизости, закурит трубку и сидит с полчаса или с час;

⁶⁶ Там же. С. 62.

⁶⁷ Там же. С. 296.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 297.

⁷⁰ Юнак — герой.

⁷¹ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 55.

потом подойдет к ключу, опять напьется и опять сядет и т. д. до пределов возможности»⁷².

Городские жители держали лавки, но они не приносили никакого дохода, а их владельцы жили в основном за счет своей земли⁷³. «Если мусульманин — купец, то он тоже сидит в своей лавочке, которая в длинном ряду других, совершенно одинаковых лавочек, удивительно похожа на те клетки для львов и медведей, какие строятся рядами в заграничных зоологических садах; недостает только решетки», — продолжает повествование Гильфердинг⁷⁴. Пока купец наслаждается созерцанием мира, нанятые им христиане занимаются закупкой товаров и работают в лавке, а «вечером, за ужином, играющим роль нашего обеда, почти всякий благочестивый поклонник Пророка в Боснии считает долгом до последней возможности напиться знаменитейшим произведением своей родины, сливовицей (водкой, выгоняемой из слив), и удаляется в гарем»⁷⁵.

По словам Гильфердинга, гарем боснийского мусульманина совсем не такой, как у османли из Константинополя. Многоженство в Боснии не прижилось. Такие случаи в семьях боснийских мусульман встречались редко и вызывали всеобщее порицание⁷⁶. Девушкам из славяно-мусульманских семей дозволялось по пятницам ходить с открытым лицом и свободно общаться с молодыми людьми. Затворничество начиналось только после брака: «Когда несчастная выйдет замуж, то ей закутывают голову непроницаемой белой простыней, запрут ее и отлучат ее от всякого мужского общества. Она будет видаться лишь с другими женщинами-затворницами, и с ними будет она иногда водить, под замком, уединенное “коло” и петь грустные песни; но главным занятием и прелестью всей ее жизни

⁷² Там же. С. 249.

⁷³ Там же. С. 72.

⁷⁴ Там же. С. 55.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 55; *он же.* Босния в начале 1858 года. С. 294.

сделаются сплетни и тайные сердечные интриги, отчего, как уверяют, нигде в Боснии нет такого разврата, как между мусульманками», — сообщает Гильфердинг⁷⁷.

Боснийские мусульмане также не признавали запрет на употребление алкоголя. Впрочем, это касалось и чиновников из Константинополя. «Разница между босняком и чиновником-османлием та, что первый пьет страшно, но часто, после нескольких лет пьянства, бросит вдруг хмельное и до смерти его уж в рот не возьмет, а второй никогда уже не бросит», — пишет автор⁷⁸.

Славянское исламизированное население, по мнению Гильфердинга, значительно отличалось от мусульман-албанцев и турок. Для славян характерной чертой было добродушие. Вместе с переходом в другую веру они не утратили и своей лени: «Боснийские мусульмане до такой степени привыкли видеть вокруг себя все разрушающимся, что им кажется совершенно естественным делать свой намаз в здании с провалившейся крышей, с грудями мусора на полу, с выбитыми окнами и дверью; им и в голову не приходит мысль, что можно и следовало бы починить его и остановить разрушение...»⁷⁹

Среди православных жителей Боснии автор особо выделяет торговцев. О разобщенности народа он неоднократно упоминал в своих консульских донесениях. Из них следует, что представители купечества больше тяготели к турецкой администрации, нежели к своим собратьям. Таким образом, между двумя группами православного населения образовалась пропасть: одни находились в более привилегированном положении, получали различные льготы, вследствие чего были увлечены «туркофильством», другие же, наоборот, пребывали в крайне бедственном состоянии⁸⁰.

Характерными чертами православных сербов, по заключению Гильфердинга, являлись верность своей религии

⁷⁷ Он же. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 56.

⁷⁸ Там же. С. 57.

⁷⁹ Там же. С. 212.

⁸⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 87.

и добродушие: «Любой серб-простолудин, каким бы грубым он ни был, готов страдать за честный крест — это врожденное благородство»⁸¹.

Сделанные Гильфердингом зарисовки национального характера славян, населявших территории Боснии, Герцеговины и Старой Сербии, указывают не только на различие их образа жизни и темперамента, но и на различия в их представлениях о будущем своего края.

Как настоящий славянофил, в центр своего исследования А.Ф. Гильфердинг ставит вопрос о вероисповедании местного населения. В первую очередь его интересует положение православных славян. Он обратил внимание на то, что для местного населения означает принадлежность к какой-либо вере. «Спросите у любого босняка, серба или герцеговинца, — пишет он, — к какому народу он принадлежит, и он ответит вам, какого он вероисповедания»⁸². Для населения Боснийского пашалыка главной объединяющей чертой, определяющей принадлежность к какой-либо группе, являлась не общность происхождения, а вероисповедание. В основу управления всей территорией Османской империи был положен принцип деления по религиозной принадлежности — миллеты. Ответственность за действия своих подданных несли духовные лидеры. Очевидно, что данная схема на каком-то этапе приобрела и локальный характер. Фактором самоопределения в первую очередь стала не общность исторического прошлого, не территориальное единство, а общность религиозных верований. Так, говоря о Старой Сербии, Гильфердинг заметил, что синонимом слова «серб» является «православный». Переходя в иную религиозную конфессию, человек теряет право называться «сербом». Принимая ислам, люди «становились в ряды чужого завоевательного народа», в случае же перехода в лоно католической церкви «они впадали в совершенную безнародность»⁸³.

Продолжая разговор о населении Старой Сербии, Гильфердинг писал о единстве людей, ощущающих себя

⁸¹ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 126.

⁸² Там же. С. 87.

⁸³ Там же. С. 88.

«сербами». Эти люди воспринимают себя как единую общность, живущую под властью различных государств. Для них существует одно великое Отечество — Сербская земля, невидимыми нитями связывает их не только православная вера, но и единое живое предание. Каждый знает святого Савву, Королевича Марко. В противовес этому «серб-католик отвергает все сербское, как православное, и не знает своего Сербского отечества, сербской старины»⁸⁴. Родина для него — это место, где он родился, а отечество — римско-католическая церковь. Гильфердинг заключает: католицизм держится на духовенстве, а православие на народе. Возможно, это является следствием слабого уровня подготовки православных священников и их небольшого числа по сравнению с католическими кадрами.

Итак, по наблюдениям Гильфердинга: «Православный серб, в какой бы он глуши ни вырос, сознает себя живым членом церкви (...) он следит за богослужением и проникается его смыслом»⁸⁵. Состояние же сербского духовенства в Старой Сербии выглядит в изображении Гильфердинга довольно плачевным. В Боснии и Герцеговине была аналогичная ситуация.

Православные жители составляли большинство населения региона (свыше 40 %). Эту категорию населения Гильфердинг разделяет на несколько групп⁸⁶:

1. Православные митрополиты, враждебно настроенные к российскому консульству;
2. Низшее духовенство — «душою предано России»;
3. Торговый класс, тяготеющий к туркам;
4. Поселяне, находящиеся в самом плачевном состоянии;
5. Христиане Герцеговины, безгранично преданные церкви.

Гильфердинг характеризует жителей Герцеговины как истинных приверженцев православия. Они были озабочены проблемой строительства церквей, обучения своих священников и, как уже упоминалось выше, представляли

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 32.

⁸⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 143.

собой единую общность. Земли к западу от Мостара находились под сильным влиянием Австрии, среди населения там было больше распространено католичество. Территории, расположенные восточнее Мостара, были заселены православными, и этот регион Гильфердинг считал одним из возможных опорных пунктов для России. Именно для того, чтобы избежать усиления австрийского влияния, он настаивал на учреждении здесь российского консульства. Одной из причин существования здесь таких крепких православных традиций русский путешественник считает соседство с Черногорией, где в некоторых районах народ пользовался практически полной независимостью. Турецкие войска не добрались до местных церквей и монастырей, поэтому эти территории являлись своеобразным центром православия в регионе.

Ситуация в Боснии совсем иная — здесь положение христианской церкви было более шатким. Гильфердинг пишет: «Удивительно только, как православная стихия, при отсутствии всякого духовного наследия от старины и при окружающем ее огромном туземном населении мусульман, сильных своим полноправием, и католиков, сильных не только нравственной поддержкой Запада, но и своими историческими воспоминаниями (...) удивительно, говоря, как при таких условиях православная стихия еще сохранилась в Боснии»⁸⁷. Он признает, что быть православным в Боснии намного тяжелее, чем в Герцеговине.

Одной из задач Гильфердинга был сбор сведений о состоянии православной церкви в регионе. В своем письме к А.В. Плетнёвой он дает характеристику церковной жизни, типичную для большинства территорий, которые ему удалось посетить: «Церковь (...) одна на расстоянии 3–4-х дней пути (...) маленькая хижина (...) в ней голые выдолбленные стены, вместо иконостаса голая деревянная перегородка, алтарь — голый каменный стол, иконы и сосуды мужики держат в своих хатах и приносят с собою, когда бывает служба, 3 или 4 раза в год; и то околоток счастлив, когда есть в нем такая церковь»⁸⁸. По словам Гильфердинга, на сооружение

⁸⁷ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 273.

⁸⁸ Письмо А.Ф. Гильфердинга к А.В. Плетнёвой. С. 135.

такой «лачуги» уходило множество сил и большие средства. В основном проблема строительства и поддержания жизни прихода лежала на плечах кметов, которые возводили храмы, как говорится, всем миром: «Каким подвигом было для горсти христиан, живущих в Приеполе, выстроить церковь! Они малочисленны, бедны, должны бороться с ожесточением своих повелителей, а все же поставили на своем и имеют теперь церковь, чего христиане не достигли во многих городах Боснии, где торговый класс богат и не тревожим мусульманами», — пишет Гильфердинг⁸⁹.

По его утверждению, вера православного населения, находящегося под властью Османской империи, куда больше, чище и искренней, нежели их австрийских собратьев: «Когда же вы в Турции вошли в православный храм, ничто во время молитвы не напоминает вам про мир, про власть иноземца и иноверца»⁹⁰. Гильфердинг считает, что положительным результатом османского завоевания стало изменение смысла православия и значения принадлежности к церкви: «Народ почитает церкви и монастыри своим общественным достоянием и потому отстаивает право распоряжаться их делами (...) В деле веры и церкви тотчас готова воскреснуть у них община, ослабевшая вследствие многих несчастных обстоятельств (...) Эта свобода народной жизни христиан в делах духовных есть тот луч света, который отрадно блестит во мгле, покрывающей турецких славян, и который, может быть, укажет им путь к возрождению (...) Мусульманское же завоевание поставило веру и церковь вне светских условий; единственным их хранителем сделался народ; хранить их становилось для народа подвигом нравственной свободы и самоотвержения, ибо все внешние условия манили его к отступничеству»⁹¹. Итак, по мнению Гильфердинга, православие перестало быть только орудием для легитимации в руках местных династий, оно стало достоянием общественности, таким своеобразным вариантом «народной церкви».

⁸⁹ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 221.

⁹⁰ Там же. С. 10.

⁹¹ Там же. С. 228.

С какими же проблемами приходилось сталкиваться православному христианину? По словам Гильфердинга, одной из самых серьезных помех на пути процветания было наличие соседа-мусульманина, который находился в привилегированном положении. Взаимоотношения с исламским населением и турецкими чиновниками по-разному складывались в различных областях. Гильфердингу доводилось встречать как угнетенных, доведенных до нищенского состояния православных христиан, так и живущих в полном мире и взаимопонимании с турецкими соседями. Исходя из данных, представленных Гильфердингом, нельзя говорить о повсеместном угнетении православного славянского населения. Хуже всего приходилось жителям Старой Сербии, Юго-Западной Герцеговины и Боснии.

Основной проблемой для жителей Старой Сербии было соседство с албанцами-мусульманами. «Сербский народ видел больше горя, чем радости, его история полна бедствий. Но после Косовской битвы не было для него большего бедствия, чем переселение патриарха Арсения Черноевича с 37.000 сербских семейств в Австрию»⁹². После ухода сербского населения с этих земель в 1690 г. они были заселены албанцами. Арнаутов⁹³ Гильфердинг называет «самыми буйными» соседями. Их религиозный фанатизм он объясняет не столько стремлением к верному служению исламу, сколько, в традициях современной ему этнографии, природной дикостью характера. Причину принятия мусульманской веры албанцами он видит в их стремлении к свободе: «Албанец предпочитает свободу всему, и даже вере»⁹⁴. Следовательно, для того, чтобы чувствовать себя спокойно и уверенно и ни в коем случае не оказаться в положении угнетаемого народа, арнаулы и приняли господствующую религию. Гильфердинг пишет о том, что вера для албанцев выполняет лишь одну функцию — она дарит чувство защищенности. Поэтому причиной их хорошего отношения к славянам, по его словам, является полное равнодушие

⁹² Там же. С. 123.

⁹³ Албанцев.

⁹⁴ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 123.

как к христианству, так и к магометанству, а случаи «неимоверного свирепства албанцев-мусульман против беззащитной райи» он объясняет «природным буйством и кровожадностью характера» албанцев⁹⁵. Так, самым беспокойным районом для проживания славянского населения являлись окрестности Призрена, где, по данным Гильфердинга, «кровожадность арнаутов держит в страхе соседей-христиан». Существовали большие трудности и в повседневной церковной жизни христиан. Так, к примеру, в Приштине православное население получило дозволение строить церкви только в 20-е годы XIX в.⁹⁶

В Боснии было очень много славян-потурченцев. И если уже не наблюдалось единства среди православных жителей пашалыка, то особой благосклонности со стороны собратьев-иноверцев ждать тем более не приходилось. Укреплению православной веры мешали и внутрицерковные проблемы. Наряду с вопросом строительства церквей серьезным препятствием был низкий уровень подготовки священнослужителей или же полное их отсутствие. По сведениям Гильфердинга, «сельский житель часто растет, старится и умирает, не видев никогда церковного служения»⁹⁷. Недоступность образования — главная проблема региона. Восхищение вызывала у Гильфердинга позиция настоятеля монастыря Дужи в Герцеговине, который, будучи совершенно необразованным человеком, посылал иноков на учебу в белградскую семинарию⁹⁸. При работе над рукописями⁹⁹ в монастырях Гильфердинг не раз разъяснял священнослужителям разницу между печатным и рукописным материалом: «Сотни раз мне показывали и даже присылали

⁹⁵ Там же. С. 149.

⁹⁶ Там же. С. 166.

⁹⁷ Там же. С. 13.

⁹⁸ Там же. С. 10.

⁹⁹ Часть рукописей, собранных А.Ф. Гильфердингом в Боснии и Герцеговине, хранится в ОР РНБ (Ф. 182. Гильфердинг А.Ф.) См.: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Serbian_Manuscripts/dir.php?f=4C8F700E-E7CF-4EE2-B1FF-AC9A2E4C6869&lang=1 (дата обращения: 21.10.2018).

иногда из далеких мест какие-нибудь старопечатные книги сербских типографий (процветавших в XVI веке), в полной уверенности, что это рукописи», — пишет он¹⁰⁰.

Говоря о католическом духовенстве, Гильфердинг отмечает, что оно находилось в лучшем положении из-за большого внимания со стороны соседней Австрии к католическому населению.

Переход боснийцев в ислам, по мнению Гильфердинга, в первую очередь был вызван желанием местной знати сохранить привилегии и поместья. У боснийских мусульман, так же как и у герцеговинских, российский дипломат не видел тотально предвзятого отношения к христианскому населению. То же самое можно сказать и об османских чиновниках (большую часть которых составляли славяне-потурченцы). В разных районах Боснии и Герцеговины он наблюдал отличную картину. Где-то христианам не было позволено сидеть в присутствии турецкого мудира¹⁰¹, а полагалось стоять, склонив голову, а в герцеговинской Пиве христиане с мудиром «запанибрата, — пишет он, — бесцеремонно садятся подле него, треплют его по плечу и гордо носят в его присутствии оружие»¹⁰². Эта картина была характерна для всех приграничных нахий.

Принятие ислама славянским населением Балкан — явление действительно уникальное. Боснийские славяне когда-то переменили вероисповедание, опасаясь расправ со стороны османов, но постепенно прониклись этой религией настолько, что «сделались турками»¹⁰³. «Фанатизм и отсутствие духовной силы»¹⁰⁴ — вот чем, по мнению Гильфердинга, ислам ознаменовал себя на славянской почве. Он пишет, что боснийские мусульмане — самые ярые фанатики, с которыми не сравнятся ни турки, ни арабы, ни албанцы¹⁰⁵. Достаточно вспомнить события 1850–1851 гг.,

¹⁰⁰ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 202.

¹⁰¹ Мудир — управитель нахии (уезда).

¹⁰² Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 242.

¹⁰³ Он же. Босния в начале 1858 года. С. 292–293.

¹⁰⁴ Там же. С. 293.

¹⁰⁵ Там же.

когда в Боснии разразилось восстание представителей беговата против власти Османской империи. Султан направил туда Омер-пашу¹⁰⁶, который жестоко «разобрался» с возмутителями спокойствия и восстановил «порядок» в регионе. Тогда местная аристократия сражалась против султана, но за мусульманскую веру.

До середины XIX в. в Боснии представители местной аристократии всеми средствами пытались обратить в ислам как можно больше людей; было весьма распространено похищение девушек и детей из христианских семей¹⁰⁷.

Реформы танзимата, принятие европейских ценностей являлись для боснийских мусульман признаками приближающегося конца света, который окончательно наступит, как только гяуры возьмут власть над Боснией, отмечает Гильфердинг¹⁰⁸.

По наблюдениям дипломата, боснийские мусульмане были более образованны, нежели христиане. В каждом городке имелись училища. Однако эта образованность, по его словам, носила «восточный» характер — все сводилось к заучиванию Корана наизусть и урокам турецкого языка. Наиболее даровитые ученики знакомились с арабской и персидской литературами¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Омер Лютфи-паша, урожд. Михаил Латас (1806–1871) — османский военачальник сербского происхождения. Родился на Военной границе (Австрия). В 1827 г. переехал в Боснию, где принял ислам. Был учителем наследника султанского престола Абдул-Меджида. В 1839 г. получил титул паши. В 1840-е годы вел борьбу с мятежниками в Албании, Сирии и Курдистане. В 1850–1851 гг. был направлен в Боснию и Герцеговину для усмирения местного беговата. Во время Крымской войны был командующим турецкой армии на Дунайской линии, принимал участие в боевых действиях в Крыму и на Кавказе. В 1857–1859 гг. командовал войсками в Месопотамии. В 1861–1862 гг. — верховный главнокомандующий войск, действовавших в Черногории и Герцеговине. В 1867 г. возглавил подавление Критского восстания. В 1868 г. вышел в отставку.

¹⁰⁷ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 294.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 297.

Родной славянский язык применялся только в устной речи. Гильфердингу удалось обнаружить лишь два произведения, записанных боснийскими мусульманами на своем языке, но османским письмом, — они были созданы на рубеже 1840–1850-х годов¹¹⁰. Что касается устного народного творчества, то, в отличие от христиан, слагавших героические песни, в творчестве славян-мусульман больше звучали лирические мотивы¹¹¹.

Боснийские спахии¹¹², по словам Гильфердинга, прекрасно владели сербским языком, они сохранили его древние формы, но их речь сильно пестрила турецкими словами¹¹³.

Самый важный элемент боснийского общества составляла мусульманская знать — беговат. Благодаря добровольному принятию ислама Босния и Герцеговина стали одной из немногих территорий на Балканах, где сохранилась своя славянская аристократия.

«Мусульманская знать, конечно, уже совсем не то, что она была прежде в Боснии, когда она безответно располагала всей страной, выгоняла стамбульских пашей, сражалась беспрестанно с султанским войском. Теперь она не имеет никакой официальной власти; все преимущества ее отняты, главные ее предводители погибли в войне 1851 года и умерли в ссылке», — пишет Гильфердинг¹¹⁴.

Большинство бегов стояли в оппозиции к султанскому правительству. Однако в среде беговата не было единства. Одна его часть старалась разными средствами избавиться от подчинения закону и общественному порядку и, пользуясь корыстолюбием и фанатизмом османских властей, продолжала буйствовать и грабить своих кметов-христиан¹¹⁵.

¹¹⁰ Там же. С. 298–300.

¹¹¹ *Он же*. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 28.

¹¹² Спахии — представители боснийской аристократии, получившие от султана право взимать десятину в округах (спахилуках) при условии несения службы со своими людьми в султанском войске. Это право было упразднено Омер-пашой в 1851 г.

¹¹³ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 301–302.

¹¹⁴ *Он же*. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 261–262.

¹¹⁵ Там же. С. 262.

При этом, по наблюдениям российского консула, к своим кметам беги относились одинаково, будь они христиане или мусульмане¹¹⁶. Кметы же мусульмане и кметы-христиане находились в мирных отношениях, а порой и дружили¹¹⁷.

Другая часть беговата после событий 1851 г. изменила свое отношение к христианам, превратившись из их гонителей в защитников. Таким образом, беги рассчитывали на своих братьев по крови как на главную опору в борьбе с правительством. Гильфердинг именует их «либеральной оппозицией»¹¹⁸.

После 1851 г. основная масса чиновников назначалась Портой из Константинополя; представители местного беговата оставались у власти в редких случаях. Как отмечалось выше, большинство из них находились в оппозиции к правительству, однако были и исключения.

Гильфердинг разделяет представителей местной аристократии, пожелавших служить султану, на две категории: «благородные» и «фанатики»¹¹⁹. Отличительными чертами «благородной» части беговата являлись, по его словам, добродушие и откровенность. Эти качества не отменяли, впрочем, свирепости и строгости по отношению к христианам. Тем не менее эти чиновники пользовались всеобщим уважением и являлись главными арбитрами в разрешении споров. Самый яркий представитель «благородной» части знати в Герцеговине на страницах труда Гильфердинга — мудир Столаца Ханзи-бег Ризванбегович. Несмотря на свою строгость, он считался одним из самых лучших и справедливых управленцев в Боснии и Герцеговине, который усмирил не одно волнение герцеговинских христиан путем мирных переговоров¹²⁰. Абсолютной противоположностью Ханзи-бега являлся мудир Требинья Хаджи-бег Ресулбегович. Он слыл

¹¹⁶ Там же. С. 89.

¹¹⁷ Он же. Босния в начале 1858 года. С. 315.

¹¹⁸ Он же. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 262.

¹¹⁹ Там же. С. 17.

¹²⁰ Там же. С. 29.

«главным мудрецом» во всей Герцеговине, знал наизусть Коран, совершил хадж в Мекку. Но при этом местные христиане называли его не иначе как «кровопийца»: Хаджибег был жесток и беспощаден по отношению ко всем, кто не исповедовал ислам. Его действия не раз провоцировали народные волнения в Герцеговине¹²¹.

По мнению Гильфердинга, сохранить Боснию для Османской империи помогла именно феодальная аристократия. В противном случае эти земли давно бы поглотили Австрия или Сербия¹²².

Многие представители беговата хранили у себя старинные грамоты сербских и боснийских королей, которые передавались из поколения в поколение. Гильфердинг пишет: «Возможность такого переворота, в котором пришлось бы опять предъявлять права, дарованные христианами государями, не теряется из виду боснийскими бегами, и они даже не скрывают, что когда “крест” восторжествует, они готовы будут снова ходить в церковь, как их праотцы»¹²³.

Свое путешествие автор рассматриваемых трудов совершил в 1857–1858 гг., когда набирало силу восстание на территории Герцеговины. Как уже отмечалось выше, одной из главных задач, стоявших перед Гильфердингом-консулом, было наблюдение за воплощением в жизнь хатт-и-хумаюна 1856 г. Сложности в реализации реформ, сопротивление этому процессу властей края привели к вспышкам недовольства как мусульманского, так и христианского населения Боснии и Герцеговины.

На основе данных, собранных Гильфердингом, можно составить представление о положении местного населения в период реформ в Османской империи. Важно при этом понять характер турецкой системы управления.

¹²¹ Там же. С. 17.

¹²² *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 295.

¹²³ Там же. С. 302.

Исполнительная власть Боснийского пашалыка¹²⁴

Боснийский пашалык	паша (генерал-губернатор)	назначается султаном
санджаки: Сараевский, Травницкий, Банялукский, Бихачский, Зворницкий, Нови-Пазарский	каймакам	назначается Портой, кроме Сараевского санджака
нахия (всего: 42)	мудир	назначается пашой

Управленцы, занимавшие высокие административные должности, ненадолго задерживались в Боснии; по данным Гильфердинга, ротация кадров в Боснийском пашалыке была очень высока. Об этой системе он с иронией писал: «Странно устроена: на вид подумаешь, что она никак не может действовать, а все-таки колеса вертятся, но вяло, и почти ничего не захватывая, кроме денег в карманах жителей»¹²⁵.

Главным представителем судебной власти в провинциях считался мулла, присылаемый на один год из Константинополя. В каждом городе представителем судебной власти являлся кади, назначаемый генерал-губернатором. Кади судил в своем суде — мехкеме — по Корану, не принимая свидетельств христиан. Параллельно судебные функции мог выполнять и меджлис (административный совет). В меджлисе уже судили по танзимату, учитывая свидетельства христиан.

Меджлис состоял из почетных жителей-мусульман по выбору генерал-губернатора, каймакамов и ходжа-баши (представителя райи, избираемого православной, католической и еврейской общинами). В Сараеве и главных городах санджаков меджлис действовал под председательством дефтердара (казначей), назначаемого Портой; в нахиях — под председательством мудира.

¹²⁴ Там же. С. 288.

¹²⁵ Там же.

В распределении дел между судами, по сведениям Гильфердинга, была полная неразбериха. Османские чиновники не знали славянского языка, а христиане, свидетельствующие в суде, турецкого. О местной судебной системе он отзывался так: «Она отличается такой мертвой сонливостью, какой представить себе нельзя, не побывав в стране, и (...) она при всяком деле, несколько общем и важном и не обещающем барыша, относится в Константинополь, где дело погружается в вечность забвения»¹²⁶.

Финансовая система находилась под начальством сараевского дефтердара, назначаемого Портой. Основные налоги для населения составляли: верия или порез¹²⁷ — для всех, аскерия или войнина¹²⁸ — для христиан (вместо харача и воинской повинности), взимаемые с села. Кроме того, существовала масса других налогов, право на сбор которых государство отдавало на откуп. Контролировать такую систему было очень сложно¹²⁹.

Военное управление находилось в руках дивизионного генерала, который подчинялся главнокомандующему Румелийской армией, находящемуся в Битоле. В Боснии располагалось несколько полков регулярной армии и отряды башибузуков¹³⁰.

Во время пребывания Гильфердинга в Боснии генерал-губернатором был Решид Мехмед-паша (1856–1858 гг.). В своих донесениях в Петербург российский консул дает ему следующую характеристику: «Он не принадлежит, по-видимому, ни к числу старых турок-фанатиков, ни к новой школе европейски образованных турок»¹³¹. Гильфердинг указывает на доброту Мехмед-паши, которая сочеталась с чрезмерной мягкостью и оборачивалась не благом, а полной апатией

¹²⁶ Там же. С. 290.

¹²⁷ поземельная подать.

¹²⁸ военный налог, взимаемый с христиан вместо рекрутской повинности.

¹²⁹ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 290.

¹³⁰ Там же. С. 291.

¹³¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 46.

в отношении деятельности местных властей. Порядка в Боснии не было. Что касается проведения в жизнь положений хатт-и-хумаюна 1856 г., то Гильфердинг указывает на односторонность воплощения султанского указа. Конечно, теперь появилась возможность строить церкви и открывать школы, но в то же время в судах продолжал царить полный произвол. Дела решались чаще всего в пользу мусульман. Крупные города находились под управлением пашей и каймакамов. Гильфердинг пишет: «При господствующем в Турции управлении, которое в высшей степени децентрализовано, при всех своих стараниях казаться быть сосредоточенным, власть пашей и каймакамов распространяется за ближайшие пределы главных городов, где они сидят (...) Все прочие города и округа, т. е. почти вся область, находятся в распоряжении мудиров»¹³². Таким образом, мудирья оказывались ближе всех к славянскому населению.

Гильфердинг достаточно много в своих поездках общался с этой группой управленцев и представил типичный портрет мудира. Среди них чаще встречались турки. Синонимом слова «мудир», отмечает автор, можно считать русское слово «высочка», так как эту должность можно было получить после долговременной и верной службы у паши. Каждому мудирю была присуща «смесь лакейства с начальническим духом»¹³³. Характерными чертами мудира являлись неограниченная склонность к взяточничеству и полное незнание сербского языка. Мудир — «совершенно абстрактный представитель власти в своем городе и округе (...) с народом у него нет ничего общего. Однако в его руках находится вся распорядительная власть»¹³⁴. В его ближайшем окружении находились: судья — кади, также не знающий славянского языка; члены совета (меджлиса), которые оказывали верную поддержку мудирю при дележе взяток, и ходжа — паша. Последний являлся представителем христиан в меджлисе, и его деятельность состояла в том, «чтоб говорить “эветь” (да), прикладывать свою печать там, где укажут,

¹³² Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 70.

¹³³ Там же. С. 70.

¹³⁴ Там же.

и превозносить перед почетными проезжими лицами добродетели мудира»¹³⁵. Кроме того, по словам Гильфердинга, мудир, как правило, глуп и склонен к пьянству. Мудир — представитель туземного населения, наоборот выказывал полное незнание турецкого языка, с отеческой теплотой отзывался о подвластном ему народе, но при этом прибегал к постоянным угрозам по отношению к нему¹³⁶.

Такая яркая картина турецкого произвола — не выдумка Гильфердинга. Это признавал в своей работе и Паско Васаэфенди, албанский историк, писатель, поэт и видный османский чиновник. В 1862–1863 гг. он находился в Боснии и Герцеговине в составе миссии Джевдет-эфенди и по заказу властей написал небольшое сочинение о положении дел в регионе¹³⁷. Говоря о целях создания своей работы, Васаэфенди указывал на несправедливые оценки дел, встречающиеся по этому вопросу в европейской литературе, а также желание правдиво рассказать западному читателю о ситуации в провинциях. Примечательно, что большинство его характеристик и замечаний относительно особенностей турецкого управления совпадают с тем, о чем говорит Гильфердинг.

Проблемы с управлением, халатность в делах и коррумпированность чиновников приводили к тому, что местное население в полной мере испытывало на себе гнет помещиков и военачальников. «Несчастный народ! — восклицает Гильфердинг. — Он должен хвалить своих правителей за обещания, которые не исполнятся, и благодарить за благодеяния, которых не видит на деле!»¹³⁸

При такой системе, где не ясно, кому подчиняться, в очень тяжелом положении прежде всего находились кметы, то есть простые поселяне, работающие на земле. Их портрет в изображении Гильфердинга выглядит следующим образом: «У них одежда была в лохмотьях, на ногах

¹³⁵ Там же. С. 71.

¹³⁶ Там же. С. 27–29.

¹³⁷ *Pasko Vasa-efendija*. Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdet-efendije. Banja Luka, 2011.

¹³⁸ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 38.

старые опанки, лица их запечатлены были тем выражением, которое составляет, можно сказать, тип физиономии боснийских и герцеговинских поселян, кметов: тип неизменного отчаяния, приближающийся к одурению. Кметов-мусульман в Боснии и Герцеговине немного, и надобно сказать, что религия не охраняет их от притеснений, хотя несомненно, что они страдают гораздо меньше христиан. Новые порядки, заведенные в этих областях правительством, коснулись их интересов; распространение прямых налогов на магометан, почти нечувствительное для помещиков и городских жителей, пало всею тяжестью на кметов; оттого-то кметы-мусульмане теперь чрезвычайно подружились со своими собратьями-христианами; христиане хвалят их за их любовь к ним; они нередко участвуют в жалобах, приносимых кметами-христианами высшим властям, и вместе с ними охотно обращаются к европейским агентам с просьбой о заступничестве»¹³⁹.

В сельских районах нарастало недовольство изменениями в налоговой системе. Результатом такой политики властей стало сближение боснийской аристократии с христианским населением. Усиливались сепаратистские настроения, и в поисках союзников славянская знать уменьшила давление на своих православных братьев. Однако Гильфердинг считал, что боснийская аристократия не представляла реальной политической силы: «Положение ее слишком шатко и двусмысленно, слишком велико противоречие между политической задачей — быть защитницей народа и природными инстинктами, которые влекут ее к фанатизму и угнетению. Боснийская аристократия будет, вероятно, отстранена или задавлена ходом истории», — утверждает автор¹⁴⁰.

В своих стремлениях к обретению независимости от Османской империи боснийцы искали, по свидетельству Гильфердинга, поддержку у соседних народов: «Как прикажете растолковать босняку начала политического консерватизма, незаконность революционных предприятий и вмешательство консервативного начала для подавления революционного, когда вся политика босняка, будь он мусульманин,

¹³⁹ Там же. С. 214–215.

¹⁴⁰ Там же. С. 263.

католик или православный, все равно заключается в одном убеждении: что братья по вере составляют один народ и должны помогать друг другу? Это убеждение в босняках неискоренимо: даже мусульмане боснийские, сколько им ни твердили в последнее время о невмешательстве иностранцев во внутренние дела Турции, о том, что “султан есть полный хозяин в своем доме”, все-таки никак не могут понять, чтобы какое-нибудь государство могло не заступаться за своих единоверцев»¹⁴¹.

Гильфердинг выступал против сепаратистских тенденций боснийского народа. По его мнению, даже в случае достижения в этом деле успеха, что маловероятно, реальной политической силы, которая сможет взять власть в свои руки и наладить жизнь региона, здесь не существует. Он считал, что на данном этапе населению Боснийского пашалыка лучше всего оставаться под властью османов. Россия же должна оказывать поддержку местным жителям только посредством влияния на турецкие власти. Из донесений Гильфердинга видно, что российское консульство ежедневно посещало множество христиан с жалобами на произвол местных властей. Какова же была возможность в тех условиях оказать им реальную помощь? В донесении 1858 г. Гильфердинг признает, что влияние Австрии на турецкое управление намного больше. Это видно и из текста рассматриваемого труда «Босния, Герцеговина и Старая Сербия», где автор неоднократно упоминает о лучшем положении католического населения, которое достигается явной благосклонностью турецких властей к австрийским дипломатам.

Итак, согласно трудам и донесениям А.Ф. Гильфердинга, единственным связующим звеном между Россией и населением Боснии, Герцеговины и Старой Сербии была общность православной веры. Вероисповедание для жителей данного региона имело большое значение и обозначало принадлежность к определенной группе, воспринимающей себя как единую народность. Положение православного населения в разных областях различалось; оно зависело как от местных властей, так и от территориального расположения.

¹⁴¹ Там же. С. 269.

Отъезд А.Ф. Гильфердинга из Боснии

Пока А.Ф. Гильфердинг совершал поездки по вверенному ему краю, все дела в Сараеве вел А.С. Ионин. «Я уже вот неделю, как остался один в Сараеве и исправляю должность консула, потому что мой Гильфердинг уехал собирать разные древности по Турции, потому что он собирается писать ее историю. Хотя здесь и скучненько, но служить и работать, правду сказать, одно и то же в Петербурге и Сараеве», — писал он П.А. Ефремову¹⁴². Общение с османскими властями изначально было возложено именно на него, так как А.С. Ионин владел турецким языком. Для ориентального общества не последнюю роль играли чины и регалии иностранных дипломатов. В зависимости от звания и наличия наград менялся тон разговора, поэтому молодой секретарь, как ни старался, не мог добиться полного расположения местных властей.

Осенью 1857 г. в Герцеговине назревало очередное анти-турецкое восстание, и Ионин был направлен туда для знакомства с обстановкой. Ему предстояло разобраться в причинах происходящего и выявить зачинщиков. В донесении он писал в Петербург директору Азиатского департамента Ковалевскому: «В скором времени после моего прибытия в Мостар я мог убедиться, что вице-консул австрийский своим участием много способствовал губернатору Герцеговины произвести из восстания почти междоусобную войну»¹⁴³. Турецкие власти официально заявляли, что организатором народных волнений выступала Черногория. Эту версию поддерживали и представители английского консульства — временный английский агент капитан Джонс и его драгоман Александр Джуркович. Первоначально они выступили в качестве посредников турецких властей. Однако их попытки убедить местное население в том, что организатором восстания является Черногория, и добиться от христиан письма с повинной к султану не увенчались успехом. Ионин успел предупредить местное

¹⁴² РО ИРЛИ РАН. Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 7–7 об.

¹⁴³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 121.

духовенство о намерениях англичан. Джонс начал вооружать мусульман первым, спровоцировав тем самым агрессивные действия герцеговинского населения. В разгар конфликта, заручившись доверием турецких чиновников, он отправился в монастырь Дужи, где, по его словам, обнаружил среди восставших 2.000 черногорцев. Затем сотрудничил английского консульства изменили тактику. Поднявшимся против турецких властей герцеговинцам Джуркович говорил о том, что он является представителем российской дипломатии. Джонсу удалось таким образом дискредитировать консульство России: в глазах турок Гильфердинг и Ионин выглядели главными организаторами волнений. Путешествия Гильфердинга обсуждались в меджлисе Мостара и расценивались как попытка агитации к восстанию¹⁴⁴.

В реальности Гильфердинг не только не занимался подстрекательством, но, напротив, одним из первых сообщал в своих донесениях об опасности грядущих событий. Открытого вмешательства со стороны консула не было. Его донесения в Азиатский департамент говорят лишь о сочувствии местному населению и попытках решить вопрос мирным путем, договорившись с османскими властями¹⁴⁵. Кроме того, он искренне полагал, что состояние тогдашнего боснийского общества таково, что даже успешные выступления против турецкого управления ни к чему хорошему не приведут. По его убеждению, в регионе было необходимо проводить долгосрочную подготовительную работу, развивать образование, укреплять влияние православной церкви.

Между тем события продолжали развиваться не в пользу российской дипломатии. Восстание ширилось и в январе 1858 г. достигло своего апогея. Ионин сообщал о провокационных действиях со стороны Австрии, но в итоге именно ей предоставили право выступить арбитром в разрешении конфликта.

В феврале новым консулом в Сараеве был назначен Евграф Романович Шулепников (1820–?). Гильфердинг составил для него записку, в которой говорилось об условиях и задачах деятельности консульства. Он указывал на то, что в Сараеве

¹⁴⁴ Там же. С. 123.

¹⁴⁵ Там же. С. 79–81.

нет твердой точки опоры для России ни в иностранных агентствах, ни в турецких властях, ни в городских жителях, и выказывал опасения в связи с ростом влияния представителей Англии и Австрии¹⁴⁶.

Боснийский историк И. Тепич, на основании изучения архивных документов российского МИД, пришел к выводу, что Гильфердинг был отозван по требованию османских властей. Однако письма консула к М.Ф. Раевскому свидетельствуют о его добровольном решении покинуть дипломатическую службу: «Меня согласились отозвать из Боснии, где я не хотел засиживаться не потому, чтобы место было тяжело, а потому, что семейные отношения призывают домой»¹⁴⁷, — писал Гильфердинг¹⁴⁸.

1 января 1858 г. коллежскому асессору, управляющему консульством в Сараеве А.Ф. Гильфердингу был пожалован орден Св. Анны 3-й степени. Александр Федорович сердечно благодарил за эту награду Ковалевского, но вместе с тем писал: «Если бы мне был предоставлен выбор (...), охотнее видел бы крестик не на себе, а на груди доброго товарища сараевского изгнания (А.С. Ионина. — *К.М.*), который более меня, кажется, заслужил такой награды. Для меня пребывание в Сараеве, по своей кратковременности, было приятной оригинальностью и дало мне возможность совершить путешествие, которого я особенно желал и которое вознаградилось богатой археологической добычей. Пока я проводил часть лета в привлекательных для меня изысканиях, г. Ионин осужден был на затворничество в душном турецком городе»¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Там же. С. 141–145.

¹⁴⁷ А.Ф. Гильфердинг готовился к венчанию, которое состоялось летом 1859 г. в Вене. Его избранницей стала уроженка Москвы Варвара Францевна Ридель. Обряд проводил сам карловацкий патриарх. См.: письма А.Ф. Гильфердинга к Е.П. Ковалевскому: ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 1. Ед. хр. 176; там же. Ед. хр. 442. После смерти мужа в 1872 г. Варвара Францевна принимала активное участие в подготовке и публикации трудов Гильфердинга, в том числе третьего тома собраний сочинений, куда вошли все его работы по Боснии и Герцеговине.

¹⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 33–35.

¹⁴⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 93. Оп. 4. Ед. хр. 32. Л. 1–2 об.

В Боснии Гильфердинг оставался еще около пяти месяцев. Возвращался он домой через Мостар, взяв с собой в качестве воспитанника уроженца этого города Йована Дреча.

После отъезда Гильфердинга Ионин попал в тюрьму по обвинению в шпионаже и подстрекательстве к восстанию. Правда, в заключении он провел всего три дня, после чего бежал в Австрию¹⁵⁰, но вскоре вернулся в Сараево.

Так закончилась история пребывания Гильфердинга на посту российского консула в Боснии. Несмотря на то, что эту должность он занимал меньше года, им был задан определенный вектор для русской политики в регионе. История с обвинением дипломатических агентов России в подстрекательстве к восстанию имела и положительный результат. Опыт работы сараевского консульства показал, что дипломаты не в состоянии держать под контролем ситуацию одновременно и в Боснии, и в Герцеговине, и в 1858 г. было открыто консульство в Мостаре.

Сочинение «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» ознакомило русское общество с миром и историей этого региона. В ходе поездок по землям славянской Турции Гильфердинг добился решения задачи, которую ставил перед ним А.М. Горчаков: сделать Россию известной и близкой местному населению. Смутное представление о великой славянской державе начало приобретать явственные черты, особенно когда с подачи Гильфердинга в эти края систематически начала поступать материальная помощь из России.

Первый российский консул оставил о себе добрую память у местных жителей. Характерен в связи с этим следующий эпизод. В 1867 г. Зеницкая церковная община обратилась к русскому императору с просьбой оказать материальную помощь местной школе и церкви. В письме говорилось о том, что до 1857 г. местные жители не знали о существовании большого православного государства, которое может стать их покровителем. Об этом им стало известно после приезда российского консула, который многим запомнился. На прошение прислать им необходимые богослужебные книги и убранство для церквей Гильфердинг незамедлительно

¹⁵⁰ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 257–265.

откликнулся. Местные жители, получив дары «царства русского, со слезами на глазах благодарили Бога»¹⁵¹.

А.Ф. Гильфердинг¹⁵², вернувшись в Россию, вскоре покинул дипломатическое ведомство, но Босния оставила след в его жизни. Он являлся членом Московского славянского благотворительного комитета, а позже возглавил его отделение в Петербурге. Ему принадлежат идея и организация отправки боснийских и герцеговинских мальчиков на учебу в Россию. На основе собранных им данных было налажено систематическое ока-

зание помощи церквям Боснии и Герцеговины. Он оказывал активную поддержку боснийской просветительнице Стаке Скендеровой в деле открытия школы для девочек в Сараеве.

Надежды А.С. Ионина на краткосрочное пребывание среди турецких славян не оправдались — он всю свою жизнь посвятил дипломатической службе и провел

Портрет А.Ф. Гильфердинга (справа), В.И. Даля, П.П. Пекарского (Всемирная иллюстрация. 1872. № 207. Т. 8. С. 393)

¹⁵¹ Радослављевић Н. Грађа за историју Сарајевске (Дабробосанске) митрополије 1836–1878. Београд, 2007. С. 127.

¹⁵² В 1861 г., с уходом Е.П. Ковалевского со службы, Гильфердинг покинул Азиатский департамент МИД. С 1861 по 1863 гг. он работал в канцелярии Государственного совета по департаменту государственной экономики, где занимал должность экспедитора, а затем помощника статс-секретаря Государственного совета А.П. Заболотского-Десятковского. В 1863 г. Гильфердинг получил приглашение Н.А. Милютина к участию в работе комитета по делам Царства Польского. В 1864 г. он вновь вернулся к работе в департаменте экономики. В 1871 г. был избран президентом этнографического отделения Географического общества. Летом 1872 г. А.Ф. Гильфердинг отправился в экспедицию на Русский Север, во время которой заболел тифом и скоропостижно скончался в Каргополе.

на Балканах около 30 лет¹⁵³. В Сараеве он пробыл до 1860 г. Гильфердинг неоднократно ходатайствовал о переводе своего коллеги на службу в более благоприятные для проживания места. Ионин не отличался крепким здоровьем и несколько раз за свое пребывание в Османской империи находился на грани жизни и смерти¹⁵⁴. Однако судьба надолго свела его с турецкими славянами.

Российское внешнеполитическое ведомство пошло на своего рода эксперимент, сознательно назначив на короткий срок на должность консула во вновь открытое представительство ученого, знатока истории и культуры местного населения. Собранные Гильфердингом данные и глубокий анализ положения дел в регионе позволили скорректировать характер русской политики в Боснии. Значение его этнографического труда об этих краях трудно переоценить. При этом Гильфердинг осознавал, что всего этого было бы трудно достичь без помощи А.С. Ионина. Поэтому Гильфердинга и Ионина можно с полным основанием назвать первооткрывателями Боснии и Герцеговины для русского общества.

Деятельность российских консульств в Сараеве и Мостаре в 1858–1875 гг.

Российское императорское консульство в Сараеве

Евграф Романович Щулепников сменил Гильфердинга на посту консула. Несмотря на то, что назначение

¹⁵³ С августа 1856 г. А.С. Ионин был в составе российской дипломатической миссии в Константинополе. С 1857 г. — секретарь русского посольства в Сараеве. В 1860 г. был перемещен в Янину, в период с 1864 по 1869 гг. был консулом в Янине. С 1869 г. — консул в Рагузе, с 1875 по 1878 гг. — здесь же генеральный консул. С 1878 г. — министр-резидент в Черногории. В 1883 г. временно управлял генеральным консульством в Софии, затем, с 1885 г., посол в Аргентине и до 1892 г. был чрезвычайным послом и полномочным министром Российской империи в Бразилии. Автор сочинения «По Южной Америке» (СПб., 1892).

¹⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 4 об.

на эту должность было получено им еще в октябре 1857 г., к месту службы он прибыл только в конце февраля 1858 г. Шулепников был опытным дипломатом. Свою работу в Азиатском департаменте он начал сразу же после окончания Санкт-Петербургского университета. С 1842 г. служил в российском консульстве в Яссах, сначала переводчиком, затем секретарем. С мая 1856 г. он был временным управляющим консульства в Бухаресте. Шулепников был женат и воспитывал двоих детей¹⁵⁵.

Евграф Романович
Шулепников

В первую очередь Шулепникову было необходимо наладить отношения с турецкими властями и иностранными консулами. Сделать это было непросто, так как именно в это время кульминации достигло восстание под предводительством Луки Вукаловича¹⁵⁶. Целый месяц вместе с А.С. Иониным новый консул провёл в Мостаре, а затем они отправились

в Рагузу. Ионин был послан в эпицентр событий, в Восточную Герцеговину, город Требинье. Вскоре Шулепников и сам поехал в эти беспокойные области, которые и в дальнейшем ему приходилось посещать.

Вернувшись в Сараево, Шулепников начал работать как с представителями православного населения, так и с католиками. Такая активность российского консула настораживала австрийского генерального консула в Сараево К. Васича, который в своем донесении министру иностранных дел Австрии И. Рехбергу сообщал: «В последние два года связи, возникшие между местными христианами не католического вероисповедания и российским консулом, которого

¹⁵⁵ Женой Е.Р. Шулепникова была Александра Стажеско. В браке у пары было двое детей — Ольга (род. 1848) и Георгий (род. 1849). См.: *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 36–41.

¹⁵⁶ Лука Вукалович (1823–1873) — герцеговинский воевода, стоявший во главе трех крупных восстаний против османских властей в 1852–1862 гг. В 1865 г. бежал от преследования турок в Россию. Подробнее см.: *Берић Д.* Устанак у Херцеговини 1852–1862. Београд; Нови Сад, 1994.

райи называют между прочим “наш консул”, окрепли еще более. Да, я должен сказать откровенно, г-н Шулепников не довольствуется уже только тем влиянием, которым он пользуется у своих собратьев по вере, но я видел уже некоторых боснийских францисканцев, с моей точки зрения, экзальтированных представителей славянской расы, которые хлопотливо входят в его дом и выходят из него»¹⁵⁷.

После отъезда А.С. Ионина консульству приходилось нелегко. Шулепников и его новый секретарь Алексей Николаевич Кудрявцев (1836–?) не владели местным славянским языком, и им было трудно разобраться в большом количестве прошений, приходящих в адрес консульства от населения. Шулепников писал М.Ф. Раевскому в Вену: «Хотя я немного понимаю в сербском, но читаю очень плохо; теперешний мой секретарь Кудрявцев знает еще гораздо менее меня»¹⁵⁸. Зачастую они пересылали оригинальные тексты прошений в Славянский комитет, признаваясь, что не совсем понимают их содержания.

С 1865 г. консулу в Сараеве было поручено направлять свои донесения младшему секретарю российской миссии в Константинополе Михаилу Александровичу Хитрово (1837–1896). Этот факт очень обрадовал Шулепникова. Он писал, что теперь может представлять информации куда больше, чем в официальных донесениях, не боясь впасть в немилость начальства¹⁵⁹.

Такая проблема стояла не только перед российскими консулами. К примеру, широкий резонанс в Великобритании в это время получила брошюра англиканского священника Дентона, который раскритиковал деятельность министерства иностранных дел. Священник обвинял дипломатов и правительство Англии в намеренном замалчивании фактов о притеснении христианского населения Турции и создании иллюзии покровительства над славянскими народами. По его словам, консулы направляли в вышестоящие органы

¹⁵⁷ Освободительная борьба Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 234–239.

¹⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 11 об.

¹⁵⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 666. Л. 1 об.

положительные донесения о проведении в жизнь хатт-и-хумаюна из боязни нанести ущерб своей карьере. В ответ на депешу князя А.М. Горчакова о притеснениях христиан в Турции английское правительство разработало для консулов специальную анкету-опросник о положении немусульман на Балканах. Вместе с каждой анкетой консулы получили секретные конверты с ответами, которые подобало дать на заявленные вопросы. Казус произошел лишь с одним консулом: не получив вовремя конверт, он честно ответил на все пункты анкеты. Позже, чтобы не потерять своего поста, ему пришлось дать официальное опровержение по поводу данных, представленных в опросном листе¹⁶⁰.

Однако нельзя сказать, что российские консулы испытывали чрезмерное давление со стороны вышестоящих властей и искажали факты в угоду официальной позиции правительства. В отличие от англичан, российских дипломатов можно заподозрить скорее в драматизации положения христиан.

Документы свидетельствуют, что Шулепникову не удалось установить дружеских отношений с турецкими властями и иностранными дипломатами. Тогдашний генерал-губернатор Боснийского пашалыка Кайни-паша был крайне недружелюбно настроен по отношению к иностранным консулам. Отношения российских дипломатов с турецкими властями стали налаживаться с прибытием в Сараево нового генерал-губернатора Топал Шериф Осман-паши (1861–1869 гг.).

Неприятным эпизодом был конфликт с австрийским консулом графом Жаржи. В честь дня рождения императора Александра II в 1861 г. российское консульство устроило прием, на который были приглашены все османские чиновники и дипломатические представители других государств. Иностранные консулы, дабробосанский митрополит и приближенные паши приняли приглашение. Отказался прийти только австрийский дипломат. Камнем преткновения стала просьба Шулепникова соблюсти протокол и одеться на прием по форме. Это требование австриец воспринял как неприемлемое, так как во время празднования дня рождения

¹⁶⁰ Христиане в Турции. Статья Дентона, священника англиканской церкви // Русский вестник. 1864. Т. 49. № 1. С. 346–348.

императора Франца Иосифа форма одежды для гостей была свободной¹⁶¹. Недоразумение привело к серьезному конфликту, и на некоторое время все контакты между российским и австрийским консульствами прекратились.

Что же касается церковных иерархов, то, в отличие от Гильфердинга, Шулепникову удалось установить дружеские отношения с митрополитом Дионисием (1856–1860 гг.) и сменившим его митрополитом Игнатием II (1861–1868 гг.).

Шулепников продолжил начатую Гильфердингом деятельность по распределению пожертвований из России среди местных жителей. Однако уже в мае 1859 г. возникли проблемы с раздачей присылаемых от Славянского комитета вещей и денег. Консул долгое время не посылал расписок, ссылаясь на нежелание боснийцев отчитываться в получении помощи из-за боязни перед турками, а также из-за сложностей транспортировки¹⁶². На дипломата посыпались упреки из Москвы и Петербурга в лености и беспечности. Позже его не раз обвиняли в том, что он присваивает присылаемую боснийцам помощь¹⁶³. Насколько эти нарекания были обоснованы, до сих пор остается неясно, но вскоре выяснилось, что консул погряз в долгах. Пагубной страстью Шулепникова были карточные игры. Он задолжал значительные суммы денег собственным кавазам Али-аге и Велиаге, а также корреспонденту российского консульства торговцу Хаджи-Ристичу (долг ему превышал шесть тысяч червонцев)¹⁶⁴. Это вынудило Шулепникова прибегнуть к продаже собственного имения в Олонецкой губернии — начиная с 1865 г. он неоднократно обращался к М.Ф. Раевскому с просьбой подыскать для него покупателя¹⁶⁵. Для решения этих проблем он отправился в отпуск в Петербург. В это время на посту консула его заменял А.И. Иванов¹⁶⁶. В Петербурге Шулепников обращался за помощью

¹⁶¹ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 40.

¹⁶² ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 19–20 об.

¹⁶³ Там же. Л. 32–32 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 36–37.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Об этом дипломате не удалось найти никаких сведений.

и покровительством к Н.П. Игнатьеву. Покупателя на имение не нашлось, и, оставив доверенность на продажу, он вернулся в Сараево¹⁶⁷.

В связи с этими обстоятельствами Шулепников очень опасался гнева нового директора Азиатского департамента П.Н. Стремоухова, полагая, что тот сделает все, чтобы удалить консула со службы. Стремоухов известил Игнатьева о новых долгах Шулепникова. В ответ он поспешил уверить своего покровителя, что это клевета. В своем письме от 26 мая 1866 г. он сообщал, что уже «раздал 1.100 червонцев (из коих 260 отправил в Бухарест)»¹⁶⁸. Стремоухов сочувственно относился к консулу, стараясь не доводить неприятное дело до Горчакова. Он писал: «В последнюю бытность Вашу в Петербурге, в откровенном разговоре со мной о долгах Ваших, Вы высказывали, что имеете твердое намерение и обещали мне совершенно расплатиться с кредиторами Вашими. Между тем я недавно известился, что Вы не только до сих пор долгов Ваших не уплатили, но что даже они постепенно у Вас увеличиваются. Это, естественно, должно ставить Вас на консульском месте Вашем в самое невыгодное для занимаемой Вами должности положение. Вследствие этого я вынужденным нахожусь напомнить Вам о данном Вами обещании расплатиться с Вашими кредиторами. Об этом я прошу Вас по-товарищески, так как в противном случае Вы не в состоянии будете сохранить за собою занимаемого Вами места, и я поставлен буду в печальную необходимость пригласить Вас, чтоб Вы или приискали для себя новую службу по другому ведомству, или же вовсе вышли в отставку»¹⁶⁹.

В конце декабря 1867 г. обстоятельства дела сараевского консула все же стали известны министру Горчакову, и Шулепников был вынужден подать прошение об отставке. Стремоухову сообщили, что тот задолжал даже турецкому паше, но консул все отрицал. Он писал Игнатьеву: «Видя (...) такое нерасположение ко мне высшего начальства, мне

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4220. Л. 5–6.

¹⁶⁸ Там же. Л. 1–2 об.

¹⁶⁹ Там же.

не остается ничего другого, как преклониться пред его волей и выйти в отставку»¹⁷⁰. Шулепников обратился в МИД с просьбой выдать ему денежное пособие на покрытие долгов, но получил отказ, тогда он решился просить Игнатьева поспособствовать назначению для него приличной пенсии и о возмещении почтовых расходов за 10 лет службы, которые он оценил в 950 руб.¹⁷¹

Немалые долги собственным кавазам Али-аге и Велиаге Шулепников выплачивал еще несколько лет. На посту консула он пребывал до конца мая 1868 г. Сараево стало финалом его дипломатической карьеры. За несение службы в Боснии его наградили орденом Св. Станислава 2-й степени. Неизвестно, как сложилась его судьба в дальнейшем¹⁷².

Следующим консулом России в Сараеве стал Алексей Николаевич Кудрявцев (1836–?). На службу в Азиатский департамент он поступил после окончания Лазаревского института восточных языков. В 1858 г. Кудрявцев находился при русской дипломатической миссии в Константинополе, 1859 год провел при российском консульстве в Сараеве, затем занимал должность драгомана при российском посольстве в Константинополе¹⁷³. В 1862 г. он заменил А.С. Ионина на посту секретаря и переводчика консульства в Сараеве. Короткое время замещал должность секретаря консульства

Алексей Николаевич Кудрявцев

¹⁷⁰ Там же. Л. 7 об.

¹⁷¹ Там же. Л. 7–8 об., 8а–8а об.

¹⁷² Сохранился ряд писем к Н.П. Игнатьеву с просьбой о помощи сыну Шулепникова, который был исключен со службы. Они датируются 1872–1873 гг. и отправлены из г. Потти. См.: ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4220.

¹⁷³ *Tenuš I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 41–51.

в Мостаре. С 1864 по 1867 гг. Кудрявцев был консулом в Тулче, затем непродолжительное время замещал пост консула в Мостаре и, наконец, отправился в Сараево.

Вступая в должность, Кудрявцев докладывал Н.П. Игнатьеву: «При принятии мною от статского советника Шулепникова дел консульства я нашел канцелярию в примерном порядке и в самом хорошем состоянии. Отличные отношения консульства со всеми жителями города, строгая вежливость, соблюдаемая с турецкими властями и уважение, коим пользуется во всех славянских землях имя русское, облегчат мою будущую деятельность, которая неразлучна с моим пребыванием среди народа, мне хорошо знакомого»¹⁷⁴.

К этому моменту Кудрявцев был уже опытным дипломатом, который не понаслышке знал об этих краях. Долгое время он трудился один. Только в конце августа 1869 г. в Сараево прибыл секретарь и переводчик В.А. Якобсон, который замещал своего начальника в 1870 г., когда тот отправился в отпуск в Россию и Германию на четыре месяца¹⁷⁵.

Интересно сложилась судьба кавазов Али-аги и Велиаги, которым Шулепников, можно сказать, проиграл свой консульский пост в карты. В 1869 г. они изъявили желание покинуть русскую службу. Кудрявцев предложил им вступить в жандармерию в качестве офицеров, но Осман-паша опередил его, зачислив их на престижные посты в ряды турецкой армии. Тогда Кудрявцев попросил Игнатьева выхлопотать для них награды. Российское посольство в Константинополе выделило им премии по 45 дукатов. Все российские консулы хвалебно отзывались об этих кавазах. После же ухода из консульства они запросили от Шулепникова немедленного возвращения долгов, проценты по которым достигли баснословных сумм в 325 и 225 дукатов. Чем закончилась эта неприятная история, неизвестно, но это лишний раз показывает,

¹⁷⁴ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2330. Л. 12. Здесь и далее в монографии использованы копии материалов из АВПРИ, хранящиеся в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

¹⁷⁵ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 43.

что Шулепников вел не самый безупречный образ жизни. Российский МИД в этом вопросе всегда выступал на стороне казахов¹⁷⁶.

Несмотря на то, что изначально Кудрявцев воспринял свое назначение в Сараево с большим энтузиазмом, уже на втором году службы он начал просить о переводе. Причиной этому послужила неприятная история с арендой дома Осман-паши. Кудрявцев в Сараево находился с женой, детьми и отцом¹⁷⁷. Для того чтобы обеспечить им достойные условия жизни, он устроил переезд семьи на виллу бывшего генерал-губернатора Боснийского вилайета Осман-паши. В 1869 г. им был подписан договор о четырехлетней аренде с поверенными османского управленца. На обустройство нового «семейного гнезда» Кудрявцев потратил более 1.200 дукатов¹⁷⁸. В 1871 г., находясь в Константинополе, Осман-паша продал свою виллу Дервиш-паше Ченгичу, тем самым нарушив договор об аренде. Возник конфликт между новым владельцем и арендатором. Кудрявцев наотрез отказался покинуть дом. В Константинополе Осман-паша пожаловался на российского консула Игнатьеву, и последний настоятельно рекомендовал Кудрявцеву пойти на уступки. В здании российского консульства в то время проживал секретарь В.А. Якобсон, и другого подходящего дома для большого семейства Кудрявцева не было. В результате

¹⁷⁶ Там же. С. 48–49.

¹⁷⁷ В браке с Марией Николаевной Никифоровой у Кудрявцева родилось четверо детей (1867, 1869, 1873, 1875 гг.). Старшая дочь София Алексеевна появилась на свет в Мостаре и была крещена в Храме Рождества Богородицы. Восприемником Софии Алексеевны стал В.С. Ионин (брат А.С. Ионина). Николай Алексеевич родился в Сараево. Его крестили в Храме Михаила и Гавриила. Крестным отцом стал Н.А. Иларионов. Там же был крещен Владимир Алексеевич. Его восприемником стал австро-венгерский консул Тодорович. Отец А.Н. Кудрявцева переехал в Сараево осенью 1868 г. См.: Генеалогия рода Кудрявцевых, сост. Рындин И.Ж.: <https://62info.ru/history/node/10843> (дата обращения: 21.10.2018); Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40.–80. године XIX века. Т. II. Књ. 1. С. 313.

¹⁷⁸ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 44.

вмешательства Н.П. Игнатьева виллу пришлось оставить. Семейство Кудрявцевых вернулось в здание консульства, секретарь получил 100 дукатов на переезд, а Кудрявцев — компенсацию от Осман-паши в 250 дукатов¹⁷⁹.

Эта неприятная история сильно ударила по самолюбию Кудрявцева, и начиная с этого момента он систематически просил руководство МИД о переводе. В тот же год консул был избит одним из дервишей, шейхом Али-хайгузом. Неизвестно, что послужило причиной конфликта и чем он разрешился¹⁸⁰.

Письма и донесения российского консула полны неприязни к туркам и сочувствия исключительно к православному населению. Кудрявцев активно сотрудничал со Славянским комитетом. «Прибыв ныне в Сараеве, поспешаю иметь честь выразить мою искреннюю признательность Славянскому благотворительному комитету за доверие, которым ему угодно почтить меня», — писал консул в Москву¹⁸¹. В отличие от своего предшественника, он сразу же раздавал присылаемую из России помощь и отправлял массу отчетов об этом в Славянский комитет, а также составлял специальные справки, в которых подробно сообщал о нуждах школ и церквей Боснии, о деятельности миссионерских католических и протестантских организаций.

Одной из важнейших миссий России в регионе Кудрявцев считал поддержку и открытие народных училищ. В своем письме в Славянский комитет от 11 октября 1868 г. он изложил свои мысли: «Я совершенно согласен с мнением нашего знаменитого славянофила и великого деятеля по изучению славянских народностей г. А.Ф. Гильфердинга. Он полагает, что босняки мертвенны и что для их пробуждения необходимы важные толчки, чья-нибудь сила (...) Босняки без посторонней помощи не сумеют развить свои силы и вряд ли принесут выпадающую на них долю

¹⁷⁹ Консул требовал компенсацию в размере 600 дукатов. См.: *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 45.

¹⁸⁰ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 43–45.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 113.

участия и деятельности в жизни и будущей истории славянской семьи»¹⁸². По мнению Кудрявцева, Россия должна стать главным просветителем православного населения Боснии. «Россия для босняков — божество. От божества исходят светлые лучи, которыми освещается всякая жизнь человеческая. От божества, словом, исходит свет, и нам, русским, предстоит в момент пробуждения народа, нам единоговерного и единоплеменного, не лишать его веры, надежды и любви к нам и утвердить в нем убеждения, что только через русского царя и только через русский народ он пробуждается, призываемый к великой жизни и к обширной деятельности», — писал Кудрявцев в Славянский комитет¹⁸³.

Судя по документам, российский консул снискал в народе настоящую любовь. Так, местные жители Ристо Илич и Симо П. Попович писали Игнатьеву в Константинополь об отношении к Кудрявцеву: «Православные и неправославные христиане, питая крепкое доверие, свертываются около его, как пчелы около своей матки. Теперь он для них все — и жизнь, и движение. Каждый даже маловажный знак официально-печатного одобрения Кудрявцева российским правительством проявляет в боснях видимо непритворную радость и рождает еще сильнее мужество их (...) Когда б высокопоставленному послу в Константинополе угодно было исходатайствовать Кудрявцеву к имени консул еще проименование генеральный, с оставлением его в материальном отношении на консульском содержании, то одно это опубликованное проименование было бы уже достаточно возбудить в боснийских христианах восторг и гордость»¹⁸⁴.

В 1875 г. Кудрявцев отправил свою семью в Россию и вновь запросил перевода в Русук. Летом того же года неподалеку от консульства вспыхнул пожар. На помощь Кудрявцеву прибыли все его иностранные коллеги. Общими силами здание удалось спасти¹⁸⁵.

¹⁸² Там же. Л. 118–118 об.

¹⁸³ Там же. Л. 124 об.

¹⁸⁴ Там же. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1022. Л. 1 об.–2.

¹⁸⁵ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 46.

За время пребывания в Боснии Кудрявцев настолько освоил сербский язык, что даже делал переводы русско-язычной детской литературы. В 1874 г. консул просил Петербургское отделение Славянского комитета о содействии в публикации его работ¹⁸⁶. Известно, что в мае 1875 г. министерство просвещения Сербии напечатало переводы четырех книг издания М.О. Вольфа. Эти книги пользовались популярностью у маленьких сербских читателей¹⁸⁷. Кудрявцев также перевел на сербский язык былины — «Илья Муромец», «Еруслан Лазаревич»¹⁸⁸, «Бова Королевич» и ряд других произведений для детей¹⁸⁹.

В конце июня 1875 г. началось Герцеговинское восстание. Кудрявцев из-за болезни жены отбыл домой¹⁹⁰. Ему на замену прибыл секретарь генерального консульства в Рагузе Модест Модестович Бакунин (1848–1913). К тому времени уже было упразднено консульство в Мостаре, и Бакунин оказался один в очень непростом положении. Кудрявцев же вернулся в Сараево только в конце ноября 1875 г. В Константинополе поползли слухи о том, что его скоропостижный отъезд из Сараева был связан с тем, что он испугался восстания. В ответ на это Кудрявцев сообщил Игнатьеву, что покуда не завершится восстание, он не покинет Боснию¹⁹¹. Вскоре Бакунин уехал из Сараева, и Кудрявцев остался один. Он занимал должность консула до апреля 1877 г., когда Россия отозвала всех своих дипломатических представителей из Турции. С 1876 г. семья Кудрявцева жила не в Сараеве, а на австрийской границе в городе Славонски Брод. Навещая жену и детей, дипломат

¹⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 400. Д. 12. Л. 130 об.

¹⁸⁷ Изначально было напечатано 30 тыс. экземпляров. В 1878 г. книга была переиздана.

¹⁸⁸ В Константинополе также вышел тираж былины «Еруслан Лазаревич» на турецком языке в переводе А.Н. Кудрявцева.

¹⁸⁹ Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Т. 2. Књ. 1. Београд, 1989. С. 319.

¹⁹⁰ 19 сентября 1875 г. Мария Николаевна родила дочь — Веру Алексеевну.

¹⁹¹ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 46–47.

знакомился с ситуацией и затем составлял бесценные донесения о положении дел на границе.

За время службы в Боснии А.Н. Кудрявцев был награжден орденами Св. Станислава 4-й, 3-й и 2-й степени и орденами Св. Анны 3-й и 2-й степени, а также турецким орденом Меджидие 5-й, 4-й и 3-й степени.

После отъезда из Боснии, с 1878 по 1880 гг., Кудрявцев был агентом российского МИД в Одессе, в 1883 г. был назначен генеральным консулом в Берлин, а в 1889 г. получил пост генерального консула в Стокгольме.

Российское императорское консульство в Мостаре

О важности открытия российского дипломатического представительства в Герцеговине консул в Сараеве Щулепников писал в донесении к Е.П. Ковалевскому: «События в сей провинции по своей важности должны весьма интересовать наше правительство, я же при теперешнем смутном положении Боснии, хотя несколько и усмиренном со времени прибытия сюда Осман-паши, не решаясь оставлять Сараево, принужден довольствоваться или сведениями, доставляемыми сюда австрийским и английским вице-консулами, часто смотрящими на события с фальшивой точки зрения, а иногда не принимающими довольно участия в несчастной судьбе наших герцеговинских единоверцев, или же доходящими до меня от частных лиц слухами, на справедливость коих я не всегда могу положиться»¹⁹².

Официальное открытие российского консульства в Мостаре состоялось 30 августа 1858 г. под руководством Е.Р. Щулепникова. В православном храме митрополит Григорий провел торжественную службу. На открытии присутствовали австрийский и английский вице-консулы, турецкие чиновники и православные жители города. После освящения флага и здания консульства, пальбы турецких пушек и торжественного выступления военного оркестра последовали поздравления Васиф-паши. Но на деле Щулепникову приходилось совмещать работу в Сараеве и Мостаре, то есть

¹⁹² АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 801. Л. 107–109.

фактически консульство не работало. Проект штата российского дипломатического представительства в Мостаре был разработан лишь в сентябре 1859 г.¹⁹³

Первым консулом в Мостаре стал Валериан Владимирович Безобразов (1835–?). О нем известно немного. По данным, приводимым И. Тепичем¹⁹⁴, он окончил Санкт-Петербургский университет и с середины 1857 г. по март 1859 г. находился в составе русской дипломатической миссии в Константинополе. 14 октября 1859 г. получил назначение на консульскую должность в Мостар. С этим городом Безобразов уже был знаком, так как весной 1859 г. находился в Сараеве, откуда Шулепников отправил его в Герцеговину. Из Герцеговины Безобразов вернулся, представив сараевскому консулу подробнейший отчет о положении дел в регионе. Шулепников остался им доволен и рекомендовал Е.П. Ковалевскому молодого дипломата на должность консула в Мостар. «Со времени прибытия сего молодого чиновника в Сараево, — писал он, — я успел убедиться в его отличных служебных достоинствах и потому, несмотря на краткость его здесь пребывания, я смело командировал его два раза в Мостар, и действительно, сведения, доставленные им оттуда, отличаются интересными подробностями (...) Еще в свое первое пребывание в Мостаре он снискал дружбу и доверенность турецких властей и симпатию христианских жителей. Сии последние адресовали мне чрез его посредство прошение, в коем они выражали свое желание иметь его постоянно между собой»¹⁹⁵. Молодой дипломат владел турецким языком, а сербский начал учить в Сараеве.

К месту службы В.В. Безобразов прибыл в январе 1860 г. Здесь он был радушно принят местной церковной общиной. Архимандрит Иоанникий Памучина с восторгом писал М.Ф. Раевскому и Е.П. Ковалевскому о русском

¹⁹³ Предполагалось тратить 4.700 руб. в год на содержание консульства: 3.000 руб. — годовой оклад консула, 500 руб. — на наем дома, 1.200 руб. — годовой оклад секретаря. См.: АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. I–1. Д. 35. Л. 63.

¹⁹⁴ *Tepić И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 55.

¹⁹⁵ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 801. Л. 107–109.

консуле, в надежде, что он станет главным защитником православия в регионе¹⁹⁶.

Секретарем при консуле работал Владимир Семенович Ионин (младший брат А.С. Ионина)¹⁹⁷. Он был ярким борцом за права турецких славян. Во время службы в Мостаре у него зародилась идея организации восстания в Боснии и Герцеговине и освобождения боснийских христиан. Этому делу он был предан до конца своей жизни. Деятельность секретаря вызывала недовольство у местных властей — его не раз обвиняли в подстрекательстве к восстанию.

Перед консульством в Мостаре ставились такие же задачи, что и перед сараевским дипломатическим представительством. Неоднократно к Безобразову обращались местные жители с просьбой выдать им русские паспорта, но он был вынужден им отказывать. Австрийцы же, по его словам, активно выдавали паспорта всем желающим. Характерно и то, что Безобразов негативно относился к мусульманам, считая их религиозными фанатиками.

¹⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 12–13; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 262–263.

¹⁹⁷ В.С. Ионин (1838–1886) — выпускник Лазаревского института восточных языков, обучался в учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД; в 1859 г. был послан студентом миссии в Константинополь; в 1860 г. был назначен секретарем консульства в Мостаре; в 1865 г. — драгоманом генерального консульства в Белграде; с 1867 г. — секретарь консульства в Рагузе, в сентябре 1867 г. был перемещен в Бейрут в звании секретаря и драгомана генерального консульства. В 1869 г. был назначен консулом в Дамаск, в 1871 г. вторично переведен в Петербург в Азиатский департамент чиновником сверх штата, а 18 января 1872 г. уволен от службы с пенсией; в мае 1872 г. В.С. Ионин поступил на службу в департамент таможенных сборов. В сентябре 1875 г. оставил службу по министерству финансов и уехал на юг. В 1876 г. он был председателем Болгарского революционного комитета в Бухаресте. 29 сентября 1877 г. был избран председателем Боснийского народного временного правительства. Вскоре был вынужден бежать. Последние годы жизни провел в Петербурге.

Во время пребывания Безобразова в Мостаре в Герцеговине вспыхнуло восстание под предводительством Луки Вукаловича. В 1860 г. консул направился в Восточную Герцеговину, и там он всюду принимал депутации местных жителей, прославив ярым защитником христиан¹⁹⁸.

Английский консул Джеймс Зохраб в 1860 г. вместе с Безобразовым осматривал местности в округе поселения Гацко. Они фиксировали жалобы местных христиан на притеснения со стороны мусульман и турецких властей. В донесениях в Форин-офис Зохраб упоминал о том, что его российский коллега намеренно фальсифицирует данные, завышая количество преступлений против местного христианского населения¹⁹⁹.

В апреле 1861 г. была создана международная комиссия по изучению положения в Герцеговине в составе консулов Австрии, Англии, Пруссии, России и Франции под предводительством Омер-паши. Целью комиссии было прекращение восстания²⁰⁰. Однако уже в октябре 1861 г. ее работа сошла на нет.

И. Тепич рисует позитивный образ В.В. Безобразова, которому, в отличие от А.Ф. Гильфердинга, поначалу удалось завоевать расположение не только местной православной общины, но и торговцев. Первый год его деятельности высоко оценили в российском МИД²⁰¹. В частности, положительно отзывался о нем и А.С. Ионин в письме к М.Ф. Раевскому²⁰².

Однако уже в августе 1861 г. от мостарского архимандрита И. Памучины в адрес Раевского приходят жалобы на Безобразова, в которых сообщается о конфликтах российского консула с турецкими чиновниками²⁰³. Неуважительное отношение Безобразова к османским властям и его упрям-

¹⁹⁸ *Tenuš I.* Bosna i Hercegovina u ruskim izvorima. С. 281.

¹⁹⁹ *Radušić E.* Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. godine — od branitelja i zaštitnika do tužioca i sudije. Sarajevo, 2013. S. 129–128, 159.

²⁰⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 335–338.

²⁰¹ *Tenuš I.* Bosna i Hercegovina u ruskim izvorima. С. 58–59.

²⁰² Зарубежные славяне и Россия. С. 178.

²⁰³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 18–19.

ство привели к ослаблению русского влияния, что отразилось на положении православного населения. В такой ситуации консул не мог в должной мере исполнять свою главную обязанность — защищать интересы христиан. Мостарская община даже отправила в Константинополь просьбу о его замене. Кроме того, Памучина сообщил о денежных аферах консула. По его словам, дипломат присвоил пожертвование русской императрицы в 500 дукатов. Из 500 дукатов для монастыря Дужи 128 он передал настоятелю монастыря Никифору Дучичу, за что тот вручил ему расписку о получении всей суммы, а Безобразов в ответ выхлопотал у российского правительства крест с золотой цепью для Дучича. Пожертвованные русским императором средства на строительство в Мостаре школы для девочек Безобразов взял в кредит под проценты у мостарской православной общины и отказался возвращать. Подаяния на школу от остальных благотворителей он также присвоил. И это был еще не полный список махинаций дипломата. «Этот такой же, как и в Сараеве²⁰⁴! За что же нам такие муки?» — сокрушался Памучина²⁰⁵.

Годом позже Безобразов поссорился с мостарским управленцем Хуршид-пашой. Российского консула обвинили в неуважении к местным властям, так как он не посетил праздничный прием в честь Курбан-байрама. Дипломат оправдывался тем, что инструкции из Константинополя предполагали обязательное посещение лишь Рамазан-байрама²⁰⁶.

Разбирательства мостарской православной общины с Безобразовым тянулись долго. Еще в 1863 г. Памучина жаловался Раевскому, что российский консул должен ему 400 дукатов²⁰⁷. В конце января 1864 г. Безобразов вернул деньги, на которые был куплен дом для церкви. На фоне этой неприятной истории султан пообещал помочь мостарцам в строительстве православного храма²⁰⁸. В этом свете российское консульство выглядело не самым лучшим образом.

²⁰⁴ Имеется в виду Е.Р. Шулепников.

²⁰⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 18–19.

²⁰⁶ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 57–58.

²⁰⁷ Зарубежные славяне и Россия. С. 343–344.

²⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 22–23.

Между российскими дипломатами порой явно просматривалась несогласованность в действиях. В качестве примера может послужить конфликт между консулом в Рагузе К.Д. Петковичем и В.В. Безобразовым. В обход мостарского консула Петкович направил в Константинополь донесение о самоуправном взимании податей мудиром Никшича с жителей двух черногорских деревень. В ответ на Безобразова обрушились гневные письма с обвинением в замалчивании столь важных фактов. Выяснилось, что на самом деле обе деревни находились на территории Герцеговины, а действия турецких чиновников были правомерны. Местные жители отказались платить налоги и провозгласили себя черногорцами. Действительно, во время восстания Луки Вукаловича эти села присягнули на верность Черногории и боролись против турок, однако после волнений повстанцы добровольно вернулись в свои селения, признали власть Турции и получали льготы от османского правительства (воспользовались всеобщей амнистией, им выдавался провиант и семена на засев полей). От черногорского князя было получено официальное письмо, где он заявлял об отсутствии претензий на эти села. В своих донесениях Петкович рисовал картины турецкого произвола, рассказывая о страшной карательной операции в отношении жителей деревень. Однако эти факты не нашли никакого подтверждения²⁰⁹. Такие демарши со стороны Петковича были не редкостью. Он находился в тесном контакте с графиней А.Д. Блудовой, и целью его было поднять восстание славян Герцеговины. Дипломаты из разных стран называли его то сербским, то австрийским агентом.

В октябре 1865 г. Безобразов отправился в трехмесячный отпуск в Петербург. Временно его заменил секретарь российского консульства в Скадаре Н.Н. Четверухин. Вернулся Безобразов в Мостар в декабре. В донесениях к Н.П. Игнатьеву он выражал недовольство работой Четверухина²¹⁰. В сентябре 1866 г. Безобразов получил назначение на должность российского генерального консула в Тебризе. За время работы в Мостаре он был награжден

²⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 156. Картон 6. Ед. хр. 21. Л. 1–4 об.

²¹⁰ *Tenuš I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 61.

орденом Св. Станислава 3-й степени и орденами Св. Анны 4-й и 3-й степени. Австрийский консул К. Васич в своем донесении министру иностранных дел Австрии И. Рехбергу писал: «Я сожалею об отъезде г-на Безобразова, чьи действия здесь были настолько бестактны, что все противники русской политики только радовались»²¹¹.

Секретарь консульства В.С. Ионин местным турецким властям казался очень подозрительной фигурой, что ставило дипломатическое представительство России в крайне неудобное положение. В 1865 г. он был переведен на службу в Белград.

Оценки деятельности первого консула Российской империи в Мостаре сильно разнятся. По одним данным тот, которого местные жители ждали как мессию, изрядно подорвал авторитет России в регионе. Из Мостара в Азиатский департамент и Славянский комитет не раз поступали на него жалобы. Отъезд дипломата был воспринят местными жителями с облегчением. Совершенно иной образ консула оставил в своих воспоминаниях лично знавший Безобразова герцеговинец Йован Пичета²¹²: «Замечательный, способный и неустрашимый человек, “юначина” в полном смысле слова (...) прекрасный знаток турецкого языка, он не нуждался в драгомане для сношений с турецкими властями, а непосредственно сносился с ними и настаивал на исполнении предъявляемых им требований. (...) Своею неустрашимостью он прямо-таки поражал и приводил в восторг тех, которые ничего не боялись, для которых геройская смерть не страшна, а красна и желательна (...) Были, конечно, у него и недостатки, как у широкой русской натуры, и кому желательно было поскорее избавиться от его надзора, преувеличивали их где следует. Отозвание его вызвало искреннюю

²¹¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 69.

²¹² Сын Й. Пичеты — Владимир Иванович Пичета (1878–1947), известный советский славист, удостоенный звания академика, стал первым ректором Белорусского государственного университета и основателем кафедры истории южных и западных славян исторического факультета в Московском государственном университете.

скорбь в среде православного населения, которое, не обинуясь, говорило, что не было у него и не будет такого “заступника”, каким был Вал[ериан] Владимирович»²¹³.

Приемником Безобразова на посту консула стал выпускник Лазаревского института восточных языков Николай Александрович Иларионов (1844–?). На дипломатическую службу он пошел по стопам отца. С сентября 1864 г. Иларионов находился при русской дипломатической миссии в Константинополе. В 1866 г. был назначен секретарем и переводчиком при российском консульстве в Сараеве. Иларионов составил статистический очерк Боснии 1866 года. За его основу были взяты сведения, собранные турецкими властями²¹⁴. В сентябре 1866 г. получил назначение в Мостар. Спустя год службы в Герцеговине он отправился в продолжительный отпуск. Во время его отсутствия (с сентября 1867 г. по май 1868 г.) исполняющим обязанности консула был назначен А.Н. Кудрявцев.

Как упоминалось выше, Кудрявцев около пяти лет занимал пост секретаря сараевского консульства. В 1862 г. у него уже был короткий опыт работы в Мостаре — в течение пяти месяцев он исправлял должность секретаря²¹⁵. Таким образом, он был хорошо знаком с положением дел в Герцеговине и лично знал многих видных деятелей края.

Прежде всего Кудрявцев занялся вопросом восстановления престижа российского консульства. В личном письме к М.А. Хитрово он просил посодействовать тому, чтобы его наградили турецким орденом Меджидие четвертой степени, поскольку его иностранные коллеги уже добились этого²¹⁶. Можно было бы заподозрить Кудрявцева в честолюбии, но реальность была такова, что от количества и степеней наград у иностранного чиновника напрямую зависело отноше-

²¹³ Пичета И. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству // Вера и разум. 1911. Т. 4. № 22. С. 525–526.

²¹⁴ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 619. Л. 100–101 об.

²¹⁵ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. 1867. Д. 2053. Л. 47 об.

²¹⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 2.

ние к нему местных властей. Если российский дипломат был менее титулован, чем его иностранные коллеги, к нему меньше прислушивались, и ему приходилось терпеть более фамильярное отношение со стороны османских чиновников²¹⁷.

В 1866 г. Кудрявцев составил пространную аналитическую записку «Краткий очерк Герцеговины в географическом, статистическом, этнографическом, историческом и торговом отношении»²¹⁸. В сопроводительном письме к очерку он писал П.Н. Стремоухову: «Слабость труда этого очевидна, ибо предшественники мои не оставили в императорском консульстве, вверенном ныне моему управлению, никаких материалов, которые могли бы послужить исходной точкой для составления очерка более полного»²¹⁹.

Осенью 1867 г. Кудрявцев обратился в Азиатский департамент с предложением изменить статус дипломатического представительства в Мостаре, преобразовав его в вице-консульство²²⁰. Основанием для такого предложения явилось то, что в 1865 г. турецкие власти провели административную реформу, объединив Боснийский пашалык и Герцеговинский санджак в Боснийский вилайет. С этого момента мостарский паша стал подчиненным боснийского вали, и все вопросы относительно Герцеговины решались в Сараеве. Таким образом, мостарское консульство попадало в зависимость от сараевского. На тот момент Россия единственная имела консульство в Мостаре, помимо которого работали еще австрийское вице-консульство и французское агентство²²¹.

Кудрявцев предложил следующий проект: «Вице-консул, драгоман и два каваса достаточны. Вместо 1.900 червонцев, ассигнуемых ныне на содержание консульского штата,

²¹⁷ Вероятно, просьба Кудрявцева возымела действие. Известно, что 17 мая 1874 г. он был награжден орденом Меджидие 3-й степени. Следовательно, в период с 1867 по 1874 гг. получил орден 4-й степени.

²¹⁸ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 15–34.

²¹⁹ Там же. Л. 13.

²²⁰ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 65–67 об.

²²¹ Там же. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 17 об.

в расходы бы вошло только 1.000 червонцев»²²². В июне 1868 г. предложение Кудрявцева было реализовано.

Летом 1868 г. Иларионов вернулся к месту службы. Он занимал пост вице-консула до 1872 г. В отличие от Безобразова, ему удалось добиться расположения как местных властей, так и православной общины.

В 1869 г. он составил записку о Герцеговине в статистическом, этнографическом, торговом и административном отношении для книги «Турецкая империя»²²³.

И. Памучина в письме к М.Ф. Раевскому в январе 1870 г. писал, что российский консул — человек молодого возраста, но исполинского ума, очень добр, уважителен, и называл его самым лучшим русским из тех, которые когда-либо приезжали в Герцеговину²²⁴. Местные жители об Иларионове отзывались как о главном заступнике каждого бедняка любого вероисповедания: «Годами молод, но по уму Муфасаилова века»²²⁵.

Как и Кудрявцев, Иларионов активно сотрудничал со Славянским комитетом, представлял его руководству подробные отчеты о нуждах местного населения²²⁶. Первостепенной задачей России он считал поднятие уровня образования в крае. Параллельно с Кудрявцевым Иларионов составил отчет о состоянии школьного дела в регионе с перечнем мест, где необходимо поддержать или открыть учебные заведения.

Опираясь на материалы Московского славянского комитета за 1869 г.²²⁷, можно выделить следующие основные вопросы, с которыми Иларионов обращался в комитет: устройство школ, содействие построению православного собора в Мостаре²²⁸, активность западной пропаганды в Герцеговине.

Иларионов неоднократно предлагал открыть консульское агентство России в городе Требинье (Восточная Герцеговина),

²²² Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 67.

²²³ Там же. Ф. 161. Главный архив. V–A2. 1869. Д. 622. Л. 87.

²²⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 30.

²²⁵ Там же.

²²⁶ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 90–93 об.

²²⁷ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 15 об., 18, 20, 23.

²²⁸ Параллельно шло строительство православного собора в Сараеве. Этот вопрос курировал А.Н. Кудрявцев.

поскольку там работал агент Австро-Венгрии: «Живя в Требинье, русский агент мог бы усиленно следить за всеми происками австрийской политики и католических пропаганд, а равно наблюдать за всем происходящим на черногорско-турецкой границе, и он неминуемо лишил бы австрийского агента того, так сказать, авторитета, которым он пользуется теперь в Требинье», — писал Иларионов в МИД²²⁹. Он полагал, что наличие российского агента в этом городе поможет противостоять росту австрийского влияния в регионе²³⁰. Однако это предложение не получило отклика.

В апреле 1872 г. Иларионов передал свою должность Я.П. Славолубову. Сам же он получил назначение на консульскую должность в Шкодер²³¹. За службу в Мостаре он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени и орденом Св. Станислава 2-й степени. В разное время возглавлял консульства в Солуни (1874–1876 гг. и 1894–1902 гг.), Иерусалиме (1876–1877 гг. и 1878–1880 гг.), Адрианополе (1880–1887 гг.) и Смирне (1887–1894 гг.)²³².

Яков Петрович Славолубов (?–1907)²³³ стал последним российским вице-консулом в Мостаре. Он окончил семинарию, осенью 1862 г. начал изучение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, несколько лет проработал при русской дипломатической миссии в Константинополе²³⁴.

К назначению в Мостар он подошел очень ответственно, выделив несколько главных задач, которые ему было необходимо решить на новом месте. Среди них: поддержание высокого авторитета России у православного населения, защита христиан от притеснений турецкими властями, поддержка православных школ, монастырей и церквей, открытие дипломатического агентства в Требинье.

²²⁹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2055. Л. 38.

²³⁰ Там же. Л. 37–38 об.

²³¹ Скутари, Скадр.

²³² *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 62–63.

²³³ Предположительная дата смерти на основе надгробной надписи на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге.

²³⁴ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 64.

Уже осенью 1872 г. российский консул в Сараеве Кудрявцев докладывал в Азиатский департамент МИД о целесообразности закрытия вице-консульства в Мостаре: «Стоя на полдороге от Сараева и Рагузы, разделенных лишь 48 часами и где учреждены русские консульства, оно находится в стесненном положении, ограничиваясь образом местных интересов исключительно самого Мостара, который утратил значение столицы области и куда не сосредотачиваются большие дела, имеющие характер серьезный и важный»²³⁵. Он предлагал перенести консульство в Сеницу, в Нови-Пазарский санджак, так как там располагалась одна из резиденций генерал-губернатора Боснийского вилайета, а сараевское консульство преобразовать в генеральное²³⁶.

Мостарское вице-консульство было упразднено весной 1875 г. Нужно отметить, что в это время были также закрыты: консульство в Дамаске, вице-консульство в Призрене, а генеральное консульство на о. Корфу было преобразовано просто в консульство²³⁷. Официально такие изменения произошли из-за сокращения квоты на содержание консульств²³⁸.

Население Мостара очень тяжело восприняло эту перемену и надеялось, что Россия все же пришлет нового консула²³⁹. Й. Пичета в своих воспоминаниях писал: «Консульство в Мостаре было упразднено как ненужное, а между тем через несколько месяцев началось восстание в Невесинье, приведшее славную русскую рать до Константинополя и доведшее русскую дипломатию из высших Славюлюбовых до Берлинского конгресса!»²⁴⁰

²³⁵ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 102–102 об.

²³⁶ Там же. Л. 103–103 об.

²³⁷ Консульство в Рагузе, напротив, получило статус генерального.

²³⁸ По сведениям Кудрявцева, в 1872 г. содержание сараевского консульства и мостарского вице-консульства обходилось казне в 20.876 руб. в год. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 104.

²³⁹ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 67.

²⁴⁰ *Пичета И.* Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству // Вера и разум. 1911. Т. 4. № 22. С. 527.

МИД России активно сотрудничал со Славянским комитетом. Это видно на примере деятельности консулов, которые были агентами этой организации. Они направляли в благотворительные общества отчеты о состоянии православных церквей и школ. На основе донесений консулов в регион посылались книги, церковная утварь и денежные средства. Консулы занимались их распределением и отчитывались перед комитетом о проделанной работе, прилагая к письмам расписки от школ и монастырей в получении финансовой или материальной помощи.

Главным координатором действий консулов был М.Ф. Раевский. Известно, что Гильфердингу, Щулепникову и А.С. Ионину он посылал специальный шифр для переписки²⁴¹. К сожалению, нам не удалось обнаружить ключи к этому тайному коду.

Консулы высоко оценивали деятельность М.Ф. Раевского, консультируясь с ним в том числе и по вопросам своей службы. Так, к примеру, в 1858 г., когда Щулепников получил от начальства специальную книгу, в которой следовало вести учет всем частным пожертвованиям, проходящим через консульство, он первым делом известил об этом Раевского, уточняя, следует ли туда вносить его имя²⁴².

Из вышеизложенного материала очевидно, что не все российские дипломатические работники справлялись с возложенными на них задачами. Некоторые из них откровенно наносили вред авторитету России в регионе. Петербургское начальство достаточно терпимо относилось к своим сотрудникам, и это вполне объяснимо, так как в Российской империи остро стояла проблема квалифицированных кадров. Однако, несмотря на слабость и ошибки российской дипломатической службы в Боснии и Герцеговине, следует констатировать, что открытие консульств в Сараеве и Мостаре в значительной степени способствовало корректировке российской балканской политики, а также укреплению связей русских общественных организаций с боснийскими славянами.

²⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1, 6; там же. Ед. хр. 79. Л. 1.

²⁴² Там же. Ед. хр. 79. Л. 9 об.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ 1

**Список работников российских консульств
в Боснии и Герцеговине с 1856 по 1878 гг.²⁴³**

консульство	консулы	секретари, драгоманьы
Сараево	Гильфердинг А.Ф. (май 1857 г. – январь 1858 г.)	Ионин А.С. (1857–1860 гг.)
	Щулепников Е.Р. (февраль 1858 г. – май 1868 г.)	Кудрявцев А.Н. (1862–1864 гг.)
	и.о. Иванов А.И. (конец 1864 г. – нач. 1865 г.)	Иларионов Н.А. (1866–1868 гг.)
	Кудрявцев А.Н. (май 1868 г. – апрель 1877 г.)	Якобсон В.А. (август 1869 г. – 1872 г.)
	и.о. Якобсон В.А. (май–сентябрь 1870 г.)	Шербатов (1874 г.)
	и.о. Бакунин М.М. (сентябрь 1875 г.)	Налетов (1876–1877 гг.)
Мостар (с 1868 г. вице-консульство)	Безобразов В.В. (1859 г. – 28 сентября 1866 г.)	Ионин В. С. (середина 1860 г., 1864–1866 гг.)
	и.о. Четверухин Н.Н. (август–декабрь 1865 г.)	Кудрявцев А.Н. (лето 1862 г.)
	Иларионов Н.А. (28 сентября 1866 г. – февраль 1872 г.)	Каподистрия (1867–1868 гг.)
	и.о. Кудрявцев А.Н. (сентябрь 1867 г. – май 1868 г.)	Чемберли (1869–1872 гг.)
	и.о. Якобсон В.А. (май–ноябрь 1871 г.)	
	Славолюбов Я.П. (1872 г. – май 1875 г.)	Енчев (1873–1875 гг.)

²⁴³ Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie. Saint-Pétersbourg, 1861–1878; *Tenuš I.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988.

Жалованье в год серебром работников дипломатических служб России в Европейской Турции на 22 мая 1868 года в рублях²⁴⁴

Генеральные консульства:

Константинополь	Генеральный консул (На переписку из канцелярских сборов консульства)	2.940
	Секретарь	1.470
	Драгоман	1.176
<i>Примечание:</i> Сверх сих штатных окладов производится добавочное жалованье из канцелярских сборов консульства, по назначению посольства		
Руссук	Генеральный консул	4.900
	На наем дома и переписку	600
	Секретарь и драгоман	1.470

Консульства:

Адрианополь	Консул	2.940
Салоники	На наем дома и переписку	500
Сараево	Секретарь-драгоман	1.176
Битоль		
Скутари		
Янина		
Кандия		

Вице-консульства:

Варна	Вице-консул	1.960
Видин	На наем дома и переписку	300
Мостар		
Призрен		
Тульча		
Филиппополь		
Дарданеллы	Вице-консул	1.470

²⁴⁴ Справочная книга для должностных лиц центральных и зарубежных установлений Министерства иностранных дел. Составил по поручению Министерства иностранных дел М. Никонов. СПб., 1869. С. 271–275.

В Сербии:

Белград	Генеральный консул	4.410
	На наем дома и переписку	600
	Секретарь-драгоман	1.470

Стихотворное творчество А.С. Ионина²⁴⁵

Средь Сараева есть дом,
Живет купец в дому богато,
А дочь его все под окном
Сидит и [все пылает] златом,
Сидит она в своей светлице,
Поет и шьет весь день-деньской,
И весело бы жить девице,
Лилось бы счастье к ней одной,
Да полюбился ей, несчастной,
Красавец дивный, да бедняк...
Холодный ветер, день [ненастный],
И он, одетый кое-как,
Все под окном ее печально
Сидит и грустно так поет –
«Уйти мне лучше в путь бы дальний,
Да сил расстаться не дает,
Зачем мне молодость и сила,
[Зачем мне жизнь и красота],
Зачем меня ты полюбила,
Я горемыка-сирота».

Но вот ворота отворяют,
Из них идет отец-старик,
И горемыку прогоняют,
Ему вослед и брань, и крик.
Девушка плачет [неумно]
И хочет уморить себя,
Да, видно, не умрет любя...

Вечер в тот день пришли к ней сваты
От жениха от старика,
Подарки принесли богаты,
И шелк, и [бархат], и меха.
У девы разгорелись глазки,
И думает уже она:
Зачем мне и красавца ласки,
Когда в шелку я убрана.
А завтра в церкви обвенчалась
И стала старика женой,
Да лишь недолго потешалась,
Стал бить ее старик блажной.

Стоит береза пред зарею,
На ней алмазная роса,
Но солнце станет над землею,
Зажжет лучами небеса,
Восток зардеется, блистая,
И высохнет роса ночная...

Девушка плачет над могилой,
Где мать ее погребена.
Вдруг слышит шорох — это милый,
И вмиг в объятиях она.
Любовь девичья сушит слезы,
Как солнце росу на листьях березы²⁴⁶.

²⁴⁵ Стихотворения Ионина А.С. Черновики. Б. д. // ГА РФ. Ф. 939. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–7 об.

²⁴⁶ Приведена одна из версий стихотворения.

Боснийский вопрос и русское общество в 1850–1870-е годы

Русские благотворительные общества в деле организации помощи Боснии и Герцеговине

Петербургский благотворительный комитет
А.Д. Блудовой

Начало русской благотворительности в отношении славян тесно связано с именем фрейлины императрицы, графини Антонины Дмитриевны Блудовой (1813–1891). Активную деятельность в этом направлении она развернула еще в 1848 г., собирая средства в пользу сербов Воеводины¹. В кружок Блудовой входили чиновники, представительницы петербургской аристократии и несколько членов императорской фамилии. Действовал он вполне успешно: на собранные деньги была оказана помощь многим церквям и нескольким народным школам².

В 1856 г. кружок Блудовой получил статус официально разрешенной организации, именовавшейся «Петербургский благотворительный комитет»³. Это было связано с изменением положения России на международной арене и утратой права единоличного покровительства турецким славянам после Крымской войны. Однако при посредничестве частных благотворителей Россия могла решать часть своих задач в этом регионе. Помимо Блудовой в руководстве комитета

¹ См.: Чуркина И.В. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Балканские исследования. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. С. 64.

² Там же.

³ Она же. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 104.

Антонина Дмитриевна Блудова

были княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова (1793–1875) и графиня Наталья Дмитриевна Протасова (1803–1880).

Узнав об открытии российского консульства в Боснии, Блудова активно продвигала на пост его главы известного славянофила Ф.В. Чижова. Однако ее действия не увенчались успехом — консулом был назначен А.Ф. Гильфердинг. Именно он и М.Ф. Раевский стали главными посредниками комитета по оказанию помощи славянам Боснии и Герцеговины. Трудно судить о ее объемах и качестве. Из переписки Блудовой с Раевским следует, что комитет

поддерживал православную общину в местечке Высоко, недалеко от Сараева⁴. Пересылались средства также на восстановление монастыря Милешево⁵.

Долгие годы княгиня Васильчикова была покровительницей герцеговинского монастыря Дужи. Впервые за помощью игумен монастыря Никифор Дучич обратился к ней в 1861 г. После восстания в Герцеговине 1857–1858 гг. монастырь был разграблен турками, поскольку являлся центром его организации. Для его восстановления из России через консула в Дубровнике (Рагузе) был доставлен колокол. Через Гильфердинга Дучич просил княгиню Васильчикову прислать средства на иконостас⁶. В 1870 г. он поблагодарил ее за оказанные монастырю благодеяния⁷.

Княгиня Протасова пересылала денежные средства, церковную утварь и облачения для священника, а также

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 445–448.

⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2836. Л. 97–98.

⁶ Там же. Ед. хр. 2541.

⁷ Там же. Ед. хр. 1617. Л. 6 об.–7.

учебную литературу для школы в боснийском городе Модрич в Посавинье⁸.

По большей части в Боснию направлялись книги и церковная утварь. Гильфердинг составлял для дам-благотворительниц списки местностей, где особо остро нуждались в помощи, а они занимались сбором и отправкой пожертвований. Так продолжалось до середины 1860-х годов.

Кроме того, Петербургский благотворительный комитет поддерживал стипендиатов сербского правительства из славяно-турецких областей. Так, в 1860 г. Блудова получила благодарность от сербского митрополита Михаила за пособие на содержание четырех учеников из Боснии и Герцеговины в белградской семинарии (ими были: Стефан Вулетич из Герцеговины, Дмитрий Ристич, Петр Метрович и Георгий Лазаревич из Боснии)⁹.

А.Д. Блудова в своих письмах к русским дипломатам и сербским государственным и общественным деятелям постоянно интересовалась тем, как обстоят дела в регионе¹⁰. В 1875–1876 гг., в разгар Великого Восточного кризиса, она активно собирала и отправляла денежные средства на поддержание боснийцев и герцеговинцев в дни восстания.

Следует отметить, что высокопоставленные дамы-комитетницы действовали без всякой системы. Зачастую в одни и те же места они направляли помощь несколько раз, в то время как другие области оставались без их внимания. Поэтому деятельность комитета подвергалась критике со стороны весьма компетентного в балканских делах российского консула в Сараеве А.Ф. Гильфердинга. Он в сердцах писал Раевскому в Вену: «Одного подвига только совершить я не в силах — именно уверить баб в их бестолковости. Никак не хотят “entendre raison”¹¹ и посылать помощь туда, где она всего нужнее по местным обстоятельствам, а не по тому или другому святому, который им больше

⁸ Там же. Ед. хр. 2836.

⁹ Там же. Л. 103.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 26–28, 69–70, 92–93.

¹¹ Внять доводам рассудка (франц.).

нравится»¹². В середине 1860-х годов деятельность комитета Блудовой прекратилась.

*Деятельность Святейшего Синода
в Боснии и Герцеговине*

Недостатки в работе петербургских благотворителей навели А.Ф. Гильфердинга на мысль о разработке подробного плана пересылки помощи в Боснию и Герцеговину. В письме М.Ф. Раевскому от 5 мая 1858 г.¹³ консул упоминает о записке, касающейся вопроса о состоянии церквей в регионе, которую он собирался представить обер-прокурору Св. Синода А.П. Толстому. Копия этого документа хранится в фондах РГАЛИ. По-видимому, Гильфердинг долго работал над текстом — записка датируется 17 ноября 1858 г.¹⁴ Она содержит его размышления о том, каким образом следует организовать помощь православным церквям Герцеговины.

Прежде всего Гильфердинг указывает на важность этого дела, обращая внимание на приверженность местных жителей к православной вере, «преданность русскому имени» и опасность распространения влияния иезуитов. Далее он говорит о трех частях Герцеговины: «1) церкви в Северной и Северо-Западной Герцеговине, где православные живут вместе с римскими католиками и где сии последние ныне все более и более усиливаются в ущерб первым; 2) церкви в Южной и Юго-Восточной Герцеговине, где православная стихия господствует почти исключительно, так как там католиков нет вовсе, а мусульман весьма мало, и где население тем более заслуживает внимания, потому что оно тут скорее, чем во всех других краях Западной Турции, может в благоприятное время освободиться от ига неверных; 3) церкви в восточной полосе Герцеговины, отделяющей узкою чертой Черногорию

¹² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 124.

¹³ Там же.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Ед. хр. 2511.

от Сербии и поэтому имеющей весьма важное значение (тут католиков нет, а мусульман весьма мало)»¹⁵. К этому основному списку автор документа добавляет и другие районы, населенные турецкими славянами.

Следующий вопрос, которому уделяет внимание Гильфердинг, — это конкретные нужды. Он перечисляет отдельные церкви и указывает на их потребности: богослужebные книги, церковная утварь, облачения священнослужителей. Для доставки помощи Гильфердинг предлагает три возможных маршрута: через консульства в Белграде и Скутари или через Вену, прилагая при этом и примерную смету расходов¹⁶. Разработанный Гильфердингом план был направлен на то, чтобы помощь была действительно эффективной.

Российский консул считал, что отсутствие системы при решении подобных вопросов делает благотворительные акции бесполезными. «Много уже благодеяний оказала Россия единовeрным церквям в славянских областях Западной Турции. Все богослужebные книги, лучшие ризы, лучшая утварь доставлены были туда из нашего отечества, и от государей (в наибольшем количестве от Петра Великого и Екатерины II), и от Св. Синода, и, наконец, даже от частных лиц. Но пожертвования сии не могли принести всей пользы, от них ожидаемой, потому что они, в особенности с начала нынешнего столетия, производились без системы и как бы случайно. Вдруг посылалось много церковных вещей в одну какую-нибудь местность, а все другие местности оставляемы были без внимания; после нескольких пожертвований, сделанных таким образом без особенного разбора, проходили годы и десятки лет, в которые ничто не напоминало православным жителям Западной Турции о желании России помогать нуждам их церквей. Такой отрывочный образ действия следовало бы, очевидно, заменить более правильной системой», — пишет Гильфердинг¹⁷. Он призывает брать пример с Австрии, которая ежегодно

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.

¹⁷ Там же. Л. 3–3 об.

оказывала помощь католическим церквям, вызывая уважение местного населения, и тем самым способствовала укреплению своего влияния.

Гильфердинг был убежден, что Россия должна составить конкуренцию австрийской пропаганде в Боснии и Герцеговине. Размышляя об этом, он предлагал конкретные меры. К примеру, у православных жителей западнотурецких областей большой успех имела брошюра «Церковное пение»¹⁸, изданная в Австрии. «Книжечка эта расходилась при мне в Боснии тысячами экземпляров. Этим успехом она обязана главным образом тому, что в ней помещены стихи святым, наиболее уважаемым православными сербами, преимущественно святым славянским. Бесспорно, мысль благочестивая и полезная — доставить народу возможность воздавать хвалу угодникам, прославившим церковь его отечества, но мысль эта, — по его мнению, — была употреблена Австрией для своекорыстных видов...»¹⁹ — на последних двух страницах издания был напечатан хвалебный текст Габсбургскому дому.

Гильфердинг считал, что Россия должна достойно ответить на австрийскую «инициативу». При этом он указывал и на «оружие», недоступное для австрийцев, а именно на общее славянское происхождение и вероисповедание славян Боснии и России. Гильфердинг предложил Св. Синоду напечатать «Церковное пение» в России с некоторыми добавлениями: следует «дать православным сербам, т. е. населению Сербии, Боснии, Герцеговины, Далмации, Черногории и Северной Албании, возможность поминать не только своих местных святых, но и угодников родственных племен, т. е. святых русской и болгарской церкви»²⁰. «Одобренные Синодом книги, — уверен он, — будут быстро расходиться, так как такого рода издания пользуются неограниченным доверием турецких славян»²¹. Эта книга, по мнению консула, могла бы распространяться и в болгарских землях.

¹⁸ Экземпляр книги, привезенный А.Ф. Гильфердингом, хранится в РГИА: Ф. 832. Оп. 1. Д. 112.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Ед. хр. 2511. Л. 6 об.–7.

²⁰ Там же. Л. 7 об.

²¹ Там же. Л. 7.

А.П. Толстому эти предложения понравились. Проект русского варианта «Церковного пения» был им представлен на суд московскому митрополиту Филарету²². Обер-прокурор Св. Синода уверял его, что такое издание вытеснит австрийское и будет способствовать росту авторитета Русской православной церкви на Балканах.

Несомненно, Св. Синод находился в тесной связи с благотворительными комитетами и Азиатским департаментом МИД. Это вполне объяснимо, поскольку без его одобрения трудно было бы организовывать поездки священнослужителей из славяно-турецких областей в Россию с целью сбора средств. Если говорить о представителях Боснии и Герцеговины, это были поездки Прокопия Чокорило, Саввы Косановича, Никифора Дучича и Серафима Перовича. Бывали случаи, когда на прошения российских дипломатов и деятелей славянских комитетов об отправке того или иного духовного лица с целью сбора средств в России из Св. Синода приходили отрицательные ответы или решение вопроса слишком затягивалось. Кроме того, вся церковная литература, посылаемая на Балканы, должна была получить одобрение Св. Синода, который пересылал книги и облачения через российское консульство в Белграде²³.

Вопрос об участии Св. Синода в церковной жизни Боснии и Герцеговины представляется очень важным. Существовали нюансы, которые мешали выстраивать русско-сербские отношения в этом регионе в рамках русской внешнеполитической программы. Митрополии на территории Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака находились в прямом подчинении у Константинопольского патриарха. Митрополиты, занимающие кафедры в Боснии и Герцеговине, чаще всего являлись представителями греческого духовенства. Большинство из них получало нелицеприятные характеристики как со стороны местных жителей и иностранных дипломатов, так и со стороны европейских

²² РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 112. Л. 13–14; Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н. Львовым. СПб., 1900. С. 402–403.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 22.

путешественников. Корыстолюбие, взяточничество, полное равнодушие к положению своей паствы, незнание языка единоверцев, пьянство и прочие грехи небезосновательно приписывались многим греческим иерархам в Боснии и Герцеговине.

Российские дипломаты одной из главных задач считали ослабление позиций греческого духовенства в регионе и предпринимали попытки продвинуть на должность митрополита представителя местного славянского клира. Все это ставило Св. Синод в очень сложное положение. С одной стороны, он должен был действовать в русле русской политики на Балканах, следить за соблюдением интересов православных христиан, а с другой, нельзя было идти наперекор Вселенскому патриархату. Это объясняет ту осторожность и порой отстраненность, которые были присущи Св. Синоду в деле оказания помощи православным сербам Боснии и Герцеговины.

Через М.Ф. Раевского и МИД в Св. Синод поступало много жалоб на митрополитов Боснии и Герцеговины, и все они рассматривались²⁴. Русская православная церковь не могла напрямую высказывать свое недовольство по этому поводу. Местным жителям рекомендовалось обращаться с жалобами к Константинопольскому патриарху самим или через посредство русских дипломатов.

Перед тем как отправить каждое обращение или жалобу от христиан Боснии в адрес Вселенского патриарха, российские консулы непременно согласовывали свои действия со Св. Синодом. В конечном итоге тексты прошений посылались от имени самих дипломатов.

Зачастую константинопольские греки стремились дискредитировать действия России на Балканах. Так, поездки священнослужителей в русские земли трактовались ими как попытки славянских комитетов завербовать турецких славян и склонить их к восстанию. В газетах появлялись обличающие Россию материалы, в том числе поддельная переписка славян с Н.П. Игнатьевым. Все это негативно сказывалось на отношениях России с Константинопольским

²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 36. Отд. II. Стол 3. Д. 36. Л. 1.

патриархатом²⁵. Подобные эпизоды приводили к конфликтам между славянскими комитетами, Св. Синодом и Азиатским департаментом МИД.

Славянские комитеты и Азиатский департамент МИД сообщали в Св. Синод о каждом случае посылки помощи церквям и школам турецких славян. Так, в 1857 г. с подачи Гильфердинга была организована отправка учебной литературы из России в Боснию и Герцеговину. Ober-прокурор Св. Синода А.П. Толстой интересовался у Раевского, насколько русские издания подходят болгарам и боснийцам и нужно ли вносить какие-либо изменения в русские тексты²⁶. В первой партии пересылаемых в Боснию книг были «Практическая русская грамматика» Н.И. Греча²⁷, «Грамматика славянская» И.С. Пенинского²⁸, «Руководство по первоначальному изучению русской истории»²⁹ Н.Г. Устрялова³⁰. В Боснию было отправлено более двух тысяч экземпляров Азбуки (начальное обучение)³¹.

В фондах РГИА хранятся документы о сборе и пересылке учебных пособий и богослужебных книг в Боснию и Герцеговину³². Прошение от Гильфердинга Св. Синод рассмотрел в июне 1857 г.³³ В конце сентября был составлен реестр учебных пособий, которые спустя месяц были готовы для передачи в МИД. Пересылку осуществлял Азиатский департамент³⁴.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 6–6 об.

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 75 об.

²⁷ Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб., 1834.

²⁸ Пенинский И.С. Грамматика славянская. СПб., 1827.

²⁹ Устрялов Н.Г. Руководство по первоначальному изучению русской истории. СПб., 1840.

³⁰ Хевролина В.М. Документы из архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в. // Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 100.

³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 90.

³² См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1239; там же. Оп. 139. Д. 182.

³³ Там же. Оп. 138. Д. 1239. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 1–5.

Реестр книг, предназначенных для школ Боснии и Герцеговины³⁵

пособие	число экзем- пля- ров	цена		итого	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Начатки христианского учения	150	–	10	15	–
Пространный Катехизис	50	–	26	13	–
Краткая священная история	50	–	15	7	50
Русская грамматика Греча	50	–	50	25	–
Русская хрестоматия Галахова	50	–	48	24	–
Славянская грамматика	50	–	10	5	–
Руководство по первоначально- му изучению Русской истории Устрялова	50	–	27	13	50
Краткая всеобщая история Ободовского	50	–	38	19	–
Догматическое богословие архимандрита Антония	25	–	20	5	–
Православное исповедание веры Петра Могилы	25	–	25	6	25
Церковная история Преосвящ. Иннокентия	10	1	15	11	50
Церковно-библейская история преосв. Филарета	10	–	50	5	–
История российской церкви Муравьева	10	–	95	9	50
Итого	580			159,25	

Учебная литература подобного рода должна была по замыслу организаторов этого вида помощи способствовать знакомству славян с Россией. Правда, неясным остается вопрос: если в этом регионе ощущалась острая нехватка квалифицированных учителей, кто мог обучать детей русскому языку? В это же время сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой закупала книги в Сербии. Видимо, проект отправки учебников оказался несостоятельным, так как уже с начала 1860-х годов Св. Синод осуществлял

³⁵ Там же. Л. 4–4 об.

пересылку в Боснию исключительно богослужебной литературы. Достаточно часто Св. Синод разделял эту обязанность со Славянским комитетом. Библиотеки православных боснийских и герцеговинских школ в основном пополняла Сербия.

Процесс подготовки церковной литературы, которую просил Гильфердинг в 1857 г., занял больше времени. Ее печать осуществлялась на средства фонда пожертвований для сербских и болгарских церквей, хранящихся в Св. Синоде³⁶. В октябре 1857 г. было решено переслать в Боснию 20 кругов богослужебных книг. Для Евангелия предполагалось сделать специальные украшенные переплеты.

Список книг, предназначенных к безвозмездному отпуску из Синодских книжных запасов для церквей, монастырей и школ в Боснии и Герцеговине³⁷

книга	число экземпляров	цена		итого	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Апостол, в лист, с кин., в пер. кож.	20	3	85	77	–
Библия, в 8 д. в 1-й книге в пер. кож.	10	1	55	15	50
Св. Евангелие, в 4 д., без кин, в доск. с зол. обреза.	20	2	5	41	–
Ирмологий простой, без кин., в 8 д., в пер. кож.	20	–	65	13	–
Каноник, с кин., в 8 д., в пер. кож.	20	–	80	16	–
Минея Общая, в 12 д., без кин., в пер. кож.	40	1	20	48	–
Минея праздничная, в 12 д., без кин., в пер. кож.	40	1	20	48	–
Начальное учение (азбука) в 8 д., в пер. бум.	200	–	6	12	–
Начатки христианского учения, в 12 д., в пер. бум.	200	–	12	24	–

³⁶ В фонде хранилось 9.346 руб. 49 коп. в билетах — для сербских церквей; 535 руб. 39 коп. наличными и 871 руб. в билетах — для болгарских церквей. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1239. Л. 8.

³⁷ Там же. Л. 9–9 об.

Новый Завет, в пер. кож.	50	–	55	27	50
Октоих Осмогласник, в 4 д., без кин., в 2 кн.	40	4	–	160	–
Пентикостарион, без кин., в 4 д., в пер. кож.	20	1	75	35	–
Последование молебных пений, в 8 д., без кин., в пер. кож.	20	–	70	14	–
Псалтирь следования, в 8 д., в пер. кож.	20	2	65	53	–
Служебник, без кин., в пер. кож.	40	–	65	26	–
Типикон, с кин., в лист, в пер. кож.	20	5	55	111	–
Требник, с кин., в лист, в пер. кож.	20	4	–	80	–
То же, без кин., в 8 д., в пер. кож.	40	–	70	28	–
Триодион, без кин., в 4 д., в пер. кож.	20	2	70	54	–
Часослов, без кин., в 8 д., в пер. кож.	100	–	50	50	–
Итого	960				933

Летом 1858 г. посылка была готова и направлена в МИД³⁸. В ноябре состоялась передача 15 кругов богослужебных книг в Вену М.Ф. Раевскому для распределения среди балканских славян по его усмотрению³⁹. Доподлинно известно также об отправке в Боснию и Герцеговину церковной литературы в 1866 г.⁴⁰

Не всегда Св. Синод положительно отзывался на просьбы боснийцев и герцеговинцев. Так, в 1866 г. было отказано в предоставлении вспомоществования для строительства церквей в Малых Бродах⁴¹ и Вышеграде⁴².

Одной из главных задач Св. Синода являлось противостояние католической и протестантской пропаганде. В 1869 г. в Османской империи вышел закон о поликонфессиональном образовании. С этого момента католики и протестанты

³⁸ Там же. Л. 13.

³⁹ Там же. Оп. 139. Д. 182. Л. 10.

⁴⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 49.

⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 147. Д. 97.

⁴² Там же. Д. 195.

начали активное строительство учебных заведений, которые были открыты для представителей всех вероисповеданий.

В декабре 1869 г. в Сараеве открылось женское училище, куда бесплатно принимали всех желающих. Спонсором выступало германское благотворительное общество диаконис. Руководство над школой приняла англичанка мисс Аделина Паулина Ирби. О деятельности этого учебного заведения речь пойдет ниже. Примечательно, что глава Государственного совета Сербского княжества, уроженец Сараева Йован Маринович рекомендовал зажиточным сараевским семьям отдавать своих дочерей на обучение в эту школу⁴³. Св. Синод незамедлительно отреагировал на это событие: обер-прокурор Д.А. Толстой обратился в Славянский комитет с просьбой организовать сбор средств для открытия сети женских школ в вилайете⁴⁴.

Совместными усилиями благотворительных организаций, Св. Синода и российского правительства были открыты женская школа в Мостаре и гимназия в Сараеве⁴⁵.

В 1867 г. у московского митрополита Филарета возникла идея организации постоянного русского представительства при Константинопольском патриархе. На тот момент уже существовала русская духовная миссия в Иерусалиме. Нечто подобное предлагалось сделать и в главном городе Османской империи. Проект был одобрен Св. Синодом. Предполагалось отправить в Константинополь архимандрита, владеющего турецким, греческим и славянскими языками, который был бы полностью независим от греческого духовенства и подчинялся исключительно Св. Синоду. Однако российский МИД отказал в реализации данного проекта. Потеря монополии МИД в разрешении церковных проблем в Османской империи была нежелательна. Это могло бы привести к противостоянию церкви и дипломатии, что произошло в Палестине⁴⁶.

⁴³ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 99.

⁴⁴ Там же. Л. 99–100.

⁴⁵ Хевролина В.М. Документы из архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине. С. 107–108.

⁴⁶ Герд Л.А. Константинополь и Петербург: Церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 132–133.

1850–1870-е годы были сложным временем для христианской церкви. После Первого Ватиканского собора 1870 г. появились старокатолики, внутри Константинопольской патриархии имел место серьезный церковный конфликт между греками и болгарами. Россия не могла открыто вмешиваться в это противостояние. В 1872 г. произошла греко-болгарская схизма. Эти события вызвали большой резонанс в России, так как славянская идея преимущественно опиралась на православие. Единство православных народов являлось одним из главных инструментов в отстаивании политических интересов Российской империи на Балканах. Для многих схизма стала настоящей трагедией⁴⁷. Национальная борьба в Болгарии обрела форму движения за самостоятельность церкви от Константинопольского патриархата. Эти противоречия активно использовала как Порты, для которой было выгодно поддерживать разлад между греками и болгарами, так и Запад. Последний усилил католическую пропаганду, продвигал униатские идеи на Балканах. В этих условиях российская дипломатия была вынуждена отказаться от политики защиты единства православия в Турции. Св. Синод стоял на позициях отстаивания канонического права. В конечном итоге схизма осложнила межцерковные связи России и Константинополя. Данные события несомненно оказывали большое влияние на политику Русской православной церкви в Боснии и Герцеговине. Св. Синод был в курсе событий, происходящих в регионе, но не имел возможности открыто вмешиваться в церковные проблемы этих провинций. Необходимо было проводить политику максимально корректно, чтобы не допустить обострения отношений с Константинопольским патриархатом. Для Св. Синода было важно сохранить православную ойкумену.

Деятельность Славянского благотворительного комитета в Боснии и Герцеговине

В 1858 г. в Москве появился Славянский благотворительный комитет. Он был утвержден императором Александром II

⁴⁷ Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2006. С. 162–186.

по представлению министра иностранных дел А.М. Горчакова и поддерживал тесные отношения с Азиатским департаментом МИД⁴⁸. Вопреки расхожему мнению, Славянский комитет нельзя считать чисто славянофильской организацией. В его состав входили люди, придерживающиеся и иных взглядов. У истоков этого учреждения стояли как представители славянства (в основном болгарская группа во главе с Н. Геровым) и московские славянофилы, так и правительство Российской империи. Создание комитета было тесно связано с деятельностью российских дипломатов в славянских регионах, особенно на Балканах. Не случайно время его появления относится к периоду корректировки внешнеполитического курса после поражения России в Крымской войне.

Комитет получал финансовую поддержку от членов императорской фамилии. Так, великий князь Константин Николаевич в 1858 г. сделал значительное финансовое вложение в новоиспеченную благотворительную организацию⁴⁹. Императрица Мария Александровна ежегодно пересылала на ее нужды 300 руб. Комитету было назначено ежемесячное пособие в 1000 руб. от министерства иностранных дел⁵⁰. Свое пособие пересылало и министерство народного просвещения⁵¹. Кроме того, правительство предоставляло комитету льготы при почтовых пересылках.

Первым председателем Московского славянского комитета стал известный предприниматель, попечитель Московского учебного округа, гофмейстер императорского двора Алексей Николаевич Бахметьев (1798–1861). Представляется, что данная кандидатура не была случайной. Главнoуправляющий Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф Дмитрий Николаевич Блудов (отец А.Д. Блудовой) и директор

⁴⁸ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 29.

⁴⁹ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2013. С. 57.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 49. Л. 14.

⁵¹ ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 61. Л. 1.

Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевский были близкими друзьями Бахметьева.

Именно в годы председательства Бахметьева Боснии и Герцеговине уделялось особенное внимание. Тем не менее в самом начале было проблематично убедить местное население в желании России оказать помощь православию. Возможно, люди просто боялись попасть в немилость турецких властей. На упреки М.Ф. Раевского в получении незначительного числа прошений из Боснии и Герцеговины российский консул в Сараеве Щулепников отвечал: «Я очень ласково просил обращаться всех для церковных нужд в консульство, и не моя вина, если они не обращаются довольно часто, чему я удивляюсь, ибо в их просьбах никогда не было отказа»⁵².

Из отчетов Славянского комитета и переписки Щулепникова с Раевским можно судить об ощутимых размерах помощи. Книги, денежные средства, церковная утварь и облачения пересылались в Боснию и Герцеговину из разных источников. Благотворителями выступали: Славянский комитет, кружок А.Д. Блудовой, Св. Синод, Азиатский департамент МИД, императрица Мария Александровна. Большая часть средств проходила через Раевского. Основная масса пожертвований шла в Сараево и его окрестности, Посавинье, окрестности Тузлы, Сеницу (на границе с Сербией) и в Герцеговину. Значительные средства были направлены в местечко Лопижи, которое находилось недалеко от Сеницы. Русская императрица пожертвовала 150 руб. серебром местной православной общине⁵³.

Пик оказания помощи православному населению Боснии и Герцеговины приходится на 1859 год. К этому времени российские дипломаты уже получили представление о его нуждах. Антитурецкие волнения в Герцеговине и Посавинье постепенно утихли. Начался процесс восстановления пострадавших в ходе этих событий местностей. Самый большой урон был нанесен православным монастырям, являвшимся главными очагами сопротивления. Тогда и Славянский комитет, и члены императорской фамилии, и кружок Блудовой поддержали монастырь Дужи.

⁵² ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 9–9 об.

⁵³ Там же. Ед. хр. 35. Л. 6.

1859 год был неурожайным, вследствие чего в Боснии и Герцеговине разразился голод. Московский славянский комитет незамедлительно отреагировал на это. Пожертвования делали представители разных слоев населения, в том числе крестьяне, мещане, священники, купцы. Сам император Александр II выделил для населения региона 15 тыс. руб.⁵⁴ Кроме того, к этому моменту были опубликованы работы А.Ф. Гильфердинга, посвященные истории Боснии и боснийскому вопросу, и русское общество получило конкретное представление об этих краях. В 1861 г. в Герцеговине вспыхнуло очередное восстание под руководством Луки Вукаловича. Оно широко освещалось в русских газетах и также привлекло внимание общественности.

В апреле 1861 г. Бахметьев умер, и на пост председателя комитета был назначен известный историк, публицист, издатель Михаил Петрович Погодин (1800–1875). Эту должность он занимал до своей кончины (8 декабря 1875 г.). Секретарем комитета стал Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886). Д.Н. Блудову поступило предложение стать попечителем организации, но он отказался, сославшись на недостаток финансовых средств, сил и времени⁵⁵. В 1862 г. звание почетного попечителя получил Е.П. Ковалевский⁵⁶.

При Погодине происходит становление комитета уже как общероссийской организации. С 1863 г. его руководством велась планомерная подготовка к проведению Славянского съезда. Он состоялся в 1867 г. в Москве и Петербурге в рамках Этнографической выставки. По окончании съезда начались переговоры об открытии отделения Славянского комитета в Петербурге. Инициатором этого выступил историк, профессор Петербургского университета Владимир Иванович Ламанский (1833–1914). Правительство довольно долго тянуло с ответом, вероятно, опасаясь реакции Европы, ввиду того, что в состав комитета входили представители императорской семьи. Тем более что прошедший накануне Славянский

⁵⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 303.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 97. Л. 1–2.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 55.

съезд мог вызвать подозрения в стремлении Российской империи объединить под своим началом австрийских и турецких славян. В конечном итоге правительство дало согласие, и в январе 1869 г. состоялось открытие отделения в Петербурге, которое возглавил А.Ф. Гильфердинг. Предпринимались также попытки создания подобных учреждений в Киеве, Одессе и Воронеже⁵⁷.

Славянский вопрос стал популярным у российской общественности. На Балканы отправлялись все новые путешественники, выполнявшие порой и разведывательные функции. Среди них был и Гильфердинг, посетивший македонские области в 1868 г.⁵⁸ К сожалению, об этой его поездке почти ничего не известно. Отмечается лишь, что оттуда он привез большую коллекцию рукописей и памятников славянской древности⁵⁹. Есть свидетельства, что Гильфердинга в этом путешествии сопровождала некая загадочная дама⁶⁰. Судя по всему, ею была графиня М.Ф. Карлова⁶¹. Впоследствии она описала свои впечатления в очерках «Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь»⁶². Гильфердинг обратился к издателю А.А. Краевскому с просьбой опубликовать данное сочинение в его газете «Голос», о Карловой он при этом писал: «Сколько я знаю, это первая русская, отважившаяся (отправиться. — К.М.) в эти малопривлекательные страны,

⁵⁷ Никитин С.А. Славянские комитеты в России. С. 49–56.

⁵⁸ Левшина Ж.Л. Путешествие А.Ф. Гильфердинга 1868 года и славянские рукописи его «македонской» коллекции (итоги и перспективы изучения) // Археографски прилози: сборник радова Археографског одељења Народне библиотеке Србије, 34. Београд, 2012. С. 77–107.

⁵⁹ Русский биографический словарь: Т. 5. Герберский — Гогенлоэ. М., 1916. С. 199.

⁶⁰ Куев К. К вопросу о путешествии Гильфердинга по Балканскому полуострову в 1868 году // Исследования по древней и новой литературе. Ленинград, 1987. С. 272–276.

⁶¹ Карлова М.Ф. — вероятнее всего это псевдоним. Настоящее имя установить не удалось.

⁶² Карлова М.Ф. Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании // Вестник Европы. 1870. Кн. 6. С. 721–753; Кн. 7. С. 150–190.

вместо того чтобы ехать в Париж, и поэтому статья заслуживает во всяком случае сочувственного отклика»⁶³.

Босния и Герцеговина также не остались без внимания первых деятелей фотоискусства России. Эти загадочные края привлекли фотографа Петра Павловича Пятницкого (1832–1882). Он родился в дворянской семье в Саратове. Его имя знакомо краеведам родного города благодаря серии фотографий, посвященных столетию Саратовской губернии.

Менее известна другая работа Пятницкого — «Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года»⁶⁴. В альбоме представлены фотографии герцеговинских монастырей, церковной утвари, снимки жителей разных областей края в национальных костюмах.

История путешествия русского фотографа по землям турецких славян пока еще не реконструирована. Известно лишь, что поездку он совершил в 1867 г.⁶⁵ Возможно, планировалось представить снимки на Славянском съезде, который проходил в мае 1867 г., но данных, подтверждающих это, пока не обнаружено. Вероятнее всего, в Боснии и Герцеговине он находился во время или уже после выставки, летом 1867 г.

Современная исследовательница Н.В. Самохвалова пишет: «О молодом фотографе Пятницком заговорили вскоре после его поездки с ученым-славяноведом А.Ф. Гильфердингом по Балканам, в ходе которой был собран богатый археологический и этнографический материал»⁶⁶. Последнее утверждение представляется ошибочным.

Вряд ли фотографа в поездке сопровождал Гильфердинг. Об этом путешествии русского слависта ничего не известно. В 1860-е годы он служил в департаменте экономики, а осенью 1866 г. находился за границей, но не на Балканах,

⁶³ РГАЛИ. Ф. 271. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

⁶⁴ См. описание альбома в приложении.

⁶⁵ Известия Императорского Русского географического общества. 1868. Т. IV. СПб., 1869. С. 26.

⁶⁶ Самохвалова Н. Жил-был фотограф один // Газета недели в Саратове № 1. 15.01.2013.

а во Франции, вместе со своими родными. Его маленький сын Федор был болен, и молодая семья ездила по Европе в поисках подходящего для ребенка климата⁶⁷, но безуспешно — в 1867 г. мальчик умер от менингита⁶⁸. Кроме того, среди корреспондентов Гильфердинга нет имени Пятницкого.

В это время в Боснии работали А.Н. Кудрявцев, Е.Р. Шулепников, Н.А. Иларионов и Каподистрия. К сожалению, никаких консульских донесений о поездке Пятницкого выявить не удалось. Известно также, что в мае и начале июня 1867 г. с разведывательной миссией в Боснии находился член Славянского комитета, будущий герой сербо-турецкой войны 1876 г. Николай Николаевич Раевский (1839–1876)⁶⁹, но нет данных о его знакомстве с Пятницким.

В ноябре 1867 г. П.П. Пятницкий представил свою работу на заседании отделения этнографии Императорского Русского географического общества (ИРГО). Демонстрация снимков должна была сопровождаться чтением статьи В.И. Ламанского о народной одежде сербов и хорватов⁷⁰.

На заседании Совета ИРГО от 4 марта 1868 г. было зачитано письмо директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова, в котором сообщалось о том, что Пятницкий составил альбом из 80 фотографических снимков и представил его императрице Марии Александровне, которая приняла это издание под свое особое покровительство. Стремоухов предлагал Обществу приобрести экземпляр альбома для своей библиотеки: «Цена альбому из восьмидесяти фотографий, в большой лист, назначена сто руб. В случае заказа г. Пятницкому Азиатский департамент изъявляет готовность принять на себя посредничество»⁷¹. На заседании было

⁶⁷ РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 54.

⁶⁸ *Власова З.И.* Новое о А.Ф. Гильфердинге (к 160-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1991. № 1. С. 63.

⁶⁹ *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М., 2002. С. 65–67.

⁷⁰ Известия Императорского Русского географического общества. 1867. Т. III. СПб., 1868. С. 190.

⁷¹ Известия Императорского Русского географического общества. 1868. Т. IV. СПб., 1869. С. 26–27.

решено приобрести экземпляр сборника. Альбом был награжден медалью ИРГО «За полезные труды»⁷².

Неясно, когда П.П. Пятницкий вступил в ряды Славянского комитета. Его имя присутствует в списках членов отделения в Петербурге начиная с его основания в 1869 г.⁷³ На одном из заседаний, 6 апреля 1869 г., было доложено о желании П.П. Пятницкого жертвовать в основной капитал комитета 20% с продажной цены каждого экземпляра издаваемого им «Сборника рисунков славянских достопримечательностей в Боснии и Герцеговине» и решено оказывать содействие в распространении альбома⁷⁴.

В № 18 «Современной летописи» за 1869 г. был опубликован отрывок из отчета заседания Московского Славянского благотворительного комитета от 11 мая текущего года. В нем сообщалось, что было читано письмо П.П. Пятницкого, который два года путешествовал по Европейской Турции и составил обширное собрание фотографических снимков типов славян и древностей. Говорилось также, что Пятницкий намеревается издать сборник из 50 снимков и поднести его в подарок императрице Марии Александровне. Упоминалось и о желании автора перечислять в Славянский комитет 20% от средств, вырученных за продажу сборника⁷⁵.

Видимо, Пятницкий намеревался осуществить усеченное переиздание своего альбома или же опубликовать снимки, которые не вошли в первый его вариант. В денежных отчетах Петербургского отделения указано, что на 12 мая 1869 г. от частных благотворителей поступило 70 руб. на издание альбома⁷⁶; в 1870 г. — еще 20 руб.⁷⁷ Неизвестно, были ли переданы эти средства Пятницкому, так как, согласно отчетам, до 1874 г. эта сумма всё еще хранилась в казне Комитета⁷⁸. Скорее всего, новое издание сборника осуществить не удалось.

⁷² Самохвалова Н. Указ. соч.

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 68, 192 об.

⁷⁴ Там же. Л. 6.

⁷⁵ Современная летопись. 1869. № 19. С. 14–15.

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об.

⁷⁷ Там же. Л. 59 об.

⁷⁸ Там же. Л. 126, 181 об.

В фондах Государственной публичной исторической библиотеки России и Славянском фонде Библиотеки РАН хранятся альбомы Пятницкого в том варианте, который был представлен на заседании ИРГО⁷⁹. Оба альбома отпечатаны 19 декабря 1867 г. в Санкт-Петербурге в типографии товарищества общества «Полюза». Содержание альбомов отличается на один снимок⁸⁰. На первой странице сборника — дарственная надпись: «Ея императорскому величеству государыне императрице Марии Александровне. Усерднейшее подношение верноподданного Петра Пятницкого. 1 января 1868 года».

Анализ фотографического материала позволяет воссоздать маршрут саратовского фотографа-энтузиаста.

1. Территории, на которых проживало банянское племя. Это земли между городами Никшич и Билеча на юго-востоке Герцеговины⁸¹.
2. Герцеговинский монастырь Косиерово, который располагался на берегу реки Требишница. Уникальность снимков заключается в том, что монастыря там больше нет — в 1966 г. он был перенесен в черногорский город Петровичи. Земли, где он располагался ранее, были затоплены водохранилищем Гранчево.
3. Монастырь Дужи, расположенный в Восточной Герцеговине, в окрестностях города Требинье, и Шумское село.
4. Герцеговинский монастырь Добричево недалеко от города Билеча⁸².
5. Герцеговинский монастырь Пива⁸³.
6. Монастырь Житомыслич, расположенный в центральной части Герцеговины, в селе Житомысличи, недалеко от Мостара.

⁷⁹ Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого.

⁸⁰ В альбоме, хранящемся в ГПИБ, присутствует фотография «Группа монахов и игумен Пивского монастыря», а в версии альбома из Славянского фонда Библиотеки РАН — снимок «Даниил Баляч, игумен монастыря Кассиерово».

⁸¹ Сейчас эти земли частично находятся в составе Черногории.

⁸² Ныне — село Орах в Боснии и Герцеговине.

⁸³ Ныне в Черногории, недалеко от города Плужине.

-
7. Сараево.
 8. Боснийская Крайна.

Стоит только догадываться, как трудно было осуществить это путешествие. Техника походной фотографии того времени — дело далеко не простое. Портативных аппаратов и пленки еще не изобрели (они появились только во второй половине 1870-х годов). Камера Пятницкого была достаточно громоздкой, кроме того ему приходилось возить с собой тяжелый треножник, специальные покрывала для портретных съемок на улице, целую походную лабораторию с реактивами, чтобы готовить стеклянные пластины для снимков. Все эти материалы были весьма дорогостоящими. Пластины большого размера отличались хрупкостью, довести и сохранить их было невероятно сложно, каждую необходимо было упаковывать в отдельные ящики. Историки фотографии отмечают, что груз походного фотографа того времени исчислялся несколькими пудами — т. е. это были десятки килограммов⁸⁴. Ландшафты можно было снимать только общим планом — это считалось «высшим пилотажем» фотографического искусства. Было невероятно сложно получить четкое изображение. Малейшее дуновение ветерка могло испортить все многочасовые труды фотографа. То, что Пятницкий проделал невероятно трудный и небезопасный путь по боснийскому бездорожью, по «диким» местам османской глубинки, сделал и сумел доставить в Россию 81 фотографический снимок, — настоящее чудо.

Известный отечественный искусствовед, историк и теоретик фотоискусства С.А. Морозов высоко оценил творчество П.П. Пятницкого: «Фотограф показал себя вдумчивым этнографом. Каждый снимок — точный документ и в то же время сильный образ»⁸⁵. Кроме того, Пятницкий считается первым, кто запечатлел на камеру балканскую кубовидную архитектуру с черепичной прямой кровлей и церкви без куполов. Технически им безукоризненно были переданы орнаменты и резьба внутренних украшений зданий.

⁸⁴ Морозов С. Русские путешественники-фотографы. М., 1953. С. 20.

⁸⁵ Там же. С. 13.

Виды архитектурных памятников на его фотографиях хорошо связаны с горным лесным ландшафтом, который не сливается в одно пятно, что можно часто видеть на снимках того времени⁸⁶.

Ценность собранных Пятницким материалов очень велика. Благодаря русскому фотографу есть возможность увидеть облик герцеговинских монастырей, которые были главными центрами повстанческой деятельности в регионе.

Впечатляет серия фотографий представителей воинственного банянского племени. Баняне — жители Восточной Герцеговины⁸⁷. На протяжении всей истории они оказывали активное сопротивление туркам, принимали участие в восстаниях 1852–1862 гг. и 1875–1877 гг. Одним из центров сбора старост банян служил монастырь Косиерово, снимок которого присутствует в альбоме Пятницкого.

Монастырь Пива был главным местом для племени пивлян. Русский фотограф запечатлел облик воеводы, возглавившего один из отрядов в борьбе против турок в 1875 г., священника монастыря Пивы Жарко Лешевича.

Попал в объектив Пятницкого еще один вождь герцеговинского восстания 1875 г., архимандрит монастыря Дужи Мелентий Перович (1835–1887).

Среди снимков, сделанных Пятницким в Сараеве, есть фотография «священника Саввы, учителя Сараевской школы». Этот человек — будущий дабробосанский митрополит Савва Косанович (1839–1903). Снимок молодого Косановича больше нигде не встречается.

Наряду с христианами, в альбоме имеют место и мусульманские образы: дервиш, османли (османский чиновник), бимбаши, юзбаши⁸⁸, турецкая девушка, араб-босняк, турок-босняк, турки-селяки в Герцеговине. Присутствует и снимок католического священника в национальном боснийском костюме. Интересна серия фотографий жителей Боснийской Крайны.

⁸⁶ Там же. С. 14.

⁸⁷ С 1878 г. эти земли находятся в составе Черногории.

⁸⁸ Турецкие офицерские звания. Бимбаши («Бим-баша» — у Пятницкого) — командующий 1000 солдат. Юзбаши («Юс-баша» — у Пятницкого) — командующий 100 солдат.

«Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого», несомненно, является важным и исключительно интересным источником, позволяющим представить, как выглядели сельские жители, горожане, торговцы, священнослужители Боснии и Герцеговины в далекие 1860-е годы. Отсутствие цвета на фотографиях компенсируется детальными описаниями элементов костюма, сделанными автором альбома.

Пятницкий сохранил для нас образы лидеров крупнейшего восстания против турецкого владычества. Примечательно, что в русской прессе 1875–1878 гг., которая уделяла большое внимание событиям на Балканах, нет этих снимков, а встречаются лишь рисунки с изображением боснийских и герцеговинских вождей. Видимо, деятели Славянского комитета забыли о труде фотографа.

После поездки в Боснийский вилайет П.П. Пятницкий благополучно вернулся в родной Саратов. Впоследствии он зарекомендовал себя как активный земский и общественный деятель — был депутатом Саратовского дворянского собрания, членом губернского статистического комитета и Саратовского речного яхт-клуба⁸⁹. К сожалению, 25 февраля 1882 г. талантливый фотограф скоропостижно скончался в возрасте 49 лет.

До 1875 г. русские благотворительные организации не были заинтересованы в публикации изображений славян Боснии и Герцеговины. Так, в 1872 г. некий серб Николай Арсеневиц составил альбом со снимками разных костюмов и сцен из жизни южных славян. Российский консул в Мостаре Н.А. Иларионов переслал этот альбом в Московский славянский комитет к Н.А. Попову с просьбой организовать его печать и выдать фотографу средства на новую поездку в Черногорию⁹⁰. Однако из Москвы пришел отказ⁹¹.

А в 1875 г. Комитет столкнулся с трудностями в поисках иллюстративного материала. Образы славян Боснии

⁸⁹ Самохвалова Н. Указ. соч.

⁹⁰ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 9. Ед. хр. 37. Л. 5–6 об.

⁹¹ Там же. Л. 7–7 об.

и Герцеговины должны были украшать многочисленные статьи в прессе, повествующие об ужасах борьбы славян с турками. По этому вопросу глава Санкт-Петербургского отделения комитета И.П. Корнилов обращался за помощью в Вену к М.Ф. Раевскому⁹² и в Дубровник (Рагузу) к А.С. Ионину⁹³. Раевский отвечал: «Поручение Ваше о покупке фотографий я еще не исполнил. Вот в чем дело: в Вене у нас усыпаны окна магазинов фотографиями хорошеньких актрис, девиц, актеров (...), а такой дряни, как славян, да еще и турецких, не существует; потому я писал г. Ионину в Дубровник и митрополиту Михаилу в Белград, чтобы они, находясь близ места действия, постарались мне доставить поскорее требуемые Вами фотографии»⁹⁴. В конечном итоге усилиями А.С. Ионина материалы были собраны⁹⁵. Большинство из них можно видеть на страницах журнала «Пчела», издававшегося М.О. Микешиним в 1875–1878 гг. А ведь забытый сборник Пятницкого помог бы деятелям комитета решить возникшие проблемы.

Нил Александрович
Попов

С 1864 г. пост секретаря Московского славянского комитета занимал известный историк, профессор Московского университета Нил Александрович Попов (1833–1892). Работа с его личным фондом в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 239) позволила выявить один интересный документ — опись бумаг Московского славянского комитета за 1868–1874 гг.⁹⁶ На основе этих данных была составлена следующая таблица:

⁹² ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 144–145.

⁹³ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 559. Л. 1 об.–2.

⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3386. Л. 7 об.

⁹⁵ Там же. Л. 10 об.

⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 3 об.–73 об.

Обращения из Боснии и Герцеговины в Московский славянский комитет в 1868–1874 гг.

Год	прошения, связанные с Боснией и Герцеговиной	общее количество прошений от славян
1868	5	143
1869	15	242
1870	5	148
1871	6	310
1872	5	256
1873	16 ⁹⁷	163
1874	3	171
Всего	55	1433

Среди документов: прошение о помощи церкви великомученика Георгия в Травницком санджаке, сообщения от российских консулов о нуждах боснийских и герцеговинских церквей, школ и западной пропаганде, просьбы архимандрита В. Пелагича поддержать семинарию в Баня-Луке, три ходатайства о выдаче стипендий на обучение в России, документы об организации поездки сараевского архимандрита Саввы Косановича в Россию, расписки в получении помощи из Горажде, предложения устроить женскую гимназию в Сараеве, просьбы о содействии в строительстве собора в Мостаре, сообщения о судьбе С. Перовича и расписки российских консулов в получении денежной помощи (их встречается всего лишь три)⁹⁸.

В 1869 г. Московский славянский комитет выделил для раздачи пособий в Боснии 350 руб. Консул Кудрявцев уже начал распределять средства из фонда консульства, ожидая поступления денег от Комитета. Однако в Москве переменили планы и решили потратить означенную сумму на другие нужды. Эта ситуация поставила дипломата в затруднительное положение⁹⁹.

⁹⁷ Все документы касаются поездки сараевского архимандрита Саввы Косановича в Россию.

⁹⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 3 об., 4, 5 об., 6, 13, 14–15 об., 18–21 об., 23, 25–26 об., 32–32 об., 36, 39, 42 об., 49, 52, 53, 57 об., 59–60 об., 62–63, 65 об., 66 об., 73 об.

⁹⁹ Там же. Л. 19.

Если обратиться к ежемесячным отчетам Московского славянского комитета о сборе денежных средств за 1868–1874 гг., то обнаружится лишь одно упоминание Боснии: в 1871 г. оказывалась помощь боснийскому монастырю Папрача¹⁰⁰. Внимание Москвы переключилось на Болгарию. Это хорошо прослеживается в отчетах о расходах в период с 1868 по 1875 гг.¹⁰¹ Такие перемены были связаны с неудачами Балканского союза, в котором Россия делала ставку на Сербское княжество.

Петербургское отделение

*Славянского благотворительного комитета*¹⁰²

Отделение комитета в Петербурге начало работу только в 1869 г. Пост председателя предлагали занять министру народного просвещения и обер-прокурору Святейшего Синода графу Дмитрию Андреевичу Толстому (1823–1889). По сообщениям В.И. Ламанского, Толстой был готов принять это предложение, но затем отказался под влиянием А.М. Горчакова¹⁰³. Министр иностранных дел опасался, что открытое участие такой важной правительственной фигуры в делах Комитета скомпрометирует правительство.

Отделение возглавил А.Ф. Гильфердинг. Интересно, что ему вместе с М.Ф. Раевским и О.М. Бодянским в 1867 г. официально было запрещено участвовать в работе Славянского съезда в Москве, поскольку они активно популяризировали это мероприятие среди австрийских славян¹⁰⁴.

С.А. Никитин отмечает, что отделение комитета в Петербурге преследовало две цели: помощь культурному развитию славянских народов и внедрение славянской идеи

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 59. Л. 26.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 28; ЦГА Москвы. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 1; там же. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35.

¹⁰² В литературе Отделение принято именовать Петербургским славянским комитетом.

¹⁰³ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 12. Ед. хр. 16. Л. 20.

¹⁰⁴ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 145.

в сознание русского общества¹⁰⁵. Комитет оказывал поддержку молодым людям в получении высшего образования, в основном сербам, болгарам, черногорцам. Официально провозглашался не политический, а благотворительный характер организации. К маю 1869 г. Петербургское отделение насчитывало уже 240 членов.

При Комитете была создана издательская комиссия, цель которой состояла в публикации литературы о славянах. «Первенцем» стало жизнеописание Кирилла и Мефодия¹⁰⁶. Была учреждена премия за сочинения по кирилло-мефодиевской проблематике. Планировалось издание серии книг, которые бы познакомили русское общество с каждой славянской страной в отдельности. Во многом это происходило благодаря активности председателя отделения Гильфердинга, стремившегося рассказать обществу о жизни славян. Неоднократно он сетовал, что русский народ не знает своих братьев. Большое внимание Гильфердинг уделял и австрийским славянам. Это было особенно актуально, поскольку если о сербах, болгарях и поляках русской общественности было что-то известно, то судьба народов Австрийской империи оставалась абсолютно неизвестной. Идея познакомить русское общество со славянством, проживающим в Габсбургской монархии, возникла у Гильфердинга достаточно рано. Еще в начале 1850-х годов он осуществил поездку по австрийским землям. В сентябре 1855 г. побывал в Праге, откуда, по словам Веры Сергеевны Аксаковой, писал «о жажде сообщения и знания русской деятельности, которая существует в этих местах, и о совершенном недостатке средств удовлетворить этой жажде, о равнодушии русских в этом отношении»¹⁰⁷. Этому впечатлению молодости Гильфердинг будет верен всегда. В своем письме Раевскому от 9 апреля 1859 г. он сетовал, что об австрийских славянах министерство иностранных дел «к нашему стыду,

¹⁰⁵ Никитин С.А. Славянские комитеты в России. С. 93.

¹⁰⁶ Лаптева Л.П. Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного комитета // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2002. С. 58.

¹⁰⁷ Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855 гг. СПб., 1913. С. 129.

ничего не знает»¹⁰⁸. Не случайно первым народом, с которым председатель Комитета в Петербурге хотел познакомиться жителей Российской империи, был чешский народ¹⁰⁹.

С 1870 г. при Санкт-Петербургском комитете открылось и Дамское отделение, основной задачей которого была организация благотворительных акций в пользу славян.

Ввиду отсутствия собственного помещения, собрания Комитета проходили, как правило, на квартире одного из его членов: по вторникам — у А.И. Георгиевского, по средам — у В.И. Ламанского, по четвергам — у А.Ф. Гильфердинга, в субботу и воскресенье местом сбора служила квартира И.И. Срезневского¹¹⁰. На заседаниях читались исторические работы, литературные сочинения, велись беседы о текущих славянских делах; устраивались также литературно-музыкальные вечера по славянской тематике.

Комитет активно занимался вопросами оказания помощи студентам и выпускникам российских университетов, приехавшим из славянских земель. Так, в своем письме к Н.А. Попову от 14 октября 1870 г.¹¹¹ Гильфердинг интересуется личностью одного бывшего студента Московского университета, который ввиду отсутствия денежных средств покушался на самоубийство. Гильфердинг от имени Комитета ходатайствует о предоставлении ему денежного пособия.

У Комитета было свое периодическое издание — «Славянский сборник», однако оно не пользовалось популярностью. Четвертая часть каждого тиража отсылалась в славянские земли.

Судя по архивным материалам, в частности по переписке Погодина с Поповым, финансовые дела Славянского комитета шли не очень хорошо — отмечалась постоянная нехватка денег. Так, после смерти Гильфердинга

¹⁰⁸ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 130.

¹⁰⁹ *Лантева Л.П.* Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Комитета. С. 58–60.

¹¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 7. Ед. хр. 24.

назначенная в его честь премия в 965 руб. пошла на расходы Комитета¹¹². Деньги для оказания помощи славянам собирали «всем миром».

Для сбора средств Славянский комитет устраивал благотворительные концерты. В письме к Н.А. Ермакову¹¹³ от 22 января 1871 г. Гильфердинг писал: «По поручению Славянского комитета имею честь обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой: не сочтете ли возможным воспользоваться многочисленным разнообразным кругом знакомств Ваших, чтобы рекомендовать возможно большему числу лиц посетить концерт, который устраивается в пользу комитета»¹¹⁴.

Собранные средства чаще всего отправлялись к М.Ф. Раевскому в Вену, который передавал их по назначению. Точных данных о том, сколько и для чего посылалось, обнаружить не удалось, но есть несколько частных случаев. Так, в 1870 г. по просьбе Раевского Комитет отправил 200 руб. на поддержку хорватских партий в борьбе с политикой бана Левина Рауха (1819–1890)¹¹⁵. Примерно в это же время решался вопрос об открытии православной церкви в Праге. Этот сюжет детально прослеживается по переписке А.Ф. Гильфердинга с М.П. Погодиным¹¹⁶. Из писем становится ясно, что Комитет в 1871 г. испытывал большие финансовые трудности. Проводился сбор средств на издания в память Яна Гуса, кирилловскую премию, для Серболужицкой Матицы и Чешского театра¹¹⁷.

¹¹² Там же. Ф. 231/II. Картон 26. Ед. хр. 60. Л. 6.

¹¹³ Ермаков Николай Андреевич (1824–1897) — окончил Порховское уездное училище, служил в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел. Позднее был назначен вице-директором, а затем директором департамента торговли и мануфактур министерства финансов. В течение нескольких лет являлся директором Технологического института. С 1885 г. служил в министерстве финансов.

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 967. Л. 1.

¹¹⁵ Там же. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 5 об.

¹¹⁶ Там же. Ед. хр. 127.

¹¹⁷ *Лантева Л.П.* Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Комитета. С. 63.

Откуда же брались деньги на пожертвования? В основном все мероприятия осуществлялись за счет самих благотворителей.

Судя по тому, что достаточно часто встречаются сообщения о нехватке денежных средств, приток их извне был незначителен, но организация продолжала существовать.

К 1870-м годам между Москвой и Петербургом возникло недопонимание: Москва обвиняла Петербург в излишней самостоятельности в принятии решений и пыталась контролировать финансовые расходы своего отделения. Это возмущало А.Ф. Гильфердинга, о чем он открыто писал Н.А. Попову¹¹⁸.

В 1872 г. не стало А.Ф. Гильфердинга. Отделение славянского комитета в Петербурге возглавил Иван Петрович Корнилов (1811–1901). К этому моменту он успел побывать инспектором казенных училищ Московского учебного округа, помощником попечителя Петербургского учебного округа, с 1864 по 1868 гг. был попечителем Виленского учебного округа, являлся членом совета министерства просвещения. Его перу принадлежали работы, посвященные польскому вопросу.

Принято считать, что в Комитете существовало условное разделение «сфер влияния»: Москва отвечала за судьбы турецких славян, а Петербург — австрийских.

О деятельности Петербургского отделения в отношении Боснии и Герцеговины в период с 1869 по 1874 гг. известно мало. Согласно финансовым отчетам, к маю 1870 г. удалось собрать 56 руб. на помощь школам Боснии и Галиции (из них в 1869 г. поступило на счет — 54 руб., а в 1870 г. — 2 руб.). Данная сумма не передавалась до 1873 г., неизвестно также, каким образом она была разделена между этими славянскими областями¹¹⁹. В 1869 г. член Петербургского отделения комитета И.А. Посохов вызвался в течение трех лет содержать одну из герцеговинских школ¹²⁰. По просьбе директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова было выбрано учебное заведение

¹¹⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 7. Ед. хр. 24. Л. 7–8.

¹¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об., 59.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 91 об.

в Любушках¹²¹. Однако до 1875 г. Посохов так и не внес денег в кассу Комитета¹²². В 1870 г. было сделано разовое пожертвование членом Комитета Н.А. Киреевым на открытие женской гимназии в Сараеве¹²³. В 1871 г. П.П. Демидов даровал 250 руб. на покупку утвари для нового собора в Сараеве¹²⁴. В 1872 г. было передано 100 руб. для школы в Невесинье¹²⁵. Известно также о просьбе П.Н. Стремоухова помочь в реализации проекта расширения сети православных школ в Герцеговине. Председатель Отделения комитета в Петербурге был вынужден отказать ввиду отсутствия финансовых средств¹²⁶. В 1873 г. частные благотворители внесли в кассу комитета 500 руб. на нужды школы в Сараеве¹²⁷.

Отделение славянского комитета в Петербурге активно сотрудничало с российским МИД. В январе 1874 г. почетным членом Комитета был избран Н.П. Игнатъев¹²⁸.

В 1870-е годы Славянский комитет находился в бедственном финансовом положении. Средств на ведение деятельности катастрофически не хватало. Для их сбора благотворительные организации устраивали специальные вечера. Билеты продавались в кассах Большого театра. Так, на Пасху в 1871 г. был подготовлен художественно-литературный вечер с «живыми картинами», в котором принимали участие А.Н. Майков, Я.П. Полонский и Ф.И. Тютчев¹²⁹.

По обращениям Московского славянского комитета к общественности в 1867–1868 гг.¹³⁰ можно судить об источниках его дохода:

¹²¹ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–16 об.; Д. 12. Л. 128.

¹²² Там же. Д. 8. Л. 15–16 об.

¹²³ Там же. Д. 1. Л. 16 об.

¹²⁴ Там же. Л. 61 об.

¹²⁵ Там же. Д. 1. Л. 176 об.; Д. 8. Л. 22–24, 32.

¹²⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 185–186.

¹²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 176 об.; Д. 8. Л. 33–34 об.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3186. Л. 3.

¹²⁹ ОР РГБ. Ф. 231/4. Картон 2. Ед. хр. 26. Л. 2 об.

¹³⁰ Там же. Ед. хр. 61.

1. Пожертвования от членов императорской семьи.
2. Пособия от министерства иностранных дел и министерства просвещения.
3. Ежегодные взносы постоянных членов Комитета.
4. Сбор пожертвований от частных лиц. За пожертвование сумм от 5 до 10 руб. присваивалось звание члена-благотворителя Комитета, от 10 до 25 руб. — звание действительного члена, от 25 руб. и более — звание почетного члена.
5. Устройство музыкальных, литературных и драматических вечеров.
6. Добровольное участие корреспондентов Комитета в сборе средств в пользу славян.

Важнейшим делом Комитета было противодействие католической и протестантской пропаганде. Сараевский консул А.Н. Кудрявцев писал в эту организацию в 1869 г.: «Славянский благотворительный комитет выразил желание иметь подробные сведения о деятельности западных пропаганд в Боснии. Поспешно исполнил желание комитета с тем большим сочувствием, что насаждаемая им деятельность обращается ныне на народное просвещение югославян — значит и бошняков, — в котором они так много нуждаются и которого ищут, но пока напрасно»¹³¹. Совершенно очевидно, что русская помощь Боснии еще не была существенной.

Тема соперничества с католической пропагандой звучит во всех прошениях, присылаемых из Боснии и Герцеговины. Часто, стремясь обратить внимание Комитета на регион, российские консулы в своих справках акцентировали внимание на противостоянии православия католичеству и протестантизму. Так, Кудрявцев в 1869 г. писал: «От России и ее общества зависит огромная доля преуспевания в восстании и образовании православного народа Боснии. От того-то, от России и ее общества ожидают всего наши единоверцы, которые больше чем когда-либо надеются и веруют в нашу силу и могущество. Наша сила, по их убеждениям, способна бороться одна со всем Западом и серединою Европы, но для этого она должна быть прилагаема к делу,

¹³¹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 84.

по какой-либо рациональной и практической системе, подобно, например, системе германских обществ, миссионерская деятельность которых увенчивается самыми блистательными результатами»¹³².

Как уже говорилось, заботой Комитета было в том числе и обучение славян из Боснии и Герцеговины в России. Однако сербский митрополит Михаил считал, что ученикам из Боснии, Герцеговины и Старой Сербии лучше получать образование в Сербии, а в Россию следует отправлять болгар¹³³. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже.

В 1874 г. в Османской империи был принят новый закон о школах. Церковно-школьные комитеты¹³⁴ были провозглашены нелегитимными органами, действующими против государства. Соответственно был запрещен сбор средств в пользу школ, все учителя тщательно проверялись правительством, учебная литература печаталась в вилайете, проводилась тщательная ревизия учебников. Все основные (начальные. — К.М.) школы должны были быть устроены по принципу турецких¹³⁵. Эти меры существенно ударили по русской и сербской просветительской политике в регионе. Под запрет попало всё, над чем так долго работали.

Финансовый вопрос, соперничество с католической пропагандой и противостояние турецкой политике были не единственными проблемами. Нельзя умалять значение деятельности Славянского комитета и русских благотворителей в поддержке православия и развитии образования в Боснии и Герцеговине. Однако необходимо отметить и негативные моменты, которые скорее подрывали репутацию России.

Сараевский консул Е.Р. Шулепников писал Раевскому: «Пришлите, пожалуйста, что-нибудь, только не очень

¹³² Там же. Л. 88 об.–89.

¹³³ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 11–12.

¹³⁴ Церковно-школьные комитеты (общины) заведовали всеми учебными заведениями Боснии и Герцеговины, занимались вопросами финансирования и подбора учительских кадров.

¹³⁵ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 519.

подержанное...»¹³⁶ Недовольство качеством присланной помощи выражали и жители Боснии и Герцеговины. Щулепников сообщал: «Откровенно сказать, старые вещи как-то совестно и раздавать, как, например, я имел много весьма ветхих риз, и в бытность мою недавно в Мостаре архимандрит Памучина конфиденциально изъявил мне свое неудовольствие на то, что получил от Вас много старья, весьма справедливо замечая при том, что таким образом не достигается наша цель благотворительности»¹³⁷.

Из вышесказанного становится ясно, что Комитет старался пересылать всё, что удавалось собрать, в том числе и ветхое старье. Такого рода помощь от богатой и сильной России воспринималась как издевательство. Австрия, которую считали главным конкурентом в регионе, не позволяла себе таких оплошностей.

Далее, не было четких договоренностей в вопросах распределения помощи и разделения зон ответственности. Несогласованность приводила к тому, что в одни местности она пересылалась многократно, а другие не получали ничего. Столкнувшись с этой проблемой, сербский митрополит Михаил предлагал обмениваться данными о том, куда и сколько было направлено материальных благодеяний из России и Сербии¹³⁸.

Судя по письмам российских консулов, такая неразбериха была системным явлением. Зачастую сам Раевский раздавал посылки через боснийских торговцев, не ставя в известность консульства. В самих консульствах также часто случалась путаница. Вещи перемешивались, терялись, доставлялись не по адресу¹³⁹. Существовала несогласованность в действиях и самих работников дипломатических представительств. Во время отсутствия консула секретари раздавали помощь беспорядочно, не ведя записей о том, куда и что послали¹⁴⁰. Были трудности с пересылкой:

¹³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 22.

¹³⁷ Там же. Л. 29.

¹³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 9–10.

¹³⁹ Там же. Ед. хр. 43. Л. 1.

¹⁴⁰ Там же. Ед. хр. 79. Л. 9 об.

ящики задерживались и пропадали, порой на транспортировку уходило около года.

Как уже говорилось, с открытием консульства в Мостаре Герцеговина вышла из зоны ответственности консульства в Сараеве. Российский консул Безобразов установил контакт со Славянским комитетом. Он сообщал, что не несет ответственности за помощь, розданную в Герцеговине сараевским консулом Щулепниковым и местной православной общиной¹⁴¹. В результате осталась неясной судьба нескольких ящиков, присланных из Москвы и Петербурга. Все попытки Раевского получить расписки в их получении были тщетны.

Огромные трудности возникали с распределением собранного в России. Раздавать деньги по селам было просто невозможно, так как не в каждом селе был священник. Консул в Мостаре Безобразов предлагал раздавать по три-четыре червонца особо бедным священникам, чтобы хоть как-то их поддержать¹⁴².

Не все славянские агенты Комитета отличались порядочностью. Многие просто создавали видимость деятельности, получая скромную плату. Конечно же, с Балканского полуострова в Россию приезжало много разного рода авантюристов. Бывали случаи приезда сербов — турецких и австрийских шпионов. Балканские агенты и русские консулы старались предупредить Москву и Петербург об опасности общения с ними¹⁴³.

Михаил Федорович Раевский и боснийский вопрос

Пример успешного сотрудничества Русской православной церкви, славянских комитетов и МИД являет собой личность замечательного человека — протоиерея М.Ф. Раевского (1811–1883). По признанию исследователей русско-славянских связей в XIX веке, он был ключевой фигурой в установлении и развитии контактов славянства с Россией.

¹⁴¹ Там же. Ед. хр. 12. Л. 82–82 об.

¹⁴² Там же. Л. 84–85.

¹⁴³ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 1.

Михаил Фёдорович
Раевский

По предложению обер-прокурора Св. Синода в 1842 г. Раевский получил назначение на должность священника русской посольской церкви в Вене. В 1843 г. Михаил Фёдорович прибыл в столицу Австрии вместе со своей большой семьей¹⁴⁴. Здесь он пробыл около 40 лет, до своей кончины.

Этого человека без преувеличения можно назвать важным связующим звеном сложной системы, которая охватывала русские благотворительные организации, правительство, Священный Синод, деятелей славянского мира. Количество его корреспондентов исчисляется тысячами¹⁴⁵.

Во второй половине XIX в. из-за ужесточения цензуры в монархии Габсбургов были весьма затруднительны переписка и книгообмен с Россией. Выручала дипломатическая почта. Однако на адрес посольства пересылать письма было опасно, поэтому вся корреспонденция проходила через М.Ф. Раевского.

Отношение Раевского к боснийскому вопросу прошло эволюцию от искренней веры в возможность объединения всего сербского народа до глубокого разочарования в этих идеях. Он много трудился на благо славян и поддержание православия. Депутации христиан из Боснии и Герцеговины знали, что именно здесь они смогут найти помощь и поддержку. Раевский владел итальянским, французским, шведским и всеми славянскими языками, в то время как не все российские консулы в Боснии говорили по-сербски.

В 1858 г. Раевский еще верил в силу народа Боснии и Герцеговины, которая позволит сбросить «турецкое ярмо». Он со скепсисом относился к выводам Гильфердинга

¹⁴⁴ На тот момент у него были жена и шестеро детей.

¹⁴⁵ Исследователи архива М.Ф. Раевского В. Матула и И.В. Чуркина выявили 1750 корреспондентов только из славянских земель. См.: Матула В., Чуркина И.В. Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70-е гг. XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 166–178.

об апатичности боснийцев. «Не могу вполне согласиться со словами г. Гильфердинга в брошюре его о Боснии, — писал он в 1858 г., — что эта страна не в состоянии подняться сама собой без внешнего постороннего содействия. Кто теперь поднял босняков? Неужели в самом деле Австрия, запретившая вывозить из своих владений в Боснию и порох, и оружие, на днях выгнавшая со службы 15 человек офицеров-славян из граничаров за их сношения с бошняками. И не тем бы кончилось это восстание в Боснии и Герцеговине, если бы райе не связаны были руки вмешательством в ее дела посторонних государств»¹⁴⁶.

А.Ф. Гильфердинг придерживался иного мнения. Как очевидец восстания 1858 г. он был уверен, что волнения являлись результатом провокаций иностранных агентов.

В 1860 г. Михаил Федорович принимал участие в работе сербского комитета по освобождению Боснии под руководством М. Бана (подробнее об этой организации речь пойдет ниже). К этому моменту к нему пришло понимание о невозможности освобождения Боснии и Герцеговины исключительно собственными силами. Результаты работы тайной организации ввергли Раевского в глубокое разочарование. В декабре 1860 г. он писал А.С. Ионину: «Во всех славянах, право, мало толку»¹⁴⁷.

К 1861 г. Раевский уже разуверился в возможности славянского единства и обретения всеобщего блага. Он писал А.П. Толстому: «Нет единства мыслей, единства действий. Всякая голова имеет свой план, всякая отдельная личность и национальность ставят прежде всего свой интерес впереди и на нем хочет основать систему единства»¹⁴⁸.

В 1864 г. Раевский писал Н.П. Игнатьеву, что настало время борьбы Востока с Западом, православия с католицизмом, славян с другими народами. Во главе этой борьбы Бог поставил Россию. Раевский считал, что она должна поступать так же, как ведут себя Австрия, Англия и Франция; необходимо писать больше полезного для страны в газетах, активно заниматься благотворительностью и сообщать

¹⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 70 об.

¹⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3383. Л. 1.

¹⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 17–17 об.

о своей деятельности¹⁴⁹. Разуверившись в возможности славянского духовного единения, он стал больше внимания уделять защите интересов самой России.

Позиция Раевского по вопросу о нуждах и стремлениях народа Боснии и Герцеговины в период Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. четко прослеживается в его письмах к И.П. Корнилову: «Положим, что сербы взойдут в Боснию и Герцеговину; — а уверены Вы, что они не передерутся между собой? И тогда увы! Придется просить Австрию, чтоб заняла Боснию. А уверены Вы, что босняки желали бы соединиться с сербами? А вот видите ли: когда поп Жарко (Лешевич. — К.М.) вступил в Боснию, босняки не поднялись с ними, и теперь там почти все смирно (...) когда недоумевают, кого послать в Боснию и Герцеговину для управления делами, я в шутку предлагаю послать сербов. У них есть и народная форма правления, и чиновники тоже сербы. Поверьте, что чрез два года, если не прежде, умолять будут босняки европейские державы только вывести от них сербов. Хорошо тогда будет положение России! **Хоть и скучно, но нужно сознаться, что Босния и Герцеговина не могут еще ни сами собой управляться, ни быть управляемы своими соседями-славянами**»¹⁵⁰. Это высказывание наглядно иллюстрирует перемены в воззрениях Раевского на боснийский вопрос.

Приложив много усилий для того, чтобы славянская тема зазвучала в русском обществе, Раевский вместе с тем ужасался активности своих соотечественников. Разгоревшиеся в русском народе после герцеговинского восстания страсти пугали его. Он понимал, что крах иллюзий неминуем, ибо Россия «ввязалась» в дело, исход которого неизбежно приведет, по его убеждению, не только к потере Боснии, но и к конфликтам с Сербией. Раевский сетовал: «Теперь же славяне к нам не признательны, а если освободятся, то и совсем отворотятся от нас, к радости немцев, англичан et tutti quanti»¹⁵¹. Вот моя Вам исповедь завязтого славянофила»¹⁵².

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 496.

¹⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3386. Л. 8–8 об.

¹⁵¹ И всяких других (итал.).

¹⁵² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3386. Л. 11 об.

Многолетние труды Раевского в Боснии и Герцеговине, участие в работе тайных сербских обществ, контроль за распределением русской помощи, организация обучения местной молодежи в России, непрерывная переписка с рядом представителей населения отлично познакомили его с этим регионом Балкан. И можно утверждать, что к 1876 г. Раевский пришел к выводу о неспособности его народа жить самостоятельно или вместе с родственными сербами. Существование Боснии и Герцеговины было возможно, по его мнению, только в рамках большой империи.

К середине 1870-х годов Раевский стал менее активным в своей деятельности. Вместе с тем во время Великого Восточного кризиса он участвовал в сборе средств в пользу славян, и как установила И.В. Чуркина, после оккупации Боснии и Герцеговины Раевский не разорвал контактов со своими корреспондентами из этих областей и, вплоть до своей кончины вел переписку с участником повстанческого движения Петром Узелацем¹⁵³.

Как отмечают В. Матула и И.В. Чуркина, в историографии присутствует три оценки личности Раевского: одни считают его агитатором и идеологом панрусизма и панславизма, другие называют выдающимся русско-славянским деятелем и выразителем интересов русского народа, третьи пишут о нем как о представителе могущественного русского народа, на помощь которого надеялись все славяне. Трудно принять тезис о Раевском-панслависте. Прежде всего, он был проводником политики правящих кругов России, Русской православной церкви и деятелей славянофильского течения. Стоит отметить, что общественно-политические взгляды Михаила Федоровича отличались консерватизмом. До конца жизни неизменной для него оставалась верность русскому престолу и православной церкви¹⁵⁴. История взаимоотношений Раевского с Боснией очень хорошо иллюстрирует это.

Свои первые шаги русская благотворительность в Боснии начала в 1850-е годы. Все это время славянские комитеты

¹⁵³ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский. С. 185–186.

¹⁵⁴ Матула В., Чуркина И.В. Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии. С. 166–178.

были верными союзниками российского правительства в вопросе распределения помощи. Вышеперечисленные организации играли важную роль в установлении русско-сербских церковных связей. Наибольшие денежные вливания в регион относятся к периоду конца 1850-х — начала 1860-х годов. Далее шла планомерная поддержка Сербии и ее программы в регионе, а благотворительные пожертвования стали поступать болгарскому народу.

Иван Сергеевич Аксаков

Политика А.М. Горчакова была направлена на укрепление связей с балканскими народами. Славянский комитет должен был стать главным орудием в этом деле. Однако к 1875 г. проявилось расхождение в образе мыслей и действий Московского комитета и российского правительства. И.С. Аксаков, ставший руководителем Комитета, стремился вести самостоятельную политику. В 1877 г. Комитет разделился на Московское славянское благотворительное общество и Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество. В 1878 г. за критику русской внешней

политики в публичном выступлении, посвященном итогам Берлинского конгресса, И.С. Аксакова выслали из Москвы, а Московское славянское благотворительное общество было закрыто. Санкт-Петербургское благотворительное общество продолжало работу до 1921 г.

Русская периодическая печать о боснийских проблемах в 50–70-е годы XIX в.

Периодическая печать для XIX века была главным инструментом формирования общественного мнения. На основании анализа ряда изданий посмотрим, какое

место занимала Босния и Герцеговина на страницах русских журналов и газет.

В 1860-е годы в России возросла роль периодики, во многом это было связано со смягчением цензуры. Самыми популярными были «толстые» журналы. Если ранее большая часть подобных изданий носила только художественный и научно-популярный характер, то теперь на их страницах активно освещались политические события¹⁵⁵.

*Босния и Герцеговина
на страницах русских периодических изданий*

Периодическая печать России, активно пропагандировавшая славянскую идею, уже привлекала внимание исследователей. Особо следует отметить монографии Л.И. Ровняковой «Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е гг. XIX века)»¹⁵⁶ и Т.Ф. Пирожковой «Славянофильская журналистика»¹⁵⁷.

Объектом нашего внимания стали «толстые» журналы, официальная периодика, издания славянофильского и западнического направления: «Дело» (1866–1879), «Гражданин» (1872, 1873, 1878), «Русское слово» (1859–1866), «Современник» (1856–1863), «Русский вестник» (1856–1878) и приложение к журналу «Современная летопись» (1861–1867, 1869, 1871), «Русский инвалид» (1857–1858), «Военный сборник» (1858–1879), «Вестник Европы» (1866–1879), «Русская беседа» (1856–1860), «Голос»¹⁵⁸, «Нива» (1870–1877). Мы поставили целью выявить все упоминания славянского вопроса, Восточного вопроса, а также непосредственно Боснии и Герцеговины на страницах этих изданий. Полученные данные позволили составить ряд графиков, наглядно иллюстрирующих место боснийской проблематики в русской периодической печати.

¹⁵⁵ Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е гг. XIX века). Л., 1986. С. 83–112.

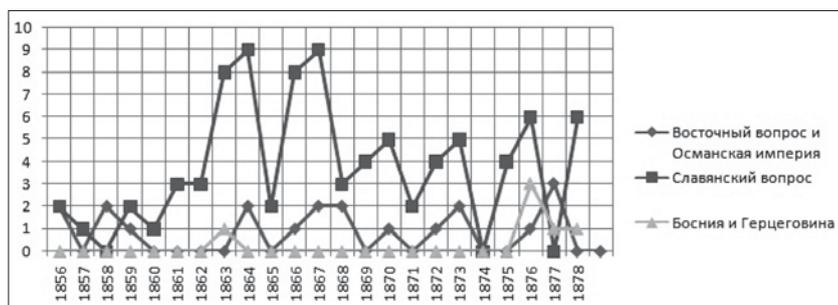
¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.

¹⁵⁸ Анализ материалов «Голоса» произведен на основе монографии Л.И. Ровняковой. См.: Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать.

Литературный и общественно-политический журнал «Русский вестник» являлся одним из самых влиятельных изданий своего времени. Его главным редактором был публицист, литературный критик и основоположник политической журналистики в России, приверженец идеологии западничества Михаил Никифорович Катков (1817–1887). Журнал выходил с 1856 по 1906 гг., изначально раз в две недели, с 1861 г. — раз в месяц. Первый отдел журнала содержал беллетристику и научные статьи, второй носил политический характер и назывался «Современная летопись». С 1861 г. политическое обозрение выходило отдельно.

График частоты упоминаний в «Русском вестнике» Восточного вопроса, славянского вопроса, Боснии и Герцеговины в 1856–1878 гг.

Славянские сюжеты начинают занимать видное место на страницах издания с 1863 г. Вполне естественно, что особое внимание уделялось польскому вопросу. О Боснии встречается лишь одно упоминание, связанное с восстанием под руководством Луки Вукаловича и переговорами о заключении мира с Портой¹⁵⁹. Далее до 1876 г. боснийский вопрос не затрагивался. Издание не проявило интереса к разразившемуся в 1875 г. Герцеговинскому восстанию. Только в июльском номере журнала за 1876 год были опубликованы «Очерки современного положения задунайских славян» известного ученого-слависта и дипломата В.В. Макушева и перевод драмы сербского писателя М. Бана «Мейрима или босняки»¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Русский вестник. 1863. Т. 48. № 11–12. С. 818–819.

¹⁶⁰ Там же. 1876. Т. 123. № 5–6. С. 5–36, 745–835.

Макушев называет Боснию и Герцеговину царством произвола мусульман и грубого невежества, говорит о вреде католической пропаганды и проблемах образования у православного населения. Все «ужасы мусульманского ига» в этом же номере иллюстрирует «Мейрима» М. Бана. Главный герой драмы, отказавшись переменить веру и жениться на дочери бега, попадает в тюрьму. Акцент делается на непокорности боснийской знати султану, который владеет Боснией «только по имени», а они — «на самом деле». Отмечается извечный принцип потурченцев: «в душе веруй, как хочешь, назовись только турком».

Отвечая интересу русского общества к южным славянам, в 1876 г. на страницах «Русского вестника» появляется также материал под названием «Поездка из Константинополя в Сараево в 1874 г.»¹⁶¹ К сожалению, не удалось установить автора работы, точно можно лишь сказать, что она не принадлежит перу российских консулов и секретарей, которые в то время находились в Боснийском вилайете. Автор делится впечатлениями, которые на него произвели турецкие управленцы в Мостаре и Сараеве. Особо поразил путешественника мостарский Ризван-паша: его кабинет был похож на номер в самой плохой гостинице; расположившись в кресле на корточках с печатью в руках, он своим видом напоминал обезьяну¹⁶². Мостар предстает в этом материале ужасным местом, где повсеместно душат православие, царит безграмотность, а братья по крови и племени готовы задушить друг друга¹⁶³. В 1877–1878 гг. на страницах издания публиковались очерки Герцеговинского восстания¹⁶⁴.

Оценивая место Боснии и Герцеговины на страницах «Русского вестника», нельзя обойти вниманием приложение «Современная летопись», которое выходило с 1861 по 1871 г. В 1863 г. М.Н. Катков получил в аренду газету «Московские ведомости», и «Летопись» стала приложением к этому изданию.

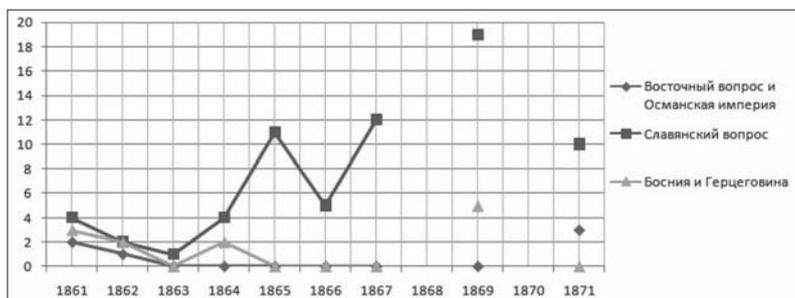
¹⁶¹ Там же. Т. 125. № 10. С. 629–677.

¹⁶² Там же. С. 662–663.

¹⁶³ Там же. С. 664.

¹⁶⁴ Там же. 1877. Т. 132. № 11. С. 358–385; 1878. Т. 136. № 7–8.

График частоты упоминаний в «Современной летописи» Восточного вопроса, славянского вопроса, Боснии и Герцеговины в период за 1861–1871 гг.¹⁶⁵

В 1861–1862 гг. на страницах издания встречаются короткие сообщения о ходе восстания Луки Вукаловича¹⁶⁶.

В № 39 за 1864 г. в газете было напечатано письмо из Боснии от Серба Боснийского¹⁶⁷, в котором сообщалось о многочисленных податях, которые христиане были вынуждены платить туркам.

С 1865 г. в «Современной летописи» появляется раздел «Славянская хроника». В 1865 г. эту колонку вел Н.А. Попов; за год она выходила 11 раз¹⁶⁸. В 1866 г. на страницах издания нет этой рубрики. С 1867 по 1869 г. данный раздел готовил корреспондент «Z.Z.Z.»¹⁶⁹. Первые статьи этого журналиста появляются в 1866 г.¹⁷⁰, и все они затрагивают славянскую проблематику.

В разделе «Славянская хроника» (№ 12 за 1869 г.) сообщается о возвращении из Константинополя боснийского вали Осман-паши в Сараево и закрытии богословской семинарии

¹⁶⁵ Данные примерные, так как не удалось посмотреть номера журнала за 1868 и 1870 гг.

¹⁶⁶ Современная летопись. 1861. № 12. С. 21; № 16. С. 14–15; № 21. С. 19.; 1862. № 4, № 39.

¹⁶⁷ Там же. 1864. № 39. С. 4–5.

¹⁶⁸ Там же. 1865. № 6–7, № 9, № 12, № 16–18, № 22, № 28–29.

¹⁶⁹ Под этим псевдонимом скрывался болгарский писатель, переводчик, журналист Райко Жинзифов (1839–1877). См.: Фролова М.М. Москва в жизни болгарского публициста Райко Жинзифова // Славяне и Россия: славяне в Москве. Сб. статей. М., 2018. С. 99.

¹⁷⁰ Современная летопись. 1866. № 23, № 28, № 33–35, № 39–40.

В. Пелагича в Баня-Луке¹⁷¹. Осман-пашу автор называет «зверем в человеческом образе» и «турецким цивилизатором», который «распоряжается жизнью, имуществом и честью несчастных христиан как своей собственностью»¹⁷², а заключение Пелагича и учителей семинарии в тюрьму оценивает как варварство.

В № 28 за 1869 г. в разделе «Славянская хроника» приводился текст письма-воззвания Луки Вукаловича к герцеговинцам¹⁷³. Бывший предводитель восстания, скрывающийся от турецкого преследования в России, якобы рассуждал об австро-венгерских планах относительно Боснии. В этом письме Вукалович уверял, что Австро-Венгрии теперь некогда и подумать об этом регионе, и поэтому нет никаких оснований ее бояться. Относительно венгров было высказано следующее: «Если мадьяры обладают политической зрелостью, то они должны протянуть нашему народу братскую руку, отказаться от внешней политики, которая не для них, и укрепиться в своей собственной земле»¹⁷⁴. Опасности со стороны хорватов не было, поскольку для них главная задача — разобраться с венграми: «Мы не должны отделяться от хорватов, потому что они наши братья по крови и языку. Они должны держаться нас, а мы их: должны отказаться от безделья и раздора»¹⁷⁵. Согласно содержанию воззвания, самое главное несчастье и опасность Вукалович видел в католической пропаганде, которая «ногой стала на шею»¹⁷⁶.

О перспективах Боснии и Герцеговины в письме говорится с оптимизмом: «Наша будущность прекрасна, ее никто больше не может омрачить. Турецкое правительство исчезнет само собой (...). Не нужно больше бояться, день нашего освобождения недалек. Надобно нам трудиться в соединении и согласии, чтобы великий день нашего возрождения застал нас готовыми, а Бог нам дал великую славянскую Россию с друзьями, так что враги не могут больше удручать нас»¹⁷⁷.

¹⁷¹ Там же. 1869. № 12. С. 3–5.

¹⁷² Там же. С. 3.

¹⁷³ Там же. № 28. С. 6–7.

¹⁷⁴ Там же. С. 7.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

Ознакомившись с данным текстом, российский консул в Мостаре Н.А. Иларионов сообщал Н.П. Игнатьеву:

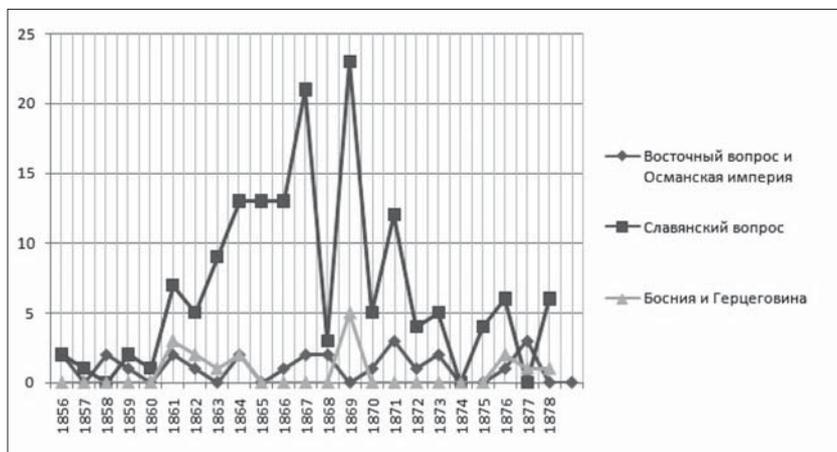
«В австрийских газетах, а затем и в русской печати было сообщено несколько времени тому назад известие о каком-то воззвании воеводы Луки Вукаловича к жителям Герцеговины и Боснии, причем говорилось также, что воззвание это было будто было ввезено сюда во множестве экземпляров и распространяемо между герцеговинцами, читающими его с большим восторгом и сильно ему сочувствующими.

По прочтении мной подобного странного известия я не замедлил навести повсюду надлежащие справки, и из полученных мной теперь сведений ясно оказывается, что как само помянутое воззвание Вукаловича, так и распространение его по Герцеговине — чистая выдумка»¹⁷⁸.

Таким образом, становится понятно, что данное письмо Луки Вукаловича было мистификацией, а источником информации, вероятно, послужили австрийские газеты.

С 1869 г. в «Современной летописи» печатались протоколы заседаний Московского славянского комитета и отчеты о деятельности его Петербургского отделения.

Объединенный график: «Русский вестник» и «Современная летопись» в 1856–1878 гг.

¹⁷⁸ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2055. Л. 47–47 об.

Как видно, сведения о Боснии и Герцеговине в указанный период были весьма незначительны на страницах «Русского вестника» и «Современной летописи». Нельзя сказать, что создаваемый здесь образ региона сильно отличался от того, что имело место в других журналах и газетах. Босния и Герцеговина предстает на их страницах как «захолустье Европы», где остановилось всякое развитие, где процветает католическая пропаганда, а православные жители запуганы турками. Несомненно, налицо влияние деятелей Славянского комитета, в частности Н.А. Попова: «Современную летопись» они использовали как одно из орудий деятельности своей организации.

Петербургский ежемесячный журнал «Русское слово» выходил с 1859 по 1866 г. Редактором этого издания был граф Григорий Александрович Кушелёв-Безбородко (1832–1870). В 1862 г. он передал издание Григорию Евлампиевичу Благосветлову (1824–1880). Журнал имел литературно-научный характер.

Впервые к славянской теме журнал «Русское слово» обратился в 1861 г., когда в № 10 появилась статья А.А. Майкова «Присяжный суд у южных славян»¹⁷⁹. В 1862 г. в разделе «Политика» сообщалось о ходе восстания Луки Вукаловича¹⁸⁰. Следующий год был ознаменован публикацией целого ряда стихотворений, в основу которых были положены сербские сюжеты¹⁸¹. В 1864 г. под заголовком «Голос из Сербии»¹⁸² в журнале появилась статья некоего серба Ракича с критикой деятельности и идеологии славянофилов. В статье говорилось о том, что «безумная любовь славянофилов» — совершенно не то, что нужно славянам. Знакомство автора с материалами «Русской беседы», «Паруса» и газеты «День» принесло ему только разочарование. По его утверждению, славянофилы «скорее ненавидят, чем любят нас; потому что их приторное сентиментальничание, их гнилой романтизм, да еще в политических

¹⁷⁹ Русское слово. 1861. № 10.

¹⁸⁰ Там же. № 4, № 5.

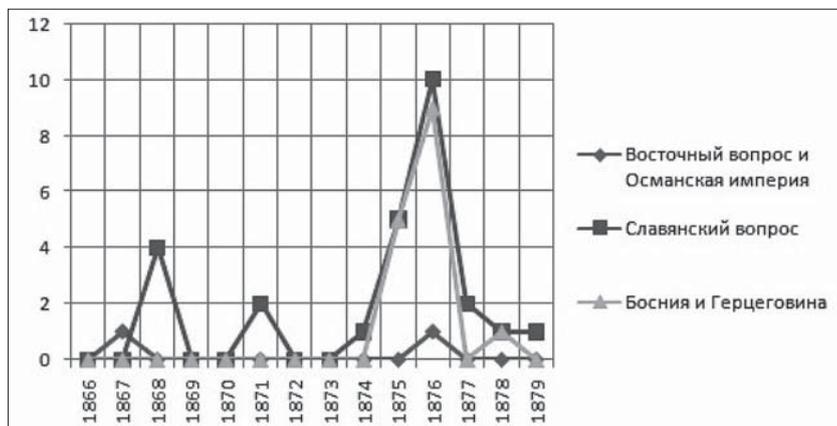
¹⁸¹ Там же. 1863. № 7, № 11.

¹⁸² Там же. 1864. № 5. С. 71–88.

вопросах, решительно ни на что не годен; их любовь требует от нас жертвы, жертвы огромной, от которой зависит самобытность нашей жизни...»¹⁸³. Оскорбительным автор статьи находит то, что русские славянофилы относятся к своим собратьям как к нижестоящим, а не как к равным. Заботу и деятельность славянофилов он считает лицемерием.

Журнал был закрыт в 1866 г., после покушения Д.В. Каракозова на Александра II. Наследником «Русского слова» стал журнал революционно-демократического направления, орган разночинного радикализма «Дело». Официальным редактором-издателем был Н.И. Шульгин, но фактически делами журнала занимался Г.Е. Благосветлов. Журнал находился под пристальным вниманием цензуры. Наряду с «Отечественными записками» и «Вестником Европы» издание было одним из самых популярных в России, особенно в провинции; его тираж колебался от 3.500 до 5.000 экземпляров в год.

График частоты упоминаний в журнале «Дело» Восточного вопроса, славянского вопроса, Боснии и Герцеговины в 1866–1879 гг.

Интерес к Боснии и Герцеговине появляется в журнале только с началом восстания 1875 г. На страницах издания печатаются стихотворения и переводы сербских поэтических

¹⁸³ Там же. С. 71.

произведений В.И. Славянского¹⁸⁴, А. Михайлова¹⁸⁵, А. Круглова. Публикуются работы «Мученики Герцеговины»¹⁸⁶, «Славянка в турецком гареме»¹⁸⁷, «Сербии — герцеговинец»¹⁸⁸, «Молитва славянина»¹⁸⁹, «Герцеговинец в турецкой тюрьме»¹⁹⁰, «Судьба райи»¹⁹¹, «Герцеговинцы»¹⁹², «Молитва восставших славян»¹⁹³, «Восстание славян»¹⁹⁴, «Славянская рознь»¹⁹⁵.

В 1876 г. в издании был напечатан очерк Л. Лебедева «Босния и Герцеговина»¹⁹⁶, знакомивший читателя с этим регионом и указывавший на причины волнений в крае. Автор отмечает, что существуют лишь две достойные работы об этих областях: сочинение Гильфердинга и «Задунайские и адриатические славяне» В.В. Макушева. Все остальное носит фрагментарный характер. Поскольку статистические данные Гильфердинга уже устарели, то Лебедев предлагает читателям познакомиться с новыми сведениями о населении края. Автор много пишет о проблемах духовенства, школах, торговле, недостатках турецкого управления и беговате. Его работа полна сочувствия к славянам.

В № 11 за 1878 г. опубликован перевод на русский язык сочинения о путешествии по славянским землям двух английских леди — мисс Ирби и мисс Макензи¹⁹⁷.

¹⁸⁴ Псевдоним русского писателя, журналиста и путешественника Василия Ивановича Немировича-Данченко (1847–1936).

¹⁸⁵ Псевдоним русского писателя Александра Константиновича Шеллера (1838–1900).

¹⁸⁶ Дело. 1875. № 10. С. 276.

¹⁸⁷ Там же. № 11. С. 34.

¹⁸⁸ Там же. С. 100.

¹⁸⁹ Там же. С. 263–264.

¹⁹⁰ Там же. № 12. С. 215–216.

¹⁹¹ Там же. С. 324.

¹⁹² Там же. 1876. № 2. С. 296.

¹⁹³ Там же. № 7. С. 340.

¹⁹⁴ Там же. № 10. С. 208.

¹⁹⁵ Там же. 1879. № 11. С. 95.

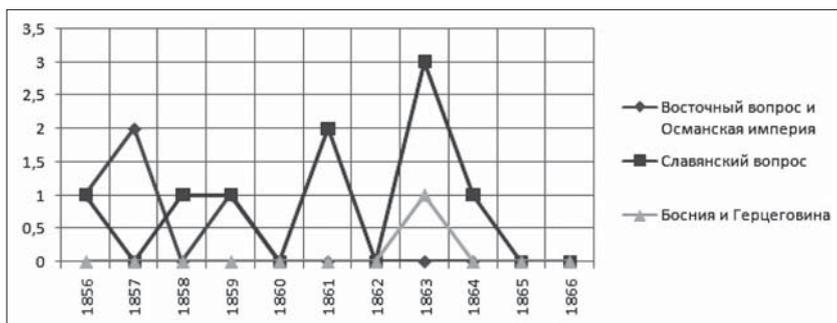
¹⁹⁶ Там же. 1876. № 7. С. 241–281.

¹⁹⁷ *Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe.* London, 1867.

Очевидно, что до восстания 1875 г. проблемы Боснии и Герцеговины совершенно не занимали издателей журнала.

Антагонистом славянофильского движения выступал журнал «Современник» Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889) и Николая Александровича Добролюбова (1836–1861). Критике подвергался тезис славянофилов о самобытных путях развития славян. Издатели журнала столкнулись с тем, что славяне не знали о существовании «Современника». В славянские читалища и матицы поступали лишь периодические издания славянофильского толка¹⁹⁸.

График частоты упоминаний в «Современнике» Восточного вопроса, славянского вопроса, Боснии и Герцеговины в период за 1856–1866 гг.

Тема турецких славян изредка поднималась на страницах «Современника»¹⁹⁹. Встречается лишь одно упоминание Боснии и Герцеговины: в № 6 за 1863 г. появилась статья «Славянский юг» Ж. Склава²⁰⁰. Под этим псевдонимом скрывался сербский публицист и общественный деятель Живоин Жуёвич (1838–1870)²⁰¹. Несомненно, причиной публикации

¹⁹⁸ Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 94.

¹⁹⁹ Современник. 1856. № 1–2; 1857. № 7–8.

²⁰⁰ Там же. 1863. № 6. С. 259–274.

²⁰¹ Живоин Жуёвич — в 1859 г. окончил белградскую семинарию; затем получил стипендию сербского правительства и отправился на учебу в Киевскую духовную семинарию, по окончании которой поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1863 г. перевелся на юридический факультет

материала стало прошедшее восстание Луки Вукаловича и обстрел турками Белграда в 1862 г.

Жуёвич постарался дать трезвую оценку положению турецких славян и их готовности противостоять османам. О Боснии он говорит следующее: «Босняки меньше всех ждут себе добра от княжества Сербии. У них даже замечается некая антипатия к этой последней. Мы по опыту знаем, что всегда, когда по временам турки меньше давили их, они оставались очень довольными своим положением. К какому бы то ни было восстанию они нисколько не готовы». По мнению Жуёвича, если Сербия поднимется на восстание, в Боснии не будет и отголоска, поскольку там все так напуганы, что сто́ит туркам выказать малейшие подозрения, как местные жители уже выражают свою покорность. Так же, как и турецких угнетателей, жители Боснии ненавидят своих купцов, которые блюдут исключительно свои интересы. «Для народных учителей, — писал Жуёвич, — они ненавистнее всего на свете, потому что все школы, какие там находятся, за исключением разве оной, в которой попечительница, несколько известная русской публике, прозванная “герцеговинским оракулом”, самоучка Стака Скендерова²⁰²,

Санкт-Петербургского университета, вследствие чего был лишен стипендии сербского правительства. В России вращался в кругах революционных демократов. Сотрудничал с журналами «Очерки», «Санкт-Петербургские ведомости», «Современник», «Голос». Жуёвич использовал следующие псевдонимы: Ж. Склав.; Ж. серб; Ж. Жуёвич; К.; Ж.; П.П.; Ж. Ж-ч.; серб; задунайский славянин; корреспондент; г. В 1866 г. из-за проблем со здоровьем он был вынужден покинуть Россию. Несколько месяцев учился в Мюнхене, затем год провел в Цюрихе. Вернувшись в Белград в 1867 г., работал в министерстве финансов. Сотрудничал с сербскими газетами либерального толка. Был инициатором перевода на сербский язык сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». Жуёвич тяжело болел, в 1868 г. он поправлял здоровье на Адриатике, где познакомился со С. Марковичем. После этой встречи увлекся социалистическими идеями. Умер 25 апреля (7 мая) 1870 г. Подробнее о Ж. Жуёвиче см.: *Карасёв В.Г.* Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974.

²⁰² Речь о школе С. Скендеровой пойдет ниже.

за исключением, говорим, этой одной школы, все другие находятся под непосредственным попечительством купцов»²⁰³. В целом же Босния, как и соседняя с ней Старая Сербия, пребывает в летаргическом сне.

«Герцеговина — это лучшая, благороднейшая страна сербская, герцеговинский народ — это способнейшее племя сербской семьи, но увы! Он жертва турецкого зверства, он в ужаснейших турецких цепях», — пишет Жуёвич²⁰⁴. Кроме того, он сообщает о разного рода «патриотах-авантюристах», которые на самом деле жаждут наживы и готовы к измене. Все же в случае восстания герцеговинцы, по его утверждению, будут бороться.

Что касается других турецких славян, то болгары, по мнению Жуёвича, не готовы делать первые шаги. Они поднимутся против турок лишь в том случае, когда все восстанут. Черногорцы отличаются. Они сопротивлялись всегда. Однако в данный момент народ находится в разладе со своим правительством. Внутренние проблемы могут помешать борьбе. Сербское княжество — надежда всех славян, однако и оно находится в непрестом положении. Западные державы относятся к нему с недоверием. Идет тяжелый и затратный процесс внутреннего реформирования. Голоса свободы душит местная цензура. Говоря о турецких славянах в целом, Жуёвич характеризует их как «глупых рабов турецких и своих деспотов»²⁰⁵.

Несмотря на то, что славянскому вопросу на страницах «Современника» уделялось внимание, Босния и Герцеговина, по-видимому, не интересовала его редакторов. Однако единственное упоминание о ней представляется очень интересным, так как отражает точку зрения, совершенно противоположную той, что транслировалась со страниц других изданий.

Русский литературно-политический журнал «Вестник Европы» в Петербурге под редакцией Михаила Матвеевича Стасюлевича (1826–1911) выходил в период с 1866 по 1918 гг. До 1875 г. славянскому вопросу в нем уделялось мало

²⁰³ Современник. 1863. № 6. С. 263.

²⁰⁴ Там же. С. 265.

²⁰⁵ Там же. С. 267.

внимания, что вызвало критику со стороны «Голоса»²⁰⁶. Журнал задался вопросом: отчего же, уверяя в своей привязанности к России, славяне не едут сюда. На страницах издания проводился тезис о том, что славянский вопрос можно разрешить лишь тогда, когда будет налажена внутренняя жизнь русского общества.

С 1875 по 1877 гг. Восточный вопрос и события на Балканах в «Вестнике Европы» упоминались всего 12 раз²⁰⁷. Помимо описаний текущей обстановки, в публикациях журнала высказывались опасения относительно всеобщей эйфории, охватившей русское общество²⁰⁸. «Помогайте славянам, но не забывайте своих дел»²⁰⁹ — такова была позиция журнала. Активная агитация Славянского комитета в периодических изданиях подвергалась критике, подчеркивалось, что призыв о помощи единоверным и единоплеменным братьям и дифирамбы русским православным людям звучат оскорбительно в отношении представителей других вероисповеданий и народов Кавказа, которые также последовали общему порыву по оказанию помощи славянам.

«Вестник Европы» был нацелен на решение прежде всего внутренних проблем русского общества: Россия пережила ряд важнейших реформ, и силы требовалось вкладывать в устройство жизни русского народа. Придерживаясь этих позиций, журнал практически не уделял никакого внимания славянскому вопросу.

Большой интерес представляет содержание газеты-журнала «Гражданин», выходившей с 1872 по 1879 гг. в Петербурге. Основателем и одним из авторов издания был князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914). В разное время редакторами были Г.К. Градовский (1872 г.) и Ф.М. Достоевский (1873–1874 гг.). Изначально газета-журнал издавалась на частные пожертвования. Одним из благотворителей был будущий император Александр III. В период

²⁰⁶ Вестник Европы. 1869. Т. 6. Кн. 12. С. 923–936.

²⁰⁷ В 1875 г.: Кн. 9. С. 381–398. В 1876 г.: Кн. 4, 6, 8–12. В 1877 г.: Кн. 2, 3, 6, 11.

²⁰⁸ Вестник Европы. 1876. Т. 5. Кн. 10. С. 877.

²⁰⁹ Там же. Кн. 9. С. 353.

с 1876 по 1878 гг. издание неоднократно приостанавливалось из-за критики внешнеполитического курса правительства. В 1879 г. журнал был закрыт²¹⁰.

В ходе исследования был проведен анализ номеров «Гражданина» за 1872–1873 гг. и 1878 г. Знакомство с подборками за эти годы позволяет констатировать, что боснийский вопрос занимал не самое последнее место в издании. На его страницах публиковались не только стихотворные произведения на сербские мотивы²¹¹, но и корреспонденции из Боснии. Так, в № 41 за 1873 г. было напечатано письмо из боснийского города Градишка, в котором говорилось: «Позвольте надеяться, многоуважаемый редактор, что ваше славянское чувство не откажет в напечатании этого письма в Вашем почтенном журнале. Пусть узнают братья русские о наших страданиях, и если по обстоятельствам не могут нам много помочь, по крайней мере пожалеют нас, несчастных, в неволе»²¹². Основной лейтмотив письма заключался во фразе: «В несчастной Боснии теперь наибольший грех — быть православным». Сообщалось о проблемах местных жителей: отсутствии школ, закрытии семинарии В. Пелагича, произволе турок. Говорилось об участившихся случаях бегства местного населения в Австро-Венгрию, убийствах мирных сельских и городских жителей и закрытии всех школ в Градишке и Баня-Луке.

«Такова наша равноправность; такова цивилизация XIX века, таковы благодеяния просвещенного турецкого правительства, такова человечность турок. Босния платит Цариграду 59 милл. грошей, а на свое церковно-народное образование не получает и 59 коп.», — сетует автор письма²¹³.

Во время восстания и русско-турецкой войны в журнале подробно освещались события, происходившие на Балканах, публиковались отчеты славянских комитетов о сборе и распределении пожертвований.

²¹⁰ В 1882 г. издание журнала было возобновлено при финансовой поддержке Александра III.

²¹¹ Гражданин. 1873. № 15–16. С. 467.

²¹² Там же. № 41. С. 1102–1103.

²¹³ Там же.

Одним из ведущих изданий того времени была петербургская либеральная газета «Голос». Она выходила в период с 1863 по 1883 гг. Редактором и издателем был Андрей Александрович Краевский (1810–1889). «Голос» считается первой русской газетой, которая публиковала материалы корреспондентов с мест²¹⁴. Издание получало субсидии от министерства народного просвещения.

Л.И. Ровнякова изучила содержание номеров издания за 1863–1869 гг. Она выявила более 200 материалов на славянскую тематику. Боснии и Герцеговине было посвящено 19 публикаций²¹⁵.

В 1864–1865 гг. сообщения об этом регионе предоставлял Ж. Жуёвич. Подробно о его работе в «Голосе» писал В.Г. Карасёв²¹⁶. Перу Жуёвича принадлежат статьи, повествующие о Луке Вукаловиче. В.Г. Карасёв установил, что большая их часть являлась компиляцией материалов из сербских изданий. С уходом Жуёвича полгода славянский вопрос на страницах издания не освещался.

В 1865 г. в газете появляются материалы с суждениями о нерешительности сербского князя Михаила Обреновича в боснийском вопросе. На страницах «Голоса» подвергалась критике турецкая программа просвещения славян Боснии²¹⁷. Восточный вопрос рассматривался как дело русской политики.

В 1870–1880-х годах газета становится неофициальным органом правительственной печати и теряет свою популярность²¹⁸.

Одним из самых читаемых периодических изданий своего времени был петербургский иллюстрированный еженедельный журнал литературы, политики и современной жизни «Нива» (1869–1918 гг.) под редакцией И.М. Железнова. О тиражах, которыми расходилась «Нива», другим российским «толстым» журналам приходилось только мечтать.

²¹⁴ Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 115.

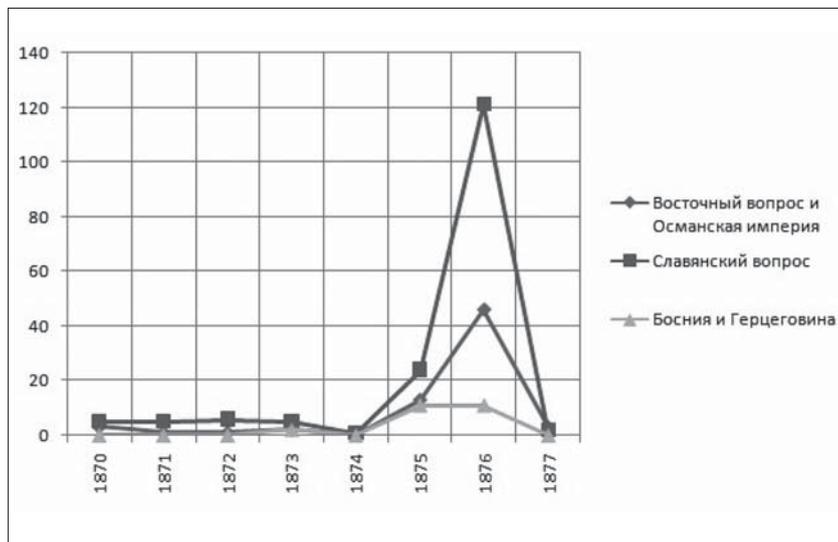
²¹⁵ Там же. С. 121.

²¹⁶ Карасёв В.Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. С. 143–145.

²¹⁷ Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 126–127.

²¹⁸ Там же. С. 136.

**График частоты упоминаний в «Ниве»
Восточного вопроса, славянского вопроса,
Боснии и Герцеговины в 1870–1877 гг.**

Из представленного графика видно, что события на Балканах до 1875 г. практически не освещались на страницах журнала. Босния удостоилась небольшого упоминания в 1873 г. В разделе «Политическое обозрение» сообщалось о конфликте между Австро-Венгрией и Османской империей из-за жалоб на притеснения, которые поступили в венский кабинет от боснийцев. Факт принятия жалоб Порты расценила как вмешательство во внутренние дела страны и подстрекательство турецких славян к восстанию²¹⁹. Позже сообщалось о разрешении конфликта, который закончился удалением неугодного генерал-губернатора из Боснийского вилайета²²⁰. С началом восстания в Герцеговине в 1875 г. этот уголок Европейской Турции попал под пристальное внимание корреспондентов «Нивы». В 1875–1876 гг. было опубликовано 22 материала о Боснии

²¹⁹ Нива. 1873. № 42. С. 667.

²²⁰ Там же. № 44. С. 702.

и Герцеговине: 14 — иллюстраций с описаниями²²¹, одно стихотворение²²², новостные сообщения о ходе восстания²²³, биография Никифора Дучича²²⁴, описание Сараева²²⁵.

«Военный сборник» являлся официальным органом военного министерства Российской империи. Сообщения о Боснии и Герцеговине нечасто появлялись на его страницах. Отклик получило восстание под предводительством Луки Вукаловича 1861–1862 гг. За событиями на Балканах следил Николай Павлович Глиноецкий (1830–1892), который заведовал отделом «Иностранное военное обозрение». Говоря о бедственном положении турецких славян, Глиноецкий акцентирует внимание на том, что христиане Боснии и Герцеговины находятся в самом плохом положении. Проблема заключается в произволе со стороны не только частных лиц, но также и местных властей. Злоупотребления чиновников на местах — бич, с которым не в силах справиться Константинополь. Проверки и попытки навести порядок в провинции не принесли никаких результатов. Противостоянию Омер-паши и Луки Вукаловича Глиноецкий уделял пристальное внимание²²⁶.

Особый интерес Босния и Герцеговина вызвали с началом восстания 1875 г. В период с 1858 по 1875 гг. на страницах «Военного сборника» нет никаких материалов об этом регионе Турции, кроме коротких сообщений о волнениях местных христиан.

²²¹ Там же. 1875. № 37. С. 581, 584; № 38. С. 594, 596–597, 604; № 42. С. 661; № 47. С. 741, 744; № 48. С. 757, 759–760; 1876. № 5. С. 77; № 7. С. 119–120; № 8. С. 140–141; № 9. С. 159–161; № 11. С. 183; № 13. С. 232, 234; № 33. С. 562; № 41. С. 694.

²²² Там же. 1876. № 5. С. 77.

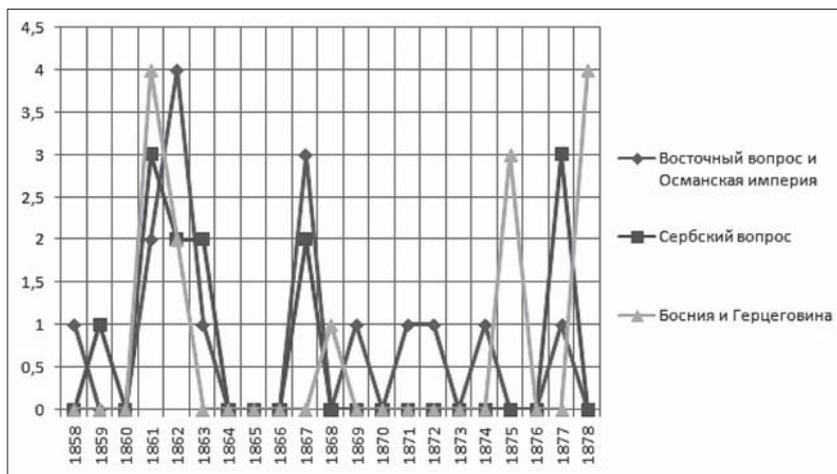
²²³ Там же. 1875. № 33. С. 526–527; № 35. С. 559–560; № 38. С. 603; № 42. С. 668.

²²⁴ Там же. 1876. № 33. С. 561–562.

²²⁵ Там же. № 41. С. 693–694.

²²⁶ Военный сборник. 1861. Т. 18. № 4. С. 516–518; Т. 21. № 10. С. 520–521; Т. 22. № 12. С. 565–568, 1862. Т. 26. № 7. С. 233–248; Т. 28. № 11. С. 259–270.

**График частоты упоминаний в «Военном сборнике»
Восточного вопроса, сербского вопроса,
Боснии и Герцеговины в 1858–1878 гг.**

На страницах ежедневной газеты военного министерства *«Русский инвалид»* также регулярно публиковались сообщения о последних событиях на Балканах. Соответственно, присутствовали упоминания и о Боснии.

Особого исследовательского внимания заслуживают издания славянофильской направленности. Именно эти журналы попадали в славянские земли и распространялись среди зарубежных славян.

3 февраля 1856 г., когда император Александр II снял цензурную опалу со славянофилов, им было разрешено издавать новый журнал — *«Русская беседа»* (выходила с 1856 по 1860 г.). Главным ее редактором являлся известный публицист и общественный деятель Александр Иванович Кошелев (1806–1883). Соредакторами издания были Т.И. Филиппов, П.И. Бартенев, М.А. Максимович и И.С. Аксаков. Инициатором создания журнала выступил Алексей Степанович Хомяков (1804–1860). *«Москвитянин»* к тому времени потерпел неудачу, но и *«Русская беседа»* также не принесла ожидаемых результатов. В первые годы существования журнал не пользовался особой популярностью, в марте 1856 г. у него было всего 29 подписчиков, в то время как у *«Русского*

вестника» — свыше трех тысяч²²⁷. Журнал носил скорее элитарный характер, бытовало мнение о том, что он был скучным²²⁸. Кроме того, считалось, что причина его неудач — в неправильном выборе редактора, поскольку Кошелев был специалистом по экономическим вопросам, не очень хорошо разбирался в литературе и проявлял большую осторожность в общении с властями, а читатели жаждали более активной позиции²²⁹. Как и в случае с другими славянофильскими изданиями, век «Беседы» оказался весьма коротким.

В 1859 г. прогремело дело «*Паруса*», который И.С. Аксаков хотел сделать главным рупором славянофильской мысли. В 1860 г. не стало идейного вдохновителя славянофилов А.С. Хомякова. Его жизни и работе был полностью посвящен последний номер «Русской беседы». Отдав дань памяти Хомякову, журнал прекратил свое существование.

Большую активность в издании «Беседы» проявил А.Ф. Гильфердинг. Русские слависты получали материалы от своих коллег, австрийских славян, и сами отсылали труды, русскую периодику и научные статьи в славянские земли. С одной стороны, это способствовало налаживанию культурного и научного обмена, установлению связей с ученым миром славянства, с другой, по мнению Гильфердинга, должно было способствовать пропаганде за границей русских трудов, которые были в то время почти неизвестны и недоступны. Об этом он говорит в письме к Раевскому от 21 декабря 1855 г.²³⁰ «Русская беседа» должна была стать, по замыслу издателей, своеобразным интернациональным славянским органом и не только знакомить русское общество с историей и современным положением родственных народов двух других империй, но и распространяться среди славян, привлекать к участию зарубежных ученых.

²²⁷ Кошелев В.А. К истории возникновения «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2011. С. 50–58.

²²⁸ Пирожкова Т.Ф. Указ. соч. С. 126–165.

²²⁹ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 56.

²³⁰ Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Т. II. Књ. I. Београд, 1989. С. 214.

«У наших славянофилов теперь кипит работа. Большая часть цензурных затруднений устранена, и на Святой (неделе. — К.М.) должна выйти 1-я книжка “Русской беседы”. Редакция ее (Хомяков, Кошелев, Аксаков) обратится к Вам с просьбой о посредничестве для заведения, насколько возможно при нынешних обстоятельствах, связей с западными славянами и о рассылке экземпляров “Беседы”», — писал Гильфердинг Раевскому в марте 1856 г.²³¹ Он просил отца Михаила стать посредником в распространении журнала среди славян²³². Также Гильфердинг призывал Ивана Кукулевича-Сакцинского к участию в издании. В конце января 1856 г. Гильфердинг ему писал: «До Вас и вообще до всех Ваших хорватских ученых есть покорнейшая просьба: участвовать в новом 3-х-месячном журнале, который будет выходить в Москве под названием “Русская беседа” (...) и который будет обращать особое внимание на славянскую науку и словесность»²³³.

Гильфердинг с самого начала принимал деятельное участие в организации журнала, а затем и в его распространении и привлечении славянских авторов к работе в нем, активно печатал свои статьи. Всего же ему удалось опубликовать 15 сочинений в 20 номерах «Беседы». К югославянским темам из них относятся следующие труды: «Югославянские рассказы»²³⁴, «Письмо из Белграда о всеславянском словаре»²³⁵, «Босния. Путевые заметки»²³⁶, «Босния

²³¹ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 123.

²³² Там же. С. 237.

²³³ Письма А.Ф. Гильфердинга И.А. Кукулевичу-Сакцинскому // Живая старина. 1894. Вып. 2. С. 182.

²³⁴ Гильфердинг А.Ф. Югославянские рассказы // Русская беседа. Смесь. 1856. Кн. II. С. 29–33, 55–56.

²³⁵ Он же. Письмо из Белграда о всеславянском словаре // Русская беседа. 1857. Кн. I. Смесь. С. 89–93.

²³⁶ Он же. Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. Кн. I. Смесь. С. 54–76, Кн. II. Смесь. С. 65–92, Кн. III. Смесь. С. 64–97. Кн. IV. Смесь. С. 51–80; 1859. Кн. I. Смесь. С. 125–132. Кн. II. Смесь. С. 57–104.

в начале 1858 года»²³⁷, «Письма об истории сербов и болгар»²³⁸, «Дух сербского народа Йована Хаджича»²³⁹, «Чем поддерживается православная вера у южных славян?»²⁴⁰.

Знакомить русское общество с «загадочными» землями Боснии и Герцеговины Гильфердинг начал еще до своего отъезда в эти края. В 1856 г., когда активно обсуждались итоги мирной конференции в Париже, он опубликовал в «Русской беседе» небольшую статью под названием «Югославянские рассказы»²⁴¹. Эту работу Гильфердинга можно назвать новаторской в том плане, что она открывала русскому читателю мир турецких славян-мусульман, вопрос о судьбе которых начал волновать всю Европу. Он писал: «В пределах Турции и всего южного славянства важное значение будет иметь область боснийская, северо-западный угол султанских владений (...) Из всех турецких земель Босния едва ли не более всех одичала; едва ли не ей всего труднее будет выйти из четырехвекового оцепенения и варварства на путь просвещения и развития, на который теперь, искренно или неискренно, призывает Турцию вся Европа и сам султан»²⁴².

Гильфердинг сообщает русскому читателю факты, которые, по его мнению, делают эту землю поистине уникальной. Босния примыкает своими границами к Австрии, но при этом плохо известна европейцам; в этой области Османской империи нет этнических турок, там не говорят по-турецки, но при этом распространен ислам. Сообщение о том, что где-то «на подступах» к цивилизованной Европе есть область, населенная славянами-мусульманами, было новостью для русского общества. В финале статьи

²³⁷ Он же. Босния в начале 1858 года // Русская беседа. 1858. Кн. IV. Приложения. С. 1–58.

²³⁸ Он же. Письма об истории сербов и болгар // Русская беседа. 1859. Кн. II. Науки. С. 105–160; Кн. III. Науки. С. 113–186.

²³⁹ Он же. Дух сербского народа Йована Хаджича // Русская беседа. 1859. Кн. V. Критика. С. 1–10.

²⁴⁰ Он же. Чем поддерживается православная вера у южных славян? // Русская беседа. 1860. Кн. II. Смесь. С. 1–28.

²⁴¹ Он же. Югославянские рассказы. С. 29–33, 55–56.

²⁴² Там же. С. 29.

Гильфердинг опубликовал два рассказа, иллюстрирующие все тяготы жизни славян под турецким владычеством. Это были отрывки из сочинения герцеговинского священнослужителя Иоанникия Памучины²⁴³ и записок монаха-францисканца Франьо Юкича²⁴⁴.

Памучина рассказывал историю христианской девушки Ристы, которая даже ради спасения собственной жизни отказалась принять магометанскую веру. Испытав на себе гнев и уговоры мусульман, она осталась в православии и «была спасена». Рассказ Франьо Юкича затрагивает сюжет о пребывании в Боснии Омер-паши Латаса и проведении в жизнь реформ танзимата. Гильфердинг в своем комментарии развенчивает «миф о благих намерениях турецких властей» и повествует о том, что миссия Омер-паши заключалась в разоружении жителей Боснии, в ходе которого пострадало большое число христиан.

В ОР РГБ хранятся рукописи статей Гильфердинга для публикации в журнале «Русская беседа» с редакторской правкой А.И. Кошелева²⁴⁵. Замечаний по тексту практически нет. Кое-где убраны непонятные читателю места, филологические тонкости, таблицы, сравнивающие славянские диалекты. Вероятно, это было сделано для того, чтобы читатель не заскучал, так как основная задача редакции состояла в том, чтобы сделать статьи более живыми и популярными. Кошелев старался избежать излишней научности текста.

Л.И. Ровнякова²⁴⁶ дала оценку «Русской беседе» как главной трибуне славянофилов, позволявшей им распространять свои взгляды, и отметила, что, несмотря на финансовую несостоятельность журнала и его непопулярность в России, издателям удалось добиться главной цели — пробудить

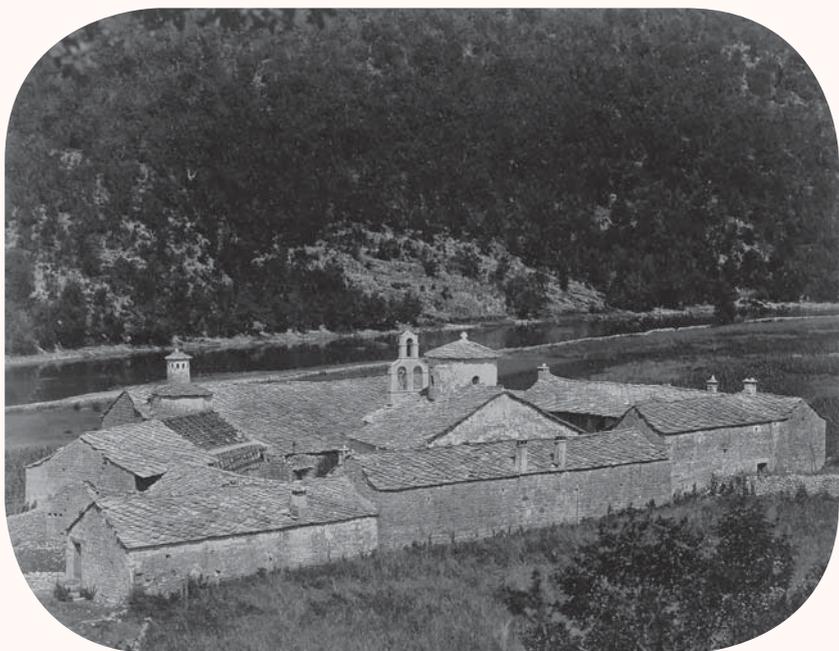
²⁴³ Памучина И. Суд над христианской девушкой в Мостаре в 1841 г. // Русская беседа. Смесь. 1856. Кн. II. С. 34–46.

²⁴⁴ Юкич Ф. Рассказ францисканца о введении танзимата в Боснии (1850–1851) // Русская беседа. Смесь. 1856. Кн. II. С. 47–55.

²⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 139. Картон 5. Ед. хр. 14; там же. Ф. 231/II. Картон 13. Ед. хр. 28.

²⁴⁶ Ровнякова Л.И. Указ. соч.

Снимки из «Фотографического сборника церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого»

Герцеговина. Монастырь Кассиерово.
Общий вид монастыря, построенного народом
банынского племени во времена Неманичей XII столетия

Монастырь Кассиерово.
Церковь, весьма оригинальной архитектуры,
от древности приходящая уже в ветхость, и стенная живопись
совершенно уничтожилась. Колокольня пристроена в 1864 году

Группа монахов с игуменом монастыря Кассиерово

Герцеговина.
Учитель и ученик банянской школы
Кассиеровского монастыря

Герцеговина.
Селяки банянского племени

Герцеговина.
Женщина и девушка банянского племени

Герцеговина.
Сельский дом банянского племени, села Реповича

Герцеговина.

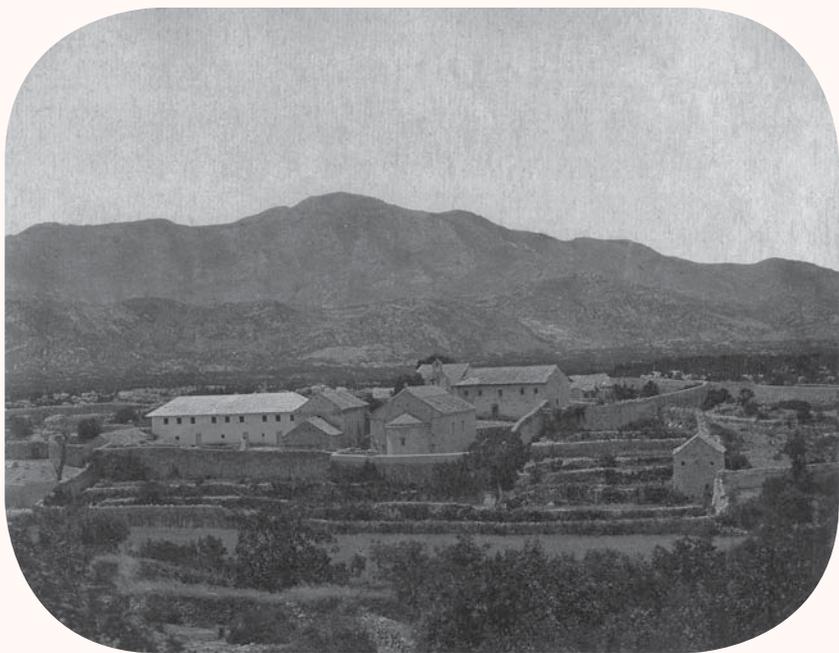
Селяки банянского племени. Одежда баняна отличается от общей герцеговинской только серебряною кованною отделкою на передней части куртки и шапкою (черногорской), малинового цвета с черным шелковым околышем и черногорским гербом. Баняне, как племя, не признающее турецкой власти, не носят фесок

Герцеговина.
Группа Селяков банянского племени

Герцеговина.
Селяки банянского племени

Герцеговина.

Монастырь Дужи. Общий вид монастыря, построенного после разрушения монастыря Твердош, находящегося в Требинском округе в Шумах, между горами Илиною и Влащицею

Монастырь Дужи. Церковь построена
во время Успения Пр. Богородицы в 1861 году.
Церковь очень бедна; образа новейшей живописи

Мелентий Перович,
игумен Дужского монастыря

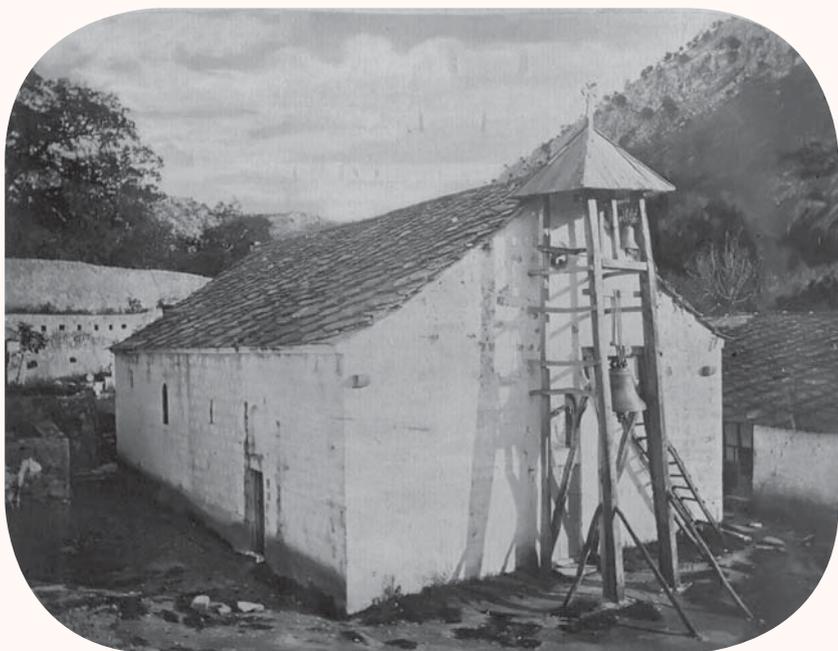

Герцеговина.
Вид села, близ монастыря Житомыслич

Герцеговина.

Монастырь Житомышлич. Общий вид монастыря,
построенного во 2-й половине XVI столетия
Милославом Милорадовичем, известным
в летописях под именем «Храбрени»

Монастырь Житомыслич.

Церковь, сооружена во второй половине XVI столетия
во имя Благовещения Пр. Богородицы, с пристроенною
в позднее время деревянною колокольнею

Монастырь Житомирский. Монашеские кельи.
Доска (клепало), привешенная на цепях, заменяла колокола,
когда не дозволялось их иметь христианам при церквях

Герцеговина.
Сельский священник — монах (калуджер) монастыря
Житомыслич, отправляющийся с требою

Монастырь Пивы.
Священник и воевода Жарко

Герцеговина. Монастырь Пивы.
Общий вид монастыря, построенного при источнике
Пивы в 1563 г. пивским патриархом Петром

Монастырь Пивы.

Церковь оригинальной архитектуры, очень большая, все стены исписаны фрескою, весьма хорошо сохранившейся. По одной стороне входных дверей портрет основателя патриарха Петра, с другой стороны брата его, Пивского паши (мусульманина)

Группа монахов и игумен Пивского монастыря

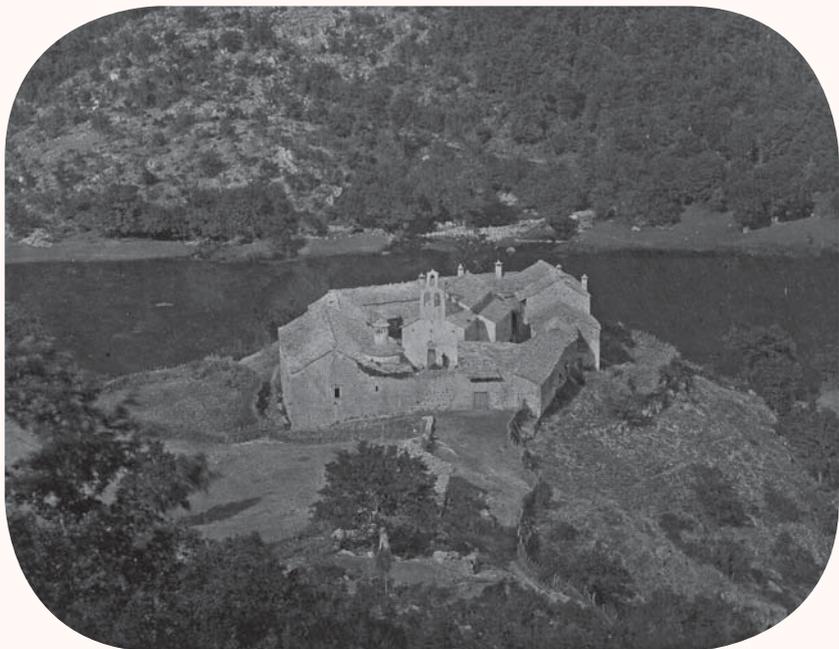
Герцеговина.
Селяк и Селячка пивского племени

Герцеговина.
Сотник — Юс Баша-Пивлянин

Герцеговина.
Сельский священник и селяки пивского племени

Герцеговина. Монастырь Добричево.
Общий вид монастыря, находящегося на реке
Требишнице, построенного во времена Неманичей
XII ст., что видно и по церковной живописи. Церковь
сооружена во имя Введения во храм Пр. Богородицы

Герцеговина. Селячки.

Общий костюм замужних женщин и девушек не имеет особенного различия, исключая фесок, которые девушки носят гораздо выше, и большею отделкою кафтанов пестрою шерстью и жетонами. На руках девушки колец не носят

Герцеговина. Селяки и селячка.

Общая мужская одежда состоит из куртки темного цвета с малиновой отделкою, подкуртник красный с золотом; шаровары темно-синие. Кожаный кушак (подпашан) для оружия, красный.

На ногах пестрые чулки (чарапы) и плетенные из кожи башмаки (опанки). На голове фес малиновый с черной кистью (китою), зимою обвивается красною шалью. Женская одежда: белый суконный кафтан с отделкою на груди из пестрой шерсти. Шерстяной пестрый фартук; на шее несколько ниток с серебряными жетонами, а на голове феска с монетами, покрытая белым полотном

Турки-селяки в Герцеговине

Герцеговина.

Стреляющий из-за камня, изображает общепринятый способ стрельбы во время войны, когда, скрываясь за камнями, кладут феску у ног и тем обманывают стреляющих в них

Босния.

Горожанин-старик, в общем гражданском боснийском костюме

Босния.
Девица-горожанка (12-ти лет)

Босния.
Девица-горожанка (18-ти лет)

Босния.
Горожанин-босняк, в купеческом костюме

Босния.
Народный певец-бандурист, известен в Боснии
как народный композитор-певец

Босния.
Молодая женщина-горожанка,
в праздничном парадном костюме

Босния.
Старуха с прялкой

Босния.
Католический священник,
в национальном боснийском костюме

Молодая девушка боснийской Краины

Замужняя женщина боснийской Краины

Горожанин боснийской Краины

Селяк-босняк

Бим-баша – турецкий офицер

Турок-османлия в Боснии

Араб-босняк

Турецкая девушка

Турок-босняк

Дервиш – турецкий монах

интерес в русском обществе к славянству. Исследовательница обратила внимание на идеологический раскол среди участников «Беседы» и отметила тот факт, что прекращение издания журнала совпало с уходом идеологов раннего славянофильства.

Поскольку век «Беседы» оказался коротким, то в 1859 г. предпринималась попытка воссоздать «*Ларус*» — уже под другим названием. Редактором его должен был стать Ф.В. Чижов. Однако эту идею не удалось осуществить, хотя, по словам Гильфердинга, император был на стороне славянофилов. Вмешательство «насильников» во главе с А.М. Горчаковым помешало задуманному. «Чтобы как-нибудь втащить славянский вопрос в нашу журналистику, мы решили открыть в “СПб. ведомостях” отдел славянских известий. Он остается под покровительством Егора Петровича Ковалевского», — писал Гильфердинг Раевскому²⁴⁷.

Азиатский департамент под началом Ковалевского вступил в конфликт с главой министерства иностранных дел. Это стало одной из причин ухода Ковалевского и Гильфердинга из этого ведомства.

Гильфердинг выступал против монопольного права славянофилов рассказывать о славянах. Это привело к разладу с И.С. Аксаковым, который ополчился на него за публикацию работ в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1858 г. И.С. Аксаков считал, что эта газета носит «западнический» характер. Гильфердинг же отвечал на это: «Для моего нравственного чувства одна из самых оскорбительных вещей — фанатизм. Я не фанатик, я враг фанатизма»²⁴⁸.

После закрытия «Беседы» И.С. Аксаков продолжил издательскую деятельность. В 1861 г. вышел в свет первый номер газеты «*День*». Покровительство изданию оказывал Азиатский департамент МИД. Начало было успешным, у газеты появилось много подписчиков. Однако затем появились проблемы с цензурой и финансами. Из-за несогласия с позицией Аксакова его покинули многие соратники.

²⁴⁷ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 130.

²⁴⁸ Гильфердинг А.Ф. Письма к И.С.Аксакову // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 207.

В какой-то момент он единолично занимался подборкой и написанием материалов. К 1865 г. выпуск газеты прекратился²⁴⁹.

*Переводы материалов «Русской беседы»
и работ славянофилов о Боснии на сербский язык*

На примере «Русской беседы» видно, что журналы славянофильской направленности не пользовались большой популярностью у русской общественности. Однако славянофилы активно распространяли свои труды среди славян. Именно они поступали в славянские библиотеки, матицы и читалища. Популярны же в России издания, такие как «Современник», «Русский вестник», «Дело», были практически недоступны зарубежным славянам.

Материалы «Русской беседы» зачастую переводились на сербский язык. Вышло несколько сочинений Гильфердинга, которые стали важным источником информации для широких кругов грамотных сербов.

Труды Гильфердинга о сербах пользовались большой популярностью у современников, как в самой Сербии, так и у сербов Австрии. Не успело в России выйти в свет его сочинение, посвященное истории сербов и болгар, как тут же оно было переведено на сербский язык и напечатано в Белграде, так же как и другой его труд — «Босния, Герцеговина и Старая Сербия». Их публикацией занимался сербский ученый Милан Миличевич (1831–1908). В 1856 г. он работал в княжеской канцелярии и состоял в Обществе сербской словесности.

Первой увидела свет «История сербов и болгар». В архивах Сербии хранятся документы, связанные с изданием трудов русского слависта. В своем письме к руководству Общества сербской словесности от 30 мая 1856 г. Миличевич характеризовал сочинение Гильфердинга как качественную научную работу, написанную на достоверных исторических источниках и пользующуюся популярностью не только в славянском мире, но и на Западе. Он обосновывал необходимость

²⁴⁹ Тесля А.А. Последний из «отцов»: биография Ивана Сергеевича Аксакова. СПб., 2015. С. 179–199.

публикации этого труда о сербах на сербском языке, во-первых, потому, что сочинение написано на исторических источниках, недоступных самим сербам, а во-вторых, потому, что оно вышло из-под пера человека, который питает любовь к сербам и славянскому миру²⁵⁰. Труду Гильфердинга можно доверять, утверждал Миличевич, и сербский народ должен познакомиться со своей историей, прочитав это сочинение. Изложив свои мысли о несомненной пользе работы Гильфердинга, Миличевич предлагал Обществу сербской словесности взять на себя труды и расходы по публикации сочинения, что принесет, по его утверждению, огромную пользу всему сербскому народу. В июле Общество отправило письмо в министерство просвещения с просьбой оказать содействие в публикации работы²⁵¹. Результатом этих усилий стал указ князя Александра Карагеоргиевича, в котором говорилось о том, что правительство Сербии берет на себя расходы по печати 1000 экземпляров данного сочинения, а его переводчик обязуется предоставить 50 книг министерству просвещения. Остальным тиражом он может распоряжаться по своему усмотрению, что будет считаться платой за перевод сочинения²⁵².

В результате в 1857 г. на сербском языке вышел первый том «Истории сербов и болгар». Переводчик посвятил его правительству Сербии²⁵³. В предисловии Миличевич писал, что от всего сердца благодарит А.Ф. Гильфердинга за этот труд и просит его от имени всего сербского народа продолжить работу над историей сербов²⁵⁴.

Второй том сочинения Гильфердинга был издан в 1860 г.²⁵⁵ История публикации развивалась по тому же сценарию. Просьба об оказании помощи в этом деле последовала от Общества сербской словесности в министерство просвещения и, наконец, оказалась на столе нового сербского

²⁵⁰ АСАНУ. Ф. ДСС–СУД. 1856. 48.

²⁵¹ АСАНУ. Ф. ДСС–СУД. 1856. 57; АС. Ф. МПс. 1857. III. 92.

²⁵² АС. Ф. МПс. 1857. III. 92.

²⁵³ *Гильфердинг А.Ф.* Историја Срба и Бугара. Свеска I. Београд, 1857.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ *Гильфердинг А.Ф.* Историја Срба и Бугара. Свеска II. Београд, 1860.

князя — Милоша Обреновича. Он, как и его предшественник, Александр Карагеоргиевич, согласился оказать финансовую помощь. Вследствие правительственного указа от 4 января 1860 г. М. Миличевич получил возможность напечатать второй том сочинения Гильфердинга на тех же условиях, что и первый²⁵⁶. В этом же году началась публикация труда в Летописи Матицы Сербской²⁵⁷, издаваемой в Буде Антонием Хаджичем²⁵⁸. Таким образом, с историей своего народа, вышедшей из-под пера русского ученого, познакомились как турецкие, так и австрийские сербы.

М. Миличевич тем временем продолжил свою издательскую деятельность. Он организовал выпуск периодического издания «Часови одмора»²⁵⁹, где помещались статьи об истории и культуре сербского народа. Первый том этого журнала вышел в 1858 г. Многие содержащиеся в нем статьи были взяты из «Русской беседы». Миличевич активно сотрудничал с этим изданием и неоднократно публиковал свои труды на страницах «Беседы»²⁶⁰. В «Часови одмора» попало «Письмо из Белграда», адресованное А.Ф. Гильфердингом к Е.П. Ковалевскому²⁶¹. Видимо, меценатом для издания второго тома выступил шабацкий епископ Михаил (будущий сербский митрополит), так как именно ему Миличевич посвятил эту публикацию. В третьем же томе была помещена статья под названием «Босния», представлявшая собой одну из частей сочинения Гильфердинга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»²⁶².

²⁵⁶ АС. Ф. МПс. 1860. I. 20.

²⁵⁷ Србский летопись 1859. Матица србска. Т. 1–2. Будим, 1859; там же. 1860. Матица србска. Т. 1–2. Будим, 1860.

²⁵⁸ Антоний Хаджич (1831–1916) — известный сербский общественный деятель, возглавлял Матицу Сербскую и Народный театр в Нови-Саде.

²⁵⁹ Часы отдыха (сербск.).

²⁶⁰ Миличевич М. Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги // Русская беседа. 1858. Кн. IV. Смесь. С. 98–112; он же. Рассказ очевидца о Скупщине // Русская беседа. 1859. Кн. II. Смесь. С. 139–156; он же. Письмо из Белграда // Русская беседа. 1859. Кн. III. Смесь. С. 140–145.

²⁶¹ Часови одмора. Т. 2. Београд, 1858.

²⁶² Там же. Т. 3. Београд, 1859.

М. Миличевич сотрудничал с российским МИД. При помощи Азиатского департамента его сын Дмитрий получил стипендию для обучения в Москве²⁶³, но в скором времени он заболел и лишился ее. На некоторое время юноша вернулся на родину, но впоследствии, в 1873 г., Н.А. Попов помог устроить его на медицинский факультет Московского университета²⁶⁴.

Кроме Миличевича, история поездки Гильфердинга по землям Боснии и Герцеговины заинтересовала и А. Хаджича. С 1859 г. он начал публиковать серию статей под названием «Босния» в журнале «Летопись Матицы Сербской»²⁶⁵. По сути, это был пересказ сочинения Гильфердинга.

Вопрос о Боснии и Герцеговине Гильфердинг затронул и в своей статье «Историческое право хорватского народа»²⁶⁶. Эта работа также была опубликована на сербском языке²⁶⁷. Статья представляет собой разбор сочинения хорватского анонимного автора, который видел в Боснии и Герцеговине земли будущего хорватского государства. Русский славист категорически выступил против этого. Он писал: «Спросите жителей Боснии и Герцеговины, какого они народа: огромное большинство ответит, что сербы, другие назовут себя, смотря по вероисповеданию, латинами или турками (...) имени хорвата не присвоит себе никто»²⁶⁸. В этом вопросе Гильфердинг рьяно выступал на стороне сербов: «Хорваты не могут присоединить к себе Боснию и Герцеговину (...) тамошние православные жители скорее дадут изрубить себя в мелкие куски или опять призовут турок, чем присоединятся к хорватам, а не к братьям-сербам»²⁶⁹. Образование

²⁶³ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 69. Л. 107.

²⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 13. Ед. хр. 32. Л. 16–27.

²⁶⁵ Сербский летопись 1859. Матица србска 1859. Т. 1–2; 1860. Т. 1–2; 1861. Т. 1–2; 1862. Т. 1–2.; 1863. Т. 1.

²⁶⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Историческое право хорватского народа. М., 1860.

²⁶⁷ Превод чланка руског списатеља А. Гильфердинга, који је изашао у првој свесци «Руске беседе» за 1860 г.

²⁶⁸ *Гильфердинг А.Ф.* Историческое право хорватского народа. С. 11.

²⁶⁹ Там же. С. 12.

хорватского государства Гильфердинг считал утопией, а борьбу за национальное освобождение нецелесообразной без союза с Сербией.

Уже после смерти Гильфердинга на сербском языке в Австрии было опубликовано его сочинение «Венгрия и славяне»²⁷⁰.

В 1870 г. в государственной типографии Сербии вышла в свет книга «Россия и Сербия» Н.А. Попова²⁷¹. Эта работа нашла положительный отклик у сербской общественности.

В 1860 г. в Лейпциге была издана небольшая брошюра — билингва, текст в ней был напечатан на русском и сербском языках. Название труда — «К сербам. Послание из Москвы»²⁷². Автором этой работы был известный русский славянофил А.С. Хомяков. Перевод на сербский язык выполнил Гильфердинг²⁷³.

Дата появления «Послания» не случайна. Именно в 1859 г. к власти в Сербии вернулась династия Обреновичей. Предвкусная перемены и сближение с Россией, А.С. Хомяков решил предостеречь «родных братьев по крови и духовных по Христу»²⁷⁴ от возможных ошибок в устройении новой жизни²⁷⁵. Примечательно, что эта работа считается последним заветом Хомякова не только сербскому, но и русскому народу. В самом начале «Послания» говорится о благах, полученных сербами. Наряду с самостоятельностью, свободой от турецкого ига, возможностью умственного, нравственного и духовного развития, Хомяков выделяет и «возможность

²⁷⁰ Гильфердинг А.Ф. Угарска и Словени. Темишвар, 1879.

²⁷¹ Попов Н. Србија и Русија. Од кочине Крајине до Св. Андрејевске скупштине. Свеске I–II. Београд, 1870.

²⁷² К сербам. Послание из Москвы. Лейпциг, 1860.

²⁷³ Под текстом стояли подписи Алексея Хомякова, Михаила Погодина, Александра Кошелева, Ивана Беляева, Николая Елагина, Юрия Самарина, Петра Бессонова, Константина и Ивана Аксаковых, Петра Бартенева, Федора Чижова.

²⁷⁴ Хомяков А.С. К сербам. Послание из Москвы // Собрание сочинений А.С. Хомякова. Т. 1. М., 1900. С. 377.

²⁷⁵ Подробнее см.: Кузьмичева Л.В. А.С. Хомяков и сербский вопрос // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. Языки славянских культур. Т. 1. М., 2007. С. 156–202.

содействовать благу меньших братий ваших [сербских] наставлениями и примерами вашими»²⁷⁶. Делать это следует, опираясь на пример России, которая сыграла большую роль в деле освобождения Сербии.

В отличие от работ Попова и Гильфердинга, «Послание» было воспринято в Сербии неоднозначно. Многих возмутило, что Хомяков обращался именно к православным сербам. Это исключало возможность участия в политической жизни сербов-католиков²⁷⁷, хорватов. Такая постановка вопроса воспринималась как попытка исключения этих категорий из славянского единства. Сербы опасались, что это спровоцирует религиозные конфликты²⁷⁸. Послание славянофилов считали опасным.

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать, что Босния и Герцеговина на страницах русской печати появлялись нечасто. Работа Гильфердинга оставалась единственным серьезным сочинением об этом регионе. Широкое освещение получило лишь восстание под предводительством Луки Вукаловича. Однако в 1875 г. Босния и Герцеговина стали главными «героинями» большинства газет и журналов. В основном русская пресса представляла образ угнетенного славянского православного народа, застрявшего где-то в средневековье. С подачи деятелей славянских комитетов, которые являлись ведущими специалистами по боснийскому вопросу, русское общество призывалось к оказанию помощи «братскому народу». Лишь «Современник» и «Вестник Европы» не поддались ажиотажу вокруг славянского вопроса.

Журналы славянофильской направленности изначально не пользовались популярностью в России, хотя к их изданию привлекались и славянские авторы. «Русская беседа» пополняла библиотеки зарубежного славянства, рождая

²⁷⁶ Хомяков А.С. К сербам. Послание из Москвы // Собрание сочинений А.С. Хомякова. Т. 1. М., 1900. С. 377.

²⁷⁷ Князь Михаил Обренович был женат на католичке из Венгрии Юлии Хуньяди де Кетей.

²⁷⁸ Об этом идет речь в письме М. Бана к И.С. Аксакову от 2 декабря 1860 г. См.: ОР РНБ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 5 об.–6.

своими публикациями представления, что русское общество очень заинтересовано в решении славянского вопроса. Однако «Беседа» являлась отражением исключительно славянофильских позиций. Подобного рода деятельность соответствовала намерениям российской правящей элиты. Помощь в деле выпуска и распространения журнала оказывал Азиатский департамент МИД. Это издание было одним из инструментов, обеспечивающих проведение Россией внешнеполитического курса на Балканах.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ 2

Список фотографий, представленных в альбоме П.П. Пятницкого, с оригинальными подписями фотографа

фото	Описание
1	Герцеговина. Монастырь Кассиерово ²⁷⁹ . Общий вид монастыря, построенного народом банянского племени во времена Неманичей XII столетия
2	Монастырь Кассиерово. Церковь, весьма оригинальной архитектуры, от древности приходящая уже в ветхость, и стенная живопись совершенно уничтожилась. Колокольня пристроена в 1864 году
3	Монастырь Кассиерово. Церковные вещи: кадило (кадильница), блюдо для освящения хлебов (пятихлебница), деревянный крест, отделанный серебром в Сараеве, панагия серебряная складная с изображением 12-ти праздников, работа банянского мастера XVII ст.
4	Монастырь Кассиерово. Церковные вещи: Евангелие, обложенное серебром в позднейшее время; потир, крест, мощехранильница с мощами архидиакона Стефана и животворящим деревом. Священнический пояс кожаный с серебряными украшениями
5	Группа монахов с игуменом монастыря Кассиерово
6	Герцеговина. Учитель и ученик банянской школы Кассиеровского монастыря
7	Даниил Балач, игумен монастыря Кассиерово
8	Герцеговина. Селяки банянского племени
9	Герцеговина. Женщина и девушка банянского племени

²⁷⁹ Монастырь Косиерово.

10	Герцеговина. Сельский дом банянского племени, села Реповича
11	Герцеговина. Селяки банянского племени. Одежда банян отличается от общей герцеговинской только серебряною кованною отделкою на передней части куртки и шапкою (черногорской), малинового цвета с черным шелковым околышем и черногорским гербом. Баняне как племя, не признающее турецкой власти, не носят фесок
12	Герцеговина. Группа селяков банянского племени
13	Герцеговина. Селяки банянского племени
14	Герцеговина. Монастырь Дужи. Общий вид монастыря, построенного после разрушения монастыря Твердош, находящегося в Требинском округе в Шумах, между горами Илиною и Влащицею
15	Монастырь Дужи. Церковь построена во время Успения Пр. Богородицы в 1861 году. Церковь очень бедна; образа новейшей живописи
16	Монастырь Дужи. Церковные вещи. Потир, блюдо для освящения хлебов (пятихлебница), дарохранительница и мощехранительница с мощами и животворящим древом. Вещи перенесены из монастыря Твердош. Работы сараевской XVI столетия
17	Мелентий Перович, игумен Дужского монастыря
18	Герцеговина. Селяк-староста (кнез), шумского села, в праздничной сельской одежде
19	Герцеговина. Селячки шумского племени, Требинского округа, в праздничной одежде
20	Герцеговина. Вид села, близ монастыря Житомыслич
21	Герцеговина. Монастырь Житомыслич. Общий вид монастыря, построенного во 2-й половине XVI столетия Милославом Милорадовичем, известным в летописях под именем «Храбрени»
22	Монастырь Житомыслич. Образ Иоанна Крестителя с изображениями всей его жизни
23	Монастырь Житомыслич. Стенная фреска, изображающая основателя монастыря Милослава Милорадовича, держащего в правой руке Церковь, в левой посох. Над головою надпись: «Милицов, Спахия»
24	Монастырь Житомыслич. Образ: Распятие Спасителя с положением во гроб. От ветхости образ во многих местах треснул
25	Монастырь Житомыслич. Аналой (налоня) семигранный деревянный с перламутровою и слоновою кости инкрустациею. На верхнем медном обруче из надписи видно, что работан в Сараеве в ЗЕСД (так в тексте. — К.М.) году
26	Монастырь Житомыслич. Ковчег (дарохранительница) серебряный в виде церкви с кипарисными в окнах изображениями ликов святых
27	Монастырь Житомыслич. Церковь, сооружена во второй половине XVI столетия во имя Благовещения Пр. Богородицы, с пристроенною в позднее время деревянною колокольнею

28	Монастырь Житомыслич. Монашеские кельи. Доска (клепало), привешенная на цепях, заменяла колокола, когда не позволялось их иметь христианам при церквях
29	Монастырь Житомыслич. Церковные вещи: лампы серебряные фиолетовой работы с изображением св. ликом; мощехранилище серебряная чеканной работы; блюдо для освящения хлебов (пятихлебница) с тремя чашами. Работано в Сараеве, XVI столетия
30	Монастырь Житомыслич. Кресты, кипарисного дерева, обложенные позолоченным серебром с камнями. Работано в Сараеве в XVI столетии
31	Монастырь Житомыслич. Церковные вещи: Кадило (кадильница) серебряное, крышка которого изображает пять церковных глав с крестами. Из надписи видно, что «кадило раба Божия Джуры Храбрани». 2 лампы фиолетовой работы
32	Монастырь Житомыслич. Верхняя и нижняя сторона оклада Евангелия, печатанного в Москве при царе Алексее Михайловиче в 1661 году. Обложено по бархату серебром с позолотой и камнями в Сараеве монахом Висарионом
33	Монастырь Житомыслич. Церковное блюдо XV столетия, с изображением Адама и Евы, с надписью вокруг.
34	Монастырь Житомыслич. Стойка (столица), употребляемая в церквях для молящихся, с подъемною скамьей для сидения
35	Монастырь Житомыслич. Иконостас голубого цвета с резьбой позолоченной и частью окрашенной красной краской. Царские врата резные, малого размера. Местные образа старинной живописи и от ветхости с едва заметными изображениями
36	Герцеговина. Сельский священник — монах (калуджер) монастыря Житомыслич, отправляющийся с требом
37	Герцеговина. Монастырь Пивы ²⁸⁰ . Общий вид монастыря, построенного при источнике Пивы в 1563 г. пивским патриархом Петром
38	Монастырь Пивы. Церковь оригинальной архитектуры, очень большая, все стены исписаны фрескою, весьма хорошо сохранившейся. По одной стороне входных дверей портрет основателя патриарха Петра, с другой стороны брата его, пивского паши (мусульманина)
39	Монастырь Пивы. Церковные вещи: два Евангелия, кресты и образки, работы пивских монахов в XV ст.
40	Монастырь Пивы. Церковные вещи: Евангелие серебряное вызолоченное, работы пивского мастера села Драмешина XV ст.; ковчег (дарохранилище) работы бывшего монаха Феодосия, XV ст.; кадило на цепях, употреблявшееся в большие праздники, и кадило с плоскою ручкою, работы пивского монаха
41	Монастырь Пивы. Фреска. Образ св. Георгия

²⁸⁰ Монастырь Пива.

42	Монастырь Пивы. Фреска. Образ св. Симона Мироточивого
43	Монастырь Пивы. Часть стенной живописи в алтарной нише: св. Николай, св. Афанасий, Григорий Армянский
44	Монастырь Пивы. Церковные входные двери, местной работы, инкрустированные из различного дерева, кости и перламутра. Над дверями фреска — образ Спасителя
45	Монастырь Пивы. Образ Божьей Матери. Стенная живопись в куполе над алтарем, заменяющая запрестольный образ
46	Монастырь Пивы. Священник и воевода Жарко
47	Группа монахов и игумен Пивского монастыря
48	Герцеговина. Селяк и селячка, пивского племени
49	Герцеговина. Сотник — Юс Баша-Пивлянин
50	Герцеговина. Сельский священник и селяки пивского племени
51	Герцеговина. Монастырь Добричево. Общий вид монастыря, находящегося на реке Требишнице, построенного во времена Неманичей XII ст., что видно и по церковной живописи. Церковь сооружена во имя Введения во храм Пр. Богородицы
52	Монастырь Добричево. Образ Богородицы, писанный в Сараеве, XVII столетия
53	Монастырь Добричево. Церковные вещи: запрестольный образ перламутровый резной; верхняя часть обломана во время нападения турок; кадило XVII ст. сараевской работы; омофор архиерейский малинового бархата с серебряными украшениями, священнические пояса с золотой отделкой, серебряная мощехранильница с мощами: рука архидиакона Стефана в бархатной перчатке (рукавице) с золотым нарукавником
54	Герцеговина. Селячки. Общий костюм замужних женщин и девушек не имеет особенного различия, исключая фесок, которые девушки носят гораздо выше, и большую отделкою кафтанов пестрою шерстью и жетонами. На руках девушки колец не носят
55	Герцеговина. Селяки и селячка. Общая мужеская одежда состоит из куртки темного цвета с малиновой отделкою, подкуртник красный с золотом; шаровары темно-синие. Кожаный кушак (подпашан) для оружия, красный. На ногах пестрые чулки (чарапы) и плетенные из кожи башмаки (опанки). На голове фес малиновый с черной кистью (китою), зимою обвивается красною шалью. Женская одежда: белый суконный кафтан с отделкою на груди из пестрой шерсти. Шерстяной пестрый фартук; на шее несколько ниток с серебряными жетонами, а на голове феска с монетами, покрытая белым полотном
56	Турки-селяки в Герцеговине
57	Герцеговина. Стреляющий из-за камня изображает общепринятый способ стрельбы во время войны, когда, скрываясь за камнями, кладут феску у ног и тем обманывают стреляющих в них

58	Герцеговина. Домашняя посуда. Деревянная резная тумба вышиною в 12 вершк[ов], на которую кладется большой поднос (тевсия), находящийся на заднем плане картины, — заменяет стол. Посуда вся металлическая, луженая с чернью, салфетка общая — всегда пестрая, называется затрапезная, ложки (кашика) деревянные с оловянною насечкою. Фарфоровый сосуд — заздравный кубок (чаша с поклонцом), маленькие чашки с серебряными подставками филограновой работы (финжаны), в которых пьют кофе, кувшин с тазом (имбрик) для умывания рук
59	Герцеговина. Оружие. Собрание сербского оружия, употребляемого во всех племенах, с весьма красивою отделкою из серебра и перламутра
60	Босния. Девица-горожанка (12-ти лет)
61	Босния. Девица-горожанка (18-ти лет)
62	Босния. Горожанин-старик, в общем гражданском боснийском костюме
63	Босния. Горожанин-босняк, в купеческом костюме
64	Босния. Священник Савва, учитель сараевской школы
65	Босния. Образ на мраморе, весьма древний, сохраняющийся в семействе старинного сербского рода в Сараеве. Живопись итальянская, изображающая Поклонение Волхвов
66	Босния. Народный певец-бандурист, известен в Боснии как народный композитор-певец
67	Босния. Молодая женщина-горожанка в праздничном парадном костюме
68	Босния. Старуха с прялкою
69	Босния. Католический священник в национальном боснийском костюме
70	Молодая девушка боснийской Крайны
71	Замужняя женщина боснийской Крайны
72	Горожанин боснийской Крайны
73	Селяк-босняк
74	Селяк-босняк
75	Замужняя женщина-селячка в Боснии
76	Бим-баша — турецкий офицер
77	Турок-османлия в Боснии
78	Араб-босняк
79	Турецкая девушка
80	Турок-босняк
81	Дервиш — турецкий монах

Ф.И. Тютчев

Памяти А.Ф. Гильфердинга²⁸¹

Он родом был не славянин,
Но был славянством всем усвоен;
Он делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин!
1872 год.

Россия

(посвящается гр. А.Д. Блудовой)²⁸²

Люблю я русскую страну,
Люблю ее крещенский холод,
Все так же в ней, как в старину,
Народ душою вечно молод!
Широко-вольна, как всегда,
Родная, чудная природа,
И без нее бы никогда
Не быть единству у народа.
Не пошатнут твердынь России
Ни козни тайные врагов,
Ни нам враждебные стихии
Злорадных чуждых пришлецов.
Наш русский дух — вот наша сила,
И этой крепкою стеной
Земля родная оградила
Себя от мести вековой.
Он нам родной от колыбели,
В любви он к «Белому Царю»,
К отчизне, вере и на деле
Он показал нам жизнь свою,
Когда нам родственное племя
Подвластных Турции славян,

²⁸¹ Полное собрание сочинений Ф.И. Тютчева. СПб., 1913. С. 226.

²⁸² Стихотворение (автограф) С.М. «Россия», посвященное графине Блудовой Антонине Дмитриевне. Б.д. РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2805.

Чтоб свергнуть тягостное бремя,
Терпело зверства мусульман.
Повсюду слышались проклятья...
И братья родственной земли
Им от души и без изъятия
Все помогали, чем могли.
Но лишь родною обогрились
Нам кровью чуждые поля,
Как шумно все зашевелились,
И встала русская земля.
И от Карпатов до Урала,
И от Онеги до Днепра
Земля родная задрожала
От задушевного «ура»!
И скоро цепью боевою
Был южный край наш окружен,
И, как в затишье пред грозой,
[Умолкло] всё со всех сторон.
С.М.

Деятельность России по оказанию помощи православной церкви и просвещению в Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг.

В числе главных проблем православного населения Боснии и Герцеговины в 1850–1860-е годы были плачевное состояние образования, нехватка духовенства и его слабая подготовка. Помощь в решении этих вопросов являлась первостепенной задачей для России в этом регионе. В 1850-е годы русская благотворительность приступила к осуществлению конкретного плана действий, суть которого состояла в налаживании контактов со священнослужителями, открытии учебных заведений в регионе и выделении стипендий уроженцам Боснии и Герцеговины для учебы в России.

Поездки священнослужителей Боснии и Герцеговины в Россию

Анализ имеющихся в распоряжении исследователей документов свидетельствует о том, что в Боснии и Герцеговине представления о России носили в значительной мере характер мифов. «Майка Русия»¹, по мнению местных жителей, была большой северной страной, населенной братским славянским народом и управляемой могучим царем. На нее боснийцы и герцеговинцы возлагали большие надежды, от нее ждали всевозможной помощи и поддержки, а отправиться туда считалось большой удачей.

Иеромонах Проконий Чокорило и Россия

Одним из первых герцеговинских священнослужителей, побывавших в России с целью сбора средств в пользу церквей

¹ Мать-Россия (сербск.).

и школ своего региона, был иеромонах из Мостара Прокопий Чокорило (1802–1863). Он был знаком с А.Ф. Гильфердингом и активно помогал ему в деле отправки местной молодежи на обучение в Россию. Гильфердинг высоко ценил Чокорило, в том числе его литературное творчество, и даже перевел на русский язык и опубликовал его сочинение «Летопись Герцеговины. 1831–1857»². В предисловии к этому труду Гильфердинг писал: «Автор предлагаемой летописи дел, свершившихся в наше время, (...) есть православный монах, герцеговинец, рассказывающий то, что видел и слышал и в чем нередко участвовал»³.

Прокопий Чокорило

Прокопий Чокорило рано принял духовный сан, служил в Любинье (Восточная Герцеговина), а затем перебрался в Мостар. Здесь и состоялось его знакомство с Гильфердингом. Еще будучи консулом в Сараеве, 6 октября 1857 г., в донесении директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому Гильфердинг предлагал отправить в Россию для получения образования 10–12 боснийских и герцеговинских мальчиков. На роль провожатого он рекомендовал Прокопия Чокорило, служителя «мостарской церкви, отличающегося хорошею нравственностью и преданностью православию и России. Сдав детей в учебные заведения, монах мог бы, согласно его просьбе, — считал Гильфердинг, — приступить с разрешения Св. Синода к собиранию в России милостыни для монастырей Герцеговины»⁴.

В первую очередь Чокорило намеревался собрать средства для строительства православных церквей в областях,

² Прокопий (Чокорило), иеромонах. Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Русская беседа. 1858. Кн. 2. Ч. 2. Смесь. С. 93–121; *он же*. Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. М., 1873. С. 499–525 (далее ссылки даются на это издание).

³ *Он же*. Летопись Герцеговины. 1831–1857. М., 1873. С. 501.

⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 83.

где усиливалась католическая пропаганда. В планах православной общины было строительство следующих храмов: во имя св. Николы в Дувне, во имя св. Димитрия в Любушком, во имя св. Екатерины в Белом поле, во имя Успения пресвятой Богородицы в Старой Габеле, во имя св. Петра и Павла в Борках. На постройку каждой церкви требовалось по 500 руб. серебром⁵. Остальные средства должны были пойти на строительство православного собора в Мостаре и церкви в Фоче. Кроме того, был составлен список предметов, необходимых для благоустройства храмов и монастырей Герцеговины.

Св. Синод дал разрешение на годовую поездку герцеговинского монаха 31 декабря 1857 г.⁶ Видимо, практика совместной опеки над священнослужителями из турецких областей только входила в обиход, так как из Азиатского департамента в Св. Синод поступил вопрос: всегда ли впредь должно спрашивать позволения у Св. Синода в подобных случаях?⁷ Скорее всего, ответ был положительным. Это видно на примере духовных лиц, которые позже отправлялись в Россию с подобными миссиями. Разрешение Св. Синода император утвердил лишь в мае 1858 г.⁸ Был установлен ряд правил сбора подаяний: 1) монах должен был осуществлять сбор сам, без чьей-либо помощи; 2) все подаяния нужно было фиксировать в специальной книге учета; 3) по окончании сбора книгу необходимо было сдать на проверку в местную консисторию, а затем в хозяйственное управление Св. Синода⁹.

В июне 1858 г. Гильфердинг писал М.Ф. Раевскому: «Подвиньте также дело об отправлении из Мостара монаха Прокопия Сокорила (Чокорило. — К.М.) с 4-мя воспитанниками, которое лежит на сараевском консульстве»¹⁰.

⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2938. Л. 1 об.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Там же. Л. 12, 62.

¹⁰ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 125.

В октябре того же года А.Ф. Гильфердинг направил письмо к М.П. Погодину с просьбой оказать материальную помощь и покровительство служителю мостарской церкви, который направлялся в Россию для сбора подаваний в пользу монастырей, церквей и училищ в Герцеговине¹¹.

В июле 1858 г. П. Чокорило прибыл в Одессу. Тут он оставил группу учеников и направился в Киев, а в начале октября добрался до Москвы¹².

Пребывание Чокорило в Москве не обошлось без проблем. В письме историка и славянофила П.А. Бессонова к М.П. Погодину сообщается о том, что назначенный сопровождать Чокорило некто Верещагин запил и перестал исполнять свои обязанности¹³. «Он не может внушать этому герцеговинцу любви и сочувствия к русскому имени», — писал Бессонову о Верещагине Гильфердинг¹⁴, который и занялся решением этой проблемы. Он разработал план переезда монаха из Москвы в Петербург и пытался выхлопотать там для него келью на Троицком подворье. Действовать приходилось очень осторожно, так как московский митрополит Филарет был не очень доволен гостем из Герцеговины¹⁵. Вероятно, это было связано с тем, что буквально перед ним сбором средств для школ и церквей этой провинции Балкан промышлял некий авантюрист Ристич. П.А. Бессонову удалось наладить контакт с митрополитом, и Филарет предоставил герцеговинцу место для проживания в Москве.

Согласно правилам сбора подаваний Чокорило не мог брать денег на свое путешествие из пожертвованных средств, и поэтому он постоянно нуждался в финансовой помощи. Министр иностранных дел А.М. Горчаков лично обратился к императору Александру II с просьбой выдать Чокорило деньги на путевые расходы¹⁶.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 8. Ед. хр. 3. Л. 1.

¹² РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 15, 22.

¹³ ОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 13. Ед. хр. 28. Л. 31–32.

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 59.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 13. Ед. хр. 28. Л. 30–31.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. 1859. Всеподданнейшие доклады. Д. 35. Л. 1–1 об.

В январе 1859 г. Чокорило прибыл в Петербург. Здесь он проживал неподалеку от Исаакиевского собора, в доме Тишнера в Демидовском переулке¹⁷. О помощи гостю из турецких земель хлопотала графиня А.Д. Блудова. В письме к М.Ф. Раевскому от 31 января 1859 г. она сообщает: «Теперь здесь герцеговинский монах Чокорило, которому и передаем все готовые вещи для Герцеговины. За него ручается Гильфердинг»¹⁸. От себя Блудова преподнесла отцу Прокопию в подарок медальон и образа с изображением святых¹⁹.

Чокорило составил список вещей, необходимых герцеговинским церквям, и направил его обер-прокурору Св. Синода А.П. Толстому²⁰. В списке значилось: 110 экземпляров требника, 110 экземпляров молитвослова, 12 антиминсов, 1 плащаница, 1 походная церковь, 6 полных кругов богослужбных книг, 40 экземпляров служебника, 40 экземпляров Евангелия, 40 экземпляров Апостола, 40 экземпляров Псалтыри, 1 экземпляр «Правил Св. Отцов» на славянском и греческом языках, 3 экземпляра «Православного богословия» на русском языке, катехизисы и другие учебные книги на славянских языках, несколько епитрахилей, простые деревянные кресты²¹.

Собрать как можно больше средств помогла Чокорило и опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» статья Гильфердинга «Несколько слов о Герцеговине и ее церквях»²². В ней содержались краткие сведения по истории этого края и повествовалось о тяжелом положении родственного славянского народа под «турецким гнетом». Автор взывал к сочувствию русского читателя, рисуя печальные картины жизни православного населения: «Случаи смерти от голода не редкость в Герцеговине (...) местные жители вынуждены

¹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 74.

¹⁸ Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Т. II. Књ. 1. Београд, 1989. С. 124.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1924а. Л. 6 об.

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 410. Д. 377. Л. 5–6 об.

²¹ Там же.

²² Гильфердинг А.Ф. Несколько слов о Герцеговине и ее церквях // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 61.

бывают питаться буковою или кленовою корою, желудями и растением козалац, с примесью микроскопической доли муки»²³. Рассказал Гильфердинг и о плачевном состоянии православных церквей в крае. Вот как он описывал построенную в 1833 г. церковь в Мостаре: «Размеры для церкви предписаны такие малые, что незначительная часть прихожан может в ней поместиться. В большие праздники христиане толпятся на дворе церковном, лоя случайно долетающие к ним через дверь или окна слова богослужения. Внутри духота ужасная, потому что велено было строить церковь так низко, что[бы] крыша ее не была видна из-за стены, ограждающей церковный двор. Чтобы сколь-нибудь увеличить внутри высоту церкви, христиане глубоко врыли ее в землю, так что в церковь спускаешься вниз по лестнице в десять ступеней. Такова кафедральная церковь Герцеговины...»²⁴

В статье Гильфердинг указывает читателю на опасность распространения католицизма среди балканских славян. В этих условиях, по его мнению, на России лежит обязанность вывести жителей Герцеговины «из духовного сиротства, дать им возможность иметь богослужение и этим поддержать их веру!»²⁵ На строительство одной церкви требуется 500 руб. серебром. «Неужели эти деньги не найдутся в России?» — в заключение вопрошает Гильфердинг²⁶.

Этот призыв, безусловно, помог Чокорило собрать в России значительные средства²⁷. Известно, что весомый вклад в итоговую сумму внесли жители Новгородской, Курской и Тульской губерний, из которых в Св. Синод поступила значительная помощь для единоверцев²⁸. По просьбе монаха срок его пребывания в России был продлен до апреля 1860 г.²⁹

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы. М., 2011. С. 121–122.

²⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 23–25, 34, 41.

²⁹ Там же. Л. 53, 55, 57, 62.

К сожалению, Чокорило не удалось получить походную церковь, о которой он просил с самого начала визита. Ходатайство о даровании такой церкви он направил в Св. Синод, но оно осталось без ответа. «Все окружие города Мостара, состоящее из 3.000 православных и простирающееся на расстояние 500 верст, не имеет православной церкви. Ныне между этими несчастными поселились римокатолические миссионеры, которые, построив церкви, разными обольщениями отторгают бедных герцеговинцев от православия и принимают в объятия своей церкви. И все это потому, что бедные герцеговинцы не имели счастья услышать в продолжении нескольких веков хоть один раз божественную литургию или поучительную проповедь!» — писал Чокорило³⁰. За исполнение этой просьбы взялся Московский славянский комитет. Переписка относительно походной церкви растянулась на несколько лет.

Несмотря на проблемы с организацией его поездки, Чокорило был принят в России очень хорошо. Сама императрица Мария Александровна пожаловала архиерейские облачения для церкви Пресвятой Богородицы в Мостаре³¹.

После Петербурга Чокорило какое-то время находился в Москве и, наконец, в 1860 г. возвратился в Мостар через Одессу³². На родину он привез значительную сумму — 4.000 червонцев, а в Мостар еще долго приходили посылки с собранными в России пожертвованиями. Подробные отчеты о сборе средств и тратах публиковались на страницах московских и петербургских газет³³.

Главным организатором отправки пожертвований была А.Д. Блудова. Именно к ней Чокорило обращался, когда возникали малейшие проблемы. Так, в своем письме от 16 ноября 1862 г. он сообщил, что до Мостара до сих пор не дошли деньги, посланные М.Ф. Раевским в Азиатский департамент для Герцеговины еще в октябре 1859 г.³⁴

³⁰ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 61.

³¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2420. Л. 1.

³² ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 61–61 об.

³³ РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 74.

³⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2420. Л. 1.

Российский консул в Мостаре А.Н. Кудрявцев в 1867 г. в своем донесении к Н.П. Игнатьеву писал о поездке Чокорило в Россию следующее: «Никогда никто из герцеговинцев ничего подобного не видал и не слышал, чтобы простой монах мог привезти с собой более 4 тысяч червонцев. Общество и народ пожертвовали. Сильное латинство опустило голову, а покровительствующий его австрийский и французский иезуитизм — приуныл. Никогда все католические державы совокупно не дадут столько денег, сколько дала одна православная Россия!»³⁵

Но далее Кудрявцев поведал печальную историю о том, как эти деньги посеяли раздор в православной среде Герцеговины и вместо пользы, по его мнению, принесли вред, очернив имя России.

Дело в том, что Чокорило решил лично распорядиться всеми собранными средствами. Он полагал, что денег ему хватит на восстановление 20 церквей в Герцеговине и строительство большого соборного храма в Мостаре³⁶. Тем временем слухи об оказанных Россией благодеяниях продолжали распространяться по региону. Игумены монастырей Дужи, Таслидже, Житомыслич и Косиерово отправлялись в Мостар в надежде получить деньги для своих приходов, но остались ни с чем. Посыпались жалобы в российское консульство. Чокорило продолжал упорствовать, и обиженные игумены начали распространять слухи об обмане со стороны России. Однако план Чокорило также не увенчался успехом. Для строительства храма был нанят герцеговинский архитектор Спасое Вулич³⁷, денег хватило только на возведение стен, одна из которых треснула. «На горé ныне величественно стоят четыре стены, указывая народу на его несостоятельность, бессилие, невежество...» — писал Кудрявцев в 1867 г.³⁸

³⁵ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 73 об.–74.

³⁶ Земельный участок для постройки церкви был приобретен еще в 1836 г. Строительство соборного храма Святой Троицы в Мостаре началось в 1863 г. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2048. Л. 19–20.

³⁷ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 63.

³⁸ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 75.

Затем община пригласила одного из лучших зодчих на Балканах — Андрея Дамьянова, и к 1870 г. храм был почти готов. Консул Н.А. Иларионов писал, что «по наружному своему виду» его «можно будет считать одним из первых православных храмов Турции, и он мог бы служить украшением любому европейскому городу»³⁹. Однако средств на внутреннюю отделку у общины не было, и без помощи России в храме были бы лишь выбеленные стены и деревянная перегородка вместо иконостаса.

Одновременно в Мостаре шло строительство латинского собора. Собранные в католических странах средства и существенная помощь Австрии позволили осуществить прекрасную его внутреннюю отделку. Иларионов писал в Славянский комитет в Москву: «Прискорбно будет видеть православный храм, несравненно красивейший католического снаружи, с голыми стенами внутри и вполне без всяких украшений»⁴⁰. Свое прошение консул продублировал и в письме к Н.А. Попову⁴¹.

Стараясь помочь мостарцам, Иларионов обратился в Славянский комитет с просьбой прислать в Герцеговину из России художника, который расписал бы иконостас, а по окончании работ в Мостаре мог бы приступить к украшению и других церквей.

«Много москвичей тратят сотни тысяч на постройки храмов и монастырей, здесь же необходимы не сотни и даже, пожалуй, не десятки тысяч, а с несколькими тысячами рублей можно вполне украсить православный собор Мостара, — писал Иларионов. — Неужели Москва, далеко

Соборная церковь святой Троицы в Мостаре

³⁹ Там же. Л. 63 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 9. Ед. хр. 37. Л. 1.

известная своими пожертвованиями и горячей преданностью православию, оставит без помощи своих единоверцев Мостара и допустит католическому храму гордиться своим великолепием, а православному собору стыдиться своего убранства?»⁴² Однако руководство Славянского комитета так и не откликнулось на просьбы мостарцев, поддержанные российским консулом.

В те же годы шло строительство главного православного собора в Сараеве. Устройством иконостаса для него занимались петербургские благотворители. Из России в Боснию была направлена группа опытных мастеров. Консул Иларионов обращался к М.П. Погодину в Москву с предложением оплатить работы этих мастеров и для мостарского храма⁴³. Руководство Славянского комитета обещало помочь с реализацией этого проекта, но к январю 1872 г. дело так и не сдвинулось с места⁴⁴. Только в 1873 г. строительство мостарского храма было завершено. Долгое время он считался одним из самых величественных православных соборов на Балканах⁴⁵.

Судя по переписке М.Ф. Раевского с П. Чокорило, герцеговинец собирался совершить еще одно путешествие в Россию⁴⁶. Однако этим планам не суждено было осуществиться — 18 июля 1863 г. он скончался, так и не увидев кафедральный собор Мостара⁴⁷.

Архимандрит Серафим Перович и Россия

Мысль о возможности получить большие денежные средства от российского правительства привлекла и игумена монастыря Житомыслич Серафима Перовича (1827–1903).

Серафим Перович родился в селе Горица неподалеку от Требинья (в Восточной Герцеговине). В 1848 г. он принял

⁴² ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 64 об.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 160.

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 9. Ед. хр. 37. Л. 3–6 об.

⁴⁵ Храм был разрушен 15 июня 1992 г. В 2010 г. начались работы по его восстановлению.

⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 53.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 21.

монашеский постриг в монастыре Дужи, где провел свое детство, а позже стал иеромонахом. В 1853 г. Перович отправился в Белград, где в 1857 г. прошел курс обучения в семинарии, а затем вернулся в Герцеговину. Некоторое время он работал в мостарской школе, а затем стал игуменом монастыря Житомыслич, где действовало духовное училище, которое он же и возглавлял.

Российский консул в Мостаре В.В. Безобразов был в очень хороших отношениях с С. Перовичем. Положительно отзывались о нем и другие российские дипломаты — А.Ф. Гильфердинг⁴⁸ и Е.П. Шулепников⁴⁹.

В августе 1863 г. С. Перович обратился в российское консульство в Мостаре с просьбой об организации его поездки в Россию с целью сбора средств для открытия семинарии при монастыре Житомыслич⁵⁰. В связи с этим В.В. Безобразов направил ходатайство в Св. Синод, и зимой 1864 г. разрешение было получено⁵¹.

О поездке Серафима Перовича в Россию известно немного. Из опубликованных документов следует, что он пробыл на русской земле примерно два года, выучил русский язык, получил в подарок от Александра II золотой наперсный крест⁵². В мае 1865 г. С. Перович

Серафим Перович

⁴⁸ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 207–208.

⁴⁹ Там же. С. 222–223.

⁵⁰ Там же. С. 436–437.

⁵¹ Там же. С. 437.

⁵² Консул В.В. Безобразов обратился в Азиатский департамент МИД России и Св. Синод с просьбой поощрить С. Перовича в 1864 г. К концу года было принято решение о присвоении награды «за ревность православию» и «благодетельное влияние» на православное население Герцеговины без предварительных сношений с греческим духовным начальством. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 145. Д. 1067. Л. 6–6 об. (копия документа получена в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН).

находился в Москве⁵³. Как и в случае с П. Чокорило, помощь гостю из Герцеговины оказывал Московский славянский комитет.

В декабре 1865 г. С. Перович обратился в Св. Синод со следующими прошениями: 1) прислать в Герцеговину на три-четыре года иеродьякона московского Сретенского монастыря Антония и монаха Парфения для обучения местного духовенства «стройному совершению церковных служб и доброгласному пению»; 2) пожаловать св. миро, антимины, восемь полных кругов богослужебных книг для церквей в Мостаре, Столаце, Требинье и монастырей Житомыслич, Дужи, Завала, Косиерово и Добричево, а также евангелия, апостолы, служебники, общие и праздничные минеи, псалтыри, часословы, молитвословы и требники для раздачи некоторым беднейшим церквям региона⁵⁴. Св. Синод передал С. Перовичу богослужебные книги для герцеговинских монастырей на сумму 236 руб. Вопрос о пересылке литературы для беднейших церквей был отложен до «более благоприятных денежных обстоятельств»; просьба об отправке в Герцеговину иеродиакона Антония и монаха Парфения была направлена на рассмотрение к московскому митрополиту Филарету⁵⁵.

В феврале 1866 г. Серафим Перович вернулся в Герцеговину⁵⁶. В пограничном городе Метковиче его вышли встречать толпы христиан и мусульман.

Прибыв в Житомыслич, о. Серафим прочел проповедь при большом скоплении народа, в которой заявил, что русский царь Александр II лично обещал герцеговинскому народу помощь в его борьбе с турецким владычеством. Эти же слова архимандрит повторил сербскому князю

⁵³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 17.

⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1873. Л. 5–5 об. (копия документа получена в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН).

⁵⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 36–37; РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1873. Л. 5–7.

⁵⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 48.

Михаилу Обреновичу во время его путешествия по Боснии. Действия Перовича способствовали возникновению волнений в окрестностях Мостара.

По возвращении на родину С. Перович энергично принялся за устройство семинарии. Чтобы оградить себя от разбирательств по вопросу о распоряжении собранными в России средствами, он взял письменное обязательство с мостарской православной общины о ее невмешательстве в дело открытия своего учебного заведения⁵⁷.

В сентябре 1867 г. в Мостар к месту службы прибыл новый российский консул А.Н. Кудрявцев. В отличие от своих предшественников, он не разделял восторгов относительно личности С. Перовича. В донесении к Н.П. Игнатьеву Кудрявцев крайне негативно отозвался об о. Серафиме и его деятельности: «Одаренный природным умом и красноречивым словом, хитрый, честолюбивый и лукавый, он получил очень порядочное образование в Белграде. Прибыв на свою родину, он вскоре сумел сделаться игуменом монастыря Житомысличи⁵⁸. Под личиной патриота и великого ревнителя православия и народа он возмечтал сделаться митрополитом Герцеговины, великим и вместе зажиточным человеком и захотел пристроить и всю свою родню. Войдя в тесную связь с бывшим русским консулом (В.В. Безобразовым. — К.М.) и приобретя лестью и умением говорить полное и неограниченное его доверие, он воспользовался симпатией и влечением его к несчастным единоверцам нашим»⁵⁹.

Из донесения Кудрявцева в МИД мы узнаем о том, каким образом архимандрит распорядился собранными в России средствами. Сербские газеты пестрели восторженными сообщениями о новой семинарии, открытой при монастыре Житомыслич. Однако «расцвет» этого учебного заведения был только на бумаге. На самом деле С. Перович за 1.000 червонцев купил дом и сдал его в аренду

⁵⁷ Там же. С. 48–49.

⁵⁸ Имеется в виду герцеговинский монастырь Житомыслич. В XIX в. российские дипломаты и путешественники зачастую именовали его «Житомысличи».

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 75 об.–79.

российскому консульству. Остальные деньги он раздал под проценты местным торговцам, а привезенные из России книги выставил на продажу⁶⁰. Новая семинария оказалась чистой воды профанацией. «Прежняя для малых детей земледельцев школа осталась так, как была. По-прежнему окна без стекол, закупоренные пуками сена, прежнее малое помещение, прежнее число скамеек. Что было нового — это молодой наставник, воспитывавшийся в Белграде, но едва знающий первоначальное и необходимое для передачи детям и не имеющий никакого понятия ни о риторике, ни о философии и еще менее о богословии. Может ли быть при богословской семинарии только один профессор, и тот получающий по три червонца в месяц жалованья? Могут ли учиться богословию десяти- и двенадцатилетние мальчики, знающие едва читать по складам и выучивающие на память без всякого понимания то, что им укажут в книге? Скажу. В Житомысличах никакой богословской семинарии не было открыто», — сообщал Кудрявцев⁶¹.

Помимо этого в семье Перовичей случился скандал, невольным участником которого стало российское консульство. В 1866 г. С. Перович вернулся из России на родину не один. В Москве он познакомился с девушкой Марией Йогансон и заочно просватал ее за своего брата Йована. Тот некогда учился в Киевской духовной академии, а вернувшись в Мостар, учительствовал в местной школе. О. Серафим сулил Марии место директрисы мостарской женской школы с жалованьем в 480 руб. в течение шести лет⁶². По его словам, ее будущий муж Йован был одним из самых интеллигентных и уважаемых людей в Герцеговине и имел доход в 400 руб.

В 1866 г. Мария действительно приступила к работе в мостарской школе для девочек. По сообщению тогдашнего российского консула Н.А. Иларионова, она «своим знанием дела и умением за него взяться заслужила в короткое время пребывания своего в Мостаре любовь здешней

⁶⁰ Там же. Л. 77 об.

⁶¹ Там же. Л. 77.

⁶² Там же. Л. 76.

православной общины»⁶³. Школу посещало около 30 учениц. Единственной проблемой было то, что Мария Перович практически не владела сербским языком. И тем не менее она возглавляла это учебное заведение до 1868 г.⁶⁴

Идиллия, однако, продолжалась недолго. Уже в 1867 г. разгорелся скандал. Практически всё из обещанного когда-то Марии оказалось ложью, но она не имела возможности вернуться на родину. Кроме того, братья Перовичи запретили ей поддерживать контакты с российским консульством. А.Н. Кудрявцева они обвинили во вмешательстве в их семейные дела и развернули против него кампанию; в сербских газетах публиковались статьи, критикующие российского консула⁶⁵.

«Семинария» в Житомирлице превратилась в центр для подготовки повстанческих чет, что повлекло за собой заключение братьев Перовичей в тюрьму (1870 г.) с последующей ссылкой⁶⁶, где они провели пять лет. В 1876 г. Перовичи были освобождены усилиями иностранных консулов. Позже, в 1889–1903 гг., о Серафим был герцеговинским митрополитом. Как сложилась судьба обманутой Марии, неизвестно.

Архимандрит Савва Косанович и Россия

Еще одним счастливецом, кому довелось увидеть русскую землю, был Савва Косанович (1839–1903).

Савва Косанович родился 27 января 1839 г. в селе Милянич, в Восточной Герцеговине⁶⁷, в зажиточной крестьянской семье. Однако благополучие Косановичей длилось недолго: отец Саввы, Кико, вместе с двумя братьями погиб в вооруженном столкновении с турками. Потеряв кормильца, семья оказалась в бедственном положении. В 1846 г. Савва отправился

⁶³ Освободительная борьба народов Боснии, Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 69.

⁶⁴ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 534.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 78–78 об.

⁶⁶ Там же. Л. 76 об.–78.

⁶⁷ Территория племени банян.

Савва Косанович
(Фотографический сборник
церковных древностей и типов
славян Европейской Турции.
Герцеговина и Босния 1867
года П. Пятницкого)

на учебу в герцеговинский монастырь Житомыслич, затем недолго учился в мостарской школе, после чего снова вернулся в монастырь, где отказался принять монашеский постриг и отправился в Сараево. Оттуда в возрасте 16 лет, вместе с товарищем Симой Чайкановичем, он пешком ушел в Белград. Здесь, получив стипендию от сербского правительства, молодые люди поступили в семинарию. После ее окончания в 1860 г. Савва хотел продолжить образование в России, в Киевской духовной академии, или в Задаре, где планировал изучить итальянский и немецкий языки⁶⁸. Однако обращение по этому поводу к российскому консулу не дало результатов. Поездка в Задар

также не увенчалась успехом⁶⁹. Тогда он перебрался в Мостар, где приступил к работе учителя начальной школы. Вскоре С. Косанович женился на девушке из известной в тех краях семьи Гатало, год проработал в сараевской школе для мальчиков, а затем снова вернулся в Мостар — на четыре года. И именно здесь его постигло глубокое горе — один за другим ушли из жизни его жена, дочь и сын⁷⁰.

На духовное поприще Косанович вернулся в 1862 г. В ноябре в Сараево дабробосанский митрополит Игнатий рукоположил его в дьяконы, а годом позже в священники. 19 июня 1872 г. Савва постригся в монахи, а в день святого Илии (20 июля (2 августа)) митрополит Паисий произвел его в архимандриты.

⁶⁸ Максимовић В. Митрополит Сава Косановић 1839–1903. Сарајево, 2003. С. 11.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Хаџи-Сава Косановић // Богословски гласник. 1903. Књ. III. Св. 1. С. 161–162.

В сербской историографии личность Саввы Косановича вызывает интерес главным образом в связи с его деятельностью конца 1870-х — 1880-х годов⁷¹. В этот период он прослыл ярким борцом за объединение сербского народа и противником австро-венгерской оккупации. В 1881 г. С. Косанович стал дабробосанским митрополитом. Всё это время он поддерживал связь с сербским митрополитом Михаилом, советовался с ним по важнейшим вопросам. В 1885 г. из-за конфликта с представителями римско-католической церкви Савва Косанович был отстранен от занимаемой должности. Последние годы жизни он провел в Черногории.

Хотя о Косановиче существует некоторая литература⁷², практически не исследованными остались его контакты с Россией в 1860–1870-е годы.

В 1859 г. сараевская православная община получила разрешение от турецких властей на строительство православного собора в Сараеве. На тот момент в городе действовала всего одна церковь для православных прихожан, построенная в XVI в. Церковь была маленькая и не имела колокольни; находилась она в окружении 104 мечетей. Но времена танзимата позволили приступить к строительству большого храма с колокольней. В начале 1860-х годов местная православная община, активным деятелем которой являлся Косанович, выкупила участок земли в самом центре города, напротив здания консульства России. Тогда же руководство общины обратилось в Петербург с просьбой оказать финансовую помощь в этом начинании. Российский консул в Сараеве Е.Р. Щулепников настоял на том, чтобы на будущей церкви обязательно были купола и колокола. План храма был утвержден султаном Абдул-Азизом⁷³.

⁷¹ См.: *Максимовић В.* Митрополит Сава Косановић.

⁷² *Максимовић В.* Митрополит Сава Косановић; Митрополит Сава Косановић // Босанска вила. Сарајево. 16 децембра 1885. № 1. С. 4–6; Хаџи-Сава Косановић // Богословски гласник. 1903. Књ. III. Св. 1. С. 161–162; Хаџи-Сава Косановић // Босанска вила. Сарајево. 15 фебруара 1903. № 3. С. 1.

⁷³ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2330. Л. 32–33.

К 1866 г. собор был уже доведен до куполов. Начиная с этого времени местная православная община неоднократно обращалась к российскому правительству с просьбой организовать поездку священника Саввы Косановича в Россию для сбора пожертвований на постройку храма⁷⁴.

В донесениях в Азиатский департамент МИД консул Шулепников так описывал Косановича: «Получив образование в белградской семинарии, [он] есть единственное духовное лицо в Боснии, имеющее некоторое значение, и со временем непременно приобретет большое влияние на весь боснийский православный народ; он одушевлен самыми теплыми патриотическими чувствами и сильной привязанностью к России, а потому я вполне одобрил выбор сараевской общины, которая, по моему предложению, решила употребить свои серьезные настояния перед митрополитом для произведения его в сан архимандрита»⁷⁵.

Организация поездки Косановича в Россию была сопряжена с рядом трудностей. Летом 1867 г. против о. Саввы развернул кампанию тогдашний дабробосанский митрополит Игнатий (1861–1868 гг.). Он сообщил Константинопольскому патриарху, что Косанович активно участвует в подготовке восстания, и попросил отправить его на Афон. Для сараевского архимандрита это было равносильно ссылке. Однако за Косановича вступился российский МИД, и по просьбе Шулепникова урегулированием этого вопроса занялся чрезвычайный и полномочный посол России в Османской империи Н.П. Игнатьев⁷⁶. Стоит отметить, что эти обвинения имели основание — Косанович действительно активно сотрудничал с тайным сербским комитетом по освобождению Боснии⁷⁷.

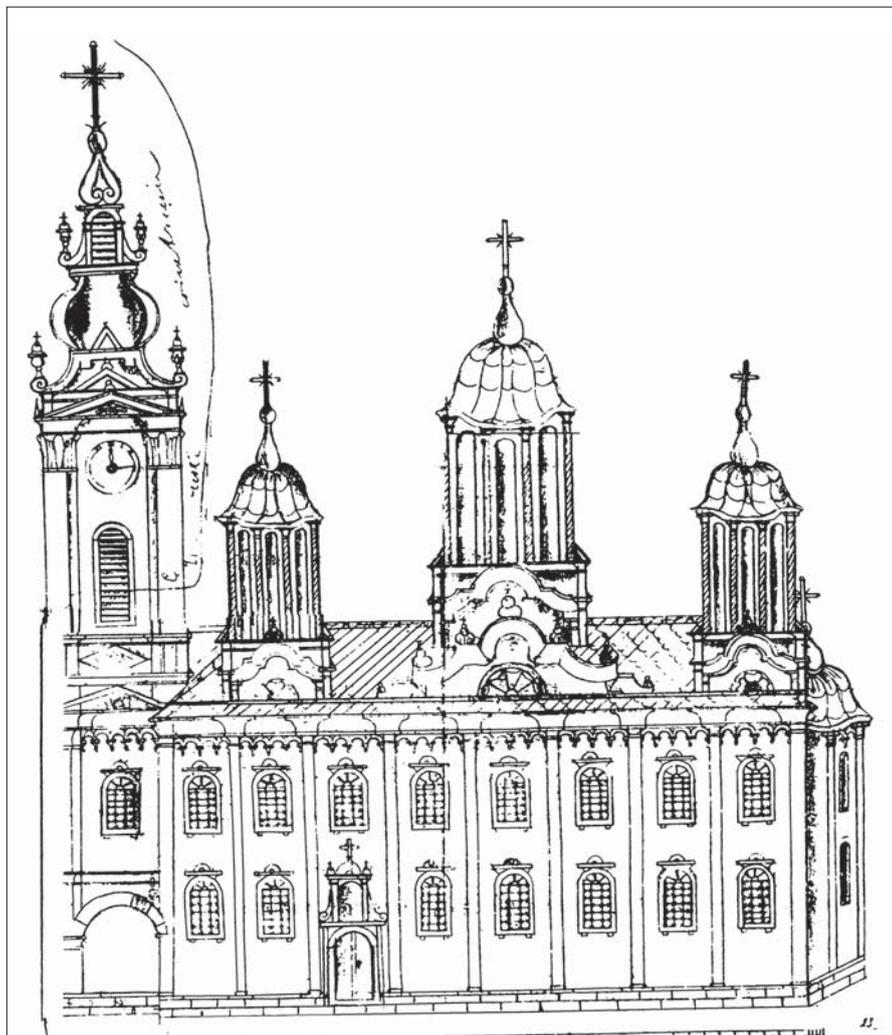
Позже, в связи с предполагаемой поездкой С. Косановича в Россию, возникла еще одна проблема. Дело в том,

⁷⁴ Там же. Ф. 146. Славянский стол. 1865–1875. Д. 3968. Л. 6–6 об.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 75.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1865–1875. Д. 3968. Л. 6–6 об.

⁷⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 91.

⁷⁷ Подробнее см. в главе 4.

План Соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы
(АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517-2. Д. 3230. Л. 34)

что по соглашению между Св. Синодом и министерством иностранных дел России только три представителя зарубежных православных церквей могли одновременно осуществлять сбор на территории империи. Подавшие заявку выстраивались в очередь и могли приехать в страну только после того, как ее покинут другие сборщики. На тот момент разрешение

на поездку было уже у уроженки Боснии, начальницы и основательницы женской школы в Сараеве Стаки Скендеровой. Несколько раз община обращалась к российским властям с просьбой сделать исключение для Косановича, но безрезультатно⁷⁸. Эта ситуация привела к ряду конфликтов между общиной и Скендеровой, которые безуспешно пыталось разрешить российское консульство.

К концу 1860-х годов были завершены все пять куполов нового храма и на половину высоты возведена колокольня⁷⁹. В 1868 г. генерал-губернатор Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паша (1861–1869 гг.) остановил строительство колокольни⁸⁰. Он опасался недовольства со стороны сараевских мусульман, поскольку по плану архитектора православный собор должен был возвышаться над всеми минаретами города.

Всё же к 1870 г. строительство храма и 40-метровой колокольни с крестом было окончено. Член Петербургского отдела Славянского комитета Н.А. Киреев отправил в новый кафедральный собор серебряную утварь, заводчик П.П. Демидов пожертвовал 250 руб.⁸¹ Петербургский купец Ефим Иванов послал в Сараево своих мастеров для установки иконостаса и исполнения всех позолотных работ в соборе⁸². В Боснию из России прибыло пять человек. В Сергиевской пустыни под Петербургом планировалось изготовить 86 икон для храма⁸³. К марту 1871 г. иконостас был готов. Благодаря стараниям архимандрита Сергиевской пустыни о. Игнатия православные жители Сараева получили 73 иконы, большую часть которых выполнил художник Александр Колчин⁸⁴.

⁷⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Отд. II. Стол 3. Д. 3. Л. 4–5, 7–7 об.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2330. Л. 88–88 об.

⁸⁰ Там же. Л. 32–33 об.

⁸¹ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2013. С. 185.

⁸² АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 48. Л. 51 об.

⁸³ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 130–131.

⁸⁴ Там же. Ф. 161. Главный архив. Д. 48. Л. 51 об.

Цена икон превышала 7.000 руб., однако подрядчик согласился провести работы за половину стоимости⁸⁵. Осенью 1871 г. русские мастера приступили к сооружению кафедры проповедников. В конце того же года российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев так отзывался об убранстве храма: «Весь иконостас, а равно престол и кафедра вызолочены червонным золотом. Между иконами, писанными крупными художниками, в особенности замечательны: св. Александр Невский, св. Савва и св. Арсений — сербские просветители, Воскресение Христово и Преображение»⁸⁶. Этот иконостас и по сей день украшает собор в Сараеве.

Успехи в строительстве православного храма вызывали недовольство со стороны фанатично настроенных мусульман. Консул Кудрявцев сообщил Н.П. Игнатьеву об опасности возможных актов вандализма: «Ваше превосходительство благоволит поставить на вид великого визиря, что возбуждение мусульманских граждан против новопостроенного храма и христиан велико и что если равнодушие властей к необузданным поступкам будет продолжаться, то весьма легко может произойти нападение на церковь и столкновение с нашими единоверцами»⁸⁷. Российский посол в Константинополе уведомил о проблеме власти Порты⁸⁸.

К октябрю 1871 г. сараевская православная община потратила на строительство церкви огромную сумму — около 40 тыс. дукатов. Теперь уже поездка С. Косановича в Россию была крайне необходима для погашения долгов. «Отказ в оном произвел бы весьма невыгодное впечатление на наших единоверцев и раздражил бы общину, взиращую на поездку о. Косановича в Россию как на единственное средство для приобретения средств к уплате больших и совершенно несоразмерных с ее средствами долгов, вызванных расходами по постройке собора», — сообщал в российский МИД Кудрявцев⁸⁹.

⁸⁵ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2333. Л. 43–44 об.

⁸⁶ Там же. Л. 118 об.

⁸⁷ Там же. Л. 91 об.–92.

⁸⁸ Там же. Л. 92.

⁸⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Отд. II. Стол 3. Д. 31. Л. 13–14.

Разрешение на поездку Косановича было получено от Св. Синода только в феврале 1872 г.⁹⁰ и утверждено Александром II в мае того же года⁹¹. Целью поездки провозглашался сбор пожертвований на открытие гимназии, нужды православных школ и покрытие долгов сараевской общины в связи с возведением храма.

Перед поездкой в Россию С. Косанович побывал в Белграде, где состоялась его встреча с Никифором Дучичем⁹², который снабдил сараевского архимандрита подробными инструкциями о том, что нужно делать и говорить о Сербии и Черногории (об этом Дучич пишет в своем письме к министру иностранных дел Сербии Йовану Ристичу⁹³). Связи Косановича с сербским правительством не подлежат сомнению. Так, сербский агент в Боснии Боголюб Петранович в своем письме от 10 декабря 1869 г. предлагал Й. Ристичу сделать Косановича постоянным агентом, сообщить ему тайный шифр и назначить ежемесячное денежное пособие⁹⁴. По-видимому, в Россию сараевский архимандрит ехал не только для сбора подаяний, но и в качестве сербского агента для установления связей с русскими государственными и общественными деятелями.

В сентябре 1872 г. консул Кудрявцев обратился с письмом к секретарю Московского славянского комитета Н.А. Попову, в котором рекомендовал ему архимандрита Савву Косановича и богатого сараевского купца Максима Деспича, поехавших в Россию для сбора пожертвований для храма в Сараеве. Кудрявцев писал: «Помогите им словом и делом; облегчите их миссию и заставьте наших бедных единоверцев, через Ваши любовь и (...) покровительство, еще более увериться в сочувствии и симпатии к ним русского народа»⁹⁵.

⁹⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 277.

⁹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Отд. II. Стол 3. Д. 31. Л. 28–28 об.

⁹² Никифор Дучич (1832–1900) — архимандрит, настоятель монастыря Дужи, активный участник борьбы против власти Османской империи в Боснии и Герцеговине.

⁹³ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XXVI/7. 463.

⁹⁴ Там же. XVII/1. 17/6.

⁹⁵ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 43. Л. 1–1 об.

Судя по всему, Н.А. Попов к этому времени уже состоял с Косановичем в дружеской переписке⁹⁶ и впоследствии оказал ему большое содействие, помощь и поддержку в его деятельности. Сохранились письма архимандрита к Попову, по которым можно восстановить историю его пребывания в России. Из них следует, что Попов взял на себя хлопоты по сбору средств для Косановича, пересылке его корреспонденции и собранных вещей на родину, а также помог в разработке маршрута его поездки по русским городам. Для того чтобы поддержать архимандрита, Попов опубликовал небольшое сочинение «Православие в Боснии и Герцеговине и его борьба с католической пропагандой»⁹⁷. Цель этого труда заключалась в привлечении внимания русской общественности к проблемам православного населения Боснийского вилайета.

Значительную помощь Косановичу оказал также русский общественный деятель и публицист, будущий попечитель Сербского подворья в Москве Николай Николаевич Дурново (?–1920)⁹⁸. Также Н.П. Игнатъев лично обратился с письмом к председателю С.-Петербургского отделения Славянского комитета И.П. Корнилову с просьбой поддержать сараевского архимандрита⁹⁹. Эту просьбу Корнилов выполнил — он помогал гостю из Сараева в Петербурге¹⁰⁰.

Чтобы обеспечить успех миссии Косановича в России, сараевская православная община доверила ему свою святыню — десницу первомученицы Феклы Иконийской (эти мощи до сих пор хранятся в Сараеве).

⁹⁶ Об этом свидетельствует письмо С. Косановича к Н.А. Попову от 12 октября 1870 г. с просьбой помочь с переводом письма к российскому консулу в Мостаре Н.А. Иларионову на русский язык. См.: ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 1.

⁹⁷ *Попов Н.А.* Православие в Боснии и Герцеговине и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873.

⁹⁸ *Данченко С.И.* Материалы архива Н.Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в. Публикация // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: Сборник статей. М., 2013. С. 767–781.

⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.

¹⁰⁰ Там же. Д. 8. Л. 54–55 об.

Следует отметить, что путешествие архимандрита не заладилось с самого начала. Как пишет Н.А. Попов, еще до отъезда о. Саввы в Россию на страницах официозной белградской газеты «Единство» («Јединство») появилась статья, направленная против его миссии. Текст этого обличительного материала увидел свет и на страницах петербургской газеты «Голос»¹⁰¹. Многие лица, участвующие в организации поездки, решили отказаться от этого предприятия. Вышеупомянутый торговец М. Деспич оставил Косановича по дороге, что не только заметно пошатнуло репутацию архимандрита, но и подорвало его финансовое положение¹⁰².

В Петербурге, куда о. Савва прибыл 16 сентября 1872 г., он встретил свою знакомую, английскую благотворительницу мисс Аделину Паулину Ирби¹⁰³, которая предложила ему услуги некоего влиятельного английского миссионера, но Косанович отказался от этой помощи. Он полагал, что подобными действиями Ирби добивается возврата расположения членов сараевской общины и восстановления репутации своей школы.

Сбор в Петербурге оказался скромным, и в феврале 1873 г. сараевский архимандрит отправился в Москву, где остановился в Сретенском монастыре. Помощником о. Саввы

¹⁰¹ См.: Попов Н.А. Православие в Боснии и Герцеговине.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Аделина Паулина Ирби (1831–1911) — английская путешественница, писательница, суфражистка. В 1862–1863 гг. вместе с Джорджиной Муир Маккензи осуществила путешествие по балканским землям. В результате на свет появилась книга: *Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe*. London, 1867. После поездки решила основать женскую школу в Сараеве. Найти средства на воплощение этого плана ей удалось только у протестантской организации общества диаконис. Это вызвало сопротивление со стороны представителей сараевской православной общины. Мисс Ирби обвиняли в пропаганде протестантизма. Во время Герцеговинского восстания 1875–1877 гг. она организовала лагерь для беженцев. Подробнее об А.П. Ирби см.: *Томашевич Д. Мајка босанске сиротиње // Аделина Паулина Ирби, Георгина Мјур Мекензи. Путовања у словенске провинције Турске у Европи*. Сарајево, 2016. С. 7–24; *Irby J.T. Meeting Miss Irby*. Sarajevo; Zagreb, 2011.

в Москве был назначен иеродиакон будущего Сербского подворья о. Феофил¹⁰⁴. В Москве Косановичу понравилось, он познакомился с И.С. Аксаковым, М.П. Погодиным, П.Н. Батюшковым, В.А. Черкасским, а также с ректором двух московских семинарий преосвященным Леонидом (в миру — Л.В. Краснопевковым)¹⁰⁵.

От Св. Синода Косанович получил разрешение лишь на годовое пребывание в России. Усилиями директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова этот срок удалось продлить¹⁰⁶, и весной — летом 1873 г. для сбора средств о. Савва совершил большую поездку по России, посетив Рязань, Моршанск, Козлов¹⁰⁷, Тамбов, Саратов, Хвалынский, Казань, Вятку и Нижний Новгород¹⁰⁸.

Вначале, 15 апреля 1873 г., Косанович отправился в Рязань. Там он пробыл несколько дней, но сбор средств оказался не очень удачным. Из Рязани о. Савва поехал в Моршанск Тамбовской епархии, где его радушно принял и поместил в своем доме соборный протоиерей Лука Яковлевич Воскресенский. В воскресный день он совершил вместе с сараевским архимандритом крестный ход вокруг собора и призвал свою паству оказать посильную помощь в пользу боснийской церкви. О. Савва пробыл в Моршанске шесть дней, откуда направился в Козлов¹⁰⁹.

Славянский комитет позаботился о том, чтобы о миссии Саввы Косановича и прибытии святыни сообщали епархиальные ведомости, но тем не менее казусов не удалось избежать. В городе Козлове Тамбовской губернии сараевский архимандрит столкнулся с чрезмерной подозрительностью и рвением городских властей. Местный протоиерей Петр и полицмейстер В.И. Майсов не поверили в благонамеренность миссии Косановича, и он был задержан. До тех пор, пока не пришли документы из Св. Синода, подтверждающие его право

¹⁰⁴ Данченко С.И. Указ. соч. С. 770.

¹⁰⁵ Там же. С. 767–768.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Отд. II. Стол 3. Д. 31. Л. 57–58, 68–69 об.

¹⁰⁷ Современный город Мичуринск.

¹⁰⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 3–45 об.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 58. Л. 119.

на сбор подаваний, архимандрит не мог продолжить своего путешествия¹¹⁰. Правда, в этой ситуации неправ оказался Косанович, так как у него не было официального разрешения возить с собой мощи, которые должны были храниться в одной из церквей Петербурга. Однако после инцидента в Козлове разрешение было получено¹¹¹. Приняв официальные извинения от протоиерея и полицмейстера, о. Савва отправился в Тамбов, но не задержался в этом городе, так как там в то же время находился с афонской святыней архимандрит Гефсиманского монастыря Лука Агиографов¹¹².

Летом 1873 г. Косанович добрался до Саратова. Здесь гостю из Сараева был оказан дружественный прием. Местный епископ Иоанникий тепло приветствовал архимандрита и поместил его в обители Спасо-Преображенского монастыря. В отчете Московского славянского комитета о поездке о. Саввы говорится о том, что в Саратове более тысячи человек пришли поклониться мощам св. Феклы. Там же якобы произошло несколько чудес. Так, на Волге было устроено освящение воды по случаю засухи, после чего пошел дождь. Затем о. Савву пригласили совершить молебен в женском монастыре. Игуменья монастыря матушка Олимпиада была серьезно больна, а после богослужения начала поправляться и к моменту отъезда Косановича из Саратова выздоровела. В благодарность за исцеление игуменьи монахини пожертвовали сараевской церкви ризу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями¹¹³.

В сентябрьском отчете Московского славянского комитета говорилось и о других «чудесах»: «Перед мощами жертвомученицы служили молебны даже раскольники и старообрядцы, из коих некоторые здесь же возвращались в православие»¹¹⁴.

В Саратове Косанович пробыл около месяца, а затем отправился в Хвалынский на открытие отделения Саратовского братства Святого Креста для противодействия расколу.

¹¹⁰ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 23–24 об.

¹¹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Отд. II. Стол 2. Д. 31. Л. 61–67.

¹¹² ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 58. Л. 119 об.

¹¹³ Там же. Л. 119 об.–120 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 120–120 об.

Тысячи людей вышли провожать о. Савву. Сбор был очень удачным — около 1.000 руб. серебром.

После трехдневного пребывания в Хвалынске Савва Косанович поехал в Казань¹¹⁵. Местный архиепископ Антоний оказал ему радушный прием, разместил в кельях архимандрита Спасо-Преображенского монастыря. По случаю приезда о. Саввы казанский епископ Викториан посвятил свою воскресную проповедь мученице Фекле и призвал паству помочь сараевскому архимандриту в его священной миссии. Сбор в Казани составил около 500 руб. серебром; помимо этого было подарено много церковной утвари, митра, архимандричий крест и мантия. О. Савве посоветовали поехать в Вятскую епархию, но по неизвестным причинам там его отказались принять и попросили покинуть губернию.

После Вятки архимандрит посетил Нижний Новгород, где он был принят хорошо, тем более что новым епископом епархии являлся старый знакомый Косановича, преосвященный Иоанникий из Саратова. Из Нижнего Новгорода архимандрит вернулся в Москву¹¹⁶.

В провинции о. Савве удалось собрать гораздо больше вещей и денег, нежели в Москве и Петербурге. Пересылкой и хранением пожертвований занимались Св. Синод, Азиатский департамент МИД и Славянский комитет. В письмах на родину Косанович подробно отчитывался о своей деятельности перед сараевской православной общиной. «Полагаемся на Вашу совесть. Работайте так, как Вас Бог учит», — отвечали архимандриту из Сараева¹¹⁷. Косанович несколько раз просил прислать ему помощника, но у общины не было на это финансовых средств¹¹⁸.

В конце сентября 1873 г. Косанович вновь посетил Петербург и, уладив там все дела, вернулся в Москву. Здесь его ждали новые неприятности: у архимандрита случился конфликт с настоятелем Сретенского монастыря о. Виктором. Дело в том, что в конце октября Косанович отправил

¹¹⁵ Там же. Л. 121–121 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 121–123.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 54. Л. 15–15 об.

¹¹⁸ Данченко С.И. Указ. соч. С. 796.

московскому митрополиту жалобу на настоятеля, сообщая об интригах, которые тот плетет против своих иеромонахов¹¹⁹. Спустя некоторое время Н.А. Попов получил от сараевского архимандрита письмо (на русском языке), в котором тот рассказывал о неприятностях, учиненных ему местной братией. О. Савве был нанесен ряд оскорблений, в результате чего на следующий день он покинул монастырь и поселился в гостинице. «Милостивый государь! Неужели для этого меня народ послал в Россию, чтоб братья меня притесняли и оскорбляли и действиями своими вызывали к исступлению? Не знаю, что имеет архимандрит Виктор против меня и почему такие незаконные действия в вверенном ему монастыре он допускает? Неужели таким образом делается гостеприимство полномочному одному народу, которому так сильно симпатизирует Россия (...). Что скажут сербы на родине, когда узнают о подобных действиях, и какое будут иметь мнение о русском монашестве! Милостивый государь! Конечно, что отец Виктор, после выселения моего из монастыря, постарается всеми силами очернить меня (...), но я уверен как в справедливости, так и в том, что Славянский комитет не только что не поверит этим клеветам, но сделает надлежащие шаги у предположенных лиц духовной власти, чтоб отцу архимандриту Виктору сделано было внушение, которым бы в будущем не только я, но и каждый из моих сородичей избавлен был от подобных неприятностей!» — так Косанович описывал Н.А. Попову приключившуюся с ним историю¹²⁰. После этого архимандрит тяжело заболел. В письмах о. Савва часто говорил о своей боязни возвращаться на родину, а также намекал Попову на то, что хорошо было бы ему получить русский паспорт и протекцию — в этом случае он бы спокойно вернулся домой и стал постоянным корреспондентом Славянского комитета¹²¹.

В это время скончался дабробосанский митрополит Паисий. Сараевская и другие боснийские православные общины намеревались развернуть кампанию в поддержку

¹¹⁹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 31.

¹²⁰ Там же. Л. 43–44.

¹²¹ Там же. Л. 42.

Косановича как будущего митрополита, но он, ссылаясь на плохое здоровье, попросил освободить его от этого.

В конце 1873 г. Савва Косанович начал еще одно путешествие по России. На этот раз путь его лежал в Саратов, Тамбов, Елец и Орел¹²². Перед поездкой Н.Н. Дурново помог Косановичу отпечатать Жития св. Феклы¹²³. Судя по теплым письмам от саратовского протоиерея Груздева, в этом волжском городе сараевскому архимандриту вновь был оказан радушный прием¹²⁴. Однако о. Савва там заболел, и сбор оказался не очень удачным. В Тамбове ему ничего не удалось собрать. В Ельце он был принят хорошо¹²⁵. Жития св. Фёклы Косанович продавал по 5 коп., но они не раскупались¹²⁶. Продолжала поступать помощь из Казани от частных благотворителей¹²⁷.

Помимо сбора подаяний для православной сараевской общины, Косанович пытался решить и другие проблемы своих сограждан. Так, из «Мемуаров протопопа Недельки»¹²⁸ (анонимного сочинения Саввы) и переписки его с Дурново¹²⁹ известно о его визите к Н.П. Игнатьеву. Он посетил русского генерала в его петербургской квартире и просил оказать содействие в деле освобождения десяти сараевских торговцев и троих герцеговинцев (Серафима и Йово Перовичей и Леонтия Радуловича), арестованных турецкими властями. Позже Игнатьеву действительно удалось добиться от Порты амнистии для некоторых из них.

Савва Косанович состоял также в переписке с графиней Антониной Дмитриевной Блудовой. Во время своего пребывания в России в декабре 1872 г. он сообщил

¹²² Там же. Л. 1–8.

¹²³ Данченко С.И. Указ. соч. С. 770.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 54. Л. 26–27.

¹²⁵ Данченко С.И. Указ. соч. С. 771.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.: Сборник документов и материалов. Самара, 2009. С. 17.

¹²⁸ Из мемоара протопоп Неделька. Б. д. С. 42. — Народна библиотека Србије.

¹²⁹ Данченко С.И. Указ. соч. С. 769–770.

ей о покупке австро-венгерским генеральным консулом Тодоровичем большого участка земли в центре Сараева для строительства католического храма и высшей католической школы. Это предприятие он считал очень опасным и писал, что оно «будет не только пропагандировать в пользу Ватикана, но и подготовит, проложит путь к австро-венгерскому владычеству в Боснии»¹³⁰. Развивая тему опасности католической пропаганды, Косанович сообщил Блудовой также об открытии французами подобных школ в Мостаре и сетовал на то, что ни в одном учебном заведении России нет ни одного его соотечественника.

В марте 1874 г. Косанович отправился на родину. Он еще мог оставаться некоторое время в России, но его преследовали болезни. Азиатский департамент и Св. Синод предлагали назначить другую кандидатуру для сбора пожертвований, но, по свидетельству архимандрита, оказалось, что вещей и денежных средств, привезенных им, было достаточно¹³¹. В адрес Н.А. Попова, Славянского комитета, Св. Синода и российского МИД были отправлены многочисленные благодарности от представителей сараевской православной общины¹³².

По сообщению консула А.Н. Кудрявцева, в России сараевскому архимандриту удалось собрать около 4.500 руб. и 10 ящиков с одеждой, утварью и книгами¹³³. По другим данным, сумма собранных средств превышала 9.000 руб. (в частности, было получено 3.000 руб. от неизвестного благотворителя)¹³⁴.

Помимо благоустройства храма, на собранные в России средства было куплено два дома рядом с собором, в одном из которых разместилось женское училище¹³⁵.

В своем письме к председателю С.-Петербургского отделения Славянского комитета И.П. Корнилову архимандрит

¹³⁰ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2064. Л. 1 об.

¹³¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 11 об.

¹³² См.: ГА РФ. Ф. 1750; ОР РГБ. Ф. 239; ЦГИА СПб. Ф. 400.

¹³³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 363.

¹³⁴ Данченко С.И. Указ. соч. С. 770.

¹³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 8. Л. 69–70.

Савва сообщал: «Мои соотечественники встретили меня радостно с братскими лептами и пожертвованиями, мною собранными в пользу нового собора, имею честь известить ваше превосходительство, что общество сараевское с одним письмом выразило свою глубочайшую признательность российскому народу чрез имп[ераторской] российское консульство на оказанной любви и благодеянии»¹³⁶. У Косановича остались самые положительные впечатления о поездке. Особенно поразил его визит в Казань, где он увидел разницу во взаимоотношениях мусульман и христиан в Российской и Османской империях. По словам А.Н. Кудрявцева, рассказы об этом дивном городе быстро распространились по сараевским домам¹³⁷. О мирном соседстве великолепных мечетей и православных храмов в России, равноправии русских и татар писал Косанович и Попову, сетуя на то, что несчастные жители Боснии даже церкви построить не могут¹³⁸.

После 1874 г. Косанович в Россию больше не приезжал, но долгое время оставался корреспондентом Славянского комитета и вел многолетнюю переписку с русскими общественными деятелями и учеными.

Соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, строительство которой завершилось благодаря собранным в России средствам, до Первой мировой войны являлась резиденцией дабробосанских митрополитов. Она и по сей день украшает Сараево.

В организации поездок священнослужителей в Россию случались огрехи, но тем не менее они осуществлялись постоянно и держались на плечах таких ответственных общественных деятелей, как Гильфердинг, Попов, Дурново, Погодин и Блудова, о чем свидетельствуют многочисленные документы, хранящиеся в архивах. Примеры поездок Косановича и Чокорило показывают, что в регионах «страждущим славянам» охотнее оказывалась помощь, нежели в Москве и Петербурге. Это говорит о том, что уже к 1870-м

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 363.

¹³⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 29 об.

годам русское общество имело представление о нуждах и бедах турецких славян. И не случайно, что в 1875 г. акция помощи единокровным и единоверным братьям на Балканах приобретала по-настоящему всероссийский масштаб.

Сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой и Россия

До начала XIX в. в Боснийском пашалыке было всего три школы для православного населения — в Мостаре, Ливно и Сараеве¹³⁹. Для жителей этого региона низкий уровень грамотности был типичным явлением. Ощущалась катастрофическая нехватка учебных заведений, а женщины и вовсе были лишены возможности получить какое-то образование.

И вот в этот период в патриархальной боснийской среде, полной предрассудков и непонятных европейцу правил поведения, появилась удивительная личность — Стака Скендерова, которая всю свою жизнь занималась просветительской деятельностью. В 1858 г. она основала первую в Боснии школу для девочек, которая была открыта для представительниц всех вероисповеданий¹⁴⁰ и просуществовала вплоть до австрийской оккупации Боснийского вилайета в 1878 г.

В биографии Стаки Скендеровой до сих пор остается много «белых пятен». О ней сохранилось не так много сведений, которые зачастую противоречат друг другу. О своей встрече с ней в 1857 г. писал первый российский консул в Сараеве А.Ф. Гильфердинг¹⁴¹. В 1903 г. на страницах газеты «Боснийская вила» появилась статья Алексы Й. Поповича,

¹³⁹ *Скарић В.* Изабрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985. С. 55–60.

¹⁴⁰ В 1854 г. сербская православная церковная община в г. Сараево открывала школу для девочек, однако она просуществовала недолго. См.: *Панић М.* Стака Скендерова // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бања Лука, 2017. С. 27–49.

¹⁴¹ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 383–385.

основанная на его личных воспоминаниях о Стаке¹⁴². В 1932 г. ведущая сербская газета «Политика» опубликовала статью Йована Кршича, источником для которой послужили рассказы бывших воспитанниц школы¹⁴³. Ряд работ посвятил Стаке Скендеровой сербский историк Митар Папич¹⁴⁴. В 1970-е годы в Сербии вышло несколько статей о сочинении Стаки¹⁴⁵ «Летопись Боснии. 1825–1856»¹⁴⁶. Немного внимания личности Скендеровой уделила в своей монографии английская исследовательница Селия Хоуксворт¹⁴⁷. И, наконец, совсем недавно, в 2017 г., в Баня-Луке в свет вышел сборник статей историков и филологов, посвященный боснийской просветительнице¹⁴⁸.

Для боснийского общества своего времени Стака Скендерова была явлением поистине экстраординарным. Она говорила на нескольких языках — сербском, турецком, греческом, русском, пела в церковном хоре, одевалась в мужскую одежду темного цвета, удостоилась аудиенции турецкого султана Абдул-Азиза, самостоятельно совершила паломничество в Иерусалим, занималась литературным трудом и открыла в Боснии школу для девочек. Она была монахиней в городе, где не было ни одного православного монастыря, и большую часть жизни работала на светском поприще. Своим трудом она заслужила уважение современников

¹⁴² Поповић А. Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска вила. 1903. № 23–24. С. 393–395.

¹⁴³ Кршић Ј. Хаџи Стака Скендерова // Политика. 6 јануар 1932.

¹⁴⁴ Папић М. Стака Скендерова; он же. Трагом културног наслеђа. Сарајево, 1976; он же. Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1978.

¹⁴⁵ Maksimović V. Ljetopis Stake Skenderove // Videnja Bosne. Plevlja, 1971. S. 109–117; Максимовић В. Љетописи. Сарајево, 1976. С. 5–8, 27–33, 252–254.

¹⁴⁶ Скендерова С. Летопись Боснии. 1825–1856 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 380–465.

¹⁴⁷ Hawkeswoth S. Voices in the Shadows. Women and Verbal Art in Serbia and Bosnia. CEUPRESS, 2000. P. 250–252.

¹⁴⁸ Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бањ-алука, 2017.

и последующих поколений. Долгое время одна из небольших улиц Сараева носила ее имя¹⁴⁹. В честь нее также было названо «Общество просвещения женщин» в Сараеве¹⁵⁰. К тому же деятельность С. Скендеровой способствовала сближению России с боснийскими землями.

История жизни С. Скендеровой походила на роман. Она была родом из православной семьи Савичей¹⁵¹. Прозвище «Скендеровы» связано с тем, что они переселились в Боснию из Скадарского санджака. Отец Стаки — Петр (Перо) — был небогатым торговцем. Долгое время Скендеровы жили в городе Приеполе, однако торговля в этом крае шла плохо, и тогда семейство решило перебраться в сердце Боснийского пашалыка — город Сараево. Здесь в 1830 г. и появилась на свет Стака¹⁵². С ранних лет ее увлекало учение, она освоила чтение и письмо, что для этих краев было редкостью, особенно для девочки. История сохранила имена учителей Стаки — это были Сима и Мичо Аранитовичи¹⁵³. Были ли это частные уроки или С. Скендерова посещала какую-то школу, неизвестно.

«В детстве отец одевал ее в мужское платье, как часто там делают и христиане, и мусульмане со своими малолетними дочерьми. Стака Скендерова мужского платья уже не сняла; это было знаком отречения от замужества и посвящения себя жизни исключительно домашней», — писал А.Ф. Гильфердинг¹⁵⁴. В мужском платье Стака ходила

¹⁴⁹ Улица была названа в честь С. Скендеровой в 1931 г. В 1941 г. она была переименована, а в 1945 г., после освобождения Сараева, вновь получила имя Стаки Скендеровой. Сейчас название вновь переменялось: ул. Стаки Скендеровой превратилась в ул. Бука.

¹⁵⁰ *Стојаковић Г.* Стака Скендерова или прилог за историју аутентичности // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. С. 159.

¹⁵¹ Одно из своих прошений в российский МИД Скендерова подписала: «Стака Скендерова, дочь Петра Савича». См.: АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 5 об. Есть также вероятность, что настоящая фамилия Скендеровой — Петрович или Дамьянович. См.: *Папић М.* Стака Скендерова. С. 29.

¹⁵² По другим сведениям, год ее рождения — 1828 или 1831.

¹⁵³ *Папић М.* Стака Скендерова. С. 120.

¹⁵⁴ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 383.

в церковь, читала Апостол, поскольку в округе не нашлось ни одного грамотного юноши.

Знакомый Стаки Алекса Попович описал ее следующим образом: худощавая, среднего роста, с веснушками на щеках, заостренным носом и небольшими карими глазами, всегда одетая в черное, с платком на голове¹⁵⁵. На основе его описания в «Боснийской Виле» был сделан портрет просветительницы.

Не совсем ясен точный состав семьи Скендеровых. А. Попович упоминает, что после смерти отца Стака осталась с матерью, двумя братьями и сестрой¹⁵⁶. М. Папич говорит о матери¹⁵⁷, сестре Савке (?–1888) и одном брате Илье (?–1866)¹⁵⁸. Известна история ее младшего брата. В 1841 г. с ним произошло несчастье. Об этих печальных событиях С. Скендерова поведала в своем сочинении «Летопись Боснии 1825–1856»¹⁵⁹, которая повествует печальную историю Йована Петровича, «по прозванию Скендеровича»¹⁶⁰. Правда, в тексте нет указаний на родственные связи автора с Петровичем¹⁶¹.

Скендерова рисует портрет прекрасного, молодого, образованного человека, который знал турецкий язык, играл на скрипке, тамбуре и на дудках, работал меховщиком. Влюбленный в девушку турок (т. е. боснийский

Стака Скендерова
(Босанска вила. 1903.
№ 23–24. С. 393)

¹⁵⁵ Поповић А. Указ. соч. С. 394.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ В разных источниках упоминается разное имя матери: Мара, Елена и Анна (?–1886).

¹⁵⁸ Папић М. Стака Скендерова. С. 119–121.

¹⁵⁹ Скендерова С. Указ. соч. С. 427–431.

¹⁶⁰ Согласно А. Поповичу, имя брата — Илья.

¹⁶¹ В переводе сочинения на русский язык А.Ф. Гильфердинг указал в сноске, что речь идет о брате автора труда. См.: Скендерова С. Указ. соч. С. 427.

мусульманин. — К.М.) пожаловался местному чиновнику Фазли-паше¹⁶², что Йован напал на него во время вечерней молитвы и изрезал его одежду ножом. Причиной навета послужила ревность к девушке, которая была равнодушна к Йовану. Фазли-паша славился своим дурным нравом и ненавистью к христианам. В результате без суда и следствия молодой человек подвергся жесточайшему наказанию — пыткам каленым железом. После этого измученного юношу некоторое время держали в тюрьме, а затем отпустили домой. Он прожил еще около двух лет, так и не восстановившись после страшных истязаний. Скендерова сообщает, что муки сына подорвали здоровье матери, и спустя семь лет она скончалась. Другие источники свидетельствуют о том, что мать Стаки жила с дочерью долгое время и даже застала оккупацию Боснийского вилайета в 1878 г.¹⁶³

Старший брат Илья занимался выделкой мехов и кожи. Его клиентами были видные боснийские торговцы, турецкие чиновники и военные. Стака помогала ему в торговле. Ей приходилось много ходить по турецким домам и общаться со знатью — так она выучила турецкий язык, что весьма пригодилось ей позднее в деле защиты христиан в крае.

Следует сказать несколько слов об упомянутой выше «Летописи Боснии 1825–1856». Личность Стаки Скедеровой привлекла внимание российского консула в Сараеве А.Ф. Гильфердинга. Он писал о ней: «Никто из православных жителей Боснии не заслуживает почетного названия гражданского деятеля столько, сколько Стака Скендерова»¹⁶⁴. Гильфердинг предложил Скендеровой написать исторический труд о событиях 1825–1856 гг., а затем перевел его на русский язык и опубликовал¹⁶⁵. К сожалению, оригинальный текст этого сочинения на сербском языке не сохранился.

¹⁶² Фазли-паша — один из самых негативных персонажей «Летописи Боснии», представитель беговата, который путем интриг и предательства, после многолетнего противоборства с официальными властями, получил право надзора за порядком в Сараеве.

¹⁶³ Поповић А. Указ. соч.

¹⁶⁴ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 383.

¹⁶⁵ Скендерова С. Указ. соч.

«Летопись Боснии» Скендеровой была выполнена в стихотворной форме и напоминала по стилю народный эпос. Гильфердинг преподнес ее читателю в прозе, и текст Скендеровой дошел до наших дней только в данном варианте¹⁶⁶. В «Летописи Боснии» изложена история борьбы боснийских бегов с турецкими пашами, говорится о тяжелых мучениях, которые сносили обычные жители из-за произвола местной знати¹⁶⁷.

Заветной мечтой Скендеровой было открытие школы для девочек. Это удалось осуществить в 1858 г. Содействие в основании данного учебного заведения оказывали многие русские и сербские общественные и политические деятели. Еще в 1857 г., когда Гильфердинг находился в Сараеве, Скендерова обратилась к нему с просьбой поддержать идею открытия школы в этом городе. Она обещала во всем следовать указаниям российского консульства, а главной целью школы провозглашала приобщение учениц к христианству¹⁶⁸.

Вопросом устройства школы Гильфердинг занялся по приезде в Петербург. В своем донесении в Азиатский департамент МИД в мае 1858 г. он писал: «Одним из самых полезных дел, какие мы могли бы предпринять для блага православных жителей Боснии, было бы учреждение элементарной (начальной) женской школы в Сараеве. Женский пол в Боснии находится в самом грубом невежестве; грамотная женщина или девица составляет там совершенную редкость. Плодом невежества и страха, в котором столько лет жил православный народ Боснии, было то, что женский пол там совершенно почти раззнакомился с церковью. Девочек в церковь не водят; взрослые же девицы считают позором показаться в храме Божьем и посещают его только один раз в году»¹⁶⁹. В результате Гильфердинг добился от российского

¹⁶⁶ Часть оригинального текста А.Ф. Гильфердинг привел в сносках к своему переводу.

¹⁶⁷ Подробный разбор сочинения см.: *Бабих Б.* Лексика епископских стихов Стаке Скендерове // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. С. 81–90; *Танасић С.З.* Мјесто Стаке Скендерове у српској историји, култури и филологији // там же. С. 67–80.

¹⁶⁸ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 5–5 об.

¹⁶⁹ Там же. Л. 2–4.

правительства назначения пособия на школу в размере 1.384 руб.¹⁷⁰ Пожертвование в 1.400 руб. внесла и русская императрица Мария Александровна¹⁷¹.

С самого начала своей деятельности Стака Скендерова столкнулась с противодействием патриархальной сербской среды и недоверием со стороны православной общины Сараева. Дело в том, что активную поддержку оказывал ей видный османский чиновник Велиудин-паша¹⁷², поэтому многие православные сербы отказывались отдавать своих дочерей на обучение в школу, которой покровительствовали турецкие власти.

С целью благоустройства школы, закупки учебных пособий и поиска учительницы С. Скендерова в сентябре 1858 г. намеревалась отправиться в Белград. Российское консульство планировало поручить ей сопровождать герцеговинских и боснийских мальчиков, отправляемых на учебу в Россию¹⁷³. Однако кампанию против нее развернули местные торговцы, недовольные тем, что 1.400 русских рублей не попали в их карманы. Они уверили пашу, что учительница намерена устроить восстание в Посавинье, а затем отправиться в Россию. Поначалу в паспорте ей было отказано¹⁷⁴, но в конечном итоге заветный документ был все же получен. В этом вопросе Скендеровой посодествовал один турок, член меджлиса, который взамен просил принять на обучение в школу его дочь¹⁷⁵.

Перед тем как отправиться в Белград, Стака получила подробнейшие инструкции от нового российского консула в Сараеве Е.Р. Щулепникова¹⁷⁶, и тот посоветовал ей обратиться

¹⁷⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 181.

¹⁷¹ Там же. С. 201.

¹⁷² Поповић А. Указ. соч.

¹⁷³ В итоге эта миссия была поручена иеромонаху из Мостара Прокопию Чокорило.

¹⁷⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 201.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2772. Л. 9.

¹⁷⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 208–209.

к сербскому митрополиту Петру (1833–1859 гг.) с просьбой принять училище под свой надзор и покровительство.

Содействие Скендеровой оказывала и русская аристократка, графиня Антонина Дмитриевна Блудова, о чем свидетельствуют ее записи, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов¹⁷⁷. Осенью 1858 г., в тот момент, когда в Сербии разразился политический кризис и режим правления уставобранителей (1848–1858 гг.) подходил к концу, Блудова находилась в Белграде. В это же время в Сербию прибыла и Стака Скендерова. А.Д. Блудова встретила с ней и пообещала помочь найти учительницу. По этому поводу графиня беседовала с сербским митрополитом Петром и обращалась за помощью в министерство просвещения Сербии. По ее словам, мероприятие это было непростое и очень хлопотное, так как из-за критического положения дел у местных властей не было времени на то, чтобы позаботиться о благополучии сараевской школы. Однако кандидатка на должность учительницы всё же нашлась и прошла собеседование у самой Блудовой. Ею оказалась скромная молодая девушка, сирота, живущая с братом. В своих записках Антонина Дмитриевна рассказала об этой встрече. На первый взгляд соискательница на должность учительницы показалась ей чересчур молодой (девушке было 18 лет), но после беседы Блудова отметила, что она достаточно хорошо образованна, рассуждает очень здраво и зрело. Особенно графиню впечатлило замечание юной особы о том, что учить грамоте сараевских девочек она намерена используя кириллический алфавит, а не латиницу, которая все больше входила в моду¹⁷⁸.

С. Скендерова вернулась в Сараево с необходимым комплектом книг¹⁷⁹ и учительницей Еленой Стефановой-Нешкович. В Белграде ей удалось добиться расположения сербского митрополита Петра, и 19 октября 1858 г. на торжественном открытии

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2772.

¹⁷⁸ Там же. Л. 8–8 об.

¹⁷⁹ Подробнее о книгах, привезенных из Белграда, см.: *Билинац Р.М.* Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. С. 99–100.

школы он сам служил молебен, окропил дом святой водой и благословил детей на учение. Патроном школы был избран покровитель науки и образования святой Савва. На торжество были приглашены дипломаты всех стран, имеющих представительства в Сараеве, однако присутствовали только российский консул и французский вице-консул¹⁸⁰.

Школа располагалась в небольшом двухэтажном здании. Весь первый этаж занимала семья Скендеровых. На втором — находились большой просторный класс, маленькая комната для занятий рукоделием и кабинет Стаки, где она молилась¹⁸¹.

Учебная программа школы включала изучение арифметики, сербской истории, чтения и письма, часослова, псалтыри, церковного пения. Помимо этого девочкам преподавали рукоделие, что привлекало даже скептически настроенных зажиточных горожан.

За учебу платили только ученицы из богатых семей. На полученные средства покупались материалы для рукоделия (шелка, золотые нити), из них платились налоги. Для бедных детей Стака была не только учителем, но и защитницей. Многие сироты находились полностью на ее содержании; она им заменяла мать: одевала, кормила, воспитывала. Стака брала на воспитание даже тех девочек, матери которых пребывали в публичных домах, открывая для них новые жизненные перспективы. Она слыла строгой, но справедливой учительницей. Порицания с ее стороны ученицы боялись больше, чем телесных наказаний.

Каждый учебный год завершался экзаменами, которые проходили публично¹⁸². На них присутствовали сам боснийский паша или его заместитель, представители церкви, родители учениц. Ежегодно устраивалась выставка рукоделий, которыми славилась и гордилась школа. По выходным и праздничным дням под руководством Скендеровой в церкви выступал хор учениц.

¹⁸⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 208–209.

¹⁸¹ *Кршић Ј.* Указ. соч.

¹⁸² С 1865 по 1874 гг. в сараевских газетах публиковались небольшие отчеты о проведенных в школе экзаменах. См., напр.: Босански вјестник. 1865. № 17. С. 130–131; Сарајевски цвјетник. 1871. № 29.

Здание школы Стаки Скендеровой
(Томашевић Д. Сарајево гдје некад било: књижевна
биографија града 1463–1992. Сарајево, 2005)

Еще в 1858 г. А.Д. Блудова в беседе со С. Скендеровой заметила, что было бы неплохо обучать славянской грамоте и девочек из мусульманских семей. По ее мнению, «благоденственное влияние христианства» должно было способствовать обращению в православие магометан¹⁸³. И действительно, двери школы были открыты для детей всех вероисповеданий¹⁸⁴. Девушки из православных, католических, еврейских, мусульманских семей на равных обучались в школе Стаки Скендеровой.

Несмотря на разного рода лишения и трудности, в том числе враждебность со стороны сараевского купечества и православной общины, школа под руководством С. Скендеровой продолжала существовать. В 1858 г. занятия в ней посещали 75 девушек, большинство из которых были из бедных семей¹⁸⁵. Изначально действовало два класса.

Российское консульство в Сараеве опекало это учебное заведение. В марте 1859 г. консул Е.Р. Щулепников направил донесение на имя директора Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевского, в котором сообщал об успехах в работе школы. Хвалебный отзыв получила и учительница Е.С. Нешкович, которая успела, по словам консула, «своим кротким и привлекательным обхождением приобрести любовь всех учениц и подстрекнуть их тем к более быстрым успехам»¹⁸⁶. Был благосклонен к школе и дабробосанский митрополит Дионисий. Он вместе с французским и российским консулами устроил туда несколько девочек из Мостара, оплачивая их обучение и проживание — по 2.000 пиастров (ок. 100 руб.) в год за каждую пансионерку¹⁸⁷.

Рост числа учениц требовал расширения учительского штата. С просьбой решить эту проблему Скендерова обратилась к сербскому правительству, и в мае 1859 г. министерство

¹⁸³ Запись в тетради А.Д. Блудовой. См.: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2772. Л. 8–8 об.

¹⁸⁴ Поповић А. Указ. соч.

¹⁸⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 208.

¹⁸⁶ Там же. С. 218.

¹⁸⁷ Там же.

просвещения Сербии согласилось удовлетворить ее прошение¹⁸⁸: из Белграда приехала еще одна учительница¹⁸⁹.

В 1860 г. в школе занималось около 100 учениц, в августе 1861 г. количество воспитанниц увеличилось до 120, действовало уже три класса. Слава об этом учебном заведении распространилась по всему Боснийскому пашалыку. Осенью 1861 г. на имя российского консула Щулепникова пришло обращение от высокской православной общины с просьбой прислать в Высоко (местечко недалеко от Сараева) выпускницу сараевской школы в качестве учительницы и отдать свою школу под управление С. Скендеровой¹⁹⁰.

Покровительство школе оказывал и известный деятель на ниве просвещения сербов в Османской империи новый сербский митрополит Михаил (1859–1881 гг., 1889–1898 гг.). Документы, свидетельствующие об этом, хранятся в фонде Белградской митрополии Архива Сербии (Белград). Среди них — просьбы С. Скендеровой: прислать нового учителя, подарить книги, помочь в восстановлении школы после пожара. Однако выделенные деньги не всегда доходили до адресата — они либо присваивались посредником, либо, как не раз случалось в отношении школы Стаки, средства перераспределялись в пользу сараевской мужской школы¹⁹¹.

Так, в 1861 г. Стака Скендерова обратилась к сербскому правительству с просьбой помочь в строительстве нового здания школы, но обещанных денег так и не получила¹⁹².

А между тем содержание школы обходилось весьма дорого. Все счета Скендерова представляла российскому консулу.

¹⁸⁸ АС. Ф. МБ. 1859. 512.

¹⁸⁹ Уже летом 1860 г. Скендерова из-за финансовых трудностей отказалась от услуг второго педагога. Ее место заняла одна из учениц школы в должности помощницы учительницы. См.: АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 802. Л. 59–59 об.

¹⁹⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 355–356.

¹⁹¹ АС. Ф. МБ. 1860. 1032.

¹⁹² Там же. 1861. 889.

**Сводная таблица счетов сараевской женской школы,
представлявшихся С. Скендеровой
в российское консульство (в пиастрах)**

Расходы	сентябрь 1858– февраль 1859 ¹⁹³	19.12.1859– 19.06.1860 ¹⁹⁴	19.06.1860– 19.12.1860 ¹⁹⁵	19.12.1860– 19.06.1861 ¹⁹⁶
поездка Скендеровой в Белград	1.526	–	150	–
книги для школы ¹⁹⁷	480	–	245	–
поездка учительницы в Белград	–	–	1.535	–
переезд в здание школы	4.052	–	–	–
наем дома на 1 год	3.330	–	3.000	–
мебель для школы	1.126,15	–	–	–
жалованье учительнице	2.400 (за 1 год) +560 на обустройство	2.800 (за 7 месяцев)	1.536	3.864 (за 7 месяцев)
жалованье младшей учительнице	–	–	600 (за 3 месяца)	1.750 (за 7 месяцев)
обеды для учителей и пансионеров	960	2.160	2.260	2.260
за учениц, полностью находящихся на попечении С. Скендеровой	–	–	2.950+2.950 Стака оплатила сама	–
печатные свидетельства	–	–	72	–
школьная печать	–	–	144	–
материалы для рукоделий	470	–	587	–
празднование дня св. Саввы	56	66,10	–	160

¹⁹³ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 6668. Л. 19.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 161. Главный архив. Д. 802. Л. 59–59 об.

¹⁹⁵ Там же. Д. 803. Л. 14.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 146. Славянский стол. Д. 6668. Л. 60.

¹⁹⁷ Большая часть книг была пожертвована в Белграде.

дрова	310	314	480	540
рубка дров	–	70	133	135
мытьё комнат	68	98		
стирка	–	140	–	–
хозяйственная утварь	28	–	–	–
платья для бедных девушек	–	150 (для 6 учениц)	74 (для 5 учениц)	82 (для 4 учениц)
платье для помощницы учительницы	–	92,10	–	–
обувь для бедных учениц	20 (4 пары)	–	300 (12 пар)	–
2 рамы для школы	–	56	–	–
линейки, доски, бумага, чернила, карандаши, мел	48	120,20	249	130
белила	–	28	–	–
церковные свечи для детей	–	57,20	30	98
расходы на экзамен	–	48	–	216
Итого	15.284,15¹⁹⁸	6.199,60¹⁹⁹	1.7295²⁰⁰	9.235²⁰¹

И это лишь небольшая часть расходов школы. Кроме того, значительные средства уходили на уплату налогов. Доходы же были невелики: за первые три месяца обучения родители учениц уплатили 704 пиастра²⁰², а в период с июня по декабрь 1860 г. — 2.193 пиастра²⁰³.

На итоговом в экзамене в 1861 г. вновь присутствовали иностранные консулы, митрополит и тогдашний генерал-губернатор Топал Шериф Осман-паша. Российский консул Е.Р. Шулепников сообщал в Азиатский департамент МИД о значительных успехах учениц и усердной работе С. Скендеровой

¹⁹⁸ Что составляло примерно 849 руб.

¹⁹⁹ Что составляло примерно 310 руб.

²⁰⁰ Что составляло примерно 864 руб.

²⁰¹ Что составляло примерно 460 руб.

²⁰² АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 6668. Л. 19.

²⁰³ Там же. Ф. 161. Главный архив. Д. 803. Л. 13.

и просил оказать школе очередную финансовую помощь²⁰⁴. Осман-паша по случаю экзамена подарил учебному заведению 500 пиастров. С этого момента началась регулярная финансовая поддержка школы Скендеровой турецким правительством.

Средства из России так и не были получены. Летом 1862 г. Скендерова в очередной раз направила прошение императрице Марии Александровне с просьбой оказать помощь, ибо долги не позволяли оплатить школьный налог — вируию, которую нужно было вносить до 19 октября каждого года²⁰⁵.

В этой ситуации боснийский генерал-губернатор Топал Шериф Осман-паша выхлопотал у султана фирман, согласно которому школе Скендеровой оказывалась ежемесячная материальная помощь от турецкого правительства в размере 600 грошей (пиастров). Осман-паша побывал в Белграде, чтобы ознакомиться с существующей там системой образования, а затем отдал в школу Скендеровой своих дочерей; его примеру последовали и другие турецкие чиновники²⁰⁶.

Но спокойная жизнь продолжалась недолго. В декабре 1864 г. султан пожаловал школе 5.000 пиастров. Узнав об этом пожертвовании, члены сараевской православной общины попытались заставить С. Скендерову подписать бумаги об отказе когда-либо требовать от них помощь, хотя еще при открытии учебного заведения дабробосанский митрополит взял с них обязательство всячески покровительствовать этому учебному заведению²⁰⁷. Достоверно известно лишь об одном случае, когда община помогла школе Скендеровой: в 1859 г. ей было выделено 37,20 грошей на покупку книг²⁰⁸. Община же старалась настроить генерал-губернатора против Стаки. Об этом в донесении к Н.П. Игнатьеву сообщал российский консул А.Н. Кудрявцев: «Эта женщина, так бескорыстно служившая пользам своего народа, не раз уже и даже в последнее время, была указана Осман-паше торговцами как женщина, опасная

²⁰⁴ Там же. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 59–59 об.

²⁰⁵ Там же. Л. 80.

²⁰⁶ Поповић А. Указ. соч. С. 394.

²⁰⁷ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 145–148 об.

²⁰⁸ Панић М. Трагом културног наслеђа. С. 15.

для турецкого правительства, как шпион княжества сербского; кроме этих преследований, здешний торговый класс ни за что не хотел помочь ей в деле образования здешнего женского общества, говоря, что они не дадут ничего ее школе, которая есть заведение русское»²⁰⁹.

В 1865 г. финансовые ресурсы школы были истощены, долги составляли уже около 19.000 пиастров. Скендерова была вынуждена арендовать более скромный, дешевый недостроенный дом и начала готовить его к приему учениц. Прежнее здание школы занял турецкий инженер Леонардович, который потребовал немедленно освободить помещение. В этот момент за С. Скендерову заступился Осман-паша — он уговаривал Леонардовича повременить с размещением в новом доме, но не добился успеха. Тогда Осман-паша обратился к сараевской православной общине с просьбой подыскать временное помещение для школы — до окончания строительных работ. Представители общины, в основном местные торговцы, отказали в помощи и заявили, что учебное заведение Скендеровой не приносит никакой пользы и нужно ей лишь для получения собственной выгоды. Осман-паша предложил начальнице школы и ее учительнице временно разместиться в его доме — в пустующих гаремных комнатах. Отдавая должное благим намерениям боснийского вали, Скендерова тем не менее отказалась принять его предложение, так как это могло бы послужить поводом для очередных нелепых сплетен. Помощь Осман-паши данному учебному заведению уже и так вызвала много пересудов в городе, в среде православных торговцев. По свидетельству консула Шулепникова, они распространяли «гнусные слухи» о связях генерал-губернатора с ученицами школы, что, по заверению русского дипломата, было явной выдумкой²¹⁰.

В то же время в нови-садской газете «Напредак» (номер от 4 ноября 1865 г.) появилась статья, обвиняющая Стаку в туркофильстве²¹¹.

²⁰⁹ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. V-A2. Д. 807. Л. 42–42 об.

²¹⁰ Там же. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 145–148 об.

²¹¹ Стојаковић Г. Указ. соч. С. 158.

Гонимая православной общиной и не имеющая возможности принять помощь от османского чиновника, Скендерова нашла временный приют в доме одной православной сараевской вдовы.

Иностранные дипломатические представители и турецкие чиновники с большим уважением относились к деятельности С. Скендеровой. По признанию многих из них, обучение в ее школе было более качественным, чем в учебном заведении для мальчиков²¹².

Прошение об оказании помощи школе Скендеровой к сербскому митрополиту Михаилу адресовал в мае 1865 г. некий житель Сараева Г. Йованович²¹³, восторженно отзывающийся о просветительской деятельности Стаки. Приехавший из Белграда епископ Виссарион также просил сербского митрополита выделить средства для школы. Консул Щулепников цитировал строки из его письма к Михаилу: «Из всего виденного мной в Сараеве до сего времени и заслуживающего внимания я могу сказать вашему высокопреосвященству только о существующей здесь женской школе. Эта школа, управляемая г[оспо]жой Стакой, так хорошо устроена и столько делает успехов, что всякий наблюдатель не может не остаться ею довольным. В науках и рукоделии девочки, которых теперь около 100, делают большие успехи. (...) Велика польза, приносимая этой школой здешней общине, и начальница ее г[оспо]жа Стака Скендерова, посвятившая всю свою жизнь на общественную пользу, достойна всякой похвалы»²¹⁴. Неизвестно, как отреагировал митрополит Михаил на эти письма. Помощь же пришла из России: необходимая сумма для обустройства здания в 1.000 пиастров была предоставлена Скендеровой от российского МИД²¹⁵. Однако и это не помогло расплатиться с долгами.

Осенью 1865 г. начальница женской школы направила в российское внешнеполитическое ведомство прошение

²¹² АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 145–148 об.

²¹³ АС. Ф. МБ. 1865. 693.

²¹⁴ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 145–148 об.

²¹⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 17–18.

об оказании ей содействия в организации поездки в Россию. Целью визита был сбор денежных средств для уплаты долгов и устройства женских школ в других городах Боснии. Покровительница женского образования русская императрица Мария Александровна отозвалась на это прошение положительно. Однако Св. Синод предложил отсрочить приезд Скендеровой, так как на тот момент три представителя заграничных православных церквей уже осуществляли сбор в России. Разрешение для С. Скендеровой было получено в начале 1867 г.²¹⁶ Между тем за два года ожидания ответа долги школы еще больше выросли, и у директрисы не было средств для того, чтобы осуществить поездку. В конце 1867 г. Щулепников обратился к чрезвычайному и полномочному послу России в Османской империи Н.П. Игнатьеву за позволением отправить Скендерову в Константинополь, а затем в Россию²¹⁷. Тогда же Стака отправилась в Белград, готовясь к поездке²¹⁸. Положительный ответ был получен в начале 1868 г.²¹⁹ Однако без финансовой поддержки Скендерова не могла отправиться в путь. Это послужило поводом для очередного конфликта с сараевской православной общиной. Как уже говорилось выше, в том же 1868 г. община получила разрешение от Св. Синода на поездку в Россию сараевского архимандрита Саввы Косановича. Однако, по условиям Св. Синода, отправиться в путь Косанович мог только после возвращения Скендеровой из России²²⁰.

Прибывший в Сараево в 1868 г. новый боснийский вали, Омер Февзи-паша, передал Скендеровой финансовую помощь от султана в 1.000 грошей²²¹. Но данной суммы по-прежнему было недостаточно. Кроме того, у школы появился серьезный конкурент. Сочувствующий делу Скендеровой Н.А. Попов в своем «Очерке религиозной и национальной благотворительности

²¹⁶ Там же. С. 37.

²¹⁷ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2329. Л. 31–31 об.

²¹⁸ Там же. Д. 1383. Л. 44–44 об.

²¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 35. Отд. II. Стол 2. Д. 269. Л. 9–9 об.

²²⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 86–89.

²²¹ Поповић А. Указ. соч.

на востоке и среди славян» (СПб., 1871)²²² поведал о попытке английской путешественницы мисс Аделины Паулины Ирби, связанной с обществом диаконис²²³, открыть в Сараеве свою школу для девочек. В этом деле им содействовал консул Северогерманского союза Блай. В начале 1869 г. он приобрел участок земли в центре Сараева, где и была выстроена школа. Диаконисы всячески старались привлечь к своему начинанию местных жителей. Обучение было бесплатным, более того, родителям, отдавшим детей в эту школу, обещали некое вознаграждение. Однако подобное благородство не только не вызвало сочувствия у местных жителей, но и насторожило их²²⁴. Об этом же учебном заведении Попов говорит и в уже упоминавшейся выше работе «Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами» (М., 1873)²²⁵. В ней он негативно отзываясь об учебном заведении Ирби, указывая на тот факт, что из-за религиозной пропаганды диаконис школа пре- бывала в кризисе и теряла своих учениц²²⁶.

Аделина Паулина Ирби (Босанска вила. 1911. № 17. С. 258)

²²² Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян. СПб., 1871. С. 85–87.

²²³ Протестантское общество диаконис было образовано в 1836 г. в Пруссии пастором города Кайзересверта Теодором Флинднером. Изначально главной задачей Общества провозглашалась помощь бедным и больным. Диаконисой могла стать любая незамужняя женщина не моложе 25 лет. Предлагалось на выбор работать на образовательном поприще или посвятить себя уходу за больными. За работу диаконисы получали питание, деньги на мелкие расходы и одежду. С 1849 г. начинается открытие филиалов Общества по всему миру (Питтсбург, Иерусалим, Лондон, Константинополь, Бейрут, Смирна, Бухарест, Александрия). К 1864 г. в мире действовало около 100 домов Общества.

²²⁴ Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян. С. 85–86.

²²⁵ Он же. Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами.

²²⁶ Там же. С. 19, 30.

Эти события вызвали беспокойство и в российском МИД. Об усилении позиций протестантской и католической церкви в Боснии сообщал в своем донесении российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев. В качестве ответных действий России он предлагал выделить средства на учреждение женской гимназии в Сараеве (требовалось 3.000 руб.). Директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухов в 1869 г. обратился в Петербургское отделение Славянского благотворительного комитета с просьбой посодействовать Стаке Скендеровой в открытии гимназии. Председатель отделения комитета А.Ф. Гильфердинг ответил, что почетный член Славянского комитета Н.А. Киреев выразил готовность выплачивать новому учебному заведению ежегодное пособие в размере 750 руб., однако из-за финансовых трудностей предоставить сумму в 3.000 руб. возможности не было²²⁷.

Кудрявцев, со своей стороны, пытался примирить Скендерову и сараевскую православную общину. Согласно его плану, Стака должна была отказаться от поездки в Россию в пользу Саввы Косановича и стать директрисой новой женской гимназии в Сараеве. Таким образом, все бы остались в выигрыше. Однако многолетние обиды между Скендеровой и общиной оказались сильнее.

С. Скендерова обращалась к русским благотворителям с просьбой организовать ее поездку для сбора средств в пользу будущей гимназии, но Славянский комитет не видел в этом необходимости. Об этом свидетельствуют документы из фонда А.Ф. Гильфердинга²²⁸. Кудрявцев посоветовал ей отказаться от намеченных планов, но она восприняла подобные рекомендации российского консула как препятствие к поездке, и это осложнило их отношения²²⁹.

Черная полоса в жизни С. Скендеровой продолжалась. По неизвестным причинам французское консульство перестало выплачивать ей ежегодное пособие. По-прежнему росло недоверие к ней со стороны православной общины.

²²⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 179.

²²⁸ ОР РНБ. Ф. 182. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2–5.

²²⁹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 86–89.

По мнению Гильфердинга, причиной этого были интриги иезуитов²³⁰. Ситуация усугубилась тем, что Стака открыто выступила в поддержку учебного заведения мисс Ирби, против которой в местных газетах была развернута настоящая война²³¹. Памятуя, как в свое время открытие ее школы было воспринято в штыки местным православным обществом, С. Скендерова обратилась к церковной общине с речью о важности образования и разъясняла, что намерения английской леди носят чисто просветительский характер²³².

В июне 1870 г. гимназия все-таки открылась. Однако сараевская православная община отказалась утвердить С. Скендерову на должность директрисы. Выбор пал на Персииду Йованович, австрийскую подданную, рекомендованную сербским митрополитом Михаилом. Православная община обязалась выплачивать ей заработную плату по 100 червонцев ежегодно и по 50 червонцев за наем дома. В первую неделю работы в гимназию записалось около 40 учениц. Исполнявший в это время обязанности российского консула в Сараеве В. Якобсон с одобрением отзывался об открытии гимназии, которая, по его словам, представляла собой

²³⁰ ОР РНБ. Ф. 182. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3.

²³¹ Подробнее о школе мисс Ирби см.: *Милошевић Б.* Культурно-просветна мисија Стаке Скендерове и Аделине Ирби // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. С. 161–178.

²³² В 1871 г. школа под руководством мисс Паулины Ирби разорвала отношения с Обществом диаконис. В 1872 г. из 17 православных девочек, учившихся в школе, 15 забрали родители. По словам российского консула Кудрявцева, «причиной этому послужил, отчасти, неблагоприятный образ действий г-жи Ирби, заведшей в училище по протестантскому обычаю чтением и пение библейских псалмов, воспретившей делать знамение креста и не допустившей изучения православного катехизиса». См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 75. После долгих лет борьбы благотворительнице все же удалось убедить местных жителей в чистоте своих намерений. Это учебное заведение продолжало существование и после оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. Интересно, что в школе мисс Ирби велось преподавание и русского языка. См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 394.

«православное женское училище, долженствующее отнять монополию у г[оспо]жи Скендеровой и осязательным образом доказать сестрам-диаконисам неуместность вторжения чуждых элементов и озарения боснийских девушек светом германской цивилизации»²³³.

Из православной общины поступали жалобы на то, что С. Скендерова интригует против гимназии. Османские власти отказались оказывать финансовую поддержку новому учебному заведению. Тогдашний вали Сафвет-паша предлагал объединить школу и гимназию под руководством Скендеровой²³⁴.

Дела у гимназии с самого начала шли плохо, и уже в 1871 г. начались проблемы с финансированием. Обещавший ежегодное пособие Н.А. Киреев отказался его предоставлять в связи с финансовыми затруднениями. У Славянского комитета также не нашлось необходимых средств для выплат²³⁵.

Конфликт с сараевской общиной и поддержка мисс Ирби способствовали ухудшению взаимоотношений Скендеровой и консула Кудрявцева. В письме к Н.П. Игнатьеву он писал: «Если г[оспо]жа Скендерова по сию пору не могла решиться ехать в Россию, тому причина, я имею основание полагать, ее угодливость и низкопоклонство перед турецкими чиновниками, выхлопотавшими ей ежегодное вспомоществование в 7.000 пиастров, обеспечивающее существование ее школы, и, отчасти, желание ее отомстить общине, с которой она находится в непримиримой вражде. С другой же стороны, ее манит возможность получить от русского народа несколько тысяч рублей, и оттуда-то и происходят ее непоследовательность и нерешительность, проявившиеся в том обстоятельстве, что она, оставляя обыкновенные и простейшие пути, обратилась в императорское посольство за русским паспортом и именно в то время, когда очередь ее была отдалена поездкой архимандрита Саввы Косановича»²³⁶. Кудрявцев полагал, что лучше оказать Скендеровой

²³³ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 146–148.

²³⁴ Там же.

²³⁵ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 52. Л. 46; Д. 69. Л. 82–83.

²³⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 86–89.

финансовую поддержку, но ни в коем случае не устраивать ее поездку в Россию. В своем донесении к Игнатьеву он сообщал, что боснийская просветительница пребывает в заблуждении насчет несправедливого распределения присланной из России денежной помощи школам²³⁷.

До 1870 г. российское консульство еще ожидало решения Скендеровой о поездке в Россию. В. Якобсон в донесении к Н.П. Игнатьеву сообщал: «Г[оспожа] Стака Скендерова не смеет объявить о своем желании отправиться в С.-Петербург. На запрос мой об этом она ответила мне, что митрополит Дионисий отсоветовал ей это путешествие (...). В настоящее время г[оспожа] Стака в крайней нерешительности и просто боится просить себе паспорта для проезда в Россию из опасения получить отказ, да еще, вдобавок, подвергнуться подозрению»²³⁸.

В 1870 г. Скендерова всё же отправилась в путешествие, но не в Россию, а в Иерусалим, к Гробу Господню. Путь ее лежал через Константинополь. Экс-генерал-губернатор Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паша добился для нее аудиенции у султана Абдул-Азиза и оплаты путевых расходов (10.000 грошей). По прибытии в Святые места Стака приняла монашество. Поездка ее длилась целый год, и это было неслыханное событие для того времени²³⁹. Посещать богослужения особам женского пола не в праздничные дни и не в воскресенье в тогдашнем боснийском обществе считалось неприличным. Здесь же женщина в одиночку отважилась на поездку в Святую землю и удостоилась встречи с самим султаном. Возвращение Стаки в Сараево было триумфальным, приветствовать ее вышли толпы народа.

Во время отсутствия Скендеровой делами в школе управляли две выпускницы этого учебного заведения — Анна Каранова и Кока Джуричева. Позже они стали первыми учительницами в школе для девочек в Мостаре²⁴⁰.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. Д. 2332. Л. 152 об.–153.

²³⁹ Поповић А. Указ. соч.

²⁴⁰ Там же. С. 394.

Скендерова выполняла порой и очень непростые личные поручения своих единоверцев. По свидетельствам современников, она неоднократно помогала вызволять из заключения православных сербов, а также добилась права проведения торжественного обряда похорон с церковным пением и шествием через весь город для православных жителей Сараева²⁴¹.

В 1878 г., после австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины, школу пришлось закрыть — прекратилась денежная помощь от султана, перестали поступать и средства из России, а новые власти не были заинтересованы в работе этого учебного заведения. Девочек-сирот, которые учились в школе, приняла под свою опеку мисс Ирби. Английская благотворительница также взяла на пожизненное содержание Стаку Скендерову и ее столетнюю мать²⁴².

Выпускницы школы Скендеровой были первыми образованными женщинами Боснии и Герцеговины. Многие из них стали учительницами — преподавали в школах Мостара, Крайны, в учебном заведении мисс Ирби²⁴³. Как правило, воспитанницы Скендеровой считались завидными невестами и удачно выходили замуж. Эти женщины воспитывали своих детей уже в духе нового времени, прививая им охоту к учебе и иную культуру.

До конца своих дней С. Скендерова не переставала помогать людям. 26 мая 1891 г. на праздник в пользу бедных и сирот в Сараеве она повела двух своих воспитанниц. По дороге домой на них налетела повозка, запряженная лошадьми. Дети чудом не пострадали, а Стака получила смертельные ранения и на следующий день скончалась в сараевской больнице²⁴⁴. Все расходы и хлопоты о похоронах

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ Просвјета: лист за политику, књижевност и забаву. Бр. 7 од 7. до 15. фебруара 1887.

²⁴⁴ Несколько сараевских газет опубликовали некрологи, посвященные Стаке Скендеровой: Sarajevski list. 10. jun 1891. Br. 67; Босанска Вила. 15 и 31 мај 1891. Бр. 9–10; Босанско-херцеговачки источник. Год. V. Св. VI–VII. Јуни и јули 1891.

взяла на себя Паулина Ирби²⁴⁵. По свидетельствам очевидцев, каждую неделю она заходила в сараевскую православную соборную церковь и ставила свечу в память о Стаке.

Следует отметить, что ни А. Попович, ни Й. Кршич, писавшие о Скендеровой в начале XX в., даже не упоминают о какой-либо поддержке ее школы со стороны России. Однако в настоящее время мы располагаем документальными данными о русской финансовой помощи школе Скендеровой — до 1870 г. Из них следует, что всего за 13 лет Россия пожертвовала на это учебное заведение 5.000 руб.²⁴⁶ Первоначальный план А.Ф. Гильфердинга предполагал затратить 700 руб. в первый год и по 400 руб. в последующие²⁴⁷, т. е. предполагалось потратить за этот период 5.500 руб. К сожалению, план систематической поддержки этого учебного заведения не был осуществлен. В первый год работы С. Скендерова получила большую сумму — 2.784 руб.²⁴⁸, а затем в течение нескольких лет она получала лишь 100 руб. от российского консула на содержание учениц. Пожертвования приходили нерегулярно. Увеличилось число девочек из необеспеченных семей, выросли долги школы. Изначально в России рассчитывали на поддержку школы Скендеровой местной общиной, что было трудно себе представить в реальности. К 1870 г. испортились взаимоотношения Скендеровой с российским консульством. Православная община Сараева негативно смотрела на то, что Россия помогает женской школе.

С появлением Топал Шериф Осман-паши в Сараеве школа Скендеровой начала получать ежегодную финансовую помощь от султана, которая поступала регулярно, но не была велика — в пересчете на рубли она составила, с 1861 г. по 1870 г., не более 3.600 руб.²⁴⁹

²⁴⁵ *Кнежић Н.* Хаџи Стака Скендерова // Кишобран. Септембар 2008. С. 16.

²⁴⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 86–89.

²⁴⁷ Там же. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 4.

²⁴⁸ Для сравнения: годовое жалованье российского консула в Сараеве составляло 2.940 руб.

²⁴⁹ Без учета 10.000 грошей, пожалованных Скендеровой султаном на поездку в Святую Землю.

Стака Скендерова принимала в число своих учениц девочек всех вероисповеданий, получала помощь из разных источников. Ее главная идея заключалась в просвещении женского населения Боснии. При этом она четко понимала, что Сараево — это часть Османской империи, и старалась жить по ее законам, как подданная султана.

Несомненно, Стака Скендерова заслуживает право носить звание просветительницы народа Боснии. Она была первопроходцем в деле женского образования в своем крае. Ее деятельность привела к тому, что уже в 1870 г. сараевская православная община, которая раньше не допускала и мысли о важности образования для своих дочерей, способствовала созданию женской гимназии в Сараеве.

Стаку Скендерову можно назвать феноменом. Она была человеком, намного опередившим свое время, женщиной, которая представляла собой уникальное явление в жизни Боснии XIX века.

В 1893 г. мисс Аделина Паулина Ирби принимала участие в международном образовательном конгрессе в Нью-Йорке. Там она упомянула и имя Стаки Скендеровой как выдающегося деятеля просвещения²⁵⁰.

Приведенные выше факты свидетельствуют о совместной работе российского правительства и благотворительных организаций в деле помощи церквям и школам Боснии и Герцеговины. Стоит также отметить, что не всегда в России с должной ответственностью относились к этим вопросам. В Боснийском же вилайете очень надеялись на обещанную помощь, от нее зависели существование учебных заведений и реализация проектов по строительству церквей. Ярким примером служит история с женской гимназией в Сараеве, от содержания которой отказался Н.А. Киреев. Отделения Славянского комитета в Петербурге и Москве в своей переписке перекладывали друг на друга ответственность за это учебное заведение. Азиатский департамент МИД отказался помочь в этом вопросе. Собрать необходимую денежную сумму так и не удалось, и гимназию пришлось закрыть. Слабая, пока еще плохо организованная и не имеющая

²⁵⁰ См.: New York. National Educational Association of the United States. 1895. P. 900–903.

длительного опыта русская благотворительность не всегда могла справиться с задачами, которые перед собой ставила.

Учащиеся из Боснии и Герцеговины в России

Обучение турецких славян в России являлось одним из важных направлений в деятельности славянских комитетов и активно поддерживалось государством.

План обучения зарубежных славян в России был представлен министром иностранных дел А.М. Горчаковым императору Александру II в январе 1857 г. Для того чтобы организовать процесс, МИД России связался с Главным штабом по военно-учебным заведениям, Св. Синодом и министерством народного просвещения. В итоге было решено: 1) предоставить 10 казенных вакансий для южных славян во 2-м кадетском корпусе и неопределенное количество мест во всех корпусах Санкт-Петербурга для желающих проходить обучение за свой счет; 2) Св. Синод намеревался организовать обучение за свой счет 75 воспитанников. На содержание каждого стипендиата выделялось по 147 руб. серебром в год. Южных славян были готовы принять семинарии в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Харькове и Казани; 3) министерство просвещения уведомило правительство об «отсутствии возможности» содержать воспитанников из зарубежных славянских земель²⁵¹. Таким образом, военное министерство и Св. Синод были готовы предоставить 85 стипендий для обучения в России. Министерство иностранных дел предполагало в дальнейшем выделить несколько мест для стипендиатов в Лазаревском институте восточных языков. На данном же этапе МИД России брал на себя расходы по приезду молодых людей в Россию и возвращению их на родину. Изначально предполагалось принимать на учебу детей из православных славян. Отбирать кандидатов должны были консулы на местах. В проекте также учитывался слабый уровень образовательной подготовки южных славян. Во 2-м кадетском корпусе предполагалось

²⁵¹ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 433. Л. 14–17.

выделить для них отдельный класс со специально разработанной учебной программой. Горчаков обозначил главную задачу для педагогов духовных учебных заведений: «Вкоренить в них (южнославянских воспитанниках. — К.М.) безусловную преданность к святым догматам православной нашей веры и твердые правила нравственности»²⁵². Александр II поставил на проекте резолюцию: «Исполнить».

Нельзя сказать, что процент студентов из Боснии был велик. Выходцы из этого региона значительно реже попадали в русские учебные заведения, чем болгары, черногорцы и сербы Княжества.

Именно первый консул в Сараеве А.Ф. Гильфердинг предложил наладить систему обучения молодых людей из Боснии и Герцеговины в России. Изначально планировалось выдать стипендии 12 представителям края. Провожатым для первой группы детей был назначен монах Прокопий Чокорило. Он привез молодых людей в Одессу к месту учебы. Чокорило в своем донесении в Св. Синод сообщал, что правительство Российской империи оказало благодеяние 10 ученикам²⁵³. Одним из первых был Йован Пичета. В своих воспоминаниях²⁵⁴, однако, он утверждал, что в Россию вместе с ним отправилось всего четыре человека — жители Мостара Николай Билич и Стефан Говедарица и некий уроженец Сараева Остоич²⁵⁵. На отправку этих молодых людей в Одессу было выделено из русской казны 100 австрийских червонцев²⁵⁶.

Йован Христофорович Пичета родился 9 сентября 1844 г. в Мостаре в православной многодетной семье. Мостарская община открыла и поддерживала в городе школу. Это учебное заведение во время своего путешествия посетили

²⁵² Там же.

²⁵³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 215.

²⁵⁴ Пичета И. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца // Вера и разум. 1911. Т. 1–4.

²⁵⁵ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца прот. Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 2. С. 223–224.

²⁵⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2046. Л. 53.

консул А.Ф. Гильфердинг и его секретарь А.С. Ионин. Они выслушали все жалобы местного населения и позже, уже из Сараева, сообщили о решении российского правительства назначить стипендии для обучения в России нескольких уроженцев Мостара. «“Кто будут эти счастливыцы?” — спрашивали мы друг друга, делая всякие предположения. Способных между нами было достаточно, но не каждый мог надеяться на отпуск его родителями в далекую страну», — писал Й. Пичета²⁵⁷. И именно он оказался первым в списке. Его мать долго противилась разлуке с сыном, но после уговоров все же согласилась.

Начались серьезные приготовления к поездке. Школьный учитель увеличил число занятий для отъезжающих учеников. «Всё, что может сделать горячая любовь патриархальной семьи для своего члена, то сделано было моими дорогими родными для меня. Снарядили меня всем в изобилии (...). Кто только не побывал у нас в ближайшие к отъезду дни! Даже некоторые магометанские семьи присылали “брашненицы” на дорогу, состоявшие из разных сладостей, а дети их — мои сверстники — прощались со мною, как с родным», — вспоминал Й. Пичета²⁵⁸.

Первым пунктом на пути в далекую Россию был город Сараево, где российское консульство добивалось разрешения турецких властей на отъезд мальчиков. В это время молодые люди бродили по городу и набирались новых впечатлений: «Мы видели много лиц, одетых совершенно так, как одевались тогда “попови” (священники. — К.М.) у нас, и в простоте сердечной готовы были подходить к ним для целования руки. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что это еврей-торговцы сараевские!» — писал Пичета²⁵⁹.

Получив разрешение от османских властей и денежные средства от российского МИД, ученики отправились дальше, в сторону Сербии, через Валево в Белград. Стольный город Сербии не произвел на юного Йована, по его словам,

²⁵⁷ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца прот. Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 2. С. 222.

²⁵⁸ Там же. С. 222–223.

²⁵⁹ Там же.

«такого впечатления, каким рисовало его воображение»²⁶⁰. Затем путешествие будущих «русских питомцев» продолжилось по Дунаю на пароходе.

В болгарском городке Силистрия (совр. Силистра) с Пичетой случилось первое большое приключение. Вышло так, что, отправившись за провизией, он не успел на свой пароход, а отчаянная попытка пуститься вплавь за товарищами едва не закончилась его гибелью. К счастью, мальчик был спасен и доставлен следующим пароходом до места назначения, города Галац. «Спутников своих я еще застал на пристани. Они были уверены, что я утонул, а потому, когда увидали меня, крайне обрадовались и свою радость выражали долгими поцелуями и рассказами, что они испытывали без меня, как меня жалели и оплакивали»²⁶¹, — писал Й. Пичета. Конечным пунктом путешествия стала Одесса. Всего молодые люди 15 дней добирались на перекладных лошадях через высокие горы, а затем девять суток плыли до Одессы на пароходе, куда прибыли в июле 1858 г.²⁶²

Йован Пичета прошел курс обучения в Киеве — в духовном училище, а затем в духовной академии. Он и его товарищ Никола Билич собирались вернуться на родину. «Но куда ехать? (...) в несчастную Герцеговину, где нас, турецких подданных, всё могло постигнуть, не исключая и засады в какую-нибудь тюрьму, или в другое место? Решили ехать в Сербию», — продолжал вспоминать Пичета²⁶³.

В Белград молодые герцеговинцы прибыли в 1867 г. Туда же пришло известие о том, что Пичета и Билич были удостоены степени кандидатов в Киевской духовной академии. В Сербии они познакомились с членами Омладины. Вовлеченный в круговорот молодежного движения, Йован Пичета вместе с тем готовился к отъезду

²⁶⁰ Там же. С. 224.

²⁶¹ Там же. С. 227.

²⁶² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 215.

²⁶³ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца прот. Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 2. № 7. С. 83.

в Герцеговину, желая посвятить себя преподавательской деятельности на родине. Однако, по его словам, возвращение домой для него, турецкого подданного, было очень опасным по ряду причин, а русское образование могло стать серьезным отягчающим обстоятельством. В белградской семинарии места для молодого преподавателя не нашлось. Попытки сербского митрополита Михаила устроить Пичету на должность учителя в Сербии тоже не увенчались успехом. Премьер-министр Сербского княжества Илия Гарашанин убедил его в том, что получение сербского паспорта только ухудшит положение. Поэтому Пичета и Билич решили вернуться в Россию, так и не побывав в родных краях. Митрополит Михаил принял участие в их судьбе. Он писал графине Блудовой: «Прошу Вас сказать о них г. Стремоухову (директору Азиатского департамента МИД. — К.М.), чтобы он позаботился о них, чтобы не пропали в свете, ибо оба они очень хорошие люди»²⁶⁴.

В сентябре 1867 г. Й. Пичета прибыл в Петербург и остановился у своего давнего товарища и земляка Йована Дреча, при сербской кухмистерской, где располагался штаб молодежной организации «Сербская община»²⁶⁵.

Усилиями Стремоухова Пичету устроили на должность преподавателя в южнославянском пансионе Ф.Н. Минкова в Николаеве. Позже он работал в Полтавской духовной семинарии. Женился на дочери украинского чиновника Марии Григорьевне Григоренко. 25 июня 1869 г. Й. Пичета перешел в русское подданство²⁶⁶. В воспоминаниях он упоминает о том, что несколько раз ездил на родину навещать родных: в 1870, 1873 и 1879 гг.²⁶⁷

В документах российского консульства есть сведения о некоем Пичете, который в 1872 г. вернулся

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2179. Л. 83.

²⁶⁵ Подробнее см. ниже.

²⁶⁶ Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца прот. Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 3. № 18. С. 803.

²⁶⁷ Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца прот. Й. Пичеты // Вера и разум 1911. Т. 4. № 22. С. 524–527.

в Мостар и занял должность учителя в местной школе²⁶⁸. В своем донесении к Н.П. Игнатьеву российский консул в Герцеговине Я.П. Славолубов писал об этом человеке: «В число преподавателей допущен молодой мостарец Пичета, окончивший ныне образование в сербской семинарии, отличающийся благонамеренностью и преданностью к делу образования и рекомендованный общине сербским владыкой»²⁶⁹. Вероятнее всего, в данном случае речь идет не о Йоване Пичете. Возможно, этим молодым учителем был его брат Бошко.

В разное время Й. Пичета возглавлял Витебскую и Полтавскую духовные семинарии. За свое верное служение он был удостоен орденов Св. Анны и Св. Владимира и получил потомственное дворянство.

Друг Й. Пичеты Н. Билич скончался в России²⁷⁰. Остоич²⁷¹ оказался неспособным к обучению²⁷². О том, как сложилась судьба Стефана Говедарицы, ничего не известно.

Летом 1858 г. в Боснии и Герцеговине шла подготовка по отправке в одесскую семинарию следующей группы учеников. А.С. Ионин сообщал М.Ф. Раевскому, что самыми достойными кандидатами являлись уроженцы Сараева: Николай Спахич, Дмитрий Богичевич, Константин Миленкович (всем было по 15 лет)²⁷³. Позже состав немного изменился, и в сентябре 1858 г. в далекую Россию отправились: Николай Спахич, Афанасий Батиныч, Дмитрий Богичевич — из Сараева и Христофор Миленкович — из Мостара²⁷⁴. К ним присоеди-

²⁶⁸ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282, 396–397.

²⁶⁹ Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977. С. 290–291.

²⁷⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 210.

²⁷¹ Имя Остоича нам неизвестно.

²⁷² Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца прот. Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 2. С. 224.

²⁷³ Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. С. 274.

²⁷⁴ Константин Миленкович так и не получил стипендии от Российского правительства.

нился Евтан (Иевто) Оборина²⁷⁵, который должен был поступить в Лазаревский институт восточных языков²⁷⁶.

Согласно донесению консула Кудрявцева, Оборина скончался в России²⁷⁷. Н. Спахич был исключен из семинарии, вернулся на родину и стал учителем в сараевской школе для мальчиков. Кудрявцев характеризировал его как «человека без всяких способностей и значения»²⁷⁸. О том, что случилось с другими «питомцами» российского правительства из этой группы, ничего неизвестно.

По просьбе директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова российский консул А.Н. Кудрявцев в декабре 1869 г. составил донесение «О помощи России в деле обучения боснийской молодежи и постановке народного образования»²⁷⁹. По данным консула, с момента учреждения консульства на учебу в Россию было отправлено 19 человек: Дмитрий Ботчевич²⁸⁰, Никола Спахич, Тано Батинич, Василий Пелагич, Петр Митрович, Деспот Деспотович, Петр Бацатич, Стефан Йованович²⁸¹ — из Боснии; Йово Дреч, Иевто Оборина, Никола Билич, Йово Пичета, Стево Говедарица, Йово Милинкович, Дмитрий Дучич, Йово Перович, Петр Србич, Лука Иванишевич, Георгий Бабич — из Герцеговины. По-видимому, это все-таки далеко не полный список²⁸².

²⁷⁵ Вероятно, он являлся директором мостарской православной школы. См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 119.

²⁷⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 201; Зарубежные славяне и Россия. С. 128.

²⁷⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 210.

²⁷⁸ Там же. С. 210.

²⁷⁹ Там же. С. 209–215.

²⁸⁰ Вероятно, имеется в виду вышеупомянутый Дмитрий Богичевич.

²⁸¹ Скончался в России. См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 210.

²⁸² Есть сведения о том, что в России также обучались: Симо Дамьянович, Стоян Войнович, Ристо Миленкович, Илия Говедарица, Петар Милянич, Иван Лепава, Георгий Филипович. См.: *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 513.

Обучение турецких сербов в России оплачивалось из разных источников. Одни являлись государственными стипендиатами, вторые находились на попечении у Славянского комитета и других благотворителей. Зачастую финансирование образования выходцев из Боснии и Герцеговины осуществлялось из Сербии²⁸³.

В 1858 г., по окончании службы в Боснии, А.Ф. Гильфердинг возвращался домой через Мостар. Оттуда он привез в Россию уроженца Герцеговины Йована Федоровича Дреча. На тот момент мальчику было около 10 лет.

«Земляк мой и товарищ И.Ф. Дреч был лучшим и способнейшим учеником в нашей школе», — писал о нем Й. Пичета²⁸⁴. Йован Дреч стал воспитанником Гильфердинга, вместе с ним гостил в Вене у протоиерея русской посольской церкви М.Ф. Раевского. К сожалению, об этом молодом человеке и его судьбе известно немного. «Йово у меня здоровствует — учится по-русски, часто вспоминает о Вас», — писал Гильфердинг Раевскому в мае 1858 г.²⁸⁵ В октябре того же года он сообщал об успехах Йована, обучавшегося в частной школе, и его подготовке к третьему классу гимназии²⁸⁶. Интересно, что из Петербурга в Мостар не поступало никаких сведений о судьбе Дреча. В 1862 г. Прокопий Чокорило в письме просил М.Ф. Раевского разузнать что-нибудь о воспитаннике Гильфердинга. Из-за долгого молчания семья мальчика решила, что он погиб в России²⁸⁷.

В 1864 г. Йован Дреч окончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Он успешно сдал экзамены и был зачислен в ряды студентов Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии²⁸⁸, получив стипендию от российского правительства. На второй курс его перевели

²⁸³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 210.

²⁸⁴ Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца прот. Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 3. № 18. С. 801.

²⁸⁵ Зарубежные славяне и Россия. С. 125.

²⁸⁶ Там же. С. 129.

²⁸⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 54, 56.

²⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4331. Л. 1–2.

без экзаменов. Однако на этом его успехи в учебе закончились. В 1866 г. Дреча еще раз оставили на втором курсе академии, а в 1867 г. и вовсе отчислили «за неуспехи в науках»²⁸⁹. Герцеговинцу выдали аттестат; согласно характеристике, студент «поведения был очень хорошего»²⁹⁰.

Причины потери интереса к учебе были связаны с тем, что Й. Дреч увлекся политической деятельностью. В апреле 1866 г. он вместе с воспитанником Михайловской артиллерийской академии Савой Груичем²⁹¹, слушателем Николаевской академии Генерального штаба поручиком Дмитрием Джуричем²⁹² и вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета Дмитрием Дучичем организовал в Петербурге «Сербскую общину»²⁹³. Немного позже к ним присоединился и известный впоследствии сербский революционер, социалист Светозар Маркович (1846–1875).

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Сава Груич (1840–1913) — сербский военный и государственный деятель. С 1877 г. — военный министр, с 1879 г. — генеральный консул в Болгарии, с 1882 г. — посланник в Афинах. В 1887 г. был произведен в полные генералы и назначен посланником в Санкт-Петербург, позже снова стал военным министром и главой сербского правительства. В 1891 г. был назначен председателем Государственного совета, с 1892 г. — посол в Константинополе, с 1893 г. — председатель правительства и военный министр, с 1897 г. — посол в Санкт-Петербурге. В 1899 г. отставлен от должности и привлечен к суду по подозрению в организации покушения на жизнь сербского короля Милана. В 1900 г. был реабилитирован.

²⁹² Дмитрий Джурич (1838–1893) — окончил белградскую артиллерийскую школу, в 1862 г. был командирован в Пруссию, в 1864 г. перешел на русскую службу. В 1865–1867 гг. обучался в Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге. С 1881 г. — начальник отделения Главного Генерального штаба Сербии. В 1889–1890 гг., 1892 г. — военный министр Королевства Сербия.

²⁹³ *Игњатовић Ђ.* Светозар Марковић и «српска општина» у Петрограду // *Историјски часопис.* Књ. XXII. 1975. Београд, 1975. С. 112–147.

В состав организации также вошли герцеговинцы Иван Лепава²⁹⁴ и Георгий Филипович²⁹⁵. Деятели «Общины» ставили

²⁹⁴ Иван Лепава (1850–1916) — родился в Восточной Герцеговине, в селе Полица (Попово-Поле). Учился в школе при монастыре Житомылич. В 1863 г. был отправлен в Россию консулом В.В. Безобразовым. В 1867 г. получил стипендию от российского правительства для обучения во 2-й киевской гимназии. Позже учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, затем перебрался в Петербург. После 1869 г. обучался в Московском университете. С 1872 по 1875 гг. работал учителем в мостарской школе. Принимал участие в Герцеговинском восстании, сотрудничал с русским Красным Крестом и Славянским комитетом. В 1878 г. Лепава был помощником представителя Петербургского славянского комитета среди герцеговинских беженцев в Черногории А.В. Васильева. В 1881 г. перебрался в Черногорию, где активно работал на поприще просвещения. Преподавал русский язык. Написал несколько учебников. Лепава был преподавателем (1889–1903 гг.; 1905–1908 гг.) и директором (1890–1902 гг.) гимназии в Цетинье, здесь же возглавлял семинарию (1903–1905 гг.), преподавал в Женском черногорском институте имени императрицы Марии Александровны. Работал в министерстве просвещения и церковных дел Черногории. В 1908 г. вышел на пенсию и переехал с семьей в Белград. Подробнее см.: Јово Љепава (1850–1916) // *Мартиновић Д.Ј.* Портрети (био-библиографски преглед). Цетиње, 1983. С. 143–146; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 81–82, 282, 342–343; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 404–411; *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 511–518.

²⁹⁵ Георгий (Джордже) Филипович — родом из Герцеговины (по другим данным — из Черногории), учился в Санкт-Петербургской духовной академии; в 1869 г. получил стипендию от российского правительства для обучения на медицинском факультете Московского университета. В 1872 г. вернулся в Сараево. Позже перебрался в Мостар, где работал учителем в школе до начала Герцеговинского восстания 1875 г. Принимал в нем активное участие, был правой рукой М. Любича. В августе 1876 г. вернулся в Москву и поступил на третий курс медицинского факультета Московского университета. Подробнее см.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 156, 282, 342–343, 391, 396–397; Россия и восстание

перед собой две главные задачи: 1) работа над сближением России и Сербии; 2) оказание материальной помощи нуждающимся сербам в России. Секретарем общины стал Йован Дреч²⁹⁶.

В августе 1866 г. в Нови-Саде была создана культурно-просветительская и общественно-политическая организация «Объединенная сербская молодежь» (Омладина). «Сербская община» Петербурга начала с ней активное сотрудничество. В 1868 г. она была переименована в «Югославянскую».

В августе 1868 г. Й. Дреч был зачислен на первый курс разряда естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета²⁹⁷. К этому моменту молодой человек уже покинул дом Гильфердинга и проживал в ночлежном приюте при кухмистерской «Сербия» на Невском проспекте, где и располагался штаб «Югославянской общины». Посильную помощь ему оказывал обучавшийся в то время в России сербский общественный деятель, публицист Живоин Жуёвич (1838–1870)²⁹⁸.

В 1869 г. руководство «Общины» покинуло Петербург: Светозар Маркович отправился в Цюрих, Сава Груич — в Белград, а Йован Дреч зимой 1869 г. переехал в Москву. Он намеревался продолжить обучение на медицинском факультете Московского университета. Объясняя причины своего переезда, Дреч сообщал в своем прошении на имя ректора Московского университета С.И. Баршева (1863–1870 гг.): «Жизнь в Петербурге студентом тамошнего университета далеко не посильна моим скудным средствам, которые я там извлекал непостоянными частными заработками. В настоящее время с истечением первого академического полугодия мне представилась возможность к менее трудной в отношении материальном студенческой жизни в Москве»²⁹⁹.

в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 321–322; *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 511–518.

²⁹⁶ *Игњатовић Ђ.* Указ соч. С. 114.

²⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4331. Л. 1–2.

²⁹⁸ *Карасёв В.Г.* Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974. С. 62.

²⁹⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 157.

По правилам Московского университета перевод студентов из других высших учебных заведений был возможен только до октября текущего года. Дреч добавлял в своем письме к ректору: «Такое обстоятельство ставит меня в крайне трудное положение: не числясь студентом в течение наступающего второго академического полугодия, я не буду иметь права держать в конце сего академического года университетский экзамен 1-го курса, на котором я числился бы, и потеряю целый год. (...) Ввиду той настоятельной потребности, какую мое отечество — Герцеговина — ощущает в своих родичах с медицинским образованием, и мной чувствуемой способности к этой отрасли наук, мне желательно посвятить себя в здешнем университете занятиям по медицинскому факультету»³⁰⁰. Прошение герцеговинца было удовлетворено — он получил официальное разрешение о переходе на первый курс медицинского факультета Московского университета.

Поскольку Дреч больше не являлся государственным стипендиатом, он оказался в тяжелом материальном положении. Попытка обращения за помощью в Санкт-Петербургское отделение Славянского комитета, где в это время председательствовал А.Ф. Гильфердинг, не увенчалась успехом³⁰¹.

Для того чтобы обеспечить проживание Дреча в Москве, был организован сбор средств через белградскую газету «Сербия»³⁰². В результате его обучение оплачивали сербские благотворители. Во время учебы Йован продолжал поддерживать контакты со Светозаром Марковичем, занимался пропагандой социалистических идей, поэтому не удивительно, что за ним был установлен полицейский надзор³⁰³.

В 1872 г. Дреч и два его товарища, И. Лепава³⁰⁴ и Г. Филипович³⁰⁵, получили приглашение вернуться на родину

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 86.

³⁰² *Карасёв В.Г.* К вопросу о первых боснийско-герцеговинских социалистах // Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. С. 85–88.

³⁰³ Југословени и Русија. С. 228.

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 69. Л. 102–102 об.

³⁰⁵ Там же. Д. 70. Л. 56.

от Белградского, Крагуевацкого, Новисадского и Цетинского комитетов Омладины с уверением в том, что дело национального освобождения подготовлено и в скором времени будет начато. Зимой 1872 г. Дреч подал прошение об отчислении его с третьего курса Московского университета, в котором он писал о своем желании вернуться на родину и получить там место народного учителя³⁰⁶.

В марте 1872 г. И. Лепаве, Г. Филиповичу и Й. Дречу от российского правительства было выдано по 50 руб. на путевые расходы³⁰⁷. Судя по всему, они ехали через Вену, где встречались с М.Ф. Раевским. «Письмо это передаст Вам мой экс-воспитанник Йован Дреч, возвращающийся учительствовать на родину в Герцеговину. Не откажите ему в добром совете и, в случае нужды, в милостивой поддержке Вашей», — писал Гильфердинг Раевскому³⁰⁸.

Сербский митрополит Михаил сетовал по поводу приезда Дреча в письме к секретарю Московского славянского комитета Н.А. Попову: «Жаль, что и этот молодой человек, получив прекрасное направление, губит себя и портит свои отношения. Его как-то испортила какая-то пропаганда, внушив ему вражеские мысли недоверия к России. Глупость, которая только вредит частным лицам и общему славянскому делу! Нельзя ли как-нибудь побереечь этих молодых людей от зловредной заразы, по крайней мере в России»³⁰⁹.

Иван Лепава
(Мартиновић Д.Ј.
Портрети (био-
блиографски преглед).
Цетиње, 1983. С. 143)

³⁰⁶ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 12911. Л. 1–1 об.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282.

³⁰⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282.

³⁰⁸ Југословени и Русија. С. 228.

³⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 13. Ед. хр. 45. Л. 1–1 об.

Хорошо знавший воспитанника Гильфердинга российский дипломат А.С. Ионин писал о нем в донесении в Петербург: «Неисправимый нигилист, но умный и с характером. Я его долго убеждал не ездить, но он все-таки поехал, бросив учение на медицинском факультете и погубив свое будущее»³¹⁰. Ионин считал, что Дреч превратился в «слепое орудие Омладины»³¹¹.

11 мая 1872 г. Дреч и Лепава прибыли в Мостар³¹². Вскоре они получили места учителей в той самой школе, где когда-то учились сами. По сообщениям российского вице-консула в Мостаре Я.П. Славолюбова, молодые люди развернули активную пропаганду общеполитического восстания. Дипломат старался убедить их в несвоевременности и опасности выступлений против османских властей³¹³.

Впрочем, Славолюбов был доволен работой новых учителей. Дреч начал разработку проекта открытия в Мостаре училища, самостоятельно составил программу обучения, которая была одобрена турецким правительством³¹⁴. Молодые люди не прерывали отношений со Славянским комитетом. В 1873 г. Лепава и Филипович обращались к Н.А. Попову с просьбой прислать для школы в Мостаре географические карты, книги для детского чтения и руководство для учителей³¹⁵.

Однако в Мостаре педагогов ожидало много неприятностей. В январе 1873 г. Славолюбов в донесении к Н.П. Игнатьеву сообщал: «На место бывших учителей православной школы — интриганов и людей, неспособных к преподаванию, — вступили в отправление учительских обязанностей воспитывавшиеся в Московском университете Дреч и Лепов (Лепава. — К.М.) и окончивший курс семинарии в Белграде мостарец Пичета. Их энергия

³¹⁰ Уједињена омладина српска и њено доба. С. 293.

³¹¹ Там же.

³¹² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282.

³¹³ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2058. Л. 57–61.

³¹⁴ Там же. Л. 88–90.

³¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 8. Л. 48–48 об.

и полезная деятельность едва не были поколеблены меньшинством в лице 20 человек, руководимых бывшим директором школы Шолы»³¹⁶.

В феврале 1873 г. герцеговинский митрополит Прокопий (1863–1875 гг.) донес на Лепаву, Дреча и Пичету турецкому правительству, обвинив первых двух в шпионаже в пользу России, а последнего — в пользу Сербии³¹⁷. Но благодаря действиям российских дипломатов эти обвинения с молодых учителей были сняты³¹⁸.

Йован Дреч уверил российского вице-консула Я.П. Славолюбова в своем желании отправиться в Константинополь для дальнейшего обучения медицине, после чего планировал вернуться в Мостар в качестве врача³¹⁹. Скорее всего, в Константинополь он так и не поехал, но уже в мае 1873 г. оставил школу и открыл в Мостаре аптеку³²⁰.

До августа 1876 г. Дреч принимал участие в Герцеговинском восстании³²¹; затем перешел на работу в Российское общество попечения о раненых и больных воинах (позже — Российское общество Красного Креста)³²²; с октября 1876 г. он заведовал госпиталем в черногорском Даниловграде³²³. Последнее, что известно о Й. Дрече, это то, что он обосновался в Цетинье и открыл там аптеку. В конце 1880-х годов,

³¹⁶ АВПРИ Ф. 161. Главный архив. 1873. Д. 629. Л. 5–11.

³¹⁷ Там же. Л. 24–25; Уједињена омладина српска и њено доба. С. 306–308.

³¹⁸ В 1875 г. Пичету и ряд других учителей мостарской школы местные фанатичные торговцы обвинили в антирелигиозных высказываниях. В результате скандала все преподаватели школы были уволены. См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 396–397.

³¹⁹ Уједињена омладина српска и њено доба. С. 276–277.

³²⁰ Москва–Сербия. Белград–Россия: Сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Москва; Белград, 2011. С. 267; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 343.

³²¹ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 319–320.

³²² *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 480.

³²³ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 321.

во время своего путешествия по Черногории, российский государственный деятель и писатель Дмитрий Петрович Голицын (Муравлин) (1860–1928) встретился с Й. Дречем и охарактеризовал его следующим образом: «Владелец аптеки и один из авторитетнейших жителей города, родом из Герцеговины, верно предан России и отлично знает русский язык»³²⁴.

Здание аптеки Йована Дреча в г. Цетинье (Голицын Д.П. (Муравлин). У синя моря: путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1898)

Йован Дреч был одним из немногих выходцев из Герцеговины, который, пробыв в России длительное время (около 14 лет), вернулся на родину. Судя по отклику Гильфердинга на отъезд Йована домой, он продолжал следить за судьбой своего воспитанника; именно тогда

след обрывается: весной 1872 г. Дреч покинул Россию, а летом того же года при трагических обстоятельствах в Каргополе ушел из жизни Гильфердинг.

В 1865 г. российский консул В.В. Безобразов также привез в Россию воспитанника из Герцеговины. Им был 13-летний уроженец Мостара Лука Иванишевич. Мальчик должен был пройти курс обучения в одной из гимназий Санкт-Петербурга. Однако вскоре Безобразов бросил своего воспитанника на произвол судьбы. К счастью, его приютил сербский журналист, студент Санкт-Петербургского университета Живоин Жуёвич³²⁵. Мальчик без гроша за душой жил у него около месяца, серьезно болел. В это время Жуёвич сам испытывал материальные трудности и поэтому обратился в Азиатский департамент МИД за помощью для экс-воспитанника Безобразова. Из МИД было получено 50 руб.³²⁶

³²⁴ Голицын (Муравлин) Д. У синя моря. Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1896.

³²⁵ Карасёв В.Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. С. 61–62.

³²⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 31–32.

Иванишевич окончил гимназию в Петербурге и поступил в Медико-хирургическую академию³²⁷. Позже он обосновался в Париже и стал известным врачом³²⁸.

В списке стипендиатов России, составленном Кудрявцевым, есть два герцеговинца, которые являлись младшими братьями двух видных деятелей региона — это вышеупомянутый Йован Перович, брат игумена монастыря Житомыслич Серафима Перовича, и Дмитрий Дучич, брат игумена монастыря Дужи Никифора Дучича.

В 1859 г. в возрасте 23 лет Йован Перович был принят в Киевскую духовную академию³²⁹, по окончании которой вернулся на родину и работал учителем в школе Мостара. Его брат, путешествуя по России, направлял в Московский славянский комитет просьбы о предоставлении Й. Перовичу ежегодного денежного пособия в 200 руб.³³⁰ Неизвестно, были ли они удовлетворены.

Дмитрий Дучич окончил гимназию в Белграде. По ходатайству брата получил стипендию от российского правительства для учебы. В 1865 г. он прибыл в Россию, чтобы поступить в Санкт-Петербургский университет. Однако выяснилось, что герцеговинец совершенно не владел русским языком, соответственно, не мог сдать вступительные экзамены. Директор Азиатского департамента Стремоухов обратился в Московский славянский комитет к И.С. Аксакову с просьбой принять Д. Дучича и обучить его русскому языку³³¹. Азиатский департамент МИД предложил Д. Дучичу посещать лекции в Санкт-Петербурге в качестве вольнослушателя и назначил ему ежегодное пособие в 300 руб. серебром³³². В 1868 г. Д. Дучич сдал вступительный экзамен на юридический факультет³³³.

³²⁷ Карасёв В.Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. С. 62.

³²⁸ Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца прот. И. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 3. № 18. С. 802.

³²⁹ Карасёв В.Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. С. 315.

³³⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 17.

³³¹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 67. Л. 14–15.

³³² АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Д. 41. Л. 70–70 об.

³³³ Тенић И. Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 514.

В Санкт-Петербурге Дмитрий Дучич пробыл четыре года. Вместе с Йованом Дречем он являлся активным членом вышеупомянутой «Сербской (югославянской) общины». Познакомившийся с этой организацией в 1867 г. Й. Пичета так описал Д. Дучича в своих воспоминаниях: «Скромный по виду молодой человек, не особенно богатый способностями и не крепкий здоровьем»³³⁴. Д. Дучич также был дружен с Ж. Жувичем³³⁵. В 1869 г. он, как и остальные члены «Общины», покинул Петербург, решив отправиться на родину, в Герцеговину, где собирался занять должность учителя. При отъезде Д. Дучич обратился с просьбой к министру народного просвещения Д.А. Толстому пожертвовать ему ряд книг на русском языке: «Ваше сиятельство! — писал он. — Я теперь уезжаю в такую страну, в которой народ еще находится в первобытном состоянии, куда еще не проникали живительные лучи XIX столетия. Следовательно, мне предстоит возвращаться в такой сфере, в которой все будут обращаться ко мне за сведениями всякого рода. А так как общеизвестно, что окружающая среда имеет большое влияние на людей, то и мне предстоит немалая опасность: забыть русский язык и тот запас знания, который я приобрел в России, если не иметь русских книг, которые бы послужили освежающим источником, из которого мог бы я всегда почерпать нужные сведения и тем пополнять происходящую убыль»³³⁶. Прошение было удовлетворено³³⁷. По сообщению Л. Иванишевича, Д. Дучич вскоре умер в Сербии от чахотки — это произошло не позднее января 1874 г.³³⁸

Уроженцы Боснии Петр Митрович и Деспот Деспотович вместе учились в семинарии в Белграде. Вероятно, они окончили ее в 1866 г.³³⁹ Деньги на обучение Митровича посту-

³³⁴ Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца Прот. И. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 3. № 18. С. 801.

³³⁵ Карасёв В.Г. Сербский демократ Живоин Жувич. С. 65.

³³⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 172–173.

³³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 311. Л. 418–419.

³³⁸ Карасёв В.Г. Сербский демократ Живоин Жувич. С. 62.

³³⁹ АС. МПс. 1866. VIII. 1503.

пали от комитета А.Д. Блудовой. По сообщениям митрополита Михаила, Петр входил в число лучших учеников³⁴⁰. О его обучении в России и дальнейшей судьбе ничего не известно.

Д. Деспотович какое-то время работал учителем в Брчко³⁴¹. В 1869 г. Петербургское отделение Славянского комитета оказывало ему содействие в устройстве в Санкт-Петербургскую духовную академию. Он получал ежемесячную стипендию от Московского славянского комитета (по 5 руб.)³⁴². Впоследствии Деспотович стал одним из руководителей восстания 1875–1877 гг. в Герцеговине³⁴³. После оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией он получил место в школе сербского города Валево³⁴⁴.

Еще одним «питомцем» России был Васа Пелагич (1838–1899). История его жизни и творчества хорошо изучена в историографии³⁴⁵. Еще в 1983 г. вышла монография исследовательницы Д.Ф. Поплыко, где на основе анализа большого массива архивных документов показано, какое место в жизни этого деятеля занимала Россия³⁴⁶.

Васа Пелагич родился в 1838 г. в боснийском селе Жабар, в Посавинье. Учился в гимназии и семинарии в Белграде. Вернувшись в Боснию, развернул бурную деятельность на педагогическом поприще: работал учителем в школе

³⁴⁰ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2180. Л. 120, 123.

³⁴¹ АС. МБ. 1869. 492.

³⁴² ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 123. Л. 1.

³⁴³ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 264; АС. МПс. 1877. II. 144.

³⁴⁴ АС. МПс. 1877. IV. 56.

³⁴⁵ См., напр.: *Бесаровић Р. Васо Пелагић*. Сарајево, 1952; *Караџев В.Г., Кондратьева В.Н.* Васа Пелагич и Банялукская православная семинария // *Glasnik arhiva i društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine*. VI. Sarajevo, 1966. S. 357–368; *Очак И.Д., Поплыко Д.Ф.* Новые данные о связях сербского революционера В. Пелагича с Россией во второй половине 60-х годов XIX в. // *Славянский архив*. М., 1961; *Поплыко Д.Ф.* Васа Пелагич и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М., 1983; *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославыне. М., 2011. С. 165–170.

³⁴⁶ *Поплыко Д.Ф.* Указ. соч.

Васа Пелагич

в Брчко, открыл там читальню. В 1863 г. Пелагич бежал от преследования турецких властей в Белград. Сербский митрополит Михаил порекомендовал молодого талантливого преподавателя М.Ф. Раевскому. Спасаясь от подозрений османских властей, Пелагич сначала направился в Вену, а оттуда — в Москву, где пробыл до лета 1865 г.³⁴⁷ Благодаря И.С. Аксакову он получал стипендию в 30 руб. ежемесячно от Московского славянского благотворительного комитета.

В Москве Пелагич сблизился со славянофильскими кругами. Он публиковал небольшие статьи в московских газетах «День», «Современная летопись» и «Московские ведомости»³⁴⁸.

В качестве вольнослушателя историко-филологического факультета Пелагич посещал Московский университет³⁴⁹. Д.Ф. Поплыко пишет о том, что он намеревался прослушать следующие курсы: история всеобщей литературы у Ф.И. Буслаева, славянские наречия у О.М. Бодянского, всеобщая история у С.В. Ежовского, политэкономия у И.К. Бабста, логика и психология у П.Д. Юркевича. Ему было позволено посещать любые занятия по желанию. Доподлинно известно, что он изучал политэкономия, историю и медицину³⁵⁰.

³⁴⁷ Там же. С. 20.

³⁴⁸ Там же. С. 31–32.

³⁴⁹ По некоторым сведениям, Пелагич также учился в Киевской духовной академии. См.: *Пилиповић Р.* Српски богослови на школовању у Русији у другој половини 19. века — према оцени руског царског дипломате // *Годишњак за друштвену историју* 2. Београд, 2012. С. 89–90.

³⁵⁰ *Поплыко Д.Ф.* Указ. соч. С. 25–26.

В 1865 г. Пелагич вернулся в Боснию и приступил к реализации разработанного им еще в России плана, который предполагал открытие трех семинарий и 58 начальных школ на территории Боснии, Герцеговины и Старой Сербии³⁵¹. Осуществить задуманное полностью ему не удалось.

В 1866 г. он открыл и возглавил семинарию в Баня-Луке³⁵². Согласно данным русских источников, изначально в ней обучалось 10 человек, три из них были непосредственно под опекой Пелагича³⁵³; в 1868 г. учебное заведение посещало уже 53 мальчика, 15 из которых были на содержании Пелагича³⁵⁴; к 1869 г. количество учеников возросло до 60³⁵⁵. В семинарии работало минимум три педагога. Пелагич также руководил двумя начальными школами и основал общественную читальню.

Выбор именно г. Баня-Лука в качестве центра подготовки духовенства Боснии был не случаен. Пелагич считал, что православное учебное заведение должно стать главным очагом сопротивления римско-католической пропаганде, ведь в это время на венгерские деньги трапписты³⁵⁶ вели здесь активное строительство монастыря, училища и больницы³⁵⁷.

В Баня-Луке преобладало христианское население. Однако город граничил с наиболее густо заселенными мусульманами областями (Бихачский санджак). По мнению многих российских дипломатов, устройство семинарии в этой местности было слишком рискованным мероприятием, а самого Пелагича они не видели в качестве

³⁵¹ Там же. С. 14.

³⁵² Подробнее о просветительской деятельности В. Пелагича в Баня-Луке см.: Српска читаоница у Бањалуци. Тематски зборник. Бањалука, 2018.

³⁵³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. Л. 1–2.

³⁵⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 140.

³⁵⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 124 об.–125.

³⁵⁶ Трапписты — члены католического монашеского ордена, основанного в 1664 г.

³⁵⁷ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 86.

руководителя этого учебного заведения³⁵⁸. Затея Васы Пелагича вызывала сомнения и у многих жителей Боснии и Герцеговины, о чем сараевский архимандрит Савва Косанович сообщал Н.А. Попову³⁵⁹. По словам Косановича, до 1868 г. в Баня-Луке не было организаций по подготовке восстания, и семинария стала главным агитационным центром, а самого Пелагича он называл «разбойником»³⁶⁰.

В процессе устройства семинарии российские дипломаты и общественные деятели активно обсуждали вопрос о целесообразности поддержки данного учебного заведения. Необходимость его открытия не ставилась под сомнение, но избранное Пелагичем место подвергалось критике.

В 1868 г. Пелагич отказался от выгодной женитьбы, постригся в монахи, был посвящен дабробосанским митрополитом Дионисием в иеромонахи, а затем произведен в архимандриты³⁶¹.

В своей монографии «Васа Пелагич и Россия» Д.Ф. Поплыко приводит слова русского художника, скульптора, славянофила Михаила Осиповича Микешина (1835–1896) о Васе Пелагиче и его учебных заведениях. Их встреча состоялась в Вене в 1868 г. Архимандрит в красном фесе, с саблей и серебряным пистолетом за поясом, с темно-русой пушистой бородкой нисколько не напоминал монаха. Пелагич поведал Микешину о том, что врачует больных турок и зачастую помогает им советом. Архимандрита Микешин назвал «достойным и симпатичным пропагандистом»³⁶². Сообщил Пелагич русскому художнику и о своих успехах в области просвещения. Об этом Микешин вспоминал позже, в 1876 г. на страницах июньского номера журнала «Пчела»: «Завел он (В. Пелагич. — К.М.) элементарную (начальную. — К.М.) школу в своем Банялуке, где до него не было школы православной, а лишь мусульманские медресе да иезуитские

³⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 6 об.; Југословени и Русија. С. 312–313.

³⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 10 об.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 124 об.

³⁶² Поплыко Д.Ф. Указ. соч. С. 43–44.

закрытые училища, где католическая пропаганда, обладая широкими материальными средствами из Рима, покровительствуемая и турецкою властью, как язва разъедает славянский элемент; устроил он свою школу совсем по не виданному до него образцу: он не дал ей никакого религиозного оттенка, но широко раскрыл двери, без различия, детям всех вероисповеданий...»³⁶³ В 1860-е годы турецкие власти в Боснии активно проводили политику в русле идеологии османизма. Работа учебного заведения, описанного Микешиным, отвечала основным принципам этой политики. Кроме того, В. Пелагич применил невиданные для региона новаторства в педагогике — ввел преподавание пения и гимнастики.

Точные данные о поддержке учебных заведений и читальни Пелагича из России неизвестны. По сообщениям М.Ф. Раевского, первые три года он содержал семинарию на свои средства и при помощи жителей Баня-Луки, а в 1867 г. пожертвовал 100 дукатов церковной общине Баня-Луки на основание фонда для бедных учеников³⁶⁴. Тогда же Пелагич просил Раевского оказать финансовую помощь, а также прислать глобус, компас, карту, Евангелие, Апостол, служебник, месячные минеи, общие минеи, триодь, пентикостар и большой требник³⁶⁵. Позже он также направлял списки необходимых богослужебных книг³⁶⁶. С 1868 г. при содействии сербского митрополита Михаила семинарии была назначена ежегодная помощь от правительства княжества Сербия в размере 650 голландских червонцев (около 2.000 руб.)³⁶⁷. В том же году Пелагич благодарил Раевского за присланную в семинарию утварь для ризницы и крест³⁶⁸.

Летом 1868 г. В. Пелагич обратился в Московский славянский комитет с просьбой оказать содействие в получении

³⁶³ Цит. по: Поплыко Д.Ф. Указ. соч. С. 63.

³⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. Л. 1–2.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 140.

³⁶⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 124 об.–125.

³⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3677. Л. 6.

ежегодного денежного пособия в 150–200 руб. от российского правительства для открытия женской школы в Баня-Луке³⁶⁹. Тогда же через М.Ф. Раевского он просил помощи для семинарии, которая, по его словам, должна была стать стеной от укрепляющего свои позиции латинства³⁷⁰.

В октябре 1868 г. российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев направил два идентичных донесения в Азиатский департамент МИД России³⁷¹ и Славянский комитет³⁷², где сообщал следующее: «В императорское консульство обратился с ходатайством о вспомоществовании для открытия богословской большой школы в Баня-Луке молодой архимандрит Василий Пелагич. Вполне сочувствуя сему благому делу и разделяя мнение всех благомыслящих босняков-патриотов о необходимости учреждения духовной семинарии для приготовления приличного духовенства, я, однако же, не могу согласиться с тем, чтобы подобное заведение учреждено было вдали от контроля российского консульства, которое должно иметь законное влияние на судьбы созданного на русские деньги учреждения. Кроме того, в центральном месте управления духовный рассадник наук подвержен меньшей опасности преследований и политических ударов, которые в глуши, далеко от глаз представителей иностранных держав, могут часто быть наносимы произволом каймакамов и мудиров. Турецкие сановники все же совестятся г[оспод] консулов. А в Баня-Луке вице-губернатор и австрийский консульский агент разом представят своим правительствам обстоятельство учреждения не рассадника богословских наук, а рассадника политической пропаганды. Тогда закроется духовная семинария, и ее не допустят, пожалуй, впоследствии в Сараеве»³⁷³.

³⁶⁹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 49. Л. 55–56; ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 5 об.

³⁷⁰ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 127–130.

³⁷¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 141–145.

³⁷² ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 117–125.

³⁷³ Там же. Л. 123 об.–124 об.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 144.

Опасения, высказанные консулом Кудрявцевым, не были беспочвенными. В это время османские власти в лице главного идеолога османизма в крае генерал-губернатора Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паши столкнулись с рядом серьезных проблем. Недовольство мусульманской части населения реформами и активизация пропаганды среди христиан со стороны Австро-Венгрии, России и княжества Сербии способствовали усилению полицейского надзора.

По поводу Пелагича и его деятельности М.Ф. Раевский писал в Москву Н.А. Попову: «Долгом моим поставляю обратить внимание Славянского комитета на боснийского архимандрита Пелагича, учрежденную им в Баня-Луке семинарию и вновь открывшееся женское училище. Кто такой этот Пелагич? Это тот боснийский воспитанник, которого года четыре тому назад я послал в Москву и которого вскормил Слав[янский] комитет. Возвратившись в Боснию, он первоначально был там просто учитель средней школы. Видя, что Боснию может поднять только одно образованное духовенство, он решился основать там семинарию. С этой целью обратился за пособием к тамошним купцам»³⁷⁴. Таким образом, становится ясно, что до этого времени Славянский комитет не участвовал в организации просветительской деятельности Пелагича в Баня-Луке.

В феврале 1869 г. произошел инцидент с учениками семинарии³⁷⁵. По сообщению А.Н. Кудрявцева, они без особых причин подверглись нападению отряда турецких запяте (жандармов. — К.М.). Пелагич лично вступился за своих подопечных, что послужило поводом для обвинений архимандрита. Начались судебные разбирательства. Яркая речь 25-летнего Пелагича в суде имела явно антитурецкий характер и вызвала раздражение у османских властей. С подачи австрийского консульства поползли слухи о том, что этот демарш был осуществлен по предписанию российского консула Кудрявцева. Это еще больше скомпрометировало

³⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 17. Ед. хр. 14. Л. 20; ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 124 об.

³⁷⁵ Подробнее об этом см.: *Бесаровић Р.* Указ. соч. С. 40–51.

архимандрита³⁷⁶. Кудрявцев же полагал, что это недовольство местных властей не выльется ни во что серьезное, в чем уверил и Раевского. Последний писал по этому поводу Н.А. Попову в Москву: «Вчера получил известие, что турки добрались до Пелагича и в Баня-Луке, его позвали в Сараево, школу закрыли, учеников разогнали. Известия этого я ожидал, но не опасаясь. Осман-паша долго в Сараево не усидит, школа пошла хорошо, пользуется сочувствием боснийских торговцев, они и ревность Пелагича защитят ее. Пройдет, может быть, месяц, и мы услышим, что школа вновь существует»³⁷⁷.

В мае 1869 г. расследование было временно прекращено. Пелагича передали под наблюдение дабробосанского митрополита Дионисия³⁷⁸.

Тогда же Васа сообщал в Славянский комитет, что из России он получал лишь обещания содействовать открытию семинарии, но никакой реальной помощи так и не поступило³⁷⁹. Он просил прислать 1.000 руб. на семинарию и 200 руб. для женского училища³⁸⁰. Деньги нужно было передать через М.Ф. Раевского, сербского митрополита Михаила или российского консула А.Н. Кудрявцева³⁸¹. Помощь из Москвы не поступала, так как в то время Славянский комитет испытывал финансовые затруднения. Раевский сам признавался, что долго не передавал просьбу архимандрита Пелагича, поскольку не хотел обременять благотворителей³⁸². За семинарию Пелагича ходатайствовал и сербский митрополит Михаил³⁸³. В 1869 г. Московский славянский комитет

³⁷⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 174–177.

³⁷⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 125–125 об.

³⁷⁸ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 180.

³⁷⁹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 50. Л. 5–7.

³⁸⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 125.

³⁸¹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 50. Л. 5 об.–6 об.; ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 14.

³⁸² ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 125.

³⁸³ Там же.

все же выделил 350 руб. для раздачи пособий в Боснии³⁸⁴. Эти деньги Раевский, через которого передавались средства, отложил для семинарии Пелагича, надеясь на благоприятный исход в решении его дела³⁸⁵.

Однако в том же году семинария была закрыта. Пелагич предстал перед судом в Константинополе и был приговорен к ссылке сроком на 101 год в Кютахью (Малая Азия). Пострадали и педагоги, работавшие в этом учебном заведении.

В изгнании Пелагич провел всего 15 месяцев. Тогда именно Россия встала на его защиту. Еще по дороге к месту ссылки, в 1870 г., российский посол в Константинополе Н.П. Игнатьев передал ему денежное пособие и способствовал установлению его контактов с земляками³⁸⁶. В 1871 г. стараниями Игнатьева удалось устроить побег Пелагича. Он получил русский паспорт и на пароходе «Тамань» был вывезен в Одессу, откуда затем перебрался в Белград.

Во время восстания 1875–1878 гг. в Боснии и Герцеговине Пелагич стал одним из его руководителей. После оккупации Боснии Австро-Венгрией он переехал в Сербию. За пропаганду социалистических идей в 1896 г. был арестован и умер в тюрьме города Пожаревац в 1899 г.

Короткое пребывание Васы Пелагича в России способствовало формированию проектов его просветительской деятельности. Нам не удалось выявить документы, свидетельствующие о финансовой поддержке со стороны России начинаний Пелагича в Баня-Луке. Вероятно, русская благотворительность ограничивалась присылкой учебной и богослужебной литературы, церковной утвари и предметов, необходимых для обучения. Такое положение вещей объясняется тем, что российские дипломаты считали опасным и несвоевременным выбор именно Баня-Луки для устройства семинарии. Кроме того, постоянные контакты Пелагича с российским консульством привлекали особое внимание к его персоне и вызывали подозрения

³⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 19.

³⁸⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 137–139.

³⁸⁶ Зарубежные славяне и Россия. С. 176.

со стороны османских властей. Однако отметим, что деятельность Пелагича вызывала большое сочувствие в русских славянофильских кругах. Не случайно российская дипломатия приложила столько усилий для освобождения его из ссылки.

О судьбе других русских питомцев из вышеприведенного списка Кудрявцева ничего не известно.

По подсчетам Кудрявцева, к 1869 г. затраты российского правительства на обучение славян из Боснии и Герцеговины составили примерно 27.200 руб.³⁸⁷ Но, по мнению консула, положительного результата от этого не было.

Летом 1870 г. уроженцы герцеговинского Невесинья Илья Говедарица (вероятно, родственник упоминавшегося выше Стефана Говедарицы), 20 лет от роду, и Петр Милянчич, 18 лет от роду, обратились к российскому правительству с просьбой выдать им стипендии для обучения в России. Оба герцеговинца являлись стипендиатами сербского правительства и успешно окончили гимназию в Белграде³⁸⁸. Осенью 1871 г. российский вице-консул в Мостаре Н.А. Иларионов получил от Азиатского департамента МИД 50 руб. на путевые расходы для И. Говедарицы. Но молодой человек в это время находился в Белграде, где занимался изучением юридических наук. Иларионов просил российского консула в Белграде Н.П. Шишкина уведомить Говедарицу о том, что он получил стипендию от российского правительства для обучения в Новороссийском университете, и передать предназначенные на поездку средства³⁸⁹. Отправился ли Говедарица в Россию, остается неясным.

На 1873 г. в Боснии не было ни одного учителя, прошедшего обучение в России, а в русских училищах не находилось ни одного представителя Боснии³⁹⁰. Сараевский архимандрит Савва Косанович хлопотал об устройстве в иконописный отдел Троице-Сергиевой лавры своего

³⁸⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 213.

³⁸⁸ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 11759. Л. 1–5.

³⁸⁹ Там же. Л. 16–16 об.

³⁹⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2335. Л. 39.

соотечественника Ристы Чайкановича. На учебу в Россию его отправила сараевская православная община. С просьбой о помощи он обращался к Н.А. Попову³⁹¹, который устроил Чайкановича в Лавру и училище живописи и ваяния в Москве³⁹². Босниец получил стипендию от российского правительства. Но спустя всего полгода решил вернуться на родину. В этой непростой ситуации Косанович вновь обратился к Н.А. Попову с просьбой отговорить Ристу от данного шага³⁹³.

В фонде Московского славянского комитета в ГА РФ хранится письмо герцеговинца Калуджеровича (на имя Н.А. Попова от 16 января 1875 г.), который обучался в одном из университетов России (конкретных сведений нет. — *К.М.*) и получал стипендию от купца П.И. Губонина (1825–1894). Он намеревался отправиться на родину и ходатайствовал о сохранении за собой стипендии для того, чтобы в дальнейшем окончить обучение³⁹⁴.

Таким образом, видно, что очень немногие уроженцы Боснии и Герцеговины получали образование в России. Не всем из «русских питомцев» удавалось окончить учебу, некоторые оставались в России, а те, кто возвращался на родину, не столько трудились на ниве просвещения соотечественников, сколько становились активными участниками борьбы против турецкого господства.

Уже к началу 1870-х годов посол в Константинополе Н.П. Игнатъев пришел к пониманию существенных недостатков системы обучения турецких славян в России. Всё больше он склонялся к тому, что необходимо открывать учебные заведения для славян на их родине. Уровень знаний выходцев из Боснии и Герцеговины не соответствовал требованиям русских университетов. Многие из них не владели русским языком. Зачастую при назначении стипендий большее внимание уделялось не столько природным способностям учеников, сколько протекции видных сербских

³⁹¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 5 об.

³⁹² Там же. Л. 11.

³⁹³ Там же. Л. 21–21 об.

³⁹⁴ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 64. Л. 127–127 об.

деятели. Практика показывала, что выбор часто был субъективным. Что касается деятельности Славянского благотворительного комитета в этом направлении, то его возможности, прежде всего финансовые, не позволяли должным образом обеспечивать своих подопечных, что препятствовало получению ими полноценного образования.

Боснийский вопрос в русско-сербских отношениях в 1856–1875 гг.

Сербские планы в отношении Боснии и Герцеговины и Россия

В 1850-е годы ни в Австрии, ни в Сербии еще не была выработана определенная программа действий в отношении Боснии. Получившее независимый автономный статус княжество Сербия переживало очередную смену власти и находилось в поисках пути развития. Его население по языку и вере было родственным православным славянам Боснии и Герцеговины. Сербия, по мнению русских аналитиков МИД того времени, была лучшим союзником России для реализации программы по улучшению положения православного населения Боснийского пашалыка. Россия во многом способствовала сближению Сербии с Боснией и Герцеговиной¹.

Недолгое пребывание на посту консула А.Ф. Гильфердинга и обстоятельства его отставки показали, что русским представителям было сложно самостоятельно вести работу по консолидации православного населения в крае.

¹ Этот вопрос подробно исследован в историографии. См., напр.: *Карасёв А.В.* Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1984; *Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875.* Сарајево, 1987; *Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия.* Балканские исследования. Вып. 13. М., 1991; *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања: историја срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2008; *История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.)* / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2013; *Леовац Д.* Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила (1860–1868). Београд, 2015; *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.

Однако то, что было затруднительно осуществлять напрямую, легче было сделать в тесном контакте с Белградом. Взаимодействие с Сербией по боснийскому вопросу шло не только на уровне правительства, инициатива исходила и от русского общества. Значительный вклад в это дело внесли славянофилы и славянские комитеты, которые сотрудничали с Азиатским департаментом МИД. Выпускник Киевской духовной академии сербский митрополит Михаил состоял в переписке со многими известными русскими общественными деятелями, неоднократно приезжал с визитами в Россию. Организовывался многоплановый союз с предполагаемым главенством Сербии, который охватывал политических и церковных деятелей, балканскую интеллигенцию.

Территории Боснии и Герцеговины всегда представляли интерес для Сербии. Населенные преимущественно славянами, среди которых был высок процент православных, эти земли рассматривались сербской правящей элитой как неотъемлемая часть будущего сербского государства. Жители Сербии и Боснии имели единую церковную традицию, общую историю. Идея объединения вызревала давно, еще в период сербских восстаний начала XIX века. Вождь Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Карагеоргий планировал объединиться с черногорцами и поднять волнения в Герцеговине. Князь Милош Обренович (1817–1839 гг. и 1858–1860 гг.) не проявлял особой активности в отношении этого региона. Для князя Александра Карагеоргиевича (1842–1858 гг.) его министр Илия Гарашанин разработал проект «Начертание»², в котором Боснии уделялось много внимания. Основная идея этой программы: «Сербия — природная покровительница всех турецких славян» и должна играть для них роль Пьемонта. На территории Боснийского пашалыка и Герцеговинского сандажа действовало 17 доверенных лиц Гарашанина³.

² См.: *Љушић Р.* Књига о Начертанију: национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Крагујевац, 2003; *Bataković D.T.* The Foreign Policy of Serbia (1844–1867). Ilija Garašanin's Načertanije. Belgrade, 2014; *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.

³ *Никифоров К.В.* Указ. соч. С. 111.

Программа действий Илии Гарашанина в Боснии и Герцеговине предполагала следующее: 1. Увеличение числа «мест въезда и выезда» в направлении Боснии; 2. Свобода вероисповедания и сотрудничество с католиками, а со временем и с мусульманами⁴; 3. Единство народности, дипломатическим представителем которой должно стать княжество Сербия; 4. Распространение основных законов конституции Сербского княжества в Боснии и подготовка в Сербии чиновнических кадров из населения Боснийского пашалыка; 5. Публикация в сербских типографиях «патриотических» произведений с использованием как кириллицы, так и латиницы⁵; 6. Организация торгового пути по морю через Улцинь и усиление влияния Сербии в Северной Албании и Черногории, которые «держат ключи от врат Боснии и Герцеговины»; 7. Наладить контакты с католиками-францисканцами в Боснии, сделать одного из них посредником между католиками и сербами; 8. Заручиться поддержкой Черногории, предоставив ее владыке ежегодное денежное вспомоществование⁶.

Илия Гарашанин

⁴ Там же. С. 109–110.

⁵ В 1845 г. Гарашанин предлагал развернуть в этом регионе Балкан деятельность следующего характера: наладить печать в сербских типографиях духовной литературы, народных песен, издать историю Боснии и Герцеговины. Все эти книги должны были быть напечатаны и на кириллице, и на латинице. Предполагалось их распространение на территории Боснийского пашалыка. См.: *Slijepčević Đ. Pitanje Bosne i Hercegovine u XIX veku*. Keln, 1981. S. 21.

⁶ См. подробнее: «Начертание» Илии Гарашанина. Программа внешней и национальной политики Сербии в 1844 г. (перевод с сербского А.А. Силкина) // *Никифоров К.В. Указ. соч.* С. 243–248.

В 1849 г. начались мероприятия по засылке тайных сербских агентов в соседние славяно-турецкие области. Программа политической пропаганды в этих землях была составлена И. Гарашанином, М. Баном, Й. Мариновичем и Т. Ковачевичем⁷. Однако после отставки Гарашанина в 1853 г. деятельность в этом направлении прекратилась. Долгое время у Сербии не было возможности и подходящих условий для того, чтобы развернуть активную работу в Боснии и Герцеговине. Князь Александр Карагеоргиевич в 40–50-х годах XIX в. был занят решением внутренних проблем и не проявлял особого интереса к расширению границ княжества. М. Экмечич полагал, что роль тайных сербских обществ в организации повстанческой деятельности до второй половины 1850-х годов преувеличена. Нет ни одного доказательства, что их работа вызвала восстание⁸.

Если Россия и другие великие державы активизировали свою политику в этом регионе сразу же после Крымской войны, то оживление сербской политики по отношению к Боснии связано с возвращением к власти в Сербии династии Обреновичей в конце 1858 г.

К непосредственной реализации плана Гарашанина сербское правительство приступило в период правления князя Михаила Обреновича (1860–1868 гг.). Тогда И. Гарашанин возглавил министерство иностранных дел, а затем стал премьер-министром княжества Сербии и способствовал созданию в славяно-турецких областях агентурной сети.

В фонде Илии Гарашанина архива Сербии в Белграде хранится исключительно важный и содержательный документ — программа сербского правительства в отношении Боснии на 1858 год. Главные ее направления были следующими:

«1) Каждые 15 дней необходимо доносить о том, что творится в Боснии и Крайне. В первую очередь обращать внимание на то, что говорят о своем положении и будущем турки, христиане, турецкие чиновники. Внимательно отслеживать все действия австрийских чиновников: какую работу

⁷ Карасёв А.В. Россия и Балканский союз. С. 122.

⁸ Экмечич М. Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд, 2002. С. 169.

они проводят с местным населением, что обещают, на какой класс и веру направлена их пропаганда.

2) Добыть сведения о военной мощи турецкого правительствa в этих областях, выяснить вопрос о военных укреплениях в городах.

3) Отслеживать все новые указы и законы, которые касаются христиан и мусульман. Если они сулят какое-то облегчение, высказывать подозрения, что туркам верить нельзя.

4) Приложить все силы, чтобы обратить мысли всего народа, без различия вероисповедания, на Сербию и убеждать, что избавление от османской власти идет со стороны князя Михаила Обреновича, который постоянно думает об их будущем. Для достижения этих целей каждый агент должен иметь верного священника и учителя, главного кмета и торговца. Кроме того, необходимо поддерживать контакты с боснийскими торговцами, не имеющими патристических чувств.

5) Пусть предполагаемые союзники агента напишут письмо в Сербию, в котором выразят желание вступить в союз. Пусть пишут, что никакая сила не сможет разделить сербский народ, который имеет общую историю и язык. Это обращение необходимо прочитать перед каждым, кто поставит свою подпись или крестик. Первыми должны подписать священники.

6) Нужно энергичнее действовать в Боснии против Австрии, убеждать население не верить обещаниям людей, которые агитируют в пользу Австрии. Нужно доказать, что австрийское ярмо намного тяжелее турецкого. В Австрии придется служить в армии, погибнуть за чужую родину. В доказательство этого приводить в пример граничар.

7) Из-за того, что и хорваты привлекают симпатии боснийского народа, нужно действовать и против них, убеждать, что они работают на Австрию. Особенно нужно оберегать народ от агента священника Штросмайера⁹ и от многих офицеров-граничар, которые разделяют его взгляды.

⁹ Йосип Юрай Штросмайер (1815–1905) — хорватский католический епископ, политический и общественный деятель, основатель Югославянской академии и университета в Загребе.

8) Нужно привлечь на свою сторону капитана Орешковича¹⁰, но осторожно. Есть подозрения о его связях с Штросмайером.

9) Не нужно определять точного времени восстания, но уверять людей, что оно обязательно будет.

10) Необходимо действовать совместно и с христианами, и с турками, вместе ополчиться против османского господства. Мусульман нужно уверить, что их вера и обычаи почитаемы сербами.

11) Если появятся люди, у которых нет терпения ждать главного восстания и они захотят организовать четы и взбунтоваться против турок, то следует осмотрительно поступить так: малые четы особо не поддерживать, так как у них нет никаких целей; поддерживать только крупные четы, но следить, чтобы крестьяне не выбрали никого из этих чет своим руководителем. В четы необходимо принимать и боснийских мусульман на равных с христианами правах.

12) Нужно и граничар подготовить к восстанию, приготовить для них денежное вознаграждение. Всех предателей прилюдно судить и казнить.

13) Участники борьбы с турками все свои действия должны согласовывать с Сербией»¹¹.

Из этой программы видно, что своим главным соперником в регионе Сербия считала Австрию. Существовала конкуренция и с хорватами. Примечательно, что в документе нет упоминаний о совместной работе с Россией. Это говорит о планах Гарашанина подготовить Боснию к соединению с Сербией собственными силами. Отношение России и Австрии к сербскому вопросу, по его мнению, было схожим. Он полагал, что настанет день и две эти державы столкнутся на поле боя. Победа одной из них будет означать конец для Сербии. Если победительницей выйдет Австрия, то будет уничтожена политическая жизнь Сербии, победа России приведет к гибели всего сербского народа, который

¹⁰ Антоние Орешкович (1829–1906) — австрийский офицер, один из главных соратников сербского князя Михаила, принимал активное участие в организации сети тайных сербских комитетов в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии, полковник сербской армии в годы сербо-турецкой войны 1876 г.

¹¹ АС. Ф. ИГ. 1072. (Перевод с сербского яз. мой. — К.М.).

утратит свое государство¹². Интересен также тезис о привлечении к борьбе местных мусульман. Однако эта идея так и не была реализована в полной мере. Попытки сербского правительства идти на социальный компромисс и сделать союзниками боснийских мусульман приводили к тому, что оно обретало доверие небольшой группы местных бегов, но теряло симпатии большой группы христиан. По мнению М. Экмечича, участие исламской элиты Боснии в деятельности тайных сербских организаций было лишь подготовкой к оформлению их собственной идеологии¹³. Во второй половине 60-х годов XIX в. велись переговоры с боснийскими мусульманами-феодалами¹⁴. Россия поддерживала Сербию в этом деле¹⁵. Однако реальных результатов достичь не удалось из-за постоянной отсрочки восстания.

В 1860–1861 гг. в Белграде действовал тайный комитет по освобождению Боснии во главе с Матией Баном. История этой организации овеяна тайной.

Матия Бан (1818–1903) был родом из Дубровника. По вероисповеданию католик, в 1834 г. он стал францисканцем, но в скором времени разорвал все связи с этим орденом. Несколько лет Бан провел в путешествиях по Востоку. В 1844 г. перебрался в Белград и стал воспитателем дочери Александра Карагеоргиевича. Основываясь на этом опыте, он издал методическое пособие, посвященное проблемам женского образования. Его работа при княжеском дворе продлилась недолго. В период с 1849 по 1853 гг. он издавал в Дубровнике журнал с одноименным названием. Затем стал преподавателем французского языка в белградском лицее. Ходили слухи о его неприязни к славянам,

Матия Бан

¹² *Берић Д.* Српско питање и политика Аустроугарске и Русије 1848–1878. Београд, 2000. С. 47.

¹³ *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. С. 264.

¹⁴ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/23, 12/30; XII/5. 12/583.

¹⁵ *Карасёв А.В.* Россия и Балканский союз. С. 126.

которую он активно демонстрировал своим ученикам¹⁶. Во время Крымской войны Бан открыто писал статьи анти-русской направленности и даже издал оду, посвященную султану Абдул-Меджиду¹⁷. После этого его вынудили покинуть лицей. В 1858 г. Бан работал преподавателем в артиллерийской академии в Белграде, но затем, по неуставленным причинам, был уволен оттуда. Вскоре он начал активную деятельность в деле объединения сербского народа и освобождения его от турецкого ига. Трудно сказать, чем объясняются такие резкие перемены в его взглядах. Во многих источниках Бан слышит авантюристом. Известно, что на момент организации комитета по освобождению Боснии у него не было постоянного места работы, зато были долги.

В историю Сербии Бан вошел как писатель и драматург, известный своими произведениями на историческую тематику («Мейрима», «Смерть Уроша V», «Король Вукашин», «Ян Гус»). В 1887 г. он стал одним из первых членов Сербской королевской академии наук. Его именем назван один из районов Белграда — «Баново брдо».

Личность Бана неоднозначна и противоречива. Современники отмечали его глубокий ум и умение оставить о себе положительное впечатление.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX века шла активная борьба за объединение Италии. Имя Д. Гарибальди пестрело на страницах европейских газет. Идеи национальной независимости активно пропагандировались. Возможно, уловив дух времени, и Матия Бан решил действовать в этом направлении. История комитета Бана не раз привлекала внимание сербских и отечественных ученых¹⁸.

¹⁶ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 331.

¹⁷ АСАНУ. Ф. Историјска збирка. 10572.

¹⁸ Вучковић В.Ј. Неуспела политичка акција Матије Бана 1860.–1861. // Историски часопис 1959. Књ. IX–X. Београд, 1960. С. 381–409; Раденић А. Документација тајног национално-ослободилочког комитета у Београду 1860.–1861. // Годишњак града Београда. Књ. XIV. 1967. С. 61–79; Фрејдзон В.И. О Белградском «комитете» М. Бана (1860–1861) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. С. 100–115.

Бан известил сербское правительство о своих планах. Первое заседание его комитета состоялось в августе 1860 г.¹⁹ На нем присутствовали: Матия Бан, Николай Йованович (Нико Окан)²⁰, Зария Курштич и Дмитрий Голубович²¹. Известно, что сербский митрополит Михаил являлся покровителем комитета. Разумеется, он не мог открыто участвовать в работе этой организации²², поэтому предлагалось назначить его постоянного представителя.

На этом же заседании был принят действительным членом комитета Иван Сергеевич Аксаков, которому было поручено организовать заем значительной денежной суммы в Петербурге на реализацию проекта освобождения Боснии. Знакомство Аксакова с Баном состоялось незадолго до этого. Летом 1860 г. Иван Сергеевич посетил Белград. Тогда Бан и изложил ему свои планы и, заручившись поддержкой митрополита Михаила, получил от Аксакова согласие на участие в организации восстания в Боснии и 3.000 руб.

В архиве Сербии и архиве Сербской академии наук и искусств нами был обнаружен интересный документ — обращение «Боснийцам!»²³, датированный 1860 г. На восьми листах излагается план освобождения Боснии от турецкого владычества. В документе говорится о том, что избавление Боснии от турок возможно осуществить только двумя способами: восстанием самого народа или при помощи извне. Освобождение посредством восстания возможно, но не гарантировано, так как народ не имеет вождя, оружия, разделен на три веры, не ощущает свою народность и единство.

¹⁹ АСАНУ. Ф. Матије Бана. 17. К. 60. 17/5.

²⁰ Николай Йованович (Нико Окан) — выходец из Боснии, бывший сараевский торговец, был активным деятелем комитетов по освобождению сербо-турецких провинций. Позже он являлся ведущим сотрудником Йована Ристича по этому вопросу, курировал сербских агентов в Боснии, Македонии и Старой Сербии.

²¹ На тот момент Голубович был секретарем административного отделения княжеской канцелярии и попечительства иностранных дел Сербии.

²² На тот момент митрополит Михаил находился в конфликте с Обреновичами.

²³ АС. Ф. ПО. 24. 179; АСАНУ. Ф. Матија Бан. 17. К. 60. 17/3.

Наиболее вероятно добиться успеха во втором случае, то есть при помощи другого народа, а именно народа Сербского княжества, но нужна помощь со стороны самих боснийцев. Это дело будет стоить денег и крови. Перед началом боевых действий необходим длительный этап подготовки, так как Сербия в данный момент не обладает достаточной силой и средствами. Следует выждать некоторое время и пригласить к сотрудничеству Черногорию и Грецию. Если же Сербии помогут деньгами, то в течение трех месяцев можно поднять восстание и за один месяц освободить всю Боснию. В этом случае каждый босниец должен принести с собой одно ружье, 200 патронов и все приспособления, необходимые для ухода за оружием. После этого на помощь должны прийти сербы из Хорватии, Славонии, Австрии и Черногории.

Открыто действовать Сербии в деле освобождения Боснии было слишком рискованно, поэтому предлагался план организации движения четников. В документе подробно расписывается устройство и механизмы управления четами (отрядами), выделены округа, в которых они должны функционировать. Таким образом, Босния при тайной поддержке Сербии должна была начать процесс освобождения самостоятельно, расширяя сеть четнических отрядов, а уже на подготовленную почву на помощь пришли бы сербские войска. Вероятно, так выглядел проект тайного комитета Мати Бана.

На подготовку такого масштабного восстания и организацию агентурной сети, по подсчетам М. Бана, требовалось около 100.000 австрийских дукатов²⁴. 10.000 руб. обещал предоставить Аксаков²⁵.

Сербский исследователь деятельности комитета В. Вучкович пишет о двуличности Бана, который в поисках средств обращался и к австрийскому генеральному консулу Боровичко. Он утверждал, что деятельность комитета направлена на присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии. Боровичко отказался поддержать Бана, так как сомневался в его надежности²⁶.

²⁴ Раденић А. Указ. соч. С. 66.

²⁵ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М., 1960. С. 149.

²⁶ Вучковић В.Ј. Указ. соч. С. 391.

Осенью 1860 г. Бан отправился в Вену и посвятил в свои планы М.Ф. Раевского и русского посланника В.П. Балабина. Бан спекулировал темой русско-австрийского соперничества на Балканах, уверив Балабина в готовности принять помощь от Австрии в случае отказа со стороны России²⁷.

Тогда от Раевского были получены первые денежные средства²⁸. В ноябре 1860 г. Бан был назначен председателем комитета и получил все собранные деньги на создание агентурной сети²⁹.

Во время визита Бана к Раевскому тот произвел на русского священника хорошее впечатление. Он увидел в нем умного, порядочного человека, горячо преданного славянскому делу. Там же с Баном познакомился и российский дипломат А.А. Ольхин. Оказавшись в Белграде, последний разузнал подробнее о его личности и решил предостеречь Раевского. Он писал: «Нет ни одного человека, который бы не говорю хвалил, но громко и при всех не ругал его. Затем он пользуется репутацией шпиона всех держав поочередно, а то, пожалуй, хоть в одно и то же время. (...) Влангали³⁰ не выказывает положительно мнения о Бане, но, судя по некоторым отрывочным фразам, кажется, сильно не доверяет ему, а Вадбольский и Березин³¹ откровенно презирают его. Бан приходит в консульство чуть ли не через день, а консульство даже не потрудились узнать его адреса. Будьте же осторожны, глас народа — глас божий»³². Интересно, что М.Ф. Раевский считал Бана православным. Данное письмо изменило его

²⁷ Там же. С. 393.

²⁸ АСАНУ. Ф. Матија Бан. 17. К. 60. 17/9.

²⁹ Там же. 17/15.

³⁰ Александр Егорович (Георгиевич) Влангали (1824–1908) — член Государственного совета Российской империи, дипломат, географ, геологоразведчик, историк. В 1860–1863 гг. — российский генеральный консул в Белграде.

³¹ Леонид Васильевич Березин (1836–1889) — писатель и дипломат. В 1861–1862 гг. — секретарь консульства в Битоле, с 1862 г. — вице-консул. В 1863–1871 гг. — консул в Риеке, в 1872–1879 гг. — цензор С.-Петербургского почтамта. Автор книги «Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница» (СПб., 1879).

³² Зарубежные славяне и Россия. С. 331–332.

мнение об этом человеке. Тем не менее, называя его «болтуном» и «лгуном», он верил в пользу и большую значимость деятельности комитета³³.

Итак, М.Ф. Раевский и И.С. Аксаков стали одними из действующих лиц в работе комитета. В письме Бана к Раевскому от 6 декабря 1860 г. говорится об организации агентурной сети в Боснии и сообщаются ключи для тайной переписки членов комитета³⁴:

книги — ружья
общество словесности — тайный комитет
бумага — порох
библиотека — Босния
председатель общества словесности — Аксаков
попечитель (министр) просвещения — Балабин
представитель — митрополит
белградцы — христиане в Турции
наши люди — турки
корреспондент — агент
школьная комиссия — сербское правительство
попечительство (министерство) финансов — российское правительство
один, два, три (до десяти) — 100, 200, 300
Шабач — Старая Сербия
Крагуевац — Герцеговина
писатели — Мирдита (область в Албании. — *К.М.*)
ученики лицея — боснийские беженцы
Неготин — Хорватия
Пожаревац — Славония
Ужице — Далмация

Нам удалось обнаружить письмо Матии Бана Аксакову от 2 декабря 1860 г., написанное этим шифром³⁵, в котором Бан торопил Ивана Сергеевича с присылкой денег для работы тайных агентов.

В августе 1861 г. Бан вновь отправился в Вену. Вернувшись, на заседании комитета он сообщал, что Горчаков

³³ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 147.

³⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Картон 12. Л. 36–37.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 5–7.

доложил императору Александру II о работе их организации, назвав ее частным предприятием, одобренным князем Михаилом³⁶.

По мнению историка В. Вучковича, многочисленные донесения Бана в Россию и другим членам комитета о его успешной деятельности в Хорватии не имели ничего общего с действительностью. Бан утверждал, что заключил с хорватами договор об организации агентурной сети. На самом же деле он тратил деньги русских благотворителей на личные нужды³⁷, все агенты комитета были мифическими.

Отечественный исследователь В.И. Фрейдзон установил связь комитета Бана с российским правительством и назвал это первой попыткой русско-сербского сотрудничества в 60-е годы XIX в.³⁸ Опираясь на материалы АВПРИ, историк показал, что правительство Российской империи было готово оказывать финансовую поддержку Бану при условии его полного подчинения князю Михаилу. Для Сербии был подготовлен крупный бессрочный и беспроцентный заем в 900 тыс. руб.³⁹ Однако весной 1861 г. князь Михаил временно отказался от своих планов ввиду изменения внешнеполитической ситуации. Шли переговоры Сербии с Турцией о выводе турецких военных гарнизонов из сербских городов. Не состоялись ожидаемые австро-итальянская война и венгерское восстание. Михаил попросил об отсрочке займа и распустил комитет Бана.

Участие В.П. Балабина в акции Матии Бана нанесло урон его карьере и, кроме того, ударило по здоровью. В скором времени дипломат серьезно заболел и ушел со службы. Раевский также был глубоко разочарован и решил на время разорвать контакты с Азиатским департаментом МИД, однако от этого шага его отговорил А.Ф. Гильфердинг⁴⁰.

³⁶ АСАНУ. Ф. Матија Бан. 17. К. 60. 17/27.

³⁷ Вучковић В.Ј. Указ. соч. С. 394.

³⁸ Фрейдзон В.Ф. О Белградском «комитете» М. Бана (1860–1861). С. 100–115.

³⁹ Там же. С. 114.

⁴⁰ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославыне. М., 2011. С. 119–120.

Из дневника австрийского дипломата Б. Каллаи известно, что М. Бан неоднократно предлагал и ему свои услуги, но тот относился к нему с недоверием. То же самое говорится и о Николае Йовановиче⁴¹. Остальные члены комитета заняли хорошие должности в государственных структурах Сербии.

В 1862 г. уже сербское правительство создает специальный комитет, целью которого были руководство и координация деятельности всей сербской пропаганды в славяно-турецких областях. Руководил этой организацией лично И. Гарашанин. Сербские агенты работали в Боснии, Далмации, Герцеговине, Славонии, Хорватии, Македонии, Болгарии и Румынии⁴².

В 1866 г. начинает оформляться Балканский союз. Российская дипломатия активно его поддерживала. Тогда же появляется главный сараевский комитет. Его возглавил Боголюб Петранович. О принципах работы комитета будет сказано ниже. Ведущие роли в его деятельности играли Никифор Дучич и Нико Окан. Как отмечает А.В. Карасёв, этой организации удалось далеко продвинуться в своей работе. Началось формирование повстанческих чет. Сербское правительство получало сведения о расположении турецких войск в вилайете, наличии вооружения. А.В. Карасёв установил, что уже через год работы у сараевского комитета возникли разногласия с Гарашанином, и он был распущен. Позже комитет возобновит работу под контролем Йована Ристича.

В 1867 г. в боснийском вопросе активизируются хорваты. В Загребе под руководством Йосипа Штросмайера создается комитет по подготовке восстания. В его работе принимает участие и Сербия. На австро-боснийской границе разворачивается агентурная сеть. По мнению Гарашанина, 1867 год был самым подходящим временем для поднятия восстания, так как Порта увязла в критском кризисе, а Австро-Венгрия еще не оправилась от поражения в войне с Пруссией. Однако сербский князь отступил от намеченного плана, поскольку Турция и Сербия решали вопрос о передаче княжеству крепостей и выводе из них турецких гарнизонов.

⁴¹ Дневник Бењамина Калаја. 1868–1875. Београд; Нови Сад, 1976. С. 39, 94, 408.

⁴² Карасёв А.В. Россия и Балканский союз. С. 123–126.

И. Гарашанин ушел в отставку. В этот же год Омладина и сербское правительство начали действовать в Боснии по отдельности. Тогда же провалилась попытка совместной работы с хорватами, которым Сербия давала туманные обещания о создании в будущем единого югославянского королевства. Обострились противоречия и с Черногорией. В решающий же момент князь Михаил переориентировался на Австро-Венгрию, пытаясь получить Боснию с ее помощью.

Уже к 1867 г. австрийские планы захвата Боснии и Герцеговины обретают четкие очертания. Эти земли должны были стать компенсацией «материальных и моральных потерь» последних лет⁴³. Б. Каллаи писал в дневнике: «Моя идея, что сербы и хорваты не могут быть друзьями из-за Боснии. Боснийский вопрос — яблоко раздора, которое брошено между ними и может их разделить»⁴⁴. По сути дела, так и произошло.

Переориентация князя Михаила на Австрию привела к охлаждению отношений с Россией. С 1867 г. Сербия, Черногория, хорваты, Омладина начинают действовать в Боснии и Герцеговине разобщенно. В 1868 г. князь Михаил погиб в результате покушения. Его смерть послужила началом окончательного распада Балканского союза.

По мнению сербской исследовательницы С. Раич, в XIX веке князь Михаил был единственной политической фигурой в Сербии, которой Россия могла доверять. Лишь во время его правления русско-сербские отношения были искренними и основанными на взаимном сотрудничестве⁴⁵. Со смертью Михаила постепенно сербская пропаганда в Боснии вытесняется австрийской и русской⁴⁶. Однако нельзя сказать, что Сербия прекратила свою агитационную деятельность в боснийских землях. Новым сербским князем стал 14-летний Милан Обренович, на воинском

⁴³ Медяков А.С. Внешняя политика Австро-Венгрии 1867–1871 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1996. С. 207.

⁴⁴ Дневник Бењамина Калаја. С. 116.

⁴⁵ Рајић С. Спољна политика Србије између очекивања и реалности (1868–1878). Београд, 2015. С. 64.

⁴⁶ Там же. С. 370–372.

штандарте которого было начертано: «Свобода и объединение сербского народа».

Реализацию плана Гарашанина продолжил Йован Ристич. До 1867 г. он представлял интересы Сербии в Константинополе, вернувшись, занимал посты председателя совета министров и министра иностранных дел. С 1868 по 1872 г. был членом регентства при малолетнем князе Милане. Затем

Йован Ристич

стал премьер-министром. Помощь в решении боснийской проблемы ему оказывали уже знакомые люди: Н. Окан, Н. Дучич, Б. Петранович⁴⁷.

В 1868 г. в Белграде под руководством Н. Дучича начал работу комитет по вопросу школ и учителей в Старой Сербии, Македонии и Боснии и Герцеговине. Культурно-просветительская деятельность в этих областях Османской империи финансировалась министерством иностранных дел Сербии. В состав комитета входили Панта Сречкович, Милош Милоевич и Стоян Новакович (в 1872–1873 гг.)⁴⁸

Николай Йованович (Н. Окан) отвечал за агентурную сеть в Боснии, отстаивая идею освобождения региона при помощи Сербии. Княжеству требовалось вложить, по его убеждению, значительные средства в организацию агентурной сети и подготовку чет, и при этом оно не должно было иметь никаких официальных связей с Боснией. Действовать предлагалось через частных лиц⁴⁹. Были попытки заключения союза с недовольными османскими властями боснийскими бегами⁵⁰.

В 1871 г. Н. Дучич писал Н.А. Попову, что объединения Сербии и Боснии можно достичь только с русской помощью.

⁴⁷ Подробнее о сербских планах относительно Боснии и Герцеговины и политике России по этому вопросу в 1867–1878 гг. см.: *Леовац Д.* Указ. соч. С. 266–288; *Рајић С.* Указ. соч. С. 275–284.

⁴⁸ *Рајић С.* Указ. соч. С. 275–277.

⁴⁹ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/28.

⁵⁰ *Рајић С.* Указ. соч. С. 277–278.

От России требовались: 1) моральная и финансовая поддержка; 2) невмешательство в момент начала войны с турками; 3) в случае вступления Австро-Венгрии в войну Россия должна была вторгнуться или в Галицию, или на Босфор. Дучич был убежден, что будущее южного славянства может решить только «русский брат». В случае победы Россия обретет хорошего союзника с населением в 15 миллионов человек⁵¹. За связи с Россией, в особенности со Славянским комитетом, отвечал митрополит Михаил.

В 1873 г. на посту председателя совета министров Сербского княжества Ристича заменил Йован Маринович. Он не разделял стремлений своего предшественника к организации восстания в Боснии. Об этом в ноябре 1873 г. в донесении к директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову сообщал генеральный консул России в Белграде Н.П. Шишкин: «Председатель Совета министров с обычной в отношении со мной откровенностью рассказал мне подробности своих первых свиданий, с являвшимися к нему, как к министру иностранных дел, тайными агентами из Боснии и Военной границы. Из рассказов г[осподина] Мариновича обнаруживается, что его предшественник (Й. Ристич. — К.М.) хотя и старался в личных беседах с народными поверенными успокаивать порывы их нетерпения, но поддерживал в них и вообще во всем населении Боснии и Герцеговины надежду, что Сербия готовится неустанно к поднятию восстания для их освобождения и ждет только благоприятной минуты для начатия действия. Сверх того г[осподин] Ристич употреблял для сношений своих с единоплеменниками людей, как, например, митрополит Михаил, архимандрит Дучич и лозницкий протоиерей, которые, не имея точного понятия о настоящем состоянии военных приготовлений Сербии и веря искренности бывшего министра-председателя, давали волю своему воображению и поддерживали в легковерном населении соседних областей Турции брожение умов. (...) Министр-председатель (Й. Маринович. — К.М.) объявил пришедшим к нему за советом, что Сербия, к сожалению, не в состоянии поддержать движение, которое они желали бы начать, и что сверх того

⁵¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 8. Ед. хр. 33. Л. 7–11.

настоящие политические обстоятельства и преобладающее во всех европейских кабинетах желание спокойствия и мира крайне неблагоприятны для мероприятий, подобных замышляемому ими»⁵². Шишкин поддерживал данную позицию, но полагал, что соседи уже не простят сербам отступления в случае возникновения волнений.

Российские консулы в Боснии и Герцеговине полагали, что попытки Сербского княжества организовать восстание в этом регионе не приведут ни к чему хорошему, и всячески пытались удержать местное население от участия в волнениях.

Сербское княжество и организация православного образования в Боснии и Герцеговине

Роль Сербии в организации сети православных школ в Боснии и Герцеговине

Открытие школ для православного населения в славяно-турецких областях и обучение выходцев из этих регионов в Сербии и России играло ключевую роль в деле воспитания просербски настроенного боснийского общества.

Документы Архива Сербии, связанные с деятельностью министерства просвещения и Белградской митрополии в Боснии и Герцеговине, а также материалы из фонда Йована Ристича Архива Сербской академии наук и искусств позволяют проследить процесс установления контактов и механизмы сотрудничества сербского правительства с сербами из Боснии и Герцеговины. Судя по их содержанию, взаимоотношения строились следующим образом: из турецкой области направлялось прошение о помощи в министерство просвещения Сербии или же в Белградскую митрополию. Оно должно было пройти следующий путь: адресат — министерство просвещения — княжеская канцелярия. В конечном итоге решение об оказании помощи принималось непосредственно правительством Сербии. В некоторых случаях

⁵² АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 1390. Л. 161–162 об.

ответ был заверен подписью князя. Все просьбы можно подразделить на несколько групп: 1) помощь учебным заведениям (денежное вспомоществование, обеспечение учебными пособиями, комплектование штата учителей); 2) помощь церковным учреждениям; 3) оказание помощи частным лицам (устройство на учебу, финансовое вспомоществование для учителей, поддержка гонимых турецкими властями православных священников).

Как уже говорилось выше, эти просьбы хлынули в Сербию с возвращением к власти династии Обреновичей. На их поток и характер оказывало влияние положение дел в княжестве. Так, к примеру, не удалось обнаружить ни одного прошения из славяно-турецких областей в фондах Белградской митрополии и министерства просвещения за 1862 год. Как известно, в этот год произошел конфликт между сербским правительством и Портой, был обстрелян Белград.

Первые шаги Сербии как благотворителя были не очень удачными. Зачастую деньги не доходили до адресата, или же их использовали не по назначению. Так, учителя, получив финансовую помощь, покидали бедные деревушки и переезжали в более благоприятные для жизни края. Это вынуждало прибегать к поиску агентов-контролеров, которые сообщали бы о том, вызывает ли доверие человек, направивший какую-либо просьбу, стоит ли положительно решить его вопрос и по назначению ли были истрачены предоставленные средства. Но были и позитивные примеры. Попытки взрастить просербски настроенную образованную прослойку в Боснии, Герцеговине, Болгарии, Старой Сербии, Македонии зачастую удавались.

В 1860-е годы посредниками в делах такого рода начинают выступать российские дипломаты. Так, консулы в Сараеве А.Н. Кудрявцев и в Мостаре Н.А. Иларионов вели переписку с сербским митрополитом Михаилом⁵³ и сообщали о порядке распределения присланных из Сербии книг, давали оценку местным учителям. Через российских дипломатов не только передавались деньги, книги и прочая помощь, но и шла информация о том, кому стоит оказать поддержку и каким образом проситель израсходовал

⁵³ АС. Ф. МБ. 1869. 935; АС. Ф. МБ. 1869. 953.

присланные деньги. Таким образом, российские дипломаты становились своеобразными агентами — посредниками между Сербией и Боснией и получали возможность контролировать сербскую культуртрегерскую работу на местах.

В свою очередь, митрополит Михаил делился планами по организации просветительской деятельности в Боснии, и в частности в 1865 г. об учреждении семинарий в Сараеве, Житомирлице, Призрене. Он полагал, что в них следует преподавать следующие предметы: сербская грамматика (старая, но ни в коем случае не новая), славянская грамматика, география, арифметика, всеобщая история, история сербского народа, пространный катехизис, библейская и церковная история, догматика, нравственное богословие, литургия, пастырское богословие, пение и каноническое право. Курс обучения — три года, в штате каждой семинарии — по три профессора, воспитатель и ректор. Дети состоятельных родителей должны платить за квартиру и содержание, а сироты — обучаться за счет сербских и русских благотворителей. Православным жителям епархий следует, с позволения правительства, платить ежегодно по одному грошу на содержание семинарий. Учебные книги предполагалось доставлять из Сербии бесплатно⁵⁴.

«Вся масса православного народа в боснийском вилайете погружена в самое глубокое невежество. Это невежество отнимает у христиан дух братства и взаимной поддержки, без которого улучшение будущности невысказано», — писал консул А.Н. Кудрявцев в Славянский комитет в 1868 г.⁵⁵ Как уже говорилось выше, школьный вопрос стоял в Боснии и Герцеговине очень остро. Вторая половина 1850-х годов стала временем своеобразного бума в строительстве школ. Первая средняя школа появилась в Сараеве в 1855 г., она готовила торговцев. Следом, в 1858 г., открылась духовная школа при монастыре Житомирлиц⁵⁶. К этому времени в Боснии и Герцеговине уже насчитывалось около

⁵⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 35. Отд. II. Стол 2. Д. 146. Л. 2–7.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 117.

⁵⁶ *Скарић В.* Изабрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985. С. 55–60.

20 школ для православного населения⁵⁷. На конец 1859 г. в Боснийском пашалыке работало 35 школ — 33 для мальчиков и две для девочек (в Сараеве и Тузле)⁵⁸. В 1866 г. эта цифра выросла до 60. К 1869 г. в Боснии действовало пять мужских школ и одна женская; они располагались в Сараеве, Тегине, Баня-Луке и Брчко. В Герцеговине к этому времени действовали школа в Мостаре и небольшое училище при монастыре Житомыслич. Остальные учебные заведения были малы и плохо устроены. По данным австрийского консула в Сараеве Зоретича, в 1860-е годы из 1.200 тыс. населения только 46 тыс. детей посещали школы: 7% из числа мусульманских детей, 0,4% от общего числа католиков, 0,75% от числа православных⁵⁹. На 1874 год в Боснийском вилайете работало 113 школ для христианских детей (православных, католиков и протестантов) на 4.188 мальчиков и 1.339 девочек⁶⁰.

С середины 1850-х годов из Боснии в Сербию поступает множество прошений о помощи школьному делу. Эти документы позволяют составить представление о проблемах образования в Боснии.

Обратимся к тексту прошения представителей общины Сеницы к сербскому министру просвещения. Первое письмо относится к весне 1866 г.⁶¹ Среди всех своих бедствий самым губительным его авторы называют отсутствие школы для детей и места, где бы христиане могли проводить богослужения. По великим церковным праздникам жители Сеницы отправлялись на развалины старой церкви и там славилы Бога. Для восстановления предлагалась церковь в местечке Лопижи, возведенная когда-то местными

⁵⁷ Хевролина В.М. Документы архивов СССР об истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-х годах // Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 99.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2323. Л. 157–160.

⁵⁹ Хевролина В.М. Документы архивов СССР об истории школьного дела в Боснии и Герцеговине. С. 108.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2336. Л. 75–76 об.

⁶¹ АС. Ф. МПс. 1868. II. 169.

жителями во главе с попом Ильёй⁶². При церкви начинала работу и школа. Однако Илья вынужден был бежать вместе со своей семьей от преследования турок. В момент, когда османские власти разрешили воздвигать и восстанавливать церкви, община хотела завершить начатое дело, но, не имея никакой финансовой поддержки со стороны турецких властей, жители были вынуждены обратиться за помощью к Сербии.

После долгих разбирательств и пересылок прошения из одного ведомства в другое, в ноябре 1866 г. сербский князь Михаил Обренович подписал указ о выдаче 2.000 грошей на восстановление церкви и открытие школы в Сенице⁶³. До адресата денежная помощь дошла лишь в феврале 1867 г.⁶⁴ За ходом строительства следил секретарь суда Сеницы Шачир-эфенди, он же отправлял отчеты в Сербию. Из текста одного из таких посланий известно, что к ноябрю 1867 г. школа была готова и укомплектована книгами, присланными из Сербии. Прибыл и учитель, весьма разочаровавший Шачир-эфенди. Он застал педагога в школе восседающим на столе в изорванных опанках и с вицей⁶⁵ в руках. По последнему «инструменту» обучения детей секретарь суда понял, кто перед ним. Преподаватель сообщил, что его зовут Йово и он родом из Боснии. Дальнейший диалог не состоялся — учитель и секретарь суда разошлись, не сумев договориться, после чего последний отправил письмо с просьбой прислать хорошего преподавателя, сообщив о том, что Йово толком и писать-то не умеет⁶⁶. В конце марта 1868 г. представители местной общины опять обратились с прошением к сербским властям⁶⁷. Выяснилось, что в местной школе обучается 50 детей. Вновь поднимался вопрос об учителе, знания которого оставляли желать лучшего, а кроме того, просили оказать финансовую помощь, жалуюсь на притеснения со стороны турок.

⁶² О русской помощи этому региону речь шла во второй главе.

⁶³ АС. Ф. МПс. 1868. II. 169.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Опанки — сербская кожаная обувь, вица — розга.

⁶⁶ АС. Ф. МПс. 1868. II. 169.

⁶⁷ Там же.

Была школа и при монастыре Папрача в Боснии⁶⁸. В ней обучалось 15–20 детей из бедных семей. Они также получали помощь от правительства Сербии. Так, известно, что в 1859 г. туда был направлен комплект учебной литературы⁶⁹. Работала уже упомянутая школа при монастыре Житомыслич, который находился в трех часах езды от Мостара. К занятиям допускались и девочки⁷⁰. В 1860-е годы школа содержалась в основном на русские деньги.

Главным центром просвещения в Герцеговине был город Мостар. Долгое время только здесь располагалось единственное на весь регион учебное заведение. Мостарской школе А.Ф. Гильфердинг уделил много внимания в своем сочинении «Босния, Герцеговина и Старая Сербия». О ней упомянул в воспоминаниях и некогда учившийся там Йован Пичета: «Убога была школа, состоявшая из двух невзрачных комнат, по своему внешнему виду, а еще более по школьным принадлежностям, которые почти отсутствовали в ней. Не богат был сведениями и школьною опытностью и обучавший в ней нас начетчик»⁷¹.

Православная община Мостара была самой крепкой и сплоченной в Герцеговине. Для постройки новой школы были приглашены мастера из Далмации; появились и новые учителя, выпускники белградской семинарии. В 1856 г. в Мостар приехали два иеромонаха Дужского монастыря — Никифор Дучич и Серафим Перович. В 1856 г. они обратились в Белградскую митрополию с просьбой отпустить их из монастыря и выдать им на дорогу денежные средства, что и было сделано⁷². С их приездом в Мостаре жизнь закипела, и вскоре в школе появилось уже четыре класса. Именно сюда и попал А.Ф. Гильфердинг. В донесении к Е.П. Ковалевскому от 17 мая 1857 г. он писал: «После обедни мне показали прекрасно устроенную первона-

⁶⁸ О русской помощи монастырю Папрача речь шла во второй главе.

⁶⁹ АС. Ф. МПс. 1859. XII. 8.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 93.

⁷¹ Пичета Й. Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца прот. Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 2. С. 218.

⁷² АС. Ф. МБ. 1856. 383; АС. Ф. МБ. 1856. 432.

чальную школу, заведенную с прошлого года при мостарской церкви, и которая, хотя едва начала свое существование и имеет самые недостаточные средства, оказывает уже благотворное влияние на здешний народ»⁷³.

В 1860 г. представители мостарской общины обратились к сербскому митрополиту Михаилу с просьбой прислать к ним управителя для школы и комплект книг, в который бы входили: букварь, псалтырь, собрание молитв, краткий катехизис, книга для чтения, пособие по мировой истории, арифметика, краткая история сербов и пособие по географии Сербии и Турции⁷⁴. Именно такой набор литературы обычно поставлялся из княжества в учебные заведения Боснии и Герцеговины.

Чаще всего турецкие чиновники не обращали внимания на тексты присылаемых пособий, но в 1865 г. боснийский вали Осман-паша поручил своему помощнику, хорошо знавшему сербский язык, ознакомиться с содержанием сербских книг в сараевской школе для мальчиков. В результате проверки выяснилось, что все они имеют антитурецкую направленность. К примеру, Косовская битва описывается в них как трагическое событие, а турки характеризуются как ненавистные враги сербского народа. Выявив такое «вероломство» со стороны Сербии, местные власти закрыли школу и устроили проверку всего учебного материала⁷⁵. Неясно, почему турки не догадались провести подобную ревизию раньше. Вероятно, произошедшее имело целью устранить тогдашнего директора школы Нико Павловича. Неудобен местным властям он стал после того, как начал шпионить в пользу Австрии. О его связях с сербским освободительным движением знали и ранее; о них упоминал в своих донесениях российский консул Шулепников.

Посредником при передаче учебной литературы в школу города Травник выступал выпускник белградской семинарии Васа Пелагич. Об этом известно из письма местного учителя

⁷³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 40.

⁷⁴ АС. Ф. МБ. 1860. 1033.

⁷⁵ *Tenuš I.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 500.

Стефана Сараевича⁷⁶. Последний был родом из Сараева, впоследствии его семья переехала в Ужице. Он был из числа «питомцев» сербского правительства, окончил три класса гимназии в Белграде, а затем отправился учительствовать в Боснию, где год проработал в Сараеве и два года в Травнике. Всё это время С. Сараевич не имел возможности видеться с семьей. Из-за маленькой заработной платы и плохого положения дел дома он обратился к сербскому правительству с просьбой отпустить его к родным в Ужице и выделить денег на дорожные расходы. Кроме того, Сараевич писал об опасном положении, в котором находятся все учителя, прибывшие из Сербии, и об их бегстве из Боснии⁷⁷.

Жизнь учителей в турецких областях действительно не была легкой. Несмотря на то, что, как правило, их обеспечивали жильем и денежным содержанием, средств всё равно не хватало. О тяжелых условиях труда пишет в своем письме в министерство просвещения учитель из Оча (Герцеговина) Михаил Джорджевич⁷⁸. Он получил образование в Сербии, находился под покровительством митрополита Михаила. Согласно договору вернулся на родину и приступил к учительской деятельности. Однако денег, выделяемых ему сербским правительством в качестве платы, было явно недостаточно. Джорджевич сообщал, что он осознает всю важность его миссии и готов служить, но жить на мизерную зарплату невозможно. В связи с этим он просил обеспечить школу учебными материалами и наладить оказание материальной помощи учителям, бывшим «питомцам» сербских учебных заведений. При этом он ссылаясь на пример своих коллег из Старой Сербии, которые получали финансовую поддержку от сербского правительства.

Бывали и случаи бегства молодых учителей из Боснии. Об одном из них рассказывает письмо боснийского митрополита Дионисия, направленное митрополиту Михаилу в Сербия⁷⁹. В тексте послания говорится о двух выпускни-

⁷⁶ АС. Ф. МПс. 1868. IV. 1131.

⁷⁷ Там же. 1869. IV. 727.

⁷⁸ Там же. 1866. I. 200.

⁷⁹ Там же. Ф. МБ. 1860. 862.

ках белградской семинарии, которые вместо того, чтобы отправиться учительствовать на родину, куда их послало сербское правительство, сбежали в Далмацию.

Были и другие случаи. Некоторые сербы, веря в идею объединения, приезжали добровольно на работу в Боснию. Подобная история произошла в Брчко, причем приезжий учитель, Стеван Янкович, был родом из Австрии, там он получил образование и работал в школе. Его судьбу изменила встреча с В. Пелагичем. Выслушав рассказы о тяжелом положении многострадального сербского народа в Боснии, нехватке преподавателей, С. Янкович перебрался в Брчко и устроился там на должность учителя. В письме в Белградскую митрополию он сообщил, что три года проработал в местной школе, но попал в тяжелое финансовое положение и не может прокормить свою большую семью (у него было четверо детей). Он просил Белградскую митрополию рукоположить его в священники и выделить ему приход. За него ручались и бывшие стипендиаты сербского правительства Деспот Деспотович и Стефан Петкович⁸⁰.

Политика Сербии имела целью возвращение сербской национальной идеи в местном населении, но средств и сил на это не хватало. Ощущалась острая нехватка учителей, а положение их было незавидным. С 1868 г. количество прошений о помощи из Боснии и Герцеговины в Сербию резко сократилось. Однако работа княжеских комитетов в Боснии продолжалась.

Следует отметить, что помощь оказывалась далеко не всем школам и учителям. К вопросу распределения средств подходили продуманно. Выбор места не был случайным, поскольку преследовались не только просветительские, но и политические цели. В упоминавшемся выше архивном фонде Йована Ристича хранятся донесения агентов из разных уголков Боснии и Герцеговины, в них подробно обозначены места, для которых представляются наиболее выгодными открытие и поддержка школ. Учебные заведения должны были стать, по мнению авторов донесений, центрами для подготовки чет, а учителя — потенциальными командирами повстанческих отрядов.

⁸⁰ Там же. 1869. 492.

Большая часть корреспонденции сербских агентов проходила через российские консульства как дипломатическая почта, что избавляло ее от излишнего внимания со стороны турецких властей. В переписке использовались специальные шифры с применением кодовых слов. Интересно, что, предполагая передавать сообщения через российское консульство, сербы намеревались скрывать от российских дипломатов их содержание, маскируя письма под частную корреспонденцию⁸¹.

Одним из деятелей комитета по освобождению Боснии был известный собиратель сербского фольклора Боголюб Петранович. В декабре 1869 г. его направили в Сараево. Оттуда Петранович посылал в Белград донесения, которые попадали на стол к Й. Ристичу. Петранович сообщал, что разработанная комитетом схема успешна⁸². Местные сербы хорошо организованы в специальные ячейки и готовы поднять восстание в любую минуту. Агитаторской деятельностью и контролем за работой ячеек занимались Савва Косанович, Яков Вукович, учителя Миливой Божич, Коста Ристич и Нико Павлович.

Работу с крестьянами окрестных деревень вел лично Петранович вместе со священником, учителем сараевской школы Саввой Косановичем. Как уже говорилось выше, последний очень хорошо зарекомендовал себя и претендовал на должность постоянного агента с денежным окладом. Б. Петранович передал ему тайный шифр, которым предполагалось вести переписку с Никой Оканом и Симой Чайкановичем. Эту секретную корреспонденцию сербские патриоты планировали передавать через российское консульство. В постоянном денежном пособии Косановичу было отказано, но известно, что он получал от сербского правительства разовые выплаты за выполнение определенных поручений⁸³.

Из письма Петрановича видно, как организовывались четнические отряды⁸⁴. Каждая чета формировалась на базе

⁸¹ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XVII/1. 17/6.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. XXVI/7. 426.

⁸⁴ Там же. XVII/1. 17/6.

школы. Руководителем отряда выступал местный учитель⁸⁵. Деньги на содержание школ поступали от Московского славянского благотворительного комитета и от сербского правительства. Примечательно, что сербы княжества старались выдержать баланс в этом вопросе. Так, если в местность, важную для них со стратегической точки зрения, отправлялась помощь из России, туда рекомендовалось послать сумму, превышающую размер русской субсидии. На специальную подготовку учителя также уходила значительная сумма денег. Он должен был быть благонадежным человеком, способным подготовить к вооруженной борьбе свою чету.

В письме Петрановича речь шла о следующих местностях: Чипулица, Купрес, Ливно, Пролог — здесь предполагалось готовить четы для борьбы с Австрией. Говорилось также о необходимости организовать чету в Грахово. Петранович предполагал осуществить эту миссию вместе с граховским попом Скакичем и рядом агентов из Книна. Если посмотреть на карту восстания в Боснии и Герцеговине в 1875 г., то можно увидеть, что именно эти местности были основными очагами сопротивления. Характерно при этом, что они совпали с теми областями, куда поступала помощь из Сербии и России. Нужно сказать, что исключение составляет лишь Баня-Лука. Поддержку семинарии Пелагича, как уже говорилось выше, оказывал сербский митрополит Михаил.

Выходит, что изначально сербские агенты выбирали наиболее подходящие места для ведения в будущем боевых действий, а затем отправляли в Россию просьбы о помощи учебным заведениям в этих областях. Вряд ли все члены русских благотворительных организаций были в курсе происходящего. Что же касается наиболее активных деятелей, таких как И.С. Аксаков, Н.А. Попов, И.П. Корнилов, А.Ф. Гильфердинг, то они прекрасно знали, что скрывается за каждой отдельной просьбой. Это объясняет активную деятельность Аксакова в этом вопросе и отстранение Гильфердинга от боснийских проблем. Последний считал, что местное общество незрело, и будущее восстание не приведет ни к чему хорошему.

⁸⁵ АС. Ф. МПс. 1877. II. 144.

Россия стремилась к сотрудничеству с Сербским княжеством в деле просвещения православного населения Боснии и Герцеговины и полностью поддерживала его в этом вопросе. Российский консул в Сараеве Кудрявцев писал в Славянский комитет: «Мы должны дать книги, одежды и утвари в места, куда российское правительство или частные жертвователи не посылали их. Мы должны позаботиться, чтобы при больших приходах открыты были школы и чтоб в эти первоначальные училища поступали наставниками молодые сербы, учившиеся в Белграде. Эти молодые люди будут очень полезны, если принесут с собой терпение и сдержанность. Чтобы не обратить внимания турецкого правительства, боящегося как огня сербских путеводителей, надобно разместить учителей на далекие друг от друга расстояния. Надобно поручить им учить народ прошлой истории, причинам поражения 15 июня 1389 года (битва на Косовом поле. — К.М.), современному движению народов, единодержавию России, соединению большей части родственных между собой народностей под одно знамя и правление»⁸⁶. Консул предлагал взять под патронаж 20 училищ, выделяя по 50 червонцев на каждое из них. Учебную литературу предлагалось поставлять из Сербии.

По сообщениям дипломатов, русская помощь усиливала подозрения турецких властей к деятелям боснийского просвещения. В учителях Порты видела главное орудие панславизма и его пропаганды. Так, после истории с семинарией Пелагича российские дипломаты, отправляя в Славянский комитет просьбы о финансовой поддержке учебных заведений, просили не афишировать их. Посылая прошение учителей сараевского мужского училища в Московский славянский комитет, Кудрявцев писал: «Считаю долгом просить не предавать гласности ходатайства сараевских учителей, которые сочтены были бы турецким правительством за эмиссаров России и которые подведены были к необходимости оставить Боснию и свой народ»⁸⁷.

Несмотря на сотрудничество с Россией, сербское правительство стремилось по мере возможностей действовать

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 119.

⁸⁷ Там же. Л. 6.

самостоятельно и опасалось проявлений излишних прорусских симпатий среди населения Боснийского вилайета. Митрополит Михаил же полностью полагался на Россию, веря, что только с ее помощью можно добиться освобождения турецких славян.

Обучение молодежи из Боснии и Герцеговины в Сербии

В Белграде была налажена система обучения славян из Боснии и Герцеговины. Она работала следующим образом. По прошению видных боснийских священнослужителей, общественных деятелей или же по совету российских консулов в Сербию отправлялась группа мальчиков для прохождения курса обучения. Чаще всего двери для турецких славян открывала белградская семинария. Молодые люди находились полностью на обеспечении сербского правительства, получали жилье и стипендию. После прохождения курса они были обязаны вернуться на родину и трудиться на благо просвещения своего народа.

В 1857 г. будущий сербский митрополит Михаил обратился к министру просвещения Сербии с предложением выделить денежные средства на обучение молодых людей из Боснии, Герцеговины и Старой Сербии в белградской семинарии⁸⁸. В декабре 1857 г. из министерства пришел положительный ответ. Мальчикам назначалось годовое содержание в 720 талеров. В эту сумму входили средства на учебные материалы, жилье, мебель и одежду.

На основании хранящихся в Архиве Сербии документов о работе семинарии можно реконструировать как процесс обучения, так и дальнейшую судьбу учащихся из турецких областей.

Возраст при поступлении таких стипендиатов колебался от 15 до 20 лет⁸⁹. В среднем в семинарии

Митрополит Михаил

⁸⁸ АС. Ф. МБ. 1858. 864.

⁸⁹ Там же. 723.

училось около 25 мальчиков из всех славяно-турецких областей. Так, в 1865 г. из 23 человек 10 были родом из Боснии и один из Герцеговины (Мостар)⁹⁰. По сравнению с другими регионами представители этой области составляли большинство.

Список учащихся белградской семинарии из Боснии и Герцеговины, находившихся на правительственном попечении сербского правительства в 1858–1859 гг.⁹¹

	Имя	Происхождение	Возраст	Класс
1	Сима Пепич	Из семьи крестьянина (Герцеговина)	23	4
2	Илия Ставрич	Мать – вдова (Босния)	18	3
3	Савва Косанович	Из бедной семьи (Герцеговина)	19	3
4	Сима Чайканович	(Босния)	19	3
5	Василий Стефанович	Из бедной семьи (Босния)	17	2
6	Илья Спасович	Из бедной семьи (Босния)	19	2
7	Николай Йованович	(Босния)	19	2
8	Джордже Стоиславлевич	Из бедной семьи (Герцеговина)	20	2
9	Никола Лукич	(Босния)	19	1
10	Василий Андрич	Из семьи крестьянина (Герцеговина)	20	1
11	Максим Крестич	Из семьи крестьянина (Босния)	18	1
12	Сима Илич	(Босния)	19	1

Содержание этих 12 учащихся обходилось казне в 840 талеров в месяц. Выделяемых на учебу денег хватало не всегда. Зачастую ученики из Боснии и Герцеговины, получившие стипендию для обучения в Сербии, обращались в министерство просвещения с просьбой оказать им материальную помощь⁹².

Ученики семинарии на каникулы отправлялись в разные монастыри на своего рода практику. Так, Василий Стефанович отправился в Равницу, Сима Пепич в Манасию, Савва

⁹⁰ Там же. Ф. МПс. 1866. VII. 1503.

⁹¹ Там же. Ф. МБ. 1858. 723.

⁹² Там же. Ф. МПс. 1860. VII. 1246.

Косанович во Врачаницу, Николай Йованович в монастырь Драча, Илия Спасович в монастырь Грачаница⁹³.

Проследим, как сложилась судьба некоторых «питомцев» белградской семинарии и сумели ли они оправдать возложенные на них надежды сербского правительства.

Доподлинно известно, что из вышеприведенного списка учеников семинарии трое были агентами сербского княжества. Двумя из них стали Савва Косанович и Николай Йованович, о которых говорилось ранее.

Вероятнее всего, Сима Чайканович также сотрудничал с сербскими комитетами по освобождению Боснии. Его донесения попадали на стол к Й. Ристичу. Чайканович работал учителем в Сараеве. Английская путешественница и просветительница мисс Ирби удостоила его похвалы.

Больші́х успехов добился Илия Ставрнич. По завершении учебы в белградской семинарии он был отправлен в Россию, где окончил Киевскую духовную академию. После этого Ставрнич вернулся на родину и при содействии митрополита Михаила, российского консула Ивана Степановича Ястребова и торговца Симы Андреевича Игуманова открыл семинарию в Призрене. Он же стал первым ректором этого учебного заведения⁹⁴.

Василий Андрич уехал на родину и занялся преподавательской деятельностью, но попал в очень сложную ситуацию. В 1867 г. о своем тяжелом положении он оповещал министерство просвещения Сербии⁹⁵. В 1866 г. на него поступил донос от начальника Подринского округа, в котором говорилось о том, что он предавался пороку пьянства. Для выяснения всех обстоятельств в село Трешник, где преподавал Андрич, была направлена комиссия, которая действительно нашла его в состоянии алкогольного опьянения. В результате разбирательства он был отстранен от преподавательской деятельности. Школа была закрыта, а бывший

⁹³ Там же. Ф. МБ. 1858. 400.

⁹⁴ Бован В. Срби из Босне и Херцеговине — просветни и национални радници у Старој Србији од шездесетих година XIX века до краја турске владавине // Зборник за историју Босне и Херцеговине. Т. 6. Београд, 2009. С. 91–99.

⁹⁵ АС. Ф. МПс. 1861. IV. 772.

учитель остался без средств к существованию. Он направил письмо к министру просвещения Сербии, в котором утверждал, что всё произошедшее — не что иное, как козни капитана (начальника Подринского округа). После случившегося Андрич устроился в другую школу, но и там он вскоре потерял место, на этот раз потому, что отец одного из учеников пригласил на эту должность другого учителя из Сербии, знающего немецкий язык. В поисках заработка Андрич часто переезжал. В конце концов сербское правительство сжалилось над своим бывшим «питомцем» — ему простили провинности, выдали денег и отправили учительствовать в одну из боснийских деревень⁹⁶.

Как уже говорилось выше, политика Сербии состояла в воспитании просербски ориентированных кадров, которые, вернувшись на родину, должны были способствовать пропаганде идеи объединения сербства. Воспитание и обучение жителей Боснии и Герцеговины должно было идти по соответствующей программе.

В 1867 г. министр народного просвещения Сербии К. Цукич издал распоряжение, по которому все сербы из Боснии и Герцеговины и Старой Сербии, получившие образование в княжестве на средства правительства, были обязаны возвращаться на родину. На тот момент в белградской семинарии обучалось 64 ученика из славяно-турецких провинций⁹⁷.

Священниками стать хотели далеко не все. Нередко ученики семинарии просили о переводе их в гимназию⁹⁸ или отправке домой, при этом ссылаясь и на ухудшение здоровья. Из Белградской митрополии в министерство просвещения отправлялись письма примерно такого содержания: Савва Николич — ученик второго класса семинарии в 1870 г., родом из Герцеговины, по состоянию здоровья не может больше продолжать обучение, поэтому просит организовать его отъезд на родину. Оттуда он намеревается отправиться в монастырь Милешево и занять там должность учителя⁹⁹.

⁹⁶ Там же. 1867. I. 194.

⁹⁷ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 13. Ед. хр. 44. Л. 15.

⁹⁸ АС. Ф. МБ. 1869. 732.

⁹⁹ Там же. Ф. МПс. 1870. II. 281.

Часто случалось так, что, пройдя курс обучения, молодые люди просто не хотели возвращаться в Боснию и Герцеговину, где условия жизни были тяжелыми, и бежали в Далмацию или Австро-Венгрию, тем самым нарушая условия «контракта».

В целом же система работала. Многие выпускники семинарии и сербских гимназий возвращались домой и трудились во имя просвещения и объединения всего сербства. Они становились своеобразными агентами Белграда, сообщая о положении дел в регионе, давая характеристики определенным личностям и участвуя в организации восстания за освобождение от турецкого господства. Ярчайшими примерами служат имена Н. Дучича, С. Перовича, С. Косановича, С. Чайкановича, В. Пелагича. Все они были стипендиатами сербского правительства и играли значительную роль в национально-освободительной борьбе Боснии и Герцеговины.

Церковный вопрос в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е годы и Сербия

Несколько слов о митрополитах Боснии и Герцеговины

При рассмотрении этого вопроса следует прежде всего обратить внимание на изменения, произошедшие после принятия хатт-и-хумаюна 1856 г., и на церковное управление в этом регионе.

С 1856 г. христианская церковь в Османской империи попала под защиту международного права. Появилась возможность официально избирать епископов из сербов, а не греков-фанариотов. С 1861 г. было разрешено строительство новых церквей¹⁰⁰.

На территории Боснийского вилайета Османской империи располагались три православные епархии: Герцеговинская (с центром в Мостаре), Дабробосанская (с центром в Сараеве) и Зворницкая (с центром в Тузле)¹⁰¹. Во главе

¹⁰⁰ Веселиновић Р. Историја Српске православне цркве са народном историјом. Књ. 3 (1766–1945). Београд, 2010. С. 227–228.

¹⁰¹ Иногда к Боснии относят и Рашко-Призренскую епархию.

каждой из них стояли митрополиты, и, несмотря на разрешение турецких властей назначать на эти должности представителей сербского населения, по-прежнему их занимали греки-фанариоты или эллинизированные болгары. Власть митрополита основывалась на канонах православной церкви и на берате, полученном от султана по прошению Константинопольского патриарха и Синода. Митрополит мог подвергаться суду только в Константинополе¹⁰². Глава епархии имел несколько источников дохода: собирал налог с населения — мирию, а также дань лично для себя; брал деньги со священников за процедуру рукоположения, за получение прихода и владение им, за освящение новой церкви, крещение, венчание. При этом в Боснии наблюдалась парадоксальная ситуация: люди, называющие себя православными, часто не были даже крещены из-за невозможности заплатить за обряд. Недовольство греческими митрополитами было повсеместным, хотя именно они должны были быть главными защитниками православного населения. Не всегда удавалось находить с ними общий язык и представителям Сербии¹⁰³.

Многие владыки вели себя неподобающим образом. На это обращали внимание европейские путешественники и иностранные консулы.

Как уже отмечалось выше, о недовольстве дабробосанским митрополитом Дионисием I (1856–1860 гг.) много говорил А.Ф. Гильфердинг. Шулепников также характеризовал владыку как человека бесчестного¹⁰⁴.

Занимавший после него митрополичью кафедру Игнатий II (1861–1868 гг.) также не отличался добродетелями.

¹⁰² *Скарић В.* Изабрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985. С. 53–54.

¹⁰³ О состоянии церковного вопроса в Боснии см.: *Данилова Н.П.* Церковная борьба в Боснии в 60–70-х годах XIX в. (по донесениям русского консула в Сараево) // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 233–241.

¹⁰⁴ См., напр., донесение Е.Р. Шулепникова А.П. Бутенёву от 25 марта 1858 г.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2322. Л. 122–125.

Консул Кудрявцев писал о нем в Константинополь Игнатьеву: «Здесь митрополит Игнатий, вместе с помощником своим и протосингелом Вениамином представляют редкий пример безнравственности. Корыстолюбием своим и неприличным поведением люди эти, вместо того, чтобы быть опорой христиан под турецким правительством, окончательно отшатнули от себя народ»¹⁰⁵.

Самым «выдающимся» из плеяды боснийских митрополитов был Дионисий II Илиевич (1838–1894). Он владел сербским языком (его отец был родом из Македонии). Уже в 1865 г., в возрасте 27 лет, стал митрополитом в Тузле. Молодой владыка быстро проявил себя — поползли слухи о его корыстолюбии, непотребном поведении и тяге к воровству. Неоднократно с просьбами оказать финансовую помощь в строительстве церкви обращались к сербскому правительству представители Зворника. Получив деньги, Дионисий в письмах к сербскому митрополиту Михаилу сообщал о неудаче при воплощении этого проекта¹⁰⁶. В 1867 г. он упоминал о случаях воровства присланных денег и бегстве священников с ними в Австрию. Нови-садская газета «Народни лист» уличала Дионисия в растрате этих средств¹⁰⁷. Он писал оправдательные письма митрополиту Михаилу. Обвинение в краже большой суммы монастырских денег всячески отрицал и критиковал авторов статьи, называя их слова продуктом «грубого, адского и гадкого языка», провокацией со стороны Австрии. Вслед за тем поступило письмо из Боснии от бывшего правительственного стипендиата Стефана Тодоровича¹⁰⁸. «Страх и ужас охватил сербство, когда несколькими днями ранее одна сербская газета опубликовала хвалебную статью зворницкому митрополиту Дионисию, главному мучителю борющегося сербства», — начинает Тодорович письмо¹⁰⁹. Дионисия он называет главным гонителем и душителем просвещения в Боснии, иностранным

¹⁰⁵ Там же. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 807. Л. 42.

¹⁰⁶ АС. Ф. МБ. 1867. 653.

¹⁰⁷ Народни лист. Нови Сад. 1867. Бр. 43.

¹⁰⁸ АС. Ф. МБ. 1867. 732.

¹⁰⁹ Там же.

шпионом, подобием Иуды и призывает не верить ни единому его слову. Письмо заканчивается просьбой любыми способами освободить Боснию от этого человека. Деньги на строительство церкви в Зворнике сербское правительство отплатило¹¹⁰. Дионисий же сохранил свой пост.

Занимая кафедру в Тузле, Дионисий плел интриги против дабробосанского митрополита Игнатия, обвиняя его в сожительстве с женой покойного брата. Дионисий даже составил на имя патриарха прошение об отстранении от должности сараевского владыки¹¹¹. В 1868 г. Игнатий скоропостижно скончался.

Дионисий налаживал контакты с османскими властями и подкупил ходжу-баши¹¹² Гавро Вучковича. Последний убедил российского консула в Сараеве Е.Р. Шулепникова хлопотать о назначении Дионисия в Дабробосанскую епархию¹¹³. Еще в 1866 г. Шулепников пытался склонить сараевскую православную общину подать жалобу на Игнатия и просить назначения Дионисия, который, по мнению российского консула, «не уронит своего достоинства перед турками и сумеет заслужить любовь здешних православных»¹¹⁴. В донесениях Шулепников неоднократно говорил о злоупотреблениях и несправедном поведении митрополита Игнатия¹¹⁵.

В итоге в 1868 г. Дионисий возглавил митрополию в Сараеве. О его прибытии в город докладывал Н.П. Игнатьеву уже новый российский консул А.Н. Кудрявцев: «В самый день моего приезда со всей возможной торжественностью въехал в Сараево новый боснийский митрополит Дионисий. Эффект, произведенный им на всех, в особенности на народ, — самый благоприятный. Молодой, свежий и бодрый, с красивой наружностью, чистый славянин, говорящий

¹¹⁰ Там же. 906, 1001, 1376.

¹¹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 36. Отд. II. Стол 3. Д. 36. Л. 3–5.

¹¹² Ходжа-баши — представитель райи, избираемый православной, католической и еврейской общинами.

¹¹³ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2330. Л. 41–42.

¹¹⁴ Там же. Д. 2328. Л. 33–35 об.

¹¹⁵ См., напр.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2328. Л. 50 об.–51.

самым лучшим сербским языком и, сколько заметно, понимающий свое назначение, он, надобно надеяться, оправдает доверие народа и тех, кто действовали к возведению его на престол такой важной епархии»¹¹⁶.

Однако радость от назначения Дионисия митрополитом длилась недолго. Вскрылось, что Г. Вучкович являлся тайным агентом турецких властей, а Щулепников был обманут. Вследствие этого сараевская православная община с негодованием смотрела на российское консульство.

Прибыв в Сараево, Дионисий первым делом начал «охоту» за наследством покойного митрополита Игнатия (15 тыс. червонцев). Главной подозреваемой в сокрытии денег являлась вдова брата Игнатия Еленка Димитриевич. Для расследования дела о наследстве из Константинополя прибыл экзарх. Поздно ночью люди митрополита ворвались в дом Е. Димитриевич с обыском. Не обнаружив искомым средств, они вынесли все ее имущество, включая платье и белье¹¹⁷. На крики женщины сбежалась половина города. На следующий день Димитриевич отправилась за помощью к иностранным консулам. «Дело о белье» невестки усопшего Игнатия приобретало масштабы международного скандала. Консулы просили Дионисия вернуть подозреваемой личные вещи. В ответ на страницах официальной газеты «Босна» появилась нота митрополита Дионисия, обличающая консулов, — их обвиняли во вмешательстве во внутренние дела вилайета¹¹⁸. Агенты иностранных держав нашли такой выпад в свою сторону оскорбительным, потребовали объяснений и извинений. Дионисий продолжал угрожать Димитриевич, по словам очевидцев и его собственным рассказам, при встрече митрополит заявил ей следующее: «Если ты еще раз осмелишься прийти, я возьму палку и сломаю тебе кости, ступай тогда жаловаться к консулам, пускай они тогда тебе помогут»¹¹⁹. Чем закончилась эта история, остается неясным.

¹¹⁶ Там же. Д. 2330. Л. 13.

¹¹⁷ Там же. Л. 45 об., 62 об.–63.

¹¹⁸ Там же. Л. 64 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 46.

На Дионисия поступало множество жалоб от православной паствы. Донесения российского консула в Сараеве А.Н. Кудрявцева пестрят историями о недостойном поведении владыки в духе «Декамерона» Боккаччо. Несоблюдение постов, распевание шуточных французских песенок, танцы, заискивания перед османскими чиновниками, торговля иконами по завышенным ценам¹²⁰, публикация статей антирусской и антисербской направленности в боснийских газетах — самые безобидные из прегрешений владыки. От действий митрополита пострадали передовые умы Боснии и Герцеговины, работавшие на ниве просвещения соотечественников: В. Пелагич, Б. Петранович, С. Перович и многие другие¹²¹.

В 1870 г. скандалом окончился визит Дионисия в Баньский монастырь (Нови-Пазарский санджак). По сообщениям Кудрявцева, владыка в продолжение двух месяцев жил со своими людьми за счет скудных средств монастыря и ежедневно устраивал там оргии¹²². Он занял общедоступные целебные источники и купался там в компании женщин. Проезжающие мимо турецкие солдаты захотели посетить это место, но наткнулись на запертые ворота. Дионисий их обругал и попытался прогнать. В ответ они выломали двери, митрополит успел бежать в последний момент и еле убежать от расправы¹²³.

¹²⁰ Митрополит перепродавал за большую плату иконы, полученные для местных церквей из Константинополя, а также купленные им по низким ценам в Австро-Венгрии. Торговля шла успешно, так как практически не было конкуренции. В 1870 г. до Сараева добралась группа русских крестьян из Владимирской губернии, которые торговали иконами и церковной утварью на Балканах. Местные власти разрешили им продажу икон в церковном дворе, но в последний момент митрополит не пустил их туда. Местная православная община была крайне недовольна таким поведением пастыря. Русские крестьяне покинули Боснию. Подробнее об этом см.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 106–109 об.

¹²¹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2331. Л. 136–137; *Данилова Н.П.* Церковная борьба в Боснии. С. 234–236.

¹²² АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 186 об.

¹²³ Там же. Л. 187–187 об.

Всё это вызывало недовольство в православной среде Боснии. В 1871 г. при посредничестве Кудрявцева сараевская православная община направила константинопольскому патриарху просьбу провести расследование в отношении митрополита Дионисия. В это время в разгаре был греко-болгарский церковный конфликт¹²⁴. Российская дипломатия опасалась, что если Константинополь не отреагирует на жалобы боснийских христиан, то может возникнуть и греко-боснийский церковный вопрос¹²⁵.

Патриарх Григорий VI вызвал Дионисия на судебное разбирательство в Константинополь. Дабробосанский митрополит всячески оттягивал отъезд. Путем обмана, запугиваний и подкупа ему удалось собрать 900 подписей в свою защиту против 150 от сараевской православной общины¹²⁶. Расследовать жалобы христиан в Сараево отправили митрополитов из Зворника и Мостара¹²⁷. Новый константинопольский патриарх Анфим VI в 1871 г. известил общину об оправдании Дионисия. В ответ сараевцы выдвинули ультиматум и добились отстранения митрополита. Но Дионисий так и не понес никакого наказания, более того, к большому негодованию православного населения, ему вернули митрополичью кафедру в Тузле¹²⁸.

Это был беспрецедентный случай в истории Боснии, когда паства добилась удаления из Сараева неугодного митрополита. Большое влияние на решение Константинопольского патриархата оказали греко-болгарский церковный вопрос и вмешательство российской дипломатии.

¹²⁴ См., напр.: *Лилуашвили К.С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978.

¹²⁵ В 1868 г. боснийские христиане отказались поддержать движение болгарского народа за независимость своей церкви. См.: *Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы.* М., 1988. С. 151.

¹²⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2333. Л. 104–106.

¹²⁷ Там же. Оп. 517/2. Д. 2334. Л. 27–27 об.

¹²⁸ *Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875.* С. 296–297.

Вернувшись в Тузлу, Дионисий нисколько не изменил своего поведения. В 1878 г. на страницах «Иллирийских писем» английский путешественник Артур Эванс делился впечатлениями от знакомства с митрополитом, которого он окрестил «благочестивым обманщиком» и «разгульным епископом»¹²⁹.

Место сараевского митрополита занял епископ Зворника Паисий (1871–1874 гг.): родом грек, в возрасте около 60 лет, свободно владеющий сербским языком. К сожалению, биография этого владыки также не сулила ничего хорошего. Несколько лет он был архиепископом в Видине, откуда был изгнан болгарами. Вместе с епископом Мостара расследовал дело Дионисия¹³⁰. Российский вице-консул Я.П. Славолубов характеризовал Паисия следующим образом: «Человек хитрый, коварный, любостяжательный, низкопоклонный туркам и враждебно расположенный к славянам (...), он утратил всякое доверие к себе и вместо уважения, подобающего архиерейскому сану, заслужил всеобщую нелюбовь»¹³¹.

В Герцеговине дела обстояли не лучше. О своеволии «нерадивого, бесхарактерного и весьма ограниченного»¹³² герцеговинского митрополита Григория, занимавшего кафедру с 1854 по 1860 г., сообщали местные жители М.Ф. Раевскому. Митрополит за 10 австрийских дукатов мог моментально устроить развод и обвенчать просителя с новой женой. Он не соблюдал пост и предавался пороку пьянства. Одна девушка забеременела от владыки, и тот попытался выдать ее замуж за своего помощника Йову Дечанца. Однако последний отказался от венчания и поведал мостарцам правду о случившемся. Хуже всего было то, что Григорий никогда не помогал своим единоверцам, отказывался от визитов в меджлис и на прием к паше. Этим он заслужил нелюбовь своей паствы, усмешки от иноверцев и злобу со стороны паши и турецких чиновников¹³³.

¹²⁹ *Evans A.J.* Illyrian letters. Banja Luka, 2008. P. 9–13.

¹³⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 47 об.

¹³¹ См.: Там же. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 629. Л. 5–11.

¹³² Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2323. Л. 47–47 об.

¹³³ РО ИРЛИ РАН. Р. II. БАН. Оп. 3. Ед. хр. 141.

«Лишенный с восстанием большей части православных (1852–1862. — К.М.), лучшей части своих доходов, митрополит Григорий, находясь в бедном положении, старается вознаградить себя, повышая цену на священнические места и обращая назначение священника в какую-либо курию (приход. — К.М.) в совершенный торг», — писал в одном из донесений в МИД консул Щулепников¹³⁴.

Неоднократно предпринимались попытки выдвижения на должность митрополита сербов из Боснии и Герцеговины. Выше шла речь об отказе Саввы Косановича от борьбы за место боснийского митрополита. В период же с 1860 по 1864 г. митрополитом Герцеговины фактически являлся представитель Мостара архимандрит Иоанникий Памучина (1810–1870).

Памучина учился в школах при монастырях Дужи и Завала. В 1829 г. он стал монахом и был направлен в Мостар ко двору герцеговинского митрополита, где стал архимандритом и выучил греческий язык.

С конца 1840-х годов Памучина стал постоянным корреспондентом М.Ф. Раевского. В 1850 г. православная община Мостара обращалась в Россию с просьбой посодействовать назначению Иоанникия митрополитом вместо ненавистного грека Иосифа¹³⁵. Эта акция не увенчалась успехом. Памучине пришлось некоторое время скрываться от преследования турок в Дубровнике. В Мостар он вернулся в 1853 г.¹³⁶

Памучина попал в поле зрения А.Ф. Гильфердинга в 1857 г. Последний перевел на русский язык и опубликовал в России сочинение герцеговинца¹³⁷. В ходе восстания в Герцеговине 1857–1858 гг., в организации которого ложно обвинили российских дипломатов, Памучина выступал в качестве переводчика от имени турецкого правительства. Его попытки

¹³⁴ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2323. Л. 47–47 об.

¹³⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 12.

¹³⁶ Подробнее см.: Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский. С 58–59, 62.

¹³⁷ Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, везира Герцеговинского // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. С. 329–378.

мирным образом договориться с повстанцами не увенчались успехом¹³⁸. Тем не менее его старания принесли пользу, поскольку в представленных для турок донесениях Памучина указывал на отсутствие черногорцев в повстанческом лагере¹³⁹. Это противоречило сведениям, сфабрикованным турецкими военачальниками и английскими агентами, которые, как уже упоминалось, пытались выставить Черногорию главной виновницей волнений в регионе. Такого рода дипломатия привела к тому, что Памучина вновь попал в немилость к мостарскому паше. Позже за содействие в установлении мира в Герцеговине он получил наперсный крест от российского правительства.

В 1860 г. умер герцеговинский митрополит Григорий. При поддержке Сербии и России герцеговинцы начали добиваться назначения на эту должность серба из Герцеговины. Главными кандидатами выступили Никифор Дучич и Иоанникий Памучина. Нужно сказать, что они конфликтовали между собой. В конечном итоге Дучич уступил это право Памучине, но это не устраивало А.С. Ионина, который считал претендента интриганом и писал Раевскому в Вену: «Памучина подличает и оказывается трусом. Плохо, если первый блин (первый сербский митр[ополит]) будет комом»¹⁴⁰.

Константинопольский патриарх отверг кандидатуру Памучины. Интересно, что в этом вопросе мостарцев поддерживал и османский управленец Васиф-паша. В 1860 г. в Герцеговине разразилось очередное восстание. Поскольку из Константинополя новый митрополит так и не был назначен, то фактически до 1864 г. эту должность неофициально занимал Памучина. Он активно сотрудничал с Московским славянским комитетом и М.Ф. Раевским, занимался перераспределением помощи, поступающей из России.

В 1862 г. по случаю Тысячелетия России по инициативе М.Ф. Раевского было решено наградить выдающихся деятелей из зарубежных славян русскими орденами.

138 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 106–111.

139 Там же. С. 118–119.

140 Зарубежные славяне и Россия. С. 178.

Главным кандидатом от Герцеговины являлся Памучина¹⁴¹. 8 сентября его представили к ордену Св. Анны 3-й степени. Инициатива награждения именно Памучины исходила от Гильфердинга¹⁴².

Памучина организовывал отправку соотечественников на учебу в Сербию и Россию. В истории Мостара он известен как благодетель местной школы. Еще в 1869 г. он обратился в Азиатский департамент МИД России с просьбой принять его деньги (800 червонцев) в русский государственный банк, чтобы отчислять полученные проценты мостарской школе¹⁴³.

Добиться назначения в Боснию и Герцеговину митрополита из числа местного клира во времена османского владычества так и не удалось. Это стало возможным только после австро-венгерской оккупации.

В 1863 г. митрополичью кафедру в Мостаре занял Прокопий (1863–1875 гг.), который, по словам российского вице-консула Славолюбова, был крайне недружелюбно расположен к России и всячески это демонстрировал¹⁴⁴. Местные православные жители неоднократно жаловались Славолюбову на митрополита. «По совершении герцеговинским митрополитом прошлым летом объезда по Герцеговине, — писал он, — начали раздаваться жалобы на стеснительные поборы, собираемые им с народонаселения при участии заптие. Ныне по фирману эти жалобы принимают характер открытого неудовольствия. Герцеговинцы, уплачивая взимаемую с них духовную повинность, естественно, требуют, чтобы герцеговинский митрополит служил народным интересам. Не видя же этого, они замышляют приостановить плату этой повинности и, с целью свержения ненавистного всеми владыки, думают отправить в Константинополь депутатов, которые бы ходатайствовали пред Портой о даровании им митрополита сербской национальности. Я прилагаю старание к тому, чтобы отклонить

¹⁴¹ Предлагалась еще кандидатура Никифора Дучича, но его имя было вычеркнуто из списка.

¹⁴² Зарубежные славяне и Россия. С. 132–136.

¹⁴³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 30–30 об.

¹⁴⁴ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 629. Л. 18–19.

мостарцев от столь опасного шага, могущего пагубно отозваться на народе со стороны турецких властей, сильно поддерживающих митрополита Прокопия за его низкопоклонство и за всецелое подчинение им»¹⁴⁵.

Из донесения Славолубова Игнатьеву мы также узнаем о нормах взимания податей с православного населения: «По фирману ему (митрополиту. — К.М.) полагается взимать: а. С каждого дома по 7 пиастров и 28 пар. По нуфусу¹⁴⁶ считается в Герцеговине 6.814 домов. Взимая в вышеозначенном размере, ему приходилось бы 52.467 пиастров 30 пар. Между тем он собирает до 75 т[ысяч] пиастров, чем объясняется то, что количество православных домов простирается свыше 9.700; б. Так называемых эпитрахильных по 10 пар. В Герцеговине 150 священников, итого — 1.500 пар; в. За поставление священника 2 червонца. Взимается же от 6 до 12 червонцев; г. За освящение церкви 2 червонца. Взимается же от 4 до 6 и более червонцев; д. За расторжение брака 50 пиастров *minimum*. Это одна из доходных статей, и владыка охотно раздает разводные акты, не входя в побуждения лиц, ищущих развода, причем он вымогает по возможности большую сумму; е. За совершение им брака — 1 червонец; ж. За совершение погребения — 1 червонец; з. За заупокойную обедню 1 червонец. Таким образом, полагают, что он получает в год дохода до 150 т[ысяч] пиастров»¹⁴⁷.

Из изложенного выше материала очевидно, что с местными митрополитами не могли найти общий язык и работать ни русские, ни сербы.

Православные священники Боснии и Герцеговины и Сербия

Среди местного клира образованные священнослужители (Памучина, Дучич, Перович, Косанович) были исключением. Основная масса служителей православной церкви в Боснии была безграмотной и находилась в тяжелом материальном положении.

¹⁴⁵ Там же. Л. 18–18 об.

¹⁴⁶ Нуфус — жители, народонаселение. В данном случае — перепись.

¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 629. Л. 17 об.–18.

В Архиве Сербии хранятся документы, сообщающие о бегстве священников из Боснии в Сербское княжество. Примером одного такого побега может служить история Йована Марковича, герцеговинца, сына священника из г. Приеполе. В 1867 г. он обратился в Белградскую митрополию с просьбой предоставить ему место в Сербии¹⁴⁸. В прошении он писал, что жизнь для него в Герцеговине опасна и невыносима, жаловался на всевозможные притеснения со стороны турок, которые он претерпел после смерти отца. Кроме того, с ним произошла одна неприятная история. Во время путешествия по Герцеговине, в которое он отправился для сбора милостыни в пользу монастыря Милешево, один турок украл у него коня. Спустя пять месяцев пострадавший отыскал своего обидчика и уличил его в краже. По решению местного суда турок должен был отдать пострадавшему лошадь. Вслед за восстановлением справедливости в адрес Марковича последовали угрозы. Из-за боязни за свою жизнь он оставил жену и детей и бежал в Сербию. В связи с этим он просил сербского митрополита выделить ему приход в княжестве, чтобы перевезти туда родных. За него хлопотал и боснийский митрополит Дионисий, обвинив в злключениях священника своего герцеговинского коллегу, «сребролюбца, фанариота и бича священников» Прокопия¹⁴⁹. Марковичу было отказано, но он не уехал из Сербии и позже повторил свою просьбу¹⁵⁰, однако и она была напрасной¹⁵¹.

Похожая история случилась ранее и с неким Ивко Марковичем, возможно, отцом Йована. Он также пытался в 1859 г. перебраться в Сербию, но получил отказ. В письме, присланном из Белградской митрополии, говорилось о том, что священник не имеет права бежать от своей паствы и должен разделять с ней горести и радости, какая бы судьба его ни ожидала¹⁵².

Большой проблемой, как говорилось выше, была организация передачи денежных средств. Случай мошенничества произошел в бродской общине. В 1865 г. представители города

¹⁴⁸ АС. Ф. МБ. 1867. 259.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. 350.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. 1859. 938.

Брода сообщили о том, что они получили фирман от турецких властей, позволяющий им начать строительство православного храма. В связи с этим местные жители просили «Сербию как мать свою» оказать им финансовую помощь¹⁵³. 12 января 1866 г. сербский князь Михаил Обренович пожаловал Броду 100 австрийских дукатов на строительство церкви. Вслед за тем поступила просьба от местной школы — учителя просили сербов от имени боснийского народа помочь своим верным братьям, «закованным в оковы варваров»¹⁵⁴. Но посланные в Брод деньги не пошли на строительство церкви и помощь школе — они были переданы через местного жителя торговца Михаила Тасовца, он, по приезде, отдал их другому торговцу по кличке Степа Толстяк из турецкой части города, который отказался их возвращать¹⁵⁵.

Часто причиной обращения священников в Белградскую митрополию служило тяжелое финансовое положение. Содержание подобных писем примерно одинаково: «стал священником, приехал в Боснию, получаю очень мало денег, жить здесь невозможно»¹⁵⁶.

Православных церквей, по сведениям Гильфердинга, в Боснии было очень мало. Пик их строительства приходится на вторую половину 1860-х годов. Денежную помощь от сербского правительства получал монастырь Святой Троицы в Герцеговине¹⁵⁷. Из всех рассмотренных прошений об оказании помощи в строительстве церквей или поддержке монастырей в регионе не обнаружено ни одного отказа со стороны сербского правительства. Сюда же поступало много помощи из России.

Поддержание православия в регионе являлось одной из первостепенных задач политики Сербии. Ведь именно оно было главной связующей нитью между разорванными славянскими областями. Вопрос воспитания кадров священнослужителей из местного славянского населения Сербия брала в свои руки.

¹⁵³ Там же. Ф. МПс. 1866. I. 51.

¹⁵⁴ Там же. 12.

¹⁵⁵ Там же. Ф. МБ. 1865. 1484.

¹⁵⁶ Там же. 1869. 1029.

¹⁵⁷ Там же. 1856. 768.

Помощь церквям и монастырям, как и в случае со школами, не носила случайный характер. Часто при монастырях располагались учебные заведения. Самым известным из них была школа при монастыре Житомыслич. Именно православные монастыри становились главными очагами сопротивления власти. Герцеговинские монастыри Дужи и Житомыслич, тесно связанные с Никифором Дучичем и Серафимом Перовичем, являлись основными базами для повстанцев в Герцеговине.

В Боснии и Герцеговине священник не только был проводником слова Божия, он играл роль агитатора в борьбе с владычеством Турции. Если обратиться к истории восстаний этого региона, то можно заметить, что во всех волнениях эпохи танзимата ведущую роль играли именно представители духовенства. Достаточно вспомнить Мелентия Перовича, Жарко Лешевича, Никифора Дучича.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 4

Список митрополитов Боснии и Герцеговины в 1856–1878 гг.¹⁵⁸

<i>Дабробосанская митрополия:</i>	<i>Герцеговинско-захумская митрополия</i>
Прокопий: 1852–1855 гг.	Григорий: 1854–1860 гг.
Дионисий I: 1856–1860 гг.	Прокопий: 1863–1875 гг.
Игнатий II: 1861–1868 гг.	Игнатий: 1875–1887 гг.
Дионисий II Илиевич: 1868–1871 гг.	
Паисий: 1871–1874 гг.	<i>Зворницко-тузланская митрополия</i>
Антим: 1874–1880 гг.	Агатангел: 1848–1861 гг.
	Дионисий: 1861–1865 гг.
	Дионисий II Илиевич: 1865– 1868 гг. и 1872–1891 гг.
	Паисий: 1868–1871 гг.

¹⁵⁸ *Давидовић С.* Српска православна црква у Босни и Херцеговини (од 960. до 1930.). Шабац, 2002. С. 58.

Другой ракурс: русские планы в отношении Боснии и Герцеговины в контексте политики Османской империи и монархии Габсбургов

Политика Османской империи в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е годы

С османским завоеванием Балканы превратились в цивилизационную контактную зону между Востоком и Западом. Примыкающая к австрийской границе Босния, где добровольно мусульманскую веру принял значительный процент населения, является наиболее интересной областью. Здесь столкнулись и переплелись Запад и Восток, христианство и ислам.

В предыдущих главах речь шла о сопротивлении христианского населения Боснии и Герцеговины турецкому «гнету». Был представлен созданный российскими дипломатами негативный образ османского управленца, ущемляющего население региона. В данном разделе монографии мы посмотрим на проблему с иного ракурса.

Турки принесли в Боснию строгую централизацию власти, что полностью исключало возможность раздробленности и сепаратизма. Появился единый правитель — султан.

Земли Боснии и Герцеговины попали в культурный ареал османского традиционного общества. Всё население империи делилось на аскерию (воины) и райю (остальной народ). Общество держалось на традициях, соблюдение которых было обязательным условием его благополучного существования. Отсутствовала четкая дифференциация законодательной, исполнительной, судебной власти, огромную роль играли личные связи, поддерживалось раздельное проживание представителей разных конфессий. Из последнего и вытекало деление страны на миллеты по религиозному принципу. Империя разнородных культурных традиций и религиозных практик поддерживала

равновесие за счет проведения «традиционных реформ», укрепляющих существующий порядок¹. Пропуск к карьерным успехам на государственном уровне давал ислам. До XVIII в. пробиться наверх славянам помогала система девширме². Для некоторых семей насильственное разлучение с ребенком было настоящей трагедией, но многие добровольно и с радостью отдавали сыновей в ряды янычар. Это давало возможность получить хорошее образование и сделать достойную карьеру. Босния была источником лучших военных кадров, 20 выходцев из этого региона стали великими везирями. Добровольно принявшая ислам знать — беговат — жила самостоятельной жизнью, пересылая в центр ежегодные налоги. Все восстания в Боснии и Герцеговине до 1850-х годов носили характер феодального сепаратизма или представляли собой междоусобные разборательства. Крестьяне редко принимали в них участие.

Мир стремительно менялся, Османская империя пребывала в кризисе, назрела необходимость реформ³. Началась эпоха преобразований — танзимат. Полностью перечеркивались те принципы, на которых долгое время держалась Османская империя. Для представителей всех вероисповеданий открывались двери в гражданские и военные школы, на государственную службу. Это наносило сокрушительный удар по структуре общества, существовавшей со времени основания государства. Хатт-и-хумаюн 1856 г. декларировал в стране единую национальность — османскую. Позже этот принцип станет одним из положений конституции 1876 года.

Приверженность традициям сменила государственная идеология османизма. В ее основу легли принципы: катылымджилык (единение всех национальных элементов)

¹ Олюнин С.В. Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006. С. 13.

² Девширме (сбор) — система принудительного набора христианских мальчиков для прохождения обучения и дальнейшего несения службы. Существовала с сер. XV до конца XVII в.

³ См.: Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке: черты структурного кризиса. М., 1991.

и ватандашлык (гражданство)⁴. Она представляла собой вариант западной национальной идеологии. Переход к ней был продиктован идеей спасения государства. Символичной стала организация султанской гвардии в 1864 г. Она получила название «силах-шуран». С этого момента личную охрану главы империи составляли представители дворянства всех народностей, подвластных султану, без различия вероисповедания. Они носили национальные одежды и были вооружены по обычаю своих народов. Коня, экипировку, рацион и жалованье личные охранники султана получали из казны. Эта гвардия должна была сопровождать Абдул-Азиза во всех его поездках.

Османской империи не удалось избежать влияния со стороны Запада, которое перерастало в диктат. Кроме того, сила многовековых традиций была столь крепка, что в одночасье перестроить мышление и образ жизни рядового жителя государства было затруднительно.

Сербия и Россия заботились о будущем православного населения вилайета, Австро-Венгрия активно поддерживала католиков. В сербских и австрийских проектах главная роль отводилась именно христианскому населению, а проблемы мусульман отходили на второй план. Их судьба не особенно волновала русское и европейское общество.

В современной боснийской историографии всё громче звучит такое понятие, как «христославизм». Исследователь С. Банджович обозначает этим термином идеологию, возникающую в XIX веке⁵. Суть данного понятия заключается в следующем: все славянские народы по своей природе христиане, и переход в другую религию означает отказ от принадлежности к славянству. Этот парадокс хорошо был показан в труде «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» А.Ф. Гильфердинга и не раз подтверждался другими дипломатами и зарубеж-

⁴ Тюркер Т. Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX — нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2007. С. 45–46, 113.

⁵ Bandžović S. Bošnjaci i deosmanizacija Balkana. Muhadžirski pokreti i prebježišta «sultanovih musafira» (1683.–1875.). Sarajevo, 2013. S. 108–113.

ными путешественниками, соприкоснувшимися с боснийскими реалиями. Нельзя обозначить точное время, когда такое понимание народности укоренилось в Боснии. Этот вопрос требует отдельного глубокого и серьезного исследования. Ясно одно — сербская, австрийская, хорватская и русская пропаганда в регионе только усиливала это размежевание.

Историк-османист С.В. Олюнин указывает, что боснийские мусульмане для Константинополя именовались «бошняками» или «потурченцами». В свою очередь, столичных мусульман их боснийские братья по вере презрительно именовали «туркушами». Универсальным обозначением славянина-мусульманина был термин «турчин»⁶. По мнению исследователя, разобщенность боснийского общества сохранялась на протяжении всего XIX века. Решить эту проблему должны были реформы танзимата, но они только усугубили ситуацию⁷.

Население

Выше уже шла речь об этноконфессиональном составе населения Боснии и Герцеговины. Здесь приведем более полные статистические данные. Следует оговориться, что точных сведений по этому вопросу не существует. Официальная перепись, осуществляемая османскими чиновниками, грешила множеством неточностей. Зачастую не проводился полный учет всех населенных пунктов. Для примера бралось одно село, в котором пересчитывали население, а полученные цифры приписывали и остальным населенным пунктам местности. Описи, составленные иностранцами, также нельзя считать полностью достоверными, так как они чисто физически не могли произвести учет всего населения.

Перепись населения велась по дворам в 1851 г., из расчета, что в каждом из них живет 6–7 чел. Итого вышло около 1.100.000 чел., из них 534.651 мужчин. Вот статистические данные, которые приводит в своей работе А.Ф. Гильфердинг:

⁶ Олюнин С.В. Указ. соч. С. 88.

⁷ Там же. С. 112.

Население Боснии и Герцеговины на 1851–1852 гг.8

Санджак	мусульман		христиан		Итого примерно обоого пола	Католики обоого пола
	Двор.	Муж. душ	Двор.	Муж. душ		
6 боснийских санджаков	65.405	267.637	51.728	185.195	905.664	120.624
Герцеговинский санджак	7.968	26.010	14.595	55.809	163.638	53.458
Всего	73.373	293.647	66.323	241.004	1.069.302	174.082

В переписи 1865 г. велся учет мужского населения. Получилось 721.000 мужчин. Общее количество населения приняли за 1.442.000 чел. Обе переписи неверны. Тем не менее за 13 лет виден ощутимый прирост населения, который условно составил 342.000 человек.

Гильфердинг указывал, что в первой переписи цифры были занижены. Австрийский майор генерального штаба Роскевич отмечал, что в переписи 1865 г. цифры, наоборот, были завышены. Он полагал, что в реальности население региона составляет 1.151.000 человек. Австрийский майор Тёммель⁹ насчитал в Боснии и Герцеговине 1.211.772 человека, прусский консул Блау — 1.062.027 человек¹⁰.

⁸ Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. С. 283–284.

⁹ Результатами его переписи пользовались российские консулы.

¹⁰ Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб., 1868. С. 194.

Население Боснии и Герцеговины. Результаты переписи 1865 г.¹¹

Прав. муж.душ	Катол. муж.душ	Мусул. муж.душ	Евр. муж.душ	Итого муж.душ	Примерно обоого пола
344.777 ок. 48% ¹²	128.960 ок. 18%	243.203 ок. 34%	4.091	721.031	1.442.062

Материалы переписи австрийских и прусских агентов к середине 1860-х годов (Босния, Герцеговина и Нови-Пазар)¹³

Вероисповедание/ национальность	Блау	Роскевич	Тёммель
Мусульмане	444.505 ок. 42%	378.000 ок. 33%	442.170 ок. 36%
Православные	431.201 ок. 40%	590.000 ок. 51%	571.756 ок. 47%
Католики	171.764 ок. 16%	164.000 ок. 14%	185.504 ок. 15%
Евреи	3.759	5.700	2.305
Цыгане	10.798	13.300	10.037
Всего	1.062.027	1.151.000	1.211.772

Из таблицы видно, что данные разнятся. Особенно ощутим разброс сведений о соотношении православного и мусульманского населения. Будем считать, что количество мусульман в регионе составляло около 38%.

Для удобства в проведении дальнейших расчетов прием общее количество населения Боснийского вилайета за 1.200.000 человек.

¹¹ Там же. С. 193.

¹² Здесь и далее подсчеты в процентах произведены нами самостоятельно.

¹³ Военно-статистический сборник на 1868 год. С. 194.

Миграции и смена вероисповедания

Рост числа мусульман в вилайете возникал в результате миграционных процессов, а также в случаях смены вероисповедания. После каждой вспышки волнений в Боснии и Герцеговине наблюдался отток населения из этих областей в Сербию, которая не всегда могла принять беженцев, поскольку это было чревато осложнениями с Портой. В 1859 г. в дело вмешались российские дипломаты, повлиявшие на решение Милоша Обреновича принять беженцев¹⁴. Населению Боснии и Герцеговины российские дипломатические агенты пытались объяснить несвоевременность выступлений против турок. Весной 1865 г. началась новая волна переселения христиан из Боснии в Сербию и Австрию. В поисках лучшей доли люди покидали пашалык. Илия Гарашанин отправил ноту боснийскому генерал-губернатору, в которой сообщал, что сербское правительство не имеет средств для размещения беженцев и возвратит их в Боснию¹⁵. Осман-паша предпринял ряд мер к их удержанию, последовали новые налоговые послабления. Уже в мае более 2.000 человек, которые не были приняты в Сербии, возвратились обратно. Те же, кто отправился в Австрию, были на грани разорения, так как отдавали последнее за переправу через Саву¹⁶. В 1865 г. Осман-паша приостановил процесс сбора податей для Константинопольской патриархии, тем самым значительно облегчив жизнь православного населения.

Был и обратный процесс — переселения мусульман из княжества Сербия в Боснию. Выезжали в основном из Смедерева и города Ужице. Начиная с 1860-х годов только из Ужице прибыло более 1.200 человек. Остро стояла проблема их расселения. Большая часть из них была размещена в Зворницком санджаке. Первоначально их распределяли по частным домам. Расходы на устройство беженцев из Сербии брало

¹⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 232–233.

¹⁵ *Tenuћ И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 92.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 808. Л. 29–30.

на себя правительство. Однако выделенных средств не хватало, и Осман-паша проводил сбор помощи для них¹⁷. Разные исследователи говорят, что к 1868 г. из Смедеревского санджака в Боснию переселилось от 20 до 30 тыс. мусульман¹⁸. Большинство из них обосновались в Посавинье¹⁹.

Если говорить о переходе христиан в ислам, то все упомянутые российскими дипломатами случаи касались представителей самой незащищенной категории православного населения — женщин²⁰. Об этой проблеме говорили все российские дипломаты в Боснии. К примеру, в 1859 г. Щулепников доносил Ковалевскому: «В последнее время особенно часто стали повторяться в Герцеговине случаи обращения христианских женщин православного исповедания в мусульманство и католичество. Причиной этому большей частью бедность, почти совершенная нищета, в которой находятся единоверцы наши в Герцеговине, особенно женщин и девушек, вынуждаемых крайностью идти в услужение в дома мусульман. Духовенство тамошнее успевает иногда отклонять от подобных поступков и потом при помощи православного общества выдает этих женщин замуж»²¹. Зачастую в таких случаях православная община обращалась в российское консульство с просьбой выделить финансовую помощь для желающих перейти в ислам, чтобы удерживать их от подобного шага. Такие просьбы не оставались без ответа. Так, было выделено 20 червонцев (1.200 пиастров)

¹⁷ *Tenuš I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 90–93.

¹⁸ См.: *Bandžović S.* Bošnjaci i deosmanizacija Balkana. S. 329.

¹⁹ См.: *Bojić M.* Historija Bosne i Bošnjaka: (VII–XX vijek). Sarajevo, 2001. S. 448.

²⁰ О статусе мусульманских женщин в Османской империи см.: *Леонтьева А.А.* К вопросу о положении мусульманских и христианских женщин в османском обществе XVII–XVIII вв. (по данным кадийских регистров Софии) // *Slovanský svět: známý či neznámý.* Červený Kostelec, Praha, 2013. S. 149–156; *она же.* Представительство женщин разных конфессий в шариатском суде: равенство прав и различие возможностей // *Историки-слависты МГУ.* Кн. 9: В.А. Тесемников. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 29–35.

²¹ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 801. Л. 105–105 об.

для уроженки Любушко Анны Кайчие²². В 1864 г. жители села Белое Поле обратились к А.Н. Кудрявцеву с протестом против усиления пропаганды магометанства и действий турецкого духовенства по вовлечению в исламу христианских женщин. Они сообщали, что две девушки из их общины уже приняли ислам и еще одна собирается это сделать²³. В донесении к Игнатьеву консул сообщал и о других случаях: «Спешу донести В[ашему] пр[евосходительству] о новом печальном факте общественной жизни в Боснии, факте тем более печальном, что он далеко не первый и, к сожалению, вероятно, далеко не последний. Вчерашнего числа две женщины, одна именем Мария, 19 лет, с двумя детьми, другая девица Элька, по виду лет 18, по словам же отца 13, обе из Вышеграда, приняли исламу. Привезенные в Сараево, они, несмотря ни на какие увещания родителей, здешнего протоиерея и ходжа-баши, официального защитника интересов боснийского народа, не могли быть отклонены от желания сделаться мусульманками, и можно положительно сказать, что дело это безвозвратно кончено»²⁴. Осман-паша дал сараевской православной общине час времени, чтобы их отговорить, но безуспешно. Кудрявцев пишет и о причинах смены вероисповедания: «1) отсутствие христианских добродетелей и сочувствия к здешнему народу в высшем духовенстве; 2) неразвитие духовенства низшего и недостаток средств к духовному воспитанию народа; 3) необразованность и заглушение патриотических побуждений эгоистическими целями в зажиточных классах босняков»²⁵.

Топал Шериф Осман-паша на пути к прогрессу

С провозглашением хатт-и-хумаюна 1856 г. был взят курс на создание единой османской нации. В Боснии с ее пестрым религиозным составом появляется идея интерконфессионального бошнячества. Ее главным творцом был Топал Шериф

²² Там же. Л. 105 об.–106.

²³ Там же. Д. 807. Л. 36–36 об.

²⁴ Там же. Л. 41.

²⁵ Там же. Л. 41 об.

Осман-паша (1804–1874), который управлял провинцией в период с 1861 по 1869 г. (с небольшим перерывом в 1869 г.).

Топал Шериф Осман-паша родился в 1804 г. в Смирне в семье видного чиновника (возможно, губернатора Анатолии. — *К.М.*) — Шарифа Гаджи-аги²⁶, который хромал на одну ногу, отсюда и пошло прозвище «Топал» — хромой. Осман-паша был хорошо образован, слыл знатоком арабской, турецкой и персидской литератур, владел греческим и французским языками. В молодые годы находился на военной службе, самоотверженно сражаясь за веру, султана и старый порядок. До назначения в Боснийский пашалык он был мухафизом (начальником охраны) Белградской крепости. С годами к нему пришло понимание о необходимости преобразований в империи. Всю свою энергию в этом вопросе он направил на Боснию и Герцеговину. В конце 1861 г. Осман-паша получил назначение на пост генерал-губернатора Боснийского пашалыка. Его покровителем считался один из идеологов османизма Фауд-паша (1814–1869)²⁷. Именно он, будучи великим визирем, в 1861 г. способствовал назначению Осман-паши в Боснию.

Приезд нового чиновника был благожелательно воспринят иностранными консулами. Российский консул в Сараеве Е.Р. Щулепников охарактеризовал Топал Осман-пашу как человека, который отличался добротой и был нацелен на улучшение положения Боснии, но подвержен влиянию своего окружения²⁸. Позже он говорил о нем, что паша — человек с добрым сердцем, но не имеет способностей к управлению, окружен лицами — противниками реформ²⁹.

Босния никогда не была спокойным регионом. В конце 1861 г. начались волнения мусульман в Бихачском крае³⁰.

²⁶ Подробнее о Топал Шериф Осман-паше см.: *Koetschet J. Osman Pascha, der letzte grosse Wesier Bosniens und seine Nachfolger. Sarajevo, 1909.*

²⁷ *Финкель К.* История Османской империи: Видение Османа. М., 2012. С. 632.

²⁸ *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 102.

²⁹ Там же. С. 103.

³⁰ Крайна.

Это была одна из беднейших областей Боснии. Беспорядки были вызваны недовольством мусульман новой системой налогообложения. Вергия — прямые подати правительству — не уплачивалась до введения хатт-и-хумаюна. Со смертью султана Абдул-Меджида (25 июня 1861 г.) местные мусульмане полагали, что новый султан избавит их от повинностей, но этого не произошло.

Осман-паша лично отправился в эти края. В результате несколько бегов были посажены в тюрьму, христиане, принимавшие участие в волнениях, были прощены. Бедным жителям Осман-паша лично помог зерном, одеждой и обувью. Местным каймакамам он поручил заняться вопросом образования — открывать школы. Осман-паша выпустил из тюрем всех должников-христиан, уплатив их долги из своего кармана. По свидетельствам российского консула, в благодарность местные христиане день и ночь кричали «Ура!» и молились под окнами конака паши³¹. Заключенным в тюрьме он посылал хлеб и мясо, а пока находился в Бихаче, постоянно принимал депутации местных крестьян и старался разрешить их проблемы³².

О пребывании паши в Боснийской Крайне консул Щулепников писал: «Действия Осман-паши вполне заслуживают отличных похвал, ибо, несмотря на серьезные критические обстоятельства, он вышел победителем и своей кротостью, своим беспристрастием и энергией он потушил пламень начавшихся смут и беспорядков»³³.

После Бихача Осман-паша отправился в Баня-Луку, где также старался навести порядок. Раздавал милостыню христианам и добился разрешения продавать за символическую плату местному населению государственные земли. Осман-паша освобождал христиан от некоторых налогов или же снижал их. Генерал-губернатор учредил специальную комиссию для проверки того, как выдавались деньги поселянам за хлеб и разные припасы, взятые с них

³¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 374–375.

³² *Tenuћ И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 104.

³³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 373.

для турецких войск в Герцеговине³⁴. Комиссия должна была объездить и всю Боснию, но не исполнила должным образом возложенных на нее обязанностей. Убедившись в некомпетентности большинства местных управленцев, паша пришел к мнению, что единственным способом навести порядок в регионе будут его личные инспекции.

Боснию и Герцеговину постоянно сотрясали волнения. Особенно тяжелым выдался 1868 год, который ознаменовался неурожаем и волной эпидемий. Осложнилась и ситуация на черногорско-турецкой границе в местах проживания свободолюбивых племен — шаранцев и дробняков. Эти племена заявили о желании перейти под власть черногорского князя. Осман-паше удалось решить проблему без применения военной силы. Он лично посетил места волнений. В результате переговоров более тысячи мужчин сняли черногорские шапки и надели турецкие фески. Они получили налоговые послабления и организовали внутреннюю пограничную стражу из 80 человек, которая была на содержании у турецкого правительства. Воевода получал по 500 пиастров, капитан — 250 пиастров ежемесячно³⁵.

Административная реформа

В 1865 г. Осман-паша в очередной раз объездил все введенные ему области (за исключением Нови-Пазарского санджака. — *К.М.*) и Герцеговину³⁶. После этой поездки он приступил к проведению административной реформы³⁷. Боснийский пашалык и Герцеговинский санджак были объединены в Боснийский вилайет, в который входили семь санджаков: Сараевский, Герцеговинский, Зворницкий, Баня-Лукский, Бихачский, Нови-Пазарский и Травницкий. Санджаки

³⁴ Там же. С. 374.

³⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 125.

³⁶ *Tenuš I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 104.

³⁷ См. подробнее: *Aličić S.A.* Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine. Sarajevo, 1983.

делились на казы (нахии или уезды) во главе с мудирами, казы на волости, возглавляемые старейшинами³⁸.

Полномочия боснийского генерал-губернатора были значительно расширены, он стал именоваться «вали»³⁹. Появились постоянно действующий административный совет и ежегодно собирающийся общевилайетский совет.

В ведении административного совета при вали были: общественное управление, финансы вилайета, внешние дела, общественные работы, промышленность. В состав административного совета входили: муфеттиши-хуккам (начальник судей) — назначался султаном по предложению шейх-уль-ислама; начальник корреспонденции — назначался султаном; харидчи-мудир (начальник внешних дел вилайета) — назначался министерством иностранных дел; мухасибедчи (начальник финансов) — назначался министерством финансов; три мусульманина и по одному представителю от православного, католического и еврейского населения — кандидатуры избирались народом и утверждались вали.

Общий совет при вали собирался для рассмотрения дел всего вилайета на 40 дней. В составе совета были: вице-председатель, чиновники вилайета и по два представителя мусульманского и немусульманского населения от каждого санджака.

В санджаках заработали уголовный и гражданский суды (в составе: начальник и по три представителя от мусульманского и немусульманского населения). Также были

³⁸ Подробно о реформе говорится в донесении российского консула Е.Р. Шулепникова к Н.П. Игнатьеву от 1 февраля 1866 г. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2328. Л. 4–11.

³⁹ Фирманы о расширении полномочий летом 1866 г. были разосланы всем генерал-губернаторам вилайетов Османской империи. С этого момента они могли приводить в исполнение смертные приговоры, не дожидаясь их подтверждения из Константинополя. Российский консул Е.Р. Шулепников упрекал Осман-пашу в слабости и перекладывал решение важных дел на меджлисы, в которых было сильно влияние мусульман-фанатиков. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2328. Л. 38–38 об.

учреждены административные советы под председательством каймакамов (в составе: кади, муфтий, духовные представители немусульманского народонаселения, начальник финансов, начальник корреспонденции, трое мусульман и трое немусульман)⁴⁰.

Главная цель реформы состояла в том, чтобы ограничить влияние и власть местной знати. Однако реально добиться этого не удалось, так как многие важные посты все же заняли представители виднейших семей беговата.

Дороги

Еще в начале 1850-х годов Омер-паша Латас указывал на необходимость сооружения дорог в Боснии и Герцеговине. По его проекту при генерал-губернаторе Осман Мазхар-паше Сулейманпашиче (1859–1861 гг.) началось строительство дороги из Сараева в Нови-Пазар. Для этой цели Омер-паша привез из Константинополя пять инженеров. К лету 1861 г. был готов участок от Сараева до Вышеграда. Эту дорогу начали сооружать первой, так как находящаяся в 10 часах езды от Нови-Пазара Сеница была избрана Омер-пашой местом склада провианта для войска. По этому поводу Е.Р. Шулепников сообщал чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Константинополе А.Б. Лобанову-Ростовскому: «Она (дорога из Сараева в Вышеград. — К.М.) весьма хороша и удобна для экипажей. В Травникском и других санджаках также с успехом отделявают дороги, так что через 3 или 4 месяца, можно надеяться, в Боснии пути сообщения будут сносны, и можно будет в многих местах путешествовать в экипажах»⁴¹.

Топал Шериф Осман-паша продолжил налаживание транспортного сообщения. Многие упрекали вали в том, что он мало внимания обращал на административные дела, а направил всю энергию на строительство дорог. Две крупнейшие магистрали пролегли между Мостаром

⁴⁰ Там же. Л. 4–11.

⁴¹ Из донесения Шулепникова А.Б. Лобанову-Ростовскому от 4 (16) июля 1861 г. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2325. Л. 70–71.

и Метковичем, Сараево и Мостаром. В 1866 г. практически была готова дорога из Ливна через Пролог на австрийскую границу к Сплиту⁴².

Не обходилось и без проблем. Местные управленцы злоупотребляли своим положением. В 1865 г. турецкие чиновники заключили в тюрьму работников, которые трудились на участке Меткович — Мостар, за то, что они направили султану просьбу об улучшении их положения во время проведения работ. Тогда Осман-паша лично направился в эту местность и освободил работников⁴³. Таким образом, вали приходилось постоянно инспектировать строительство дорог. Работа была тяжелой и плохо оплачивалась: «При отчаянной бедности народа, при ничтожности торговых оборотов, при неимении колес, ни упряжных лошадей всё бремя дорожных улучшений падало и падает на несчастных поселян, оставляющих свои дома и семейства, переносимых на несколько месяцев в горы, не получающих аккуратно даже дневного заработка величиною в один пиастр, обещанного правительством», — писал в донесении к Н.П. Игнатьеву консул А.Н. Кудрявцев в ноябре 1868 г.⁴⁴ Тем не менее сам Кудрявцев признавал, что за годы пребывания Осман-паши в Боснии дорог и мостов было построено больше, чем за всю предыдущую историю⁴⁵.

Работу в этом направлении продолжил и Сафвет-паша (1869–1871 гг.). Об этом в 1870 г. вице-консул Якобсон сообщал Игнатьеву: «Сафвет-паша принял весьма строгие меры к улучшению дорог в Боснийском вилайете. Исполнение этого хорошего намерения весьма непрактично и сопряжено с большими злоупотреблениями. Прежде всего должно сказать, что предпринятые работы бесполезны или, по меньшей мере, несвоевременны. Если бы дело шло о проведении каналов для стока вод, об устройстве прочных и хороших мостов и о других основательных работах, то следовало

⁴² Там же. Д. 2328. Л. 38 об.

⁴³ Там же. Д. 20516. Л. 33–34 об.

⁴⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 146.

⁴⁵ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 209–210.

бы приняты за них в настоящее время. Но, к сожалению, всё здесь заключается лишь в насыпке камней и песку на дорогу для придания последней большей плотности и для того, чтобы воспрепятствовать образованию на ней сильной грязи, а эти работы приносят боснийским дорогам пользу только осенью, пред наступлением продолжительных дождей (...) Прежде обязательные работы на дорогах продолжались 5 дней, ныне же — вдвое больше. Притом работники требуются не с домов, с хозяйственных единиц, а считаются по душам, так что даже старики, неспособные к продолжительному и тяжкому труду, подлежат этой повинности и принуждены взамен себя представить или какого-либо члена семейства, или чужого человека, с платой в день по 4 пиастра и выше»⁴⁶. Всё это было весьма обременительным для поселян. Отцы отработывали повинность за малолетних детей, дети за стариков. К тому же работы обычно велись летом, когда крестьянам нужно было трудиться на полях.

Дела школьные

Значительное внимание Осман-паша уделял проблемам образования. Куда бы он ни направлялся, он изучал состояние школьного вопроса, вменяя в обязанность своим подчиненным содействовать расширению сети учебных заведений в регионе. Выше мы уже говорили о его помощи школе для девочек Стаки Скендеровой.

В 1865 г. в Боснии с проверкой находился комиссар Порты Джевдет-эфенди. Осман-паше удалось убедить его в необходимости выдачи денежного пособия от султана на реализацию нескольких проектов христианских общин. В итоге 5.000 пиастров было передано школе С. Скендеровой, 30.000 пиастров пожертвовано на строительство православных церквей и 12.000 на католическую школу⁴⁷.

Что касается мусульман, то для них действовали начальные школы — сибьян мектеби, где изучалась арабская письменность

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 156 об.–157 об.

⁴⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 12.

и основы веры. Функции средней школы исполняли духовные семинарии — медресе. Боснийский историк М. Бойич приводит следующие данные: в 1870-е годы в Боснийском вилайете действовало 847 начальных школ и 43 медресе⁴⁸. В донесении российского консула А.Н. Кудрявцева к Н.П. Игнатьеву от 1874 г. содержатся следующие сведения:

**Мечети и учебные заведения
для боснийских мусульман по данным
российского консула А.Н. Кудрявцева на 1874 г.⁴⁹**

санджак	мечети	медресе	мусульманские школы			
			руджие	началь- ные школы	мальчики	девочки
Сараевский	203	10	2	114	3.605	1.670
Нови-Пазарский	75	3	4	67	2.489	733
Герцеговинский	161	10	3	95	2.650	1.056
Бихачский	139	2	3	241	7.173	2.693
Зворникский	143	5	5	195	5.478	2.354
Травникский	146	4	6	97	2.793	1.045
Баня-Лукский	108	6	1	75	3.131	875
Всего⁵⁰	975	40	24	884	27.319	10.426

В 1869 г. в Османской империи был принят новый закон о школах. В Боснии появились государственные светские средние школы — руждие. В них изучали восточные языки, математику, географию, историю, в некоторых случаях — французский язык, а также исламское вероучение. Была открыта и школа, где готовили кадры для работы в мектебе, — дарул муалимин

⁴⁸ *Bojić M. Historija Bosne i Vošnjaka. S. 114.*

⁴⁹ См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2336. Л. 75–76 об. Сведения примерные, так как в данных А.Н. Кудрявцева присутствуют ошибки в расчетах. Мы сложили цифры, представленные им по отдельным санджакам, а не по вилайету в целом, так как они разнятся.

⁵⁰ У Кудрявцева: 960 мечетей, 884 начальных школы, 27.321 мальчик. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2336. Л. 76 об.

(dar úl-mualimin). Согласно оценкам российских консулов, уровень подготовки педагогов в этом училище был очень низким⁵¹. Появились также ремесленная школа и учебное заведение для подготовки чиновников⁵². Все эти школы финансировало государство. Высшее образование боснийские мусульмане получали в Константинополе или других центрах империи.

Судя по многочисленным донесениям российских консулов, нельзя сказать, что за годы пребывания Осман-паши на посту вали уровень грамотности среди населения Боснии резко возрос, но всё же положительные тенденции прослеживались.

В июле 1869 г. новый вали Сафвет-паша издал указ об обязательном разъяснении народу законов и распоряжений власти на местном наречии, тогда же этот язык впервые официально был назван «боснийским». Планировалось осуществить перевод на него вилайетских законов⁵³.

При Сафвет-паше, с 1870 г., во всех учебных заведениях вводилось обязательное изучение турецкого языка. Христиане негативно отнеслись к этому. В одном из донесений в МИД консул Кудрявцев приводит речь нового вали, произнесенную на экзамене в мужской православной школе: «Каждый народ прежде всего должен изучать свой родной язык. А потому учитесь хорошо боснийскому языку. Затем надобно знать язык, говоримый правительством, ибо только тогда вы можете вступать на службу и быть полезными членами и слугами государства. Вы не должны думать, что ваша будущность сосредоточена в одной торговле и что вам достаточно знать считать червонцы, гульдены и пиастры. Нет, наш государь желает, чтобы все его подданные вступали на службу, а потому я надеюсь, что вы с радостью начнете учиться турецкому языку и что на будущий год на вашем экзамене вместе с немецким и итальянским языками я услышу и турецкий язык»⁵⁴.

⁵¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 200–202.

⁵² *Bojić M. Historija Bosne i Bošnjaka*. S. 114.

⁵³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 187.

⁵⁴ Там же.

В 1873 г. при вали Мехмед Акиф-паше (1873–1874 гг.) было принято решение об изъятии школьного дела из сферы ответственности православных общин. До этого момента церковно-школьные комитеты (общины) заведовали всеми учебными заведениями для православных Боснии и Герцеговины, занимались вопросами финансирования и подбора учительских кадров⁵⁵. Власти брали на себя руководство обучением и содержанием школьных зданий. Создавалась комиссия по делам народного образования вилайета, которая управляла всеми немусульманскими школами. Правительство контролировало подбор учительских кадров и учебной литературы. В 1874 г. в Османской империи был принят новый закон — на страницах официальной газеты вилайета «Босния» появился циркуляр о школах. Султанским правительством в Боснийском вилайете вводилась система обязательного образования. По мнению российского консула Кудрявцева, причиной для проведения реформы послужили исключительно политические мотивы⁵⁶. Церковно-школьные комитеты были провозглашены нелегитимными органами, действующими против государства. В циркуляре о них говорилось следующее: «В большинстве сел и городах Боснийского вилайета христианские жители, как известно, учредили под названием общины комитеты, каковое учреждение совершалось произвольно, без ведома правительства и помимо выбора народа. Комитеты эти, под предлогом образовательных целей, облагали народ и сирот обременительными денежными поборами и вмешивались в дела, которые по закону подлежали ведению ихтиар-меджлисов (советов старейшин. — *К.М.*), что подрывало правительственные предписания и местные узаконения»⁵⁷. Общинам был запрещен сбор средств в пользу школ, все учителя тщательно проверялись правительством, учебная литература печаталась в вилайете. Все основные (начальные. — *К.М.*) школы должны были быть устроены по принципу турецких⁵⁸.

⁵⁵ Там же. С. 356–358.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2336. Л. 7 об.

⁵⁷ Там же. Д. 748. Л. 37–37 об.

⁵⁸ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 519.

Эти меры существенно ударили по русской и сербской просветительской деятельности в регионе.

Управление школами брали на себя ихтиар-меджлисы. В главных городах санджаков были образованы правительственные комиссии по школьным вопросам. В составе каждой из них было от шести до десяти человек (50% — мусульмане, 50% — христиане) во главе с мутесарифом санджака⁵⁹. Учебники проходили ревизию. За использование не одобренной комиссией учебной литературы учитель подвергался «строгой ответственности». Расходы на содержание учителей и обеспечение школ учебными материалами падали на народ, в случае отказа платить в дело вмешивались ихтиар-меджлисы, которые при помощи силы взимали необходимые средства⁶⁰. Все основные школы учреждались по образцу руждие, где давалось образование низкого качества. Так, по сообщению Кудрявцева, присутствуя на одном занятии, он наблюдал, как главный начальник турецких руждие, профессор турецкого языка и арабской грамматики, указывая на карте на Африку, говорил детям, что это Европа⁶¹.

А.Н. Кудрявцев негативно оценивал школьную реформу. В отчете для МИД России в 1875 г. он сообщал: «К сожалению, правительство, стараясь проводить принцип обязательного обучения в Боснии и Герцеговине, не обращает внимания на отсутствие условий, необходимых для применения его, между которыми главное место занимают учителя; правительство же, требуя удаления из школ неспособных и ненадежных, по его мнению, учителей, не заботится о замещении их новыми»⁶².

Военные приготовления

В 1860-е годы Османская империя оказалась в тяжелом положении. 1860–1861 гг. были ознаменованы Сирийским

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 748. Л. 38.

⁶⁰ Там же. Л. 39 об.; там же. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 631. Л. 32 об.

⁶¹ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2336. Л. 9.

⁶² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 394.

кризисом. По Герцеговине прокатилось восстание Луки Вукаловича, которое перетекло в войну с Черногорией. Весной 1866 г. Абдул-Азиз признал полунезависимый статус Египта. В августе начались первые столкновения греков с турецкими войсками на Крите. Как известно, 1865–1866 гг. были временем складывания Балканского союза. После восстания Луки Вукаловича и черногоро-турецкой войны проводились работы по укреплению дорог и мостов на границах с Сербией и Черногорией⁶³.

К сожалению, нет точных данных о количестве повстанцев, завербованных сербами в четы. Согласно планам работы на 1871 год, предполагалась организация 52 чет, объединяющих 14 тыс. человек (2% от всего мужского населения вилайета и 3% от мужчин-христиан)⁶⁴. Если такие цифры были только в планах, значит, на тот момент количество местного населения, участвовавшего в подготовке восстания, было меньше. Уже с 1872 г. в донесениях Ники Окана всё реже упоминается о деятельности повстанческих чет и о происходящем в Боснии говорится с меньшей горячностью. Чаще он просто сообщает о последних событиях в вилайете. Видимо, деятельность сербского комитета под руководством Й. Ристича не достигла желаемых результатов.

В годы, когда христианское население региона при поддержке сербов княжества, черногорцев и хорватов готовило широкомасштабное восстание и осуществлялись попытки привлечь местных мусульман на свою сторону, значительный процент магометан вилайета пополнял ряды башибузуков.

В 1864 г. в Боснии и Герцеговине началось формирование 40-тысячной милиции из местного мусульманского населения — отрядов башибузуков⁶⁵. Эти отряды существовали в Боснии и ранее, именно они сыграли главную роль в войне с Черногорией. Башибузуки располагались вдоль всей сербской границы и на части австрийской. Организацию новых

⁶³ Об этом свидетельствуют донесения русских военных агентов в Константинополе в военное министерство. См.: РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 38.

⁶⁴ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/53.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 53 об.–54.

военных единиц поручили комиссару Порты Джевдет-эфенди, который прибыл в Боснию по поручению султана Абдул-Азиза. Цель комиссара состояла в выяснении причин волнений в этих областях, а также он должен был привлечь боснийских бегов на свою сторону⁶⁶. По сути дела, экспедиция должна была продемонстрировать глубину застоя в империи, причиной которого являлись ошибки в управлении предыдущего султана Абдул-Меджида I. В состав комиссии Джевдет-эфенди был включен вышеупомянутый албанский писатель Паско Васа-эфенди. В своей работе о Боснии он подверг критике политику Абдул-Меджида и отметил желание нового султана навести порядок в регионе⁶⁷.

Итак, Джевдет-эфенди должен был привлечь боснийских бегов на свою сторону. О формировании отряда милиции, на основе донесений Шулепникова, сообщал российский военный агент в Константинополе Виктор Антонович Франкини⁶⁸. В Сараево были приглашены беги из всех санджаков Боснии. Несколько недель шли совещания по вопросу проведения рекрутского набора и устройства милиции. Беги дали согласие на эти планы Порты. Было решено в первый год устроить полк в четыре батальона, имеющих каждый по 800 человек, а год спустя организовать другой полк. Юз-баши (ротные командиры), полковники и Лива-паша (бригадный генерал армии) назначались из рядов регулярного войска. Прочие офицерские чины отдавались боснийским мусульманам. На переговоры с бегами была затрачена значительная сумма денег: каждому из них было выдано на путевые издержки от 50 до 60 турецких лир, всего — около двух тысяч червонцев⁶⁹.

⁶⁶ *Aličić S.A. Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine. Sarajevo, 1983. S. 170.*

⁶⁷ *Pasko Vasa-efendija. Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdvet-efendije. Banja Luka, 2011.*

⁶⁸ Виктор Антонович Франкини (1820–1892) — военный писатель, генерал-лейтенант. Участник обороны Севастополя в Крымскую войну. С 1856 по 1870 г. — военный агент в Константинополе. Далее заведовал военно-горским управлением на Кавказе. В конце 1870-х годов был отправлен с особой миссией в Тегеран. Первый российский генерал-губернатор Карсской области.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 90–91.

В донесении А.И. Иванова к Н.П. Игнатьеву от 15 августа 1864 г. сообщалось об успехах мероприятий по привлечению бегов в ряды милиции: «Когда несколько дней тому назад султанский фирман, привезенный Салих-пашой из Константинополя, был торжественно прочитан на площади, число представившихся волонтеров было немедленно более 100 человек. На другой день их было уже более 400. Всего предполагается набрать в Боснии от 3.000 до 4.000 человек, которые будут распределены в трех местностях: Сараеве, Травнике и, вероятно, Банялуке. Вооружение и одежда этих волонтеров, как равно и содержание их (30 пиастров в месяц), ничем не будут отличаться от одежды и содержания солдат регулярного войска, к которому причисляются новонабранные милиционеры. Служба же их только в Боснии для защиты страны»⁷⁰.

Данные мероприятия российские консулы именовали процессом «оттоманизирования» региона. Главными стратегическими пунктами были города Колашин в Герцеговине и Сеница в Нови-Пазарском санджаке, на границах с княжествами Черногория и Сербия соответственно. В этих местностях были организованы военные депо, куда поступали бельгийские карабины новых систем. В Сенице предлагалось разместить 6 тыс. черкесов, эмигрировавших с Кавказа⁷¹. В дальнейшем они должны были расселиться вдоль всей границы с Сербией⁷².

Происходящее очень волновало российскую дипломатию и военное ведомство. При работе с фондами

⁷⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 457.

⁷¹ В начале 1864 г. из Константинополя пришло известие о намерении турецкого правительства переселить в Боснию 20 тыс. черкесов. Осман-паша выступал против этой меры, считая, что это усугубит и так сложную обстановку в пашалыке. См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 445. Вопрос с черкесами снова был поднят в 1869 г. Тогда османские власти предложили переселить в Боснию 250 тыс. черкесов. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2331. Л. 45–46 об.

⁷² ОР РГБ. Ф. 169. Картон 41. Ед. хр. 35. Л. 5–5 об.

Российского государственного военно-исторического архива нами был выявлен ряд интересных документов, содержащих статистические данные о количестве жителей Боснии и Герцеговины, добровольно вступивших в ряды турецкой армии в 1865–1866 гг. Донесения в военное министерство были составлены русскими консулами. Вероятно, в то время у России в Боснии не было военных агентов. Полученные данные представлены в виде таблицы.

**Жители Боснии и Герцеговины,
вступившие в ряды турецкой армии⁷³**

санджак		? ⁷⁴	21.03. 1865 ⁷⁵	18.04. 1866 ⁷⁶	23.06. 1866 ⁷⁷	1.08. 1866 ⁷⁸
Сараевский	башибузуки	800	1.000	–	5000	1.452
	пехота			613	–	600
Травницкий	башибузуки	–	900	–	5.000	5.170
	пехота	–		1.517	–	–
Баня- Лукский	башибузуки	–	–	–	–	4.150
	пехота	500	–	–	–	–
Зворницкий	башибузуки	–	–	–	–	14.950
	пехота	–	–	1.230	–	–
Бихачский	башибузуки	–	–	–	–	9.480
	пехота	–	–	–	–	–
Нови- Пазарский	башибузуки	–	–	–	–	8.140
	пехота	–	–	617	–	–
Герцего- винский	башибузуки	–	–	–	9.000	–
	пехота	–	–	–		–
Всего		1.300	1.900	3.977 человек в отрядах пехоты	45.000 баши- бузуков	43.942

⁷³ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2328. Л. 39–39 об.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 74. Л. 11–14.

⁷⁵ Там же. Л. 15–21 об.

⁷⁶ Там же. Л. 61–62 об.

⁷⁷ Там же. Л. 85–85 об.

⁷⁸ Там же. Л. 98–99.

Если рассматривать время до мобилизации в 1860-е годы в Боснийском вилайете, то численность войск составляла примерно 15.000 человек. Из них местных жителей от 12 до 30%. Данные на 1 августа 1866 г. говорят о том, что число жителей Боснии и Герцеговины в рядах турецкой армии в вилайете составляло более 75%. Если население в среднем составляло примерно 1.200.000 человек, то 45.000 башибузуков⁷⁹ — довольно значительная цифра — это около 3,75% от всего населения, 6,24% мужчин, примерно 19% мужчин-мусульман⁸⁰.

Основываясь на боснийском опыте, в конце 1866 г. Порты приступила к реализации плана повсеместного вооружения балканских мусульман.

Помимо отрядов башибузуков шло и формирование граничар. В донесении от 5 октября 1866 г. Н.А. Иларионов сообщил Н.П. Игнатьеву:

«Турецкое правительство намерено образовать на черноморской и сербской границе новую военную организацию, вроде существующей в Австрии на границе с Турцией. Все жители, как христиане, так и мусульмане, будут находиться под оружием и разделены на несколько отрядов.

⁷⁹ С введением хатт-и-хумаюна 1856 г. в турецкой армии под военную подвинность попадали молодые люди с 21 года. Рекруты пополняли корпуса регулярных войск (низам) по жребью. Срок службы в низаме составлял пять лет. После этого они пополняли ряды резервной армии — редифа. Кроме них редиф пополняли мужчины в возрасте 26 лет, которым по жребью не выпала служба в низаме. Срок службы в редифе составлял семь лет. Далее резервные солдаты попадали в гияде (запасные войска), срок службы в котором также был семь лет, в мирное время солдаты запаса не собирались. Иррегулярные войска, полицейские или жандармские, набирались из числа служащих солдат или волонтеров. Башибузуки (в переводе с турецкого «безбашенные») набирались в военное время и представляли собой милицию, комплектуемую из рядов мусульманского населения. Они получали от правительства оружие и продовольствие. Жалованья для башибузуков не предусматривалось.

⁸⁰ Если ориентироваться на перепись 1865 г., согласно которой мужское население составляло 721.031 чел., из них 243.203 — мусульмане.

Из жителей Никшича уже образован батальон граничар для охраны на границах Черной Горы. В Зубцах, как я слышал, приводится также в исполнение это новое устройство.

Поп Жарко, воевода пивлян, бывший на днях в Мостаре для сведения некоторых денежных счетов со здешней турецкой властью, говорил мне об этом новом устройстве никшичан, добавив, что он удивляется, как они согласились на это, и что если турецкое правительство вздумает ввести эту меру в Пивах, то ни он, и никто из его племени ни за что не допустят этого»⁸¹.

В начале 1870 г. генерал-губернатор Боснийского вилайета Сафвет-паша объявил об уничтожении существующих отрядов башибузуков и пограничной стражи и о замене их четырьмя новыми батальонами. Вероятно, причиной этого было назревавшее в рядах башибузуков недовольство условиями содержания.

Для набора батальонов в Мостаре была учреждена специальная комиссия из разных военных лиц и бывшего начальника башибузуков Герцеговины Дед-аги Ченгича. В батальоны принимали поступивших в редифы и мусульман со всей империи в возрасте от 24 (26 — для жителей других вилайетов) до 40 лет. Срок службы составлял три года. Каждый солдат обеспечивался ежемесячным жалованьем в 60 пиастров, ежедневным продовольствием и одеждой. Новые батальоны предполагалось разместить вдоль австрийской и черногорской границ. Российский консул в Мостаре Иларионов полагал, что данная затея не увенчается успехом, так как местные мусульмане с большой неохотой несли службу в регулярных войсках. Таким образом, батальоны формировались из самых бедных представителей мусульман вилайета и жителей других областей империи⁸². В начале 1871 г. на территории Боснийского вилайета был сформирован седьмой военный корпус Османской империи⁸³. Продолжалось вооружение местных мусульман. Консул Кудрявцев сообщал Игнатьеву: «Правительство решило доставить 24.000 скоро-

⁸¹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2052. Л. 32–32 об.

⁸² Там же. Д. 2056. Л. 5–6.

⁸³ До этого момента в Османской армии было шесть корпусов. В 1871 г. 7-й корпус был образован в Боснии и 8-й в Йемене. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2333. Л. 5.

стрельных винтовок, которые по прибытии в Сараево будут раздаваться мусульманам, по 6 австрийских червонцев каждая. Магометанская часть Боснии ищет, подобно другим державам, народного вооружения для защиты своей от Сербии и Черногории, где военные силы развиваются ежегодно с большей и большей силой»⁸⁴.

Преображение Сараева

Резиденция генерал-губернатора вилайета располагалась в Сараеве. Осман-паша мечтал превратить его в настоящий европейский город. При нем было построено десять магазинов, казарма, большая гостиница, проложена улица Телали. Впервые в Боснии появились почта⁸⁵ и телеграф (Сараево — Нови-Пазар — Константинополь)⁸⁶. Большое внимание Осман-паша уделял лесопильному делу. Из Вены были приглашены инженеры, которые обучали местное население ведению лесопильного хозяйства. Появились кредитные организации помощи крестьянам. В 1863 г. было построено здание для библиотеки и читальный зал, куда допускались все жители пашалыка (вилайета). В 1864 г. заработал первый завод — чешская пивоварня. В 1866 г. в Боснии появились первые медицинские учреждения. При них работали аптеки. По проекту известного на Балканах архитектора Андрея Дамьянова был построен госпиталь, оснащенный водопроводом и канализацией. В нем работали турецкие медики, прошедшие курс обучения в Австрии. Он был предназначен исключительно для военнослужащих турецкой армии. В том же году для гражданских лиц была открыта больница на 40 мест, где

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ До этого момента пересылку корреспонденции осуществляли через местных купцов или австрийское консульство, которое предоставляло данный вид услуг местному населению. С 1867 г. почтовым конторам было предписано «иметь строжайший присмотр за перепиской местных жителей с иностранными землями». См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 2 об.—3.

⁸⁶ К этому времени относится появление и распространение в Боснии мусульманской фамилии «Телеграфчич».

действовало два отделения — мужское и женское. Это медучреждение было открыто для представителей всех вероисповеданий и национальностей. Лечение было бесплатным. В 1868 г. закончилось строительство дворца, который стал резиденцией генерал-губернаторов Боснии и Герцеговины⁸⁷. На окраине Сараева была построена прекрасная вилла.

Первая типография

Стараниями Осман-паши в Боснии появилась и первая типография. Из австрийского города Земун был приглашен книгопечатник Игнатий Сопрон (1821–1897)⁸⁸. Он привез с собой всё необходимое оборудование, наборы литер с кириллицей, латиницей и греческим алфавитом, а также наборщика Илию Томича из Белграда⁸⁹. Турецкое правительство заключило с Сопроном контракт на три года — предоставило ему бесплатное помещение, 38.000 гульденов ежегодно на печатные расходы и заработную плату в 2.000 гульденов⁹⁰. Позже из Константинополя прибыл наборщик Кадри-эфенди Цариградлия, который привез литеры с арабицей⁹¹. Турецкие наборщики получали жалованье от правительства, а сербским платил сам Сопрон. Он, помимо печатания книг и газет, обучил своему ремеслу нескольких местных жителей: Йову Петровича, Ахмеда Зилждича, Стеву Стояновича и Ристу Чайкановича. Через полгода работы типография была выкуплена османскими властями у Сопрона за 600 дукатов⁹².

⁸⁷ В данный момент дворец (Конак на Бистрику) является резиденцией Президиума Боснии и Герцеговины и используется для приема высокопоставленных гостей. Во времена австро-венгерской оккупации здание было перестроено.

⁸⁸ Подробнее об И. Сопроне см.: *Ademović F. Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini*. Sarajevo, 1999. S. 103–105; *Бабић Б., Јанић Ј.* Сопронова печатња. Бања Лука, 2016. С. 32–37.

⁸⁹ *Ademović F.* Op. cit. S. 18; *Бабић Б., Јанић Ј.* Указ. соч. С. 28–29.

⁹⁰ Донесения об этом поступали в Святейший Синод. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 36. Отд. II. Стол 3. Д. 36. Л. 3–5.

⁹¹ *Ademović F.* Op. cit. S. 18.

⁹² *Ibid.* S. 20.

7 апреля 1866 г. в свет вышла первая газета Боснии — «Боснийский вестник» («Босански вјестник») ⁹³. Она издавалась еженедельно до апреля 1867 г. (52 номера) ⁹⁴. Первый номер начинался со стихотворения, посвященного Осман-паше. Материалы публиковались на вуковой кириллице ⁹⁵. В каждом выпуске было по восемь страниц.

Данное издание и Сопрон лично подвергались критике со стороны сербов княжества и Австро-Венгрии — книгопечатника обвиняли в туркофильстве. Наибольшее раздражение вызывало то, что на страницах газеты употреблялся термин «боснийский язык» ⁹⁶.

В газете были следующие рубрики: домашние и иностранные известия, новости торговли, интересные факты, смесь, народные песни, объявления. Кроме того, «Боснийский вестник» публиковал вилайетские законы. После отъезда из Сараева Сопрон еще некоторое время продолжал выпускать газету.

Первая официальная вилайетская газета «Босния» («Босна») вышла на 40 дней позже «Боснийского вестника», в мае 1866 г. ⁹⁷ Изначально планировалось, что именно это периодическое издание будет первым в Боснии, но в типографии долго ждали приезда турецкого наборщика.

Российский консул Шулепников писал Игнатьеву: «На прошедшей неделе вышел первый номер здешней официальной газеты на турецком и сербском языке под названием “Босна”. Он был полон похвал султану за устройство здесь типографии и не содержал в себе решительно ничего заслуживающего внимания» ⁹⁸.

⁹³ До этого момента в Боснии и Герцеговине газеты не печатались. В 1850 г. Иван Франьо Юкич организовал издание журнала «Боснийский друг» («Bosanski prijatelj»). Вышло всего четыре номера: в 1850, 1851, 1861, 1870 гг. Все они печатались в хорватских землях.

⁹⁴ Сохранилось лишь 26 номеров.

⁹⁵ Вукова или сербская кириллица — азбука, разработанная в начале XIX в. для сербскохорватского языка Вуком Караджичем на основе герцеговинского диалекта.

⁹⁶ См., напр.: Босански вјестник. 1866. № 4. С. 26–27.

⁹⁷ Подробнее об издании см. *Ademović F.* Op. cit. S. 49–61.

⁹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2328. Л. 35 об.

Газета выходила один раз в неделю на четырех страницах и была билингвой — печаталась на османском языке и сербской кириллице. На страницах издания публиковались новости вилайета и Османской империи, а также иностранные известия. Основными источниками служили газеты, издававшиеся в Константинополе. Перевод материалов с турецкого языка осуществлял Милош Мандич (1843–1894)⁹⁹. Всего вышло 636 номеров. В последнем, от 18 июля 1878 г., сообщалось, что австро-венгерское консульство в Сараеве объявило о готовности армии монархии Габсбургов перейти в Боснию и Герцеговину, что и произошло 29 июля.

С декабря 1868 по 1872 г. выходило еженедельное литературно-политическое издание вилайета «Сараевский цветник» («Сарајевски цвјетник»), которое также было билингвой (всего 170 номеров)¹⁰⁰. Первые выпуски печатались на бумаге желтого цвета — отсюда за газетой закрепилось название «Желтый лист». Главной задачей «Сараевского цветника» было просвещение народа, борьба с невежеством и суевериями. Помимо внутренних и иностранных известий, в издании появилась постоянная рубрика с медицинскими советами, которую вел военный врач из Сараева Вели-бег (родом венгр, Бечлия Галл). Главным редактором газеты был директор вилайетской типографии Мехмед Шачир Куртчехаич (1844–1872)¹⁰¹. Он же являлся основным автором статей. В своих заметках Куртчехаич активно полемизировал с сербскими («Видовдан», «Млада Србија», «Глас народа», «Единство») и черногорской («Црногорац») газетами, а также с изданиями славян Австро-Венгрии («Застава»,

⁹⁹ Бабић Б., Јанић Ј. Указ. соч. С. 58–61; Ademović F. Op. cit. S. 51, 105–107.

¹⁰⁰ Пејановић Ђ. Штампa Босне и Херцеговине 1850–1941. Сарајево, 1949. С. 43–44; Dizdar S. Bibliografija Sarajevskog cvjetnika: prilog povijesti knjige. Sarajevo, 2017.

¹⁰¹ Подробнее о Мехмеде Шачире Куртчехаиче см.: Ademović F. Op. cit. S. 115–117; Dizdar S. Prvi Bošnjački novinar: Mehmed Šaćir Kurtćehajić (1844–1872) // Bosniaca. Časopis Nacionalne i univerzitetske biblioteke Bosne i Hercegovine. God. 17. Br. 17. (decembar 2012). S. 60–67.

¹⁰² См., напр.: Сарајевски цвјетник. 1870. № 9; 1872. № 43, 47, 50.

¹⁰³ См., напр.: Сарајевски цвјетник. 1871. № 35.

«Панчевац», «Народни лист», «Pozor» и др.)¹⁰⁴. Много на страницах «Сараевского цветника» говорилось о сербских экспансионистских планах по отношению к Боснии. Издание было запрещено в княжестве Сербия. После смерти Мехмеда Шачира Куртчехаича, в 1872 г., «Сараевский цветник» перестал выходить¹⁰⁵.

Одной из первых книг, изданных в типографии, стал сборник народных песен, собранных иеромонахом Теофилом Петрановичем (за этим псевдонимом скрывался Боголюб Петранович. — К.М.)¹⁰⁶. В типографии печаталась также учебная литература для школ. В 1867 г. был издан «Букварь для начальных школ в Боснийском вилайете» — за основу был взят «Первый сербский букварь» Вука Караджича (1827 г.)¹⁰⁷. В 1868 г. в свет вышли краткая мировая история и книга для чтения для начальных школ Милоша Мандича. Им же был опубликован первый боснийско-сербский календарь на 1867 год. С 1869 по 1871 гг. был издан ряд учебников для католических школ¹⁰⁸. Публиковались своды законов Османской империи на «боснийском» языке¹⁰⁹ и популярные среди боснийских мусульман труды на местном наречии, но записанные арабской графикой (альхамьядо), мостарца Омера-эфенди Хумо. 13 лет выходил исламский календарь «Салнама» на турецком языке. В 1872 г. появилась книга на иврите¹¹⁰.

¹⁰⁴ *Ademović F.* Op. cit. S. 70.

¹⁰⁵ Помимо «Боснии», «Боснийского вестника» и «Сараевского цветника» в Герцеговине в 1876 г. выходила еженедельная официальная газета «Неретва». Она также являлась билингвой. Сохранилось лишь четыре номера издания. См.: *Ademović F.* Op. cit. S. 83–87.

¹⁰⁶ Сообщение о выходе этой книги было опубликовано на страницах газеты «Боснийский вестник». 1866. № 3–5.

¹⁰⁷ *Бабић Б., Јанић Ј.* Указ. соч. С. 54.

¹⁰⁸ Там же. С. 54–55.

¹⁰⁹ К примеру, в 1871 г. было напечатано 1.200 экземпляров свода уголовных законов. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2333. Л. 4.

¹¹⁰ *Бабић Б., Јанић Ј.* Указ. соч. С. 55–56.

Осман-паша намеревался наладить печать богослужбных книг для православного населения. Он направил ноту боснийскому, мостарскому и зворницкому митрополитам с просьбой предоставить список нужных книг. Боснийский митрополит Игнатий категорически отказался от этого, сославшись на то, что без позволения Константинопольского патриарха он не имеет права одобрить печать. Такая инициатива Осман-паши насторожила и российскую дипломатию. Высказывались опасения о возможном искажении священных текстов и утрате духовного общения с православным населением. Консул Щулепников просил МИД убедить патриарха наложить запрет на данную инициативу¹¹¹.

Этот вопрос разбирали митрополит московский Филарет и Св. Синод¹¹². Было решено предпринять все усилия, чтобы не допустить печати богослужбных книг в вилайете. Одним из главных аргументов было то, что турки могли ознакомиться со священными текстами и найти в них места, которые можно трактовать в их пользу. В результате Осман-паше так и не удалось напечатать ни одной богослужбной книги.

Отъезд Осман-паши из Боснийского вилайета

В 1868 г. Осман-паша получил назначение в Русшук. Российский консул Кудрявцев ликовал. Он крайне негативно в своих донесениях оценивал все действия вали. Особенно его возмущало то, что на должности в санджаках Осман-паша поставил «своих людей» — братьев, сыновей, слуг. Доподлинно же известно лишь об одном сыне вали — Рауф-беге (позже — паше. — *К.М.*), который в разное время управлял Бихачским и Зворницким санджаками (это были самые мусульманские и «проблемные» области. — *К.М.*). Его административная деятельность в этих краях проходила в духе реформ танзимата и положительно оценивалась иностранными агентами. Российские консулы в основном негативно отзывались о чиновниках, которых Осман-паша привез с собой из Белграда. Кроме того, было крайне трудно сразу покончить с самоуправством беговата,

¹¹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 36. Отд. II. Стол 3. Д. 36. Л. 3–12.

¹¹² Там же. Ф. 832. Оп. 1. Д. 112. Л. 74–79 об.

поэтому и представители местной элиты не остались в стороне от власти. Всё это приводило к росту коррупции.

Весть о переводе Осман-паши в Рушук взбудоражила всю Боснию. От имени мусульман и евреев вилайета была составлена депеша с просьбой оставить генерал-губернатора на его посту. Этот документ был передан великому визирю Али-паше. Не остался в стороне и дабробосанский митрополит Дионисий — в многочисленных проповедях он обращался к православной пастве с просьбой вступить за Топал Осман-пашу. Иностранные консулы после совещания также решили действовать в пользу вали¹¹³. Православная и католическая общины Сараева были уверены в том, что удаление генерал-губернатора — это следствие русской политики.

Консул А.Н. Кудрявцев писал по этому поводу Н.П. Игнатьеву: «Блистательная Порта имеет право поздравить себя с этим актом мудрой политики, следствием которой, надобно надеяться, будет водворяться мало-помалу процесс свободного дыхания христианского народа, придушенного и припертого к стене фанатизмом старого Осман-паши»¹¹⁴. Стоит отметить, что не все оценки Кудрявцева в адрес вали были справедливыми.

Судя по всему, сам Осман-паша с большим огорчением воспринял свое новое назначение. По словам Кудрявцева, он рассчитывал оставаться в Боснии до конца своих дней, чтобы завершить все проекты по модернизации вилайета¹¹⁵.

В январе 1869 г. в вилайет прибыл новый генерал-губернатор — Омер Февзи-паша. Его пребывание в Боснии ограничилось одним месяцем. Толком неизвестно, что он успел сделать за это непродолжительное время.

В феврале 1869 г. в Боснию вернули Осман-пашу. Первым делом он принялся исправлять ошибки в кадровой политике. В это время по приказу великого визиря по всей империи вводился запрет для начальников округов и уездов

¹¹³ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2330. Л. 136–136 об.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. Л. 136 об.

назначать на чиновничьи должности родственников в районах своего служения. Таким образом, Осман-паше пришлось удалить из Боснии брата — Махмуд-бея, занимавшего пост травницкого кади (он слыл взяточником и фанатиком¹¹⁶. — К.М.), и сына — Рауф-пашу, бывшего на тот момент зворничким каймакамом.

Помимо этого Осман-паша также отстранил от власти ряд своих приближенных. Данная мера вызвала одобрение у консула Кудрявцева. В одном из донесений к Игнатьеву он пишет: «Прежний любимец Осман-паши вилайетский мектупчи (обер-секретарь), заправлявший всеми делами, удален от должности вследствие представления самого [генерал-]губернатора. Тевфик-бей — турецкий нигилист, был фанатик только относительно взяточничества. Он был представителем юной Турции, проводил идеи реформ и улучшений, находил настоящее своего отечества скорее черным, чем светлым, но зато брал взятки во всех процессах от имени своего, от имени генерал-губернатора, от имени министров. Осман-паша, привязавшийся к этой личности и не могший вести без нее ни одного дела, был далеко от мысли, что его подчиненный собирает тысячи червонцев для себя, но от имени его»¹¹⁷.

Последние месяцы управления Боснией вали провел в пути. В марте ему было поручено встретиться с императором Австро-Венгрии Францем Иосифом, который совершал поездку по Хорватии и Далмации. Встреча состоялась в Риеке, где император наградил генерал-губернатора орденом Св. Леопольда 1 степени.

В мае 1869 г. Осман-паша получил телеграмму из Константинополя, в которой ему предписывалось срочно приехать в столицу. Причины отзыва вали неизвестны. К тому времени уже не стало его главного покровителя — Фауд-паши. Так закончилось его управление в Боснии. Прибыв в Константинополь, он купил себе дом на Босфоре, где и провел последние годы жизни.

Осман-паше постоянно приходилось лавировать между интересами православных, мусульман, католиков, евреев.

¹¹⁶ Там же. Д. 2331. Л. 44–44 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 43 об.–44.

В такой ситуации невозможно было угодить всем. Этот боснийский вали старался одинаково относиться к представителям всех вероисповеданий. Правда, такая политика не находила должного отклика у боснийского общества. Мусульманам не нравилось его лояльное отношение к христианскому населению. Деятели сербского комитета по освобождению Боснии докладывали в Сербию, что многие турки ненавидят своего вали¹¹⁸.

Попытки Порты создать в Боснии и Герцеговине единое гармоничное общество не удалось. Это противоречило вековым устоям империи и требовало длительной и планомерной работы. Сербская и русская пропаганда мешали налаживанию контактов с православным населением, католики же были полностью под влиянием Австро-Венгрии. По сообщениям российских консулов, при Осман-паше турецкая тайная полиция работала особенно хорошо¹¹⁹. Он был прекрасно осведомлен о деятельности Омладины и сербского правительства в регионе, знал о существовании сербской агентурной сети и подготовке восстания, всячески противодействовал сербской пропаганде. Соответственно, сербы княжества относились к Осман-паше негативно и с нетерпением ждали его удаления из Сараева¹²⁰. Это явилось одной из причин охлаждения отношений вали с российским консульством. В 1867 г. боснийские власти запретили ввоз и распространение славянских газет из Австро-Венгрии и Сербии¹²¹. Почтовым конторам было предписано «иметь стражайший присмотр за перепиской местных жителей с иностранными землями». Герцеговинские власти просили иностранные консульства запретить их курьерам перевозить личные письма жителей региона¹²².

¹¹⁸ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/31.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 119; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 142.

¹²⁰ Об этом свидетельствуют донесения сербских агентов в Боснии к Йовану Ристичу. См.: АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/37.

¹²¹ Из донесения Н.А. Иларионова к Н.П. Игнатьеву — АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 2–2 об.

¹²² Там же. Л. 2 об–3.

В таких условиях нельзя было надеяться на полное уравнивание в правах всех жителей Боснии и Герцеговины. Мусульманское население сохраняло за собой больше преференций. Осман-паша был первым боснийским вали, который прислушивался к голосам всех категорий и слоев общества Боснии. Несмотря на слабое здоровье и немолодой возраст, он много ездил по вверенным ему территориям, стараясь лично ознакомиться с проблемами населения.

В совокупности Топал Шериф Осман-паша занимал пост генерал-губернатора Боснии семь лет и четыре месяца. Это был беспрецедентный случай в истории управления регионом — его преемники на этом посту не задерживались больше чем на год. Мечта вали-реформатора провести остаток жизни в Боснии так и не исполнилась, но одна из улиц современного Сараева носит имя Топал Осман-паши.

Политика монархии Габсбургов в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е годы

Еще с XVII в. монархия Габсбургов неоднократно предпринимала попытки присоединить Боснию к своим владениям. В 1768–1774 гг. в Вене слышались предложения занять части Боснии и сербских земель с Белградом вместо участия в первом разделе Польши. По балканскому проекту Екатерины II западные Балканы также отходили Габсбургам¹²³. В начале XIX в. в Боснии и Герцеговине появилась латиница. Этот вид письменности был внедрен в католическую среду австрийцами. Свою агентурную сеть в Боснии Австрия развернула после 1849 г. Причиной послужили активизация внешней политики Сербского княжества и опыт революций конца 1840-х годов. Австрийцы первыми из европейцев создали обширную консульскую

¹²³ См., напр.: Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998; Век Екатерины. Дела балканские. М., 2000. С. 213–219; История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004; *Ари Г.Л.* О Греческом проекте Екатерины II // Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013. С. 35–52.

сеть на землях Боснии и Герцеговины, которая охватывала Сараево, Мостар, Травник, Ливно, Тузлу, Нови-Пазар, Требинье, Баня-Луку, Бихач и Брчко¹²⁴. При этом они тратили по 20.000 форинтов ежегодно на борьбу с сербскими тайными организациями. В 1852 г. Австрия добилась от Порты права покровительства над католическим населением Боснии и Герцеговины, и надо признать, что католический Рим куда больше заботился здесь о своей пастве, нежели Константинопольский патриарх о православных. Российский вице-консул в Мостаре Иларионов писал в Московский славянский комитет: «Католики, несмотря на свою малочисленность в сравнении с православными, всюду по Герцеговине имеют и хорошо устроенные церкви, и порядочные школы, содержимые на деньги Рима и пропаганды. Притом же всё здешнее католическое духовенство вообще далеко превосходит своим образованием православное духовенство Герцеговины, состоящее, за самым ничтожным исключением, из едва грамотных священников»¹²⁵.

В Боснии дела обстояли точно так же. При каждом католическом монастыре находилось училище, где дети получали духовное воспитание. По окончании курса молодые люди отправлялись продолжать обучение в Италию, Австрию, Венгрию. Там они находились на попечении боснийских монастырей или австрийского правительства. Австрия распространяла свои стипендии через фратеров и католическое духовенство. Помимо духовных учебных заведений молодые люди часто обучались на медицинских факультетах.

При каждом католическом монастыре работала аптека. Медицина в вилайете была развита очень плохо, поэтому вполне естественно, что наряду с католиками к услугам этих аптек прибегали и православные, и мусульмане. Об этих обстоятельствах сообщали российские консулы, говоря

¹²⁴ *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2008. С. 261; *Šljivo G.* Bosna i Hercegovina u XIX stoljeću u spisima stranjih izveštaca. Теšanj, 2008. S. 7–95.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 72. Л. 54 об.

об опасности католической пропаганды¹²⁶. На основе их донесений Н.А. Попов составил уже упоминавшуюся выше брошюру «Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами»¹²⁷. Интересно, что ни сербы княжества, ни русские не стремились устроить ничего подобного в регионе, хотя даже Франция посылала аптекарские принадлежности и лекарства в католические монастыри¹²⁸.

По мнению российских консулов, качество образования в школах при католических монастырях оставляло желать лучшего, однако пропаганда воспитывала настоящих религиозных фанатиков, которые «презирали сербскую народность и переставали отождествлять себя с ней»¹²⁹.

Католическое духовенство получало денежную помощь и поддержку от австрийского консульства. В 1869 г. открылась католическая семинария в Любушском уезде (Герцеговина)¹³⁰. В 1872 г. ее посещало около десяти человек. Они занимались в просторном помещении, у каждого ученика была отдельная комната и полное содержание¹³¹. В тот же год в Баня-Луке трапписты начали строительство монастыря, училища и больницы на венгерские средства. В 1870-е годы, когда некогда хорошая школа для православных детей в Мостаре пришла в упадок, там успешно работали католическое мужское училище и школа для девочек, при которой располагалась больница¹³². Накануне школьной реформы 1874 г. эти два учебных заведения были слиты в одно, во главе которого стояли сестры милосердия. Католики надеялись, что османские

¹²⁶ Там же. Д. 68. Л. 84–93 об.

¹²⁷ Попов Н.А. Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 85 об.

¹²⁹ Там же. Л. 90 об.–91.

¹³⁰ Там же. Д. 72. Л. 54 об.–55.

¹³¹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2135. Л. 180–183 об.

¹³² Там же.

власти не переведут школу под управление училищной комиссии¹³³. При финансовой поддержке Австро-Венгрии и боснийского епископа Штросмайера в Сараеве был основан дом сестер милосердия. Российский консул Кудрявцев хорошо отзывался о работе этого училища: «Дети попали в руки опытных сестер, весьма усердных и преданных своему делу, ибо ученицы в короткое время сделали значительные успехи и удовлетворительно отвечали на предложенные им вопросы»¹³⁴. Н.А. Иларионов в одном из донесений Н.П. Игнатьеву писал следующее: «Католические священники стоят по образованию своему несравненно выше всего православного духовенства, не имеющего, можно сказать, в настоящее время ни одного духовного лица, которое могло бы стать в уровень по образованию своему с последним католическим монахом»¹³⁵.

В конкурентной борьбе с австрийцами сербы проигрывали. Представители двуединой монархии умело и намного искуснее действовали в регионе, они легче находили язык с местными властями, нежели российские дипломаты, не жалели на это средств, в том числе материальных.

Российские консулы обращали внимание на австрийскую пропаганду в прессе: «Уже с давних пор австро-венгерские газеты, получающие внушения из правительственных сфер, стали распространять, особенно же в последнее время, самые ложные известия о Боснии и Герцеговине, представляя положение этих провинций в столь напряженном состоянии, что как будто бы они находятся накануне всеобщего восстания против турецкого господства. Цель сообщения подобных известий весьма понятна и заключается, без сомнения, в исконных стремлениях мадьяр подчинить себе Боснию и Герцеговину», — сообщал Иларионов Игнатьеву¹³⁶.

Неоднократно австрийские дипломаты предпринимали попытки дискредитировать российские консульства. Так,

¹³³ Там же. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 631. Л. 35 об.

¹³⁴ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 74–76.

¹³⁵ Там же. Д. 2135. Л. 180.

¹³⁶ Там же. 2055. Л. 47 об.

в начале 1873 г. по Герцеговине распространились слухи о массовом переселении местных жителей в Россию. Многие герцеговинцы направились в российские дипломатические представительства за паспортами и получали отказ. Разбирательства по этому вопросу проводили османские власти. Российский вице-консул в Мостаре Я.П. Славолубов выяснил, что за этим стояли австрийские дипломаты¹³⁷. По его словам, к февралю 1873 г. «слухи о мнимом переселении герцеговинцев в Россию приутихли. Кроме косвенного разведывания мостарцами о том, — писал он, — обращалось во вверенное мне вице-консульство 7 человек, из коих двое, усомнившись в моих разуверениях, поспешили в Рагузу со своими заявлениями тамошнему нашему консулу»¹³⁸.

С середины 1860-х годов иностранные подданные европейских государств получали право приобретать недвижимость в Османской империи. Австро-Венгрия активно использовала эту возможность. Началось строительство железных дорог. «Австрийские топографы и инженеры разъезжают по Боснии и Герцеговине, занимаются отправкой топографических снимков и собиранием сведений о состоянии дорог и переправ через реки, равно и о том, какие продовольственные средства представляет тот или другой [предел], и проповедают они о благоденствии, каким пользуются народы под державой “бечкого кесаря”», — сообщал российский консул в Рагузе К.Д. Петкович в МИД П.Н. Стремоухову¹³⁹.

В это же время Восточный вопрос во внешней политике Габсбургской монархии становится одним из приоритетных¹⁴⁰. Вырабатываются планы вторжения в Боснию.

¹³⁷ Там же. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 629. Л. 16 об.–17 об.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. Д. 732. Л. 20 об.

¹⁴⁰ См.: *Косик В.И.* Австрийская политика в Боснии и Герцеговине (По материалам советско-югославских публикаций документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864». М., 1985; «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875». М., 1988) // *Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования.* Вып. 13. М., 1991. С. 141–147.

С точки зрения венского двора, у Боснии было лишь два пути: оставаться в составе Османской империи или стать частью монархии Габсбургов. Иного быть не могло¹⁴¹.

Большие колебания по вопросу о присоединении Боснии возникали у венгров. В венгерском обществе царил страх перед панславизмом или панрусизмом¹⁴². Это очень хорошо демонстрируют записи из дневника Беньямина фон Каллаи. Еще в 1868–1869 гг. он писал о том, что присоединение Боснии к Сербии — не худший вариант. Если же она станет частью короны Святого Стефана, то проблем с хорватами не избежать¹⁴³. Однако в 1870 г. в его дневниковых записях уже четко начинают вырисовываться планы присоединения Боснии к монархии Габсбургов¹⁴⁴.

В Боснии ходило множество слухов о будущем вилайета. Так, в 1873 г. бытовало мнение, что Россия и Австро-Венгрия уже решили боснийский вопрос. В обмен на присоединение Галиции к России та одобрит присоединение Боснии к Габсбургской монархии, а Герцеговина станет частью Черногории¹⁴⁵.

Окончательно вопрос о необходимости присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии был решен в январе 1875 г.¹⁴⁶ Для Вены Босния и Герцеговина должны были стать территорией, обеспечивающей безопасность Далмации. Кроме того, нужно было не допустить образования крупного сербского государства у своих границ.

Если сравнивать положение католического и православно-славного населения в Боснийском вилайете, то можно

¹⁴¹ Медяков А.С. Внешняя политика Австро-Венгрии 1867–1871 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1996. С. 207.

¹⁴² Там же. С. 173–174.

¹⁴³ Дневник Беньямина Калаја. 1868–1875. Београд; Нови Сад, 1976. С. 72, 176.

¹⁴⁴ Там же. С. 342.

¹⁴⁵ Об этом упоминают в своих донесениях к Й. Ристичу сербские агенты в Боснии. См.: АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/97; 12/114.

¹⁴⁶ История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012. С. 188–189.

констатировать, что так нелюбимая российскими дипломатами австрийская активность была направлена на заботу о своей пастве, не в пример лучше, чем это делали Россия и Сербия о православных. Россия и Австрия умело разделили между собой зоны влияния. Русская помощь никогда не касалась католиков, а австрийская обходила стороной православных. В конечном итоге именно эти две державы решили судьбу Боснии и Герцеговины и сделали это не на поле сражений, как полагал Гарашанин, а за столом переговоров.

Летом 1876 г. в Рейхштадском замке состоялась встреча русского императора Александра II и министра иностранных дел А.М. Горчакова с императором Австро-Венгрии Францем Иосифом и министром иностранных дел Д. Андраши. В устной форме была достигнута договоренность о передаче турецкой Хорватии Австро-Венгрии; Боснию и Герцеговину предполагалось разделить между Сербией и Черногорией. В январе 1877 г. между державами была подписана Будапештская конвенция. Секретное соглашение заключили российский посол в Вене Е.П. Новиков и Д. Андраши. В обмен на нейтралитет монархии Габсбургов в предстоящей войне России против Турции предусматривалась австрийская оккупация Боснии и Герцеговины, за исключением территории Нови-Пазарского санджака. Заключенный в июле 1878 г. Берлинский трактат подтвердил право Австро-Венгрии на оккупацию Боснии и Герцеговины. В Нови-Пазарском санджаке были размещены австрийские военные гарнизоны¹⁴⁷. Начался процесс присоединения боснийских земель к Габсбургской монархии.

¹⁴⁷ Об этом см.: Пахомова Л.Ю. Боснийский вопрос в российской внешней политике в 1878–1908 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2010.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ 5

**Население Боснии по переписи 1850–1851 гг.
в редакции Гильфердинга¹⁴⁸**

Санджак	Нахия	Число домов	Христианских жителей мужского пола	Число домов	Магометанских жителей мужского пола
Сараевский	Сараево	2.002	7.850	3.787	10.565
	Рогатица	482	1.910	951	4.526
	Высоко	1.398	4.275	1.218	6.496
	Фойница	1.306	4.416	668	2.810
	Неретва	326	510	504	2.147
Травницкий	Травник	1.345	5.802	1.438	4.993
	Зеница	728	2.824	1.512	5.277
	Скопле (Прусац)	2.209	8.589	1.507	5.172
	Яйце	2.237	9.943	1.002	3.340
	Езеро (Гюльхиссар)	1.420	6.789	292	1.107
	Гламоч	692	3.251	224	806
	Ливно (Хлевно)	2.219	9.367	512	1.708
Прозор (Рама)	516	2.298	452	1.702	
Банялукский	Баня-Лука	8.241	39.818	1.897	5.316
	Дервент	3.472	12.718	498	1.731
	Тешан	2.556	9.413	2.003	6.283
Бихачский	Бихач	1.347	7.631	1.714	6.865
	Крупа	620	3.945	1.072	4.500
	Новый	1.029	5.901	351	1.703
	Дубица	625	3.044	222	805
	Приедор	1243	6.134	740	2.555
	Козарац	697	4.117	493	1.857
	Иваньска (Ново Село)	1.553	8.581	571	2.180
	Старый Майдан	941	4.608	630	2.498
	Ключ	597	2.398	621	2.445
Петровац (Острожац)	397	2.902	2.155	9.525	

¹⁴⁸ Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. М., 1873. С. 283–284.

Зворничский	Тузла Дольная	1.006	3.555	3.076	10.089
	Тузла Горная	117	781	944	2.896
	Зворник	1.612	5.228	1.726	5.324
	Биелина	3.537	10.760	1.541	4.284
	Брчко	1.151	4.822	643	2.388
	Градашац	6.896	20.117	1.747	16.002
	Маглай	1.623	6.023	960	3.359
	Кладань	191	788	518	1.640
	Сребреница	1.616	6.951	1.702	6.942
Нови-Пазарский	Нови-Пазар	771	4.260	1.856	5.952
	Трговиште	618	2.622	1.562	6.068
	Митровица	360	1.026	367	1.491
	Бахор	687	2.695	1.365	4.802
	Сеница	381	1.955	467	1.813
	Новая Варош	1.282	5.761	333	1.837
	Вышеград	363	1.173	694	2.477

Население Боснии по переписи 1850–1851 гг. в редакции Паско Васы-эфенди¹⁴⁹

Санджак	Нахия	Христиане мужского пола	Магометане мужского пола	Евреи мужского пола	Цыгане мужского пола
Сараевский	Сараево	7.850	10.565	857	187
	Рогатица	1.910	4.526	–	66
	Высоко	4.276	6.496	–	62
	Фойница	4.416	2.810	10	29
	Неретва	540	2.147	–	58
Всего	45705	18.992	25.444	867	402
Травницкий	Травник	5.802	4.993	163	73
	Зеница	2.824	5.277	11	85
	Скопле (Пруссац)	8.589	5.172	–	277
	Яйце	9.943	3.345	–	121
	Езеро (Гюльхиссар)	6.789	1.107	–	12
	Гламоч	3.251	806	–	–
	Ливно (Хлевно)	9.367	1.708	–	63
Прозор (Рама)	2.298	1.703	–	5	

¹⁴⁹ *Pasko Vasa-efendija. Bosna i Hercegovina za vreme misije Džvet-efendije.* Banja Luka, 2011. S. 28–29.

в контексте политики Османской империи и монархии Габсбургов

Всего	73.784	48.863	24.111	174	636
Банялукский	Баня-Лука	39.818	5.316	–	231
	Дервент	12.718	1.731	–	164
	Тешан	9.413	6.283	–	79
всего	75.754	61.949	13.331	–	474
Бихачский	Бихач	7.631	6.865	–	26
	Крупа	3.945	4.500	–	39
	Новый	5.901	1.703	–	34
	Дубица	3.044	805	–	73
	Приедор	6.134	2.555	–	49
	Козарац	4.117	1.857	–	21
	Иваньска (Ново Село)	8.581	2.180	–	8
	Старый Май- дан	4.608	2.498	–	–
	Ключ	2.398	2.445	–	32
	Петровац (Острожац)	2.902	9.525	–	46
Всего	84.522	49.261	34.933	–	328
Зворничский	Тузла Дольна	781	2.896	–	57
	Тузла Горна	3.555	10.089	–	379
	Зворник	5.228	5.324	–	341
	Биелина	10.765	4.284	–	277
	Брчко	4.822	2.388	–	216
	Градашац (Грачаница)	25.117	16.002	–	533
	Маглай	6.023	3.353	–	88
	Кладань	788	1.640	–	9
Сребреница	6.901	6.942	–	440	
Всего	119.288	64.030	52.918	–	2.340
Нови- Пазарский	Нови-Пазар	4.620	5.952	33	66
	Трговиште	3.622	6.068	–	–
	Митровица	1.026	1.491	–	26
	Бахор	2.695	4.802	–	50
	Сеница	1.955	1.813	–	18
	Новая Варош	5.761	1.837	–	142
	Вышеград	1.173	2.477	–	75
Всего	45.425	20.492	24.440	33	460

**Население Герцеговины по переписи 1850–1851 гг.
в редакции Паско Васы эфенди¹⁵⁰**

Срез	Мусульмане муж.	Христиане муж.	Цыгане	Всего
Мостар	3.795	9.001	111	12.907
Гацко	2.060	6.230	89	8.379
Никшич	1.791	2.479	13	4.283
Плевля	2.845	3.760	–	6.605
Благай	946	570	16	1.529
Коница	799	1.787	40	2.636
Любушка	1.275	7.577	26	8.878
Столац	1.775	6.294	128	8.197
Колашин	2.570	1.688	28	4.286
Невесинье	1.383	5.263	64	6.710
Требинье	3.132	8.314	158	11.604
Дувно	665	2.511	33	3.210
Приеполе	1.867	4.076	62	6.005
Фоча	7.740	3.636	151	11.527
Чайнице	3.313	1.620	117	5.050
Всего	36.846	64.806	1.035	102.687

**Статистические данные о населении
Боснийского вилайета по переписи 1865 г.¹⁵¹**

№	Санджаки и казы	Прав. м.д.	Катол. м.д.	Мусул м.д.	Евр. м.д.	Итого м.д.	Примерно обоего пола
а)	Босния						
1.	Сараевский						
1.	Сараево (Босна Сарай)	9.737	1.549	21.936	3.673	36.895	73.790
2.	Рогатица (Челеюи-базар)	3.114	–	5.017	–	8.131	16.262
3	Чайница и Гориджа	6.316	–	1.601	–	7.917	15.834

¹⁵⁰ Ibid. S. 64. Подсчеты в источнике даны с ошибками.

¹⁵¹ Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб., 1868. С. 192–194.

в контексте политики Османской империи и монархии Габсбургов

4.	Вышеград	2.106	–	2.814	–	4.920	9.840
5.	Кадия (Кладанье)	1.203	–	2.069	–	3.272	6.544
6.	Високо и Вареш	2.016	7.359	7.013	–	16.388	32.776
7.	Фойница и Крешево	61	8.994	2.715	–	11.770	23.540
Итого:		24.553	17.902	43.165	3.673	89.293	178.586
2.	Банялукский						
1.	Банялука и Прнявор	43.226	2.018	3.782	58	49.084	98.168
2.	Градишка	9.360	390	2.109	–	11.859	23.718
3.	Дервент, Брод и Кешак	14.943	12.490	1.742	–	29.175	58.350
4.	Тешаны, Жебче и Доброй	9.114	8.998	6.390	–	24.502	48.004
Итого:		76.643	23.896	14.023	58	114.620	229.240
3.	Травникский						
1.	Травник	660	11.526	5.092	107	17.385	34.770
2.	Зеница	2.114	1.690	5.310	–	9.414	18.828
3.	Скопло и Бутьейно	4.900	8.814	5.202	–	18.916	37.832
4.	Яйце	6.700	7.732	3.324	–	17.756	35.512
5.	Езеро (Гюльхисар)	5.902	1.652	1.102	–	8.694	17.388
6.	Прозор и Рам	42	4.614	1.708	–	6.364	12.728
7.	Ливно	5.013	9.621	1.618	–	16.252	32.504
8.	Гламоч	3.506	–	801	–	4.307	8.614
Итого:		29.175	45.649	24.157	107	99.088	198.176
4.	Бихачский						
1.	Бихач	8.414	1.213	6.614	–	16.241	32.482
2.	Крупа	4.150	–	4.213	–	8.363	16.726
3.	Нови	6.040	–	1.814	–	7.854	15.708
4.	Дубица, Козарац, Костяница	7.563	814	5.060	–	13.437	26.874
5.	Иванска или Сазин	6.013	3.413	2.063	–	11.489	22.978
6.	Приедор	5.046	1.927	2.631	–	9.604	19.208
7.	Старый Майдан	3.180	1.720	2.552	–	7.452	14.904
8.	Ключ	2.436	–	2.339	–	4.775	9.550
9.	Петровац	3.104	–	9.493	–	12.597	25.194
Итого:		45.946	9.087	36.779	–	91.812	183.624
5.	Зворникский						
1.	Горная Тузла	506	6.009	2.930	–	9.445	18.890
2.	Дольная Тузла	4.796	–	11.302	–	16.098	32.196
3.	Зворник	7.304	–	5.730	–	13.034	26.068
4.	Сребрница	7.216	–	7.113	–	14.329	28.658
5.	Бирач или Власинац	3.009	–	618	–	3.627	7.254
6.	Белина и Янья	12.406	–	8.014	93	20.513	41.026

Другой ракурс: русские планы в отношении Боснии и Герцеговины

7.	Брчка и Брезово поле	6.112	8.004	2.411	–	16.527	33.054
8.	Градач, Модрич, Шамац	30.011	14.113	19.363	–	63.487	126.974
9.	Грачаница	6.323	1.206	1.400	–	8.929	17.858
10.	Маглай	8.014	–	3.682	–	11.696	22.392
Итого:		85.697	29.332	62.563	93	177.685	355.370
б)	Старая Сербия						
6.	Нови-Пазарский						
1.	Новый Пазар	5.614	–	6.124	214	11.952	23.904
2.	Митровица	1.410	–	1.527	–	2.937	5.874
3.	Гусинье	2.219	–	897	–	3.116	6.232
4.	Бераш или Васоиевичи	3.760	–	420	–	4.180	8.360
5.	Трговиште	3.972	–	7.118	–	11.090	22.180
6.	Бугор	4.018	–	5.713	–	9.731	19.462
7.	Преполье	5.590	–	1.954	–	7.544	15.088
8.	Тахлиджа (Плевле)	6.713	–	2.935	–	9.648	19.269
9.	Колашин	2.906	–	2.663	–	5.569	11.138
10.	Сеница	2.895	–	2.114	–	5.009	10.018
11.	Новый Варош	8.906	–	1.924	–	10.830	21.660
Итого:		48.003	–	33.389	214	81.606	163.212
в)	Герцеговина						
1.	Мостарский						
1.	Мостар	10.394	Показаны с правосторонними; всего 3.095 д.	4.961	39	15.394	30.788
2.	Столац	7.898		1.418	–	9.316	18.632
3.	Почитель, Благай, Габела	2.811		1.209	–	4.020	8.040
4.	Невесинье	6.342		961	–	7.303	14.606
5.	Фоча	3.945		4.072	–	8.017	16.034
6.	Коница и Неретва	5.683		2.973	–	8.656	17.312
7.	Любушка и Дувно	12.452		1.232	–	13.684	27.368
8.	Никшич	3.011		1.532	–	4.543	9.086
9.	Гацко	5.117		578	–	5.695	11.390
10.	Требинье	12.150		3.009	–	15.159	30.318
11.	Билеч	2.452		209	–	2.661	5.322
Итого:		72.255	22.154	39	94.448	188.896	
Итого для всего вилайета		344.777	128.960	243.203	4.091	721.031	1.442.062
Частные итоги разнятся от общего на:		+34.400	–	-6.973	-93	+27.521	+55.042

Статистические данные о населении Боснии и Герцеговины прусского консула Блау в 1860-е гг.¹⁵²

Категория населения	Босния	Герцеговина	Нови-Пазар
Мусульман	444.505 (из них 25.190 военных)		
Католиков	171.764		
Православных	431.201		
Евреев	3.759		
Цыган	10.798		
Итого	780.426	147.770	119.703
Всего	1.036.837 и 25.190 войс.		

Статистические данные о населении Боснии и Герцеговины австрийского капитана Тёммеля в 1860-е гг.¹⁵³

Категория населения	Босния	Герцеговина	Нови-Пазар
Мусульман	325.020	56.000	61.150
Католиков	136.287	49.217	–
Православных	390.460	101.348	79.948
Евреев	2.145	65	95
Цыган	7.890	1.340	807
Итого	861.802	207.970	142.000
Всего	1.211.772		

Статистические данные о населении Боснии и Герцеговины австрийского капитана Роскевича в 1860-е гг.¹⁵⁴

Категория населения	Босния	Герцеговина	Нови-Пазар
Мусульман	300.000	55.000	23.000
Католиков	122.000	42.000	–
Православных	360.000	130.000	100.000
Евреев	5.000	500	200
Цыган	9.000	2.500	1.800
Итого	796.000	230.000	125.000
Всего	1.151.000		

¹⁵² Там же. С. 194.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

Список сараевских пашей (вали) в 1856–1878 гг.¹⁵⁵

Решид Мехмед-паша: с 26 октября 1856 г.

Кайни Мехмед-паша: с 1 июля 1858 г.

Калканделени Акиф Мехмед-паша: с 18 по 27 ноября 1858 г.

Кайни Мехмед-паша : с 27 ноября 1858 г. (второй раз)

Осман Мазхар-паша Сулейманпашич¹⁵⁶: с 10 июня 1859 г.

Топал Шериф Осман-паша: с 18 декабря 1861 г.

Омер Февзи-паша: с 21 января 1869 г.

Топал Шериф Осман-паша: с 17 февраля 1869 г. (второй раз)

Сафвет-паша: с 19 мая 1869 г.

Акиф Мехмед-паша: с 27 апреля 1871 г. (второй раз)

Мехмед Асим-паша: с 10 сентября 1871 г.

Мехмед Рашид-паша: с 23 августа 1872 г.

Мустафа Асим-паша: с 7 ноября 1872 г.

Мехмед Акиф-паша: с 27 ноября 1873 г. (третий раз)

Лофчели Дервиш Ибрагим-паша: с 6 апреля 1874 г.

Ахмед Хамди-паша: с 4 сентября 1875 г.

Реуф-паша: с 30 октября 1875 г.

Йенишехирли Ибрагим-паша: с 6 января 1876 г.

Мехмед Назиф-паша: с 7 июля 1876 г.

Ускударли Ахмед Мажар (Мазхар)-паша: с 18 мая 1877 г.

¹⁵⁵ *Muvekkit Salih Sidki Hadžihuseinović. Povijest Bosne. Knj. 2. Sarajevo, 1999. S. 1068–1297.*

¹⁵⁶ Родом из Боснии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1850–1870-е годы стали временем знакомства российского общества с загадочным миром славян Боснии и Герцеговины. Решающую роль в этом сыграли российские дипломаты на Балканах, деятели славянских благотворительных комитетов и Св. Синод. Ключевыми фигурами в установлении связей между Россией и Боснией были А.Ф. Гильфердинг, М.Ф. Раевский, А.Д. Блудова, Н.А. Попов, И.С. Аксаков.

Не случайно, что первое комплексное этнографическое исследование о Боснии и Герцеговине принадлежит перу А.Ф. Гильфердинга, человека, который вошел в историю как первый консул Российской империи в Сараеве и являлся активным деятелем Славянского комитета. Он открыл русскому читателю яркий мир балканских земель, о которых почти ничего не знали, показал сложность и многообразие пестрого социального, национального и конфессионального состава этих провинций.

Начиная с Гильфердинга, все российские консулы в Боснии и Герцеговине тесно сотрудничали с благотворительными организациями, направляли в них отчеты о состоянии школьного дела и православной церкви, занимались распределением посылаемой помощи, выступали агентами Славянского комитета.

Св. Синод также не был в стороне от проблем Боснии и Герцеговины. Одной из своих главных задач он провозглашал противодействие католической пропаганде, а также контролировал всю русскую помощь православным церквям региона, все церковные связи с Боснией и Герцеговиной.

Российские дипломаты обратили внимание обществственности и начальства на проблемы образования в крае. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в указанный период времени Московский славянский благотворительный комитет играл значимую роль в организации помощи населению Боснии и Герцеговины. В регионе была развернута деятельность по просвещению местных православных жителей. Подобную политику проводило и Сербское княжество. Из России и Сербии в Боснию и Герцеговину

поступали средства на открытие школ, учебники, богослужбные книги и церковная утварь; был организован процесс обучения представителей местного православного населения в Белграде, Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Одессе.

Главной задачей как официальных кругов России, так и ее общественных благотворительных организаций стала забота о православном населении Боснии и Герцеговины — именно оно было основным адресатом всей помощи. Ответственность России за состояние православного мира была не просто прикрытием для воплощения в жизнь внешнеполитической стратегии правительства, а вполне реальной позицией.

Образ угнетенного и замученного турками народа Боснии и Герцеговины намеренно создавался русскими славянофилами. Сочувствующие делу Славянского комитета российские дипломатические агенты в Сараеве и Мостаре порой замалчивали факты позитивной политики османских управленцев в регионе. Так, один из самых передовых генерал-губернаторов Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паша предстал на страницах русских газет и в письмах российских консулов в Славянский комитет лишь «гонителем и душителем православия». Между тем он делал очень много для развития края. Не упоминали в России и о значительной финансовой помощи, выделяемой турецким султаном на строительство православных соборов и развитие школьного дела в Боснии и Герцеговине. Османские власти достаточно поздно принялись за благоустройство вилайета. В условиях внутреннего кризиса, жесткого диктата со стороны Европы и активной пропаганды извне Османской империи было трудно сохранить за собой Боснию.

В 1860-е годы Россия активно поддерживала балканские народы в их планах по подготовке массового восстания, при этом основная ставка делалась на лидера формирующегося Балканского союза — княжество Сербия. Внешнеполитическая программа сербского правительства включала в себя присоединение Боснии и Герцеговины. Однако планы совместной борьбы балканских народов против османского владычества оказались на этом этапе утопичными. Выявилось слишком много противоречий между участниками союза, особенно между Черногорией и Сербией.

Анализ, проведенный российскими дипломатами и общественными деятелями в 1850–1870-е годы, позволил дать объективную оценку ситуации в Боснии и Герцеговине. Российский МИД пришел к выводу о преждевременности сербских планов по присоединению этого края. Хотя многие в России, в том числе и М.Ф. Раевский, уже к 1870-м годам осознали, что слияние провинций с Сербией не приведет к решению боснийской проблемы, лидер славянофилов И.С. Аксаков активно продолжал работать над сербско-боснийским сближением.

Ни Сербию, ни Россию, ни Австро-Венгрию не волновал вопрос о том, чего же на самом деле хотели жители Боснийского вилайета. Со стороны Сербии велась активная антитурецкая пропаганда, но что в реальности могла она предложить боснякам и герцеговинцам? Молодое вассальное княжество вряд ли смогло бы способствовать развитию этого региона.

Восстание, начавшееся в Герцеговине летом 1875 г., вызвало широкий общественный резонанс. Все его события активно освещались в русской периодической печати. Пресса стала выразителем идей панславизма и превратилась в политическую силу. В России началось массовое движение помощи повстанцам. По всей империи собирались денежные средства на борьбу «братьев по крови и вере» с «многолетним турецким гнетом».

Россия с самого начала придерживалась двойственной политики: с одной стороны, шла активная поддержка Сербии и борьба с католической пропагандой. В то же время не исключалась возможность оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. События развивались по второму сценарию. Вопрос о полной независимости края или его широкой автономии также был весьма проблематичным. Боснийский вилайет во всех отношениях являлся чрезвычайно отсталым, не случайно он имел негласный статус «захолустья всей Европы».

25-я статья Берлинского трактата, явившегося итогом русско-турецкой войны 1877–1878 гг., давала Австро-Венгрии право на оккупацию территорий Боснии и Герцеговины. В июле — августе 1878 г. Боснийский вилайет де-факто перестал быть частью Османской империи.

20-летний опыт работы российских дипломатов в Боснии и Герцеговине, хотя и не всегда удачный, имел большое значение для формирования балканской политики империи. Сложились представления о крае, его проблемах и особенностях. Эти земли перестали быть «terra incognita». В дальнейшем, как только вновь возникал боснийский вопрос, российские дипломаты не раз обращались к донесениям своих предшественников. Всесторонний анализ ситуации показал всю сложность работы в регионе. Это позволило занять взвешенную и продуманную позицию в боснийском вопросе и во многом уберегало Россию от серьезных международных конфликтов на протяжении последующих 40 лет.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Фонд 146. Славянский стол: Д. 3968, Д. 6668. Д. 11759, Д. 12911.

Фонд 161. Главный архив: Д. 48, Д. 433, Д. 802, Д. 803, Оп. I-1: Д. 35, Д. 41, Оп. V-A2: Д. 619, Д. 621, Д. 622, Д. 629, Д. 631, Д. 732, Д. 801, Д. 807, Д. 808.

Фонд 180. Посольство в Константинополе: Д. 748, Д. 1390, Д. 2046, Д. 2048, Д. 20516, Д. 2052, Д. 2053, Д. 2055, Д. 2056, Д. 2058, Д. 2135, Д. 2322, Д. 2323, Д. 2325, Д. 2328, Д. 2329, Д. 2331, Д. 2332, Д. 2335, Д. 2336, Оп. 517/2: Д. 2330, Д. 2333, Д. 2334, Д. 3230.

Архив Сербии (АС)

Фонд Илија Гарашанин (ИГ): 1072.

Фонд Министарство просвете (МПс): 1857. III. 92, 1859. XII. 8, 1860. I. 20, 1860. VII. 1246, 1861. IV. 772, 1866. I. 12, 1866. I. 51, 1866. I. 200, 1866. VII. 1503, 1866. VIII. 1503, 1867. I. 194, 1868. II. 169, 1868. IV. 1131, 1869. IV. 727, 1870. II. 281, 1877. II. 144, 1877. IV. 56.

Фонд Митрополија Београдска (МБ): 1856: 383, 432, 768; 1858: 400, 723, 864; 1859: 512, 937; 1860: 862, 1032, 1033; 1861: 889; 1865: 693, 1484; 1867: 259, 350, 653, 732, 906, 1001, 1376; 1869: 732, 935, 953, 1029.

Фонд Поклони и откупи (ПО): 24. 179.

Архив Српске академије наука и уметности (АСАНУ)

Фонд Друштва српске словесности — Српског ученог друштва (ДСС-СУД): 1856. 48, 1856. 57.

Фонд Историјска збирка: 10572.

Фонд Јован Ристић: XII/3: 12/23, 12/28, 12/30, 12/31, 12/37, 12/53, 12/97, 12/114; XII/5: 12/583; XVII/1: 17/6; XXVI/7. 463, 426.

Фонд Матија Бан: 17. К. 60: 17/3, 17/5, 17/9, 17/15, 17/27.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Фонд 730. Игнатъев Николай Павлович: Оп. 1. Д. 496, Д. 1022, Д. 3186, Д. 4220.

Фонд 939. *Ионин Александр Семенович*: Оп. 1. Д. 5.

Фонд 1463. *Коллекция отдельных документов личного происхождения*:
Оп. 1. Д. 802.

Фонд 1750. *Московский славянский благотворительный комитет*:
Оп. 1. Д. 28, Д. 49, Д. 50, Д. 52, Д. 54, Д. 58, Д. 59, Д. 64, Д. 67,
Д. 68, Д. 69, Д. 70, Д. 72, Д. 79.

Отдел письменных источников

Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

Фонд 56. *Бессонов Петр Алексеевич*: Оп. 1. Ед. хр. 480.

Фонд 347. *Раевский Михаил Федорович*: Оп. 1. Ед. хр. 3, Ед. хр. 4,
Ед. хр. 12, Ед. хр. 15, Ед. хр. 16, Ед. хр. 25, Ед. хр. 35, Ед. хр. 41,
Ед. хр. 43, Ед. хр. 49, Ед. хр. 71, Ед. хр. 75, Ед. хр. 79.

Отдел рукописей

Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Фонд 13. *Арсеньев Василий Сергеевич; Арсеньев Юрий Васильевич*:
Картон 24. Ед. хр. 30.

Фонд 139. *Кошелев Александр Иванович*: Картон 5. Ед. хр. 14.

Фонд 156. *Макушев Викентий Васильевич*: Картон 6. Ед. хр. 21.

Фонд 169. *Милютин*: Картон 41. Ед. хр. 35.

Фонд. 231. *Погодин Михаил Петрович*: Раздел II: Картон 8.
Ед. хр. 3, Картон 13. Ед. хр. 28, Картон 26. Ед. хр. 60; Раздел IV:
Картон 2. Ед. хр. 26, Ед. хр. 55, Ед. хр. 61, Ед. хр. 86, Ед. хр. 123.

Фонд 239. *Попов Нил Александрович*: Картон 2. Ед. хр. 2, Картон 7.
Ед. хр. 24, Картон 8. Ед. хр. 33, Картон 9. Ед. хр. 37, Картон 11.
Ед. хр. 11, Ед. хр. 12, Ед. хр. 13, Ед. хр. 43, Картон 12. Ед. хр. 16,
Картон 13. Ед. хр. 32, Ед. хр. 44, Ед. хр. 45, Картон 17. Ед. хр. 14.

Отдел рукописей

Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Фонд 14. *Аксаков И.С.*: Оп. 1. Ед. хр. 64.

Фонд 182. *Гильфердинг А.Ф.*: Оп. 1. Ед. хр. 10.

Фонд 356. *Ковалевский Е.П.*: Оп. 1. Ед. хр. 176, Ед. хр. 442.

Фонд 608. *Помяловский И.В.*: Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3383, Ед. хр. 3386,
Ед. хр. 3659, Ед. хр. 3677.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Фонд 1274. Панины и Блудовы: Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 97, Ч. 2. Ед. хр. 1617, Ед. хр. 1924а, Ед. хр. 2064, Ед. хр. 2179, Ед. хр. 2180, Ед. хр. 2420, Ед. хр. 2541, Ед. хр. 2772, Ед. хр. 2805, Ед. хр. 2836, Ед. хр. 2938.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Фонд 10. Аксаковы: Оп. 3. Ед. хр. 105.

Фонд 271. Краевский А.А.: Оп. 1. Ед. хр. 18.

Фонд 373. Погодин М.П.: Оп. 1. Ед. хр. 127, Ед. хр. 160, Ед. хр. 185, Ед. хр. 293.

Фонд 1571. Коллекция Г.В. Юдина: Оп. 1. Ед. хр. 2514, Ед. хр. 2515.

Фонд 1863. Коллекция формулярных списков литературных деятелей: Оп. 1. Ед. хр. 23.

Фонд 2555. Кельин Ф.В.: Оп. 1. Ед. хр. 967.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Фонд 450. Канцелярия военно-ученого архива «Турция» 1700–1917: Оп. 1. Д. 73, Д. 74.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 733. Департамент народного просвещения: Оп. 47. Д. 311.

Фонд 796. Канцелярия Синода: Оп. 138. Д. 1239, Оп. 139. Д. 182, Оп. 145. Д. 1067, Оп. 146. Д. 1873, Оп. 147. Д. 97, Д. 195, Оп. 410. Д. 377.

Фонд 797. Канцелярия обер-прокурора Синода: Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410, Оп. 35. Отд. II. Стол 2. Д. 146, Д. 269, Оп. 36. Отд. II. Стол 3. Д. 36, Оп. 37. Отд. II. Стол 2. Д. 31, Оп. 37. Отд. II. Стол 3. Д. 3, Д. 31.

Фонд 832. Филарет: Оп. 1. Д. 112.

Фонд 970. Корнилов Иван Петрович: Оп. 1. Д. 559.

Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН)

Фонд Р. II. БАН. 1980: Оп. 3. Ед. хр. 141.

Фонд 93. Дашков Павел Яковлевич: Оп. 4. Ед. хр. 32.

- Фонд 103. Ефремов Петр Александрович: Оп. 2. Ед. хр. 30.
Фонд 234 Плетнёв Петр Александрович: Оп. 4. Ед. хр. 53, Ед. хр. 54.
Фонд 325. Хитрово Михаил Александрович: Оп. 1. Ед. хр. 438,
Ед. хр. 666.

Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы)

- Фонд 1845. Бахметьевы: Оп. 1. Д. 35.
Фонд 1901. Московское славянское благотворительное общество:
Оп. 1. Д. 1.

**Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.)**

- Фонд 14. Петроградский университет: Оп. 5. Д. 4331.
Фонд 400. Петроградское Славянское благотворительное общество:
Оп. 1. Д. 1, Д. 6, Д. 8, Д. 12.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

- Босанска вила. 1885. № 1, 1891. № 9–10, 1903. № 23–24.
Босански вјестник. 1866–1867.
Босна. 1866–1878.
Вестник Европы. 1866–1879.
Военный сборник. 1858–1879.
Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 207.
Гражданин. 1872, 1873, 1878.
Дело. 1866–1879.
Народни лист. Нови Сад. 1867. Бр. 43.
Нива. 1870–1877.
Русская беседа. 1856–1860.
Русский вестник. 1856–1878.
Русский инвалид. 1857–1858.
Русское слово. 1859–1866.
Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 195.
Сарајевски цвјетник. 1868–1872.
Современная летопись. 1861–1867, 1869, 1871.
Современник. 1856–1863.
Sarajevski list. 10. jun. 1891. Br. 67.

БИБЛИОГРАФИЈА

- Айранетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.
- Айранетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М., 2018.
- Арш Г.Л.* О Греческом проекте Екатерины II // Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013. С. 35–52.
- Бабић Б., Јанић Ј.* Сопронова печатња. Бања Лука, 2016.
- Берић Д. А.Ф.* Гильфердинг. Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији. Сарајево, 1972.
- Берић Д.* Српско питање и политика Аустроугарске и Русије. 1848–1878. Београд, 2000.
- Берић Д.* Устанак у Херцеговини 1852–1862. Београд; Нови Сад, 1994.
- Бесаровић Р.* Васо Пелагић. Сарајево, 1952.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997.
- Бован В.* Срби из Босне и Херцеговине — просветни и национални радници у Старој Србији од шездесетих година XIX века до краја турске владавине // Зборник за историју Босне и Херцеговине. Т. 6. Београд, 2009. С. 91–99.
- Болдырев А.В.* Русско-турецкие отношения середины 19 в. и российское общество. М., 2013.
- Босанско-херцеговачки источник. Год. V. Св. VI–VII. Јуни и јули 1891.
- Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. М., 1991.
- Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998.
- Век Екатерины. Дела балканские. М., 2000. С. 213–219.
- Веселиновић Р.* Историја српске православне цркве са народном историјом. Књ. 3 (1766–1945). Београд, 2010.
- Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005.
- Власова З.И.* Новое о А.Ф. Гильфердинге (к 160-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1991. № 1. С. 60–72.
- Внешняя политика России и общественное мнение. Сборник научных трудов. М., 1988.
- Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб., 1868.

- Војводић В.* Рад Србије на политичкој пропаганди у Босни и Херцеговини (1868–1873) // Историјски гласник. 1960. 1–2. С. 3–50; 3–4. С. 3–54.
- Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016.
- Воробьёва И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов: научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь, 1999.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978.
- Вучковић В.Ј.* Неуспела политичка акција Матије Бана 1860–61. // Историски часопис. Књ. IX–X. 1959. Београд, 1960. С. 381–409.
- Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина во внешнеполитических планах России в 50–70-х гг. XIX в. // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 100–118.
- Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина между Западом и Востоком (начало XIX в. — 1878) // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997.
- Вяземская Е.К.* Восстания в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1875–апрель 1877): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1984.
- Вяземская Е.К.* Черногория и восстания 50-х — начала 60-х годов XIX в. в Герцеговине и Боснии // Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986. С. 184–196.
- Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.
- Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855.
- Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Т. XXIII. Отд. II. С. 69–126.
- Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года // Русская беседа. 1858. Кн. IV. Приложения. С. 1–58.
- Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. М., 1873. С. 379–328.
- Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. М., 1873. С. 1–278.
- Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859.

- Гильфердинг А.Ф.* Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. Кн. I. Смесь. С. 54–76; Кн. II. Смесь. С. 65–92; Кн. III. Смесь. С. 64–97; Кн. IV. Смесь. С. 51–80; 1859. Кн. I. Смесь. С. 125–132; Кн. II. Смесь. С. 57–104.
- Гильфердинг А.Ф.* Дух сербского народа Йована Хаджича // Русская беседа. 1859. Кн. V. Критика. С. 1–10.
- Гильфердинг А.Ф.* Историческое право хорватского народа. М., 1860.
- Гильфердинг А.Ф.* Несколько слов о Герцеговине и ее церквях // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 61.
- Гильфердинг А.Ф.* Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб., 1871.
- Гильфердинг А.Ф.* Письма к И.С. Аксакову // Голос минувшего. 1916. № 2.
- Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар // Русская беседа. 1859. Кн. II. Науки. С. 105–160; Кн. III. Науки. С. 113–186.
- Гильфердинг А.Ф.* Письмо из Белграда о всеславянском словаре // Русская беседа. 1857. Кн. I. Смесь. С. 89–93.
- Гильфердинг А.Ф.* Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии // Записки Русского географического общества. Т. 13. СПб., 1859/60.
- Гильфердинг А.Ф.* Чем поддерживается православная вера у южных славян? // Русская беседа. 1860. Кн. II. Смесь. С. 1–28.
- Гильфердинг А.Ф.* Югославянские рассказы // Русская беседа. 1856. Кн. II. Смесь. С. 29–33, 55–56.
- Гильфердинг А.* Историја Срба и Бугара. Свеска I. Београд, 1857.
- Гильфердинг А.* Историја Срба и Бугара. Свеска II. Београд, 1860.
- Гильфердинг А.Ф.* Угарска и Словени. Темишвар, 1879.
- Гласник земаљског музеја Босне и Херцеговине.
- Голицын Д.П. (Муравлин).* У синя моря: путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1898.
- Грађа за биографски речник чланова Друштва српске словесности, Српског ученог друштва и Српске краљевске академије 1841–1947. Београд, 2008.
- Греч Н.И.* Практическая русская грамматика. СПб., 1834.
- Григорович В.И.* Очерк путешествия по Европейской Турции Виктора Григоровича. Казань, 1848.
- Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М., 2010.
- Давидовић С.* Српска православна црква у Босни и Херцеговини (од 960. до 1930.). Шабац, 2002.

- Данилова Н.П.* Аграрные законы 40–50-х гг. XIX в. и зарождение элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве Боснии и Герцеговины // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970.
- Данилова Н.П.* Церковная борьба в Боснии в 60–70-х годах XIX в. (по донесениям русского консула в Сараеве) // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 233–241.
- Данченко С.И.* Материалы архива Н.Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в. Публикация // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: Сборник статей. М., 2013. С. 767–781.
- Два писма професора А.А. Мајкова о Босни. Нови Сад, 1878.
- Дневник Бењамина Калаја. 1868–1875. Београд; Нови Сад, 1976.
- Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855 гг. СПб., 1913.
- Достян И.С.* Россия и балканский вопрос: из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972.
- Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.
- Дулина Н.А.* Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984.
- Душанчић-Липљански Ј.Б.* Срби Босне и Херцеговине у XIX веку. Борба за слободу и уједињење. Београд, 2018.
- Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.
- Езерник Б.* Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М., 2017.
- Екмечић М.* Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд, 2002.
- Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2008.
- Екмечић М.* Кратки ход по мукама кроз историју Босне // *Екмечић М.* Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд, 2002. С. 135–154.
- Екмечић М.* Национална политика Србије према Босни и Херцеговини и аграрно питање (1844–1875) // Годишњак Историјског друштва Босне и Херцеговине. Т. X. Сарајево, 1959. С. 197–219.
- Екмечић М.* Покушај организовања устанка у Босни 1860.–1862. // Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине. Година IX. 1957. Сарајево, 1958. С. 197–219.
- Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Т. 2. Београд, 1989.

- Екмечић М.* Улога ислама у социјалном и политичком развоју Балкана // Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век). Међународни научни скуп. 11–13 децембар 1996. Београд, 1997. С. 15–54.
- Екмечић М.* Устанак у Босни 1875–1878. Београд, 1996.
- Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. М., 1994.
- Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975.
- Зборник за историју Босне и Херцеговине. Т. 1–6. Београд, 1995–2009.
- Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. СПб., 1896.
- Игњатовић Ђ.* Светозар Марковић и «српска општина» у Петрограду // Историјски часопис. Књ. XXII. 1975. Београд, 1975. С. 112–147.
- Из мемоара протопоп Недељка. Б. д. С. 42.
- Историја српског народа. Књ. 5. Т. 1. Београд, 1981.
- История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004.
- История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012.
- История Югославии. Т. 1–2. М., 1963.
- Јакшић Г.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први балкански савез. Београд, 1963.
- Јово Љепава (1850–1916) // *Мартиновић Д.Ј.* Портрети (био-библиографски преглед). Цетиње, 1983. С. 143–146.
- Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Т. II. Књ. 1. Београд, 1989.
- К сербам. Послание из Москвы. Лейпциг, 1860.
- Каплин А.Д.* Славянофилы, их сподвижники и последователи. М., 2011.
- Карасёв А.В.* Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1984.
- Карасёв В.Г.* Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в.
- Карасёв В.Г., Кондратьева В.Н.* Васо Пелагич и Банялукская православная семинария // *Glasnik arhiva i društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine.* VI. Sarajevo, 1966. S. 357–368.
- Карлова М.Ф.* Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании // *Вестник Европы.* 1870. Кн. 6. С. 721–753; Кн. 7. С. 150–190.
- Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия: Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997.

- Киселькова Н.В.* Вековать ли нам в разлуке? Чешская пресса, протоиерей Раевский и российские реалии 1860-х годов // Родина. 2007. № 7. С. 34–37.
- Киселькова Н.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский (1811–1884) // Русский православный храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах: К 110-летию со дня освящения. М., 2007. С. 112–119.
- Кнежић Н.* Хаџи Стака Скендерова // Кишобран. Септембар 2008. С. 16.
- Ковалевский Е.П.* Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841.
- Ковачевић Т.* Опись Босне и Херцеговине. Београд, 1865.
- Кондратьева В.Н.* Данные о торговле в Боснии и Герцеговине в 1866–1869 гг. // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1961.
- Кондратьева В.Н.* Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 году // Ученые записки Института славяноведения. Т. 28. М.; Л., 1964.
- Кондратьева В.Н.* К вопросу о предпосылках восстания 1858 г. в Боснийской Крайне и Посавинье // Ученые записки Института славяноведения. Т. 18. М.; Л., 1959.
- Кондратьева В.Н.* К истории крестьянских требований в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX в. // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. Сборник статей и материалов. М., 1972. С. 267–270.
- Кондратьева В.Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е гг. XIX в.). М., 1971.
- Косик В.И.* Австрийская политика в Боснии и Герцеговине (По материалам советско-югославских публикаций документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864». М., 1985; «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875». М., 1988) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. М., 1991. С. 141–147.
- Кошелев В.А.* К истории возникновения «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2011. С. 50–58.
- Кршић Ј.* Хаџи Стака Скендерова // Политика. 6 јануар 1932.
- Куев К.* К вопросу о путешествии Гильфердинга по Балканскому полуострову в 1868 году // Исследования по древней и новой литературе. Ленинград, 1987. С. 272–276.

- Кузьмичева Л.В.* А.С. Хомяков и сербский вопрос // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. С. 156–202.
- Кузьмичёва Л.В.* Сербо-русские отношения в период Восточного кризиса 1875–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1986.
- Лаптева Л.П.* А.Ф. Гильфердинг и К.С. Аксаков // Аксаковские чтения. Материалы научных конференций 1985 и 1987 гг. Вып. 2/89. М., 1989. С. 35–38.
- Лаптева Л.П.* А.Ф. Гильфердинг как историк зарубежных славян // История и историография зарубежного мира в лицах. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. Самара, 1997. С. 183–201.
- Лаптева Л.П.* Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2002.
- Лаптева Л.П.* Александр Федорович Гильфердинг // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 6. Архивно-информационный бюллетень № 2. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1999. С. 37–45.
- Лаптева Л.П.* Александр Федорович Гильфердинг // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 121–125.
- Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
- Лаптева Л.П.* К истории русско-славянских отношений 50–70-х гг. XIX в. (А.Ф. Гильфердинг и его письма М.Ф. Раевскому) // Вестник Московского университета. Сер. История. 1976. № 2. С. 34–45.
- Лаптева Л.П.* Русский славист А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003. С. 93–102.
- Лаптева Л.П.* Русский славист А.Ф. Гильфердинг как исследователь лужицких сербов // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009. С. 151–160.
- Лаптева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — нач. XX вв. М., 1997.
- Левшина Ж.Л.* Путешествие А.Ф. Гильфердинга 1868 года и славянские рукописи его «македонской» коллекции (итоги и перспективы изучения) // Археографски прилози: зборник радова Археографског одељења Народне библиотеке Србије, 34. Београд, 2012. С. 77–107.

- Леовац Д.* Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила (1860–1868). Београд, 2015.
- Леонтьева А.А.* К вопросу о положении мусульманских и христианских женщин в османском обществе XVII–XVIII вв. (по данным кадийских регистров Софии) // *Slovanský svět: známý či neznámý*. Červený Kostelec. Praha. 2013. S. 149–156.
- Леонтьева А.А.* Представительство женщин разных конфессий в шариатском суде: равенство прав и различие возможностей // *Историки-слависты МГУ. Кн. 9: В.А. Тесемников. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова*. М., 2013. С. 29–35.
- Лилуашвили К.С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978.
- Лобода А.М.* Памяти А.Ф. Гильфердинга (к 25-летней годовщине со дня его смерти) // *Этнографическое обозрение*. 1897. № 4.
- Љушић Р.* Књига о Начертанију: национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Крагујевац, 2003.
- Макарова И.Ф.* Болгары и танзимат. М., 2010.
- Макензи Г.М., Ирби А.П.* Путовање по словенским земљама Турске Европе. Београд, 1868.
- Максимовић В.* Љетописи. Сарајево, 1976.
- Максимовић В.* Митрополит Сава Косановић 1839–1903. Сарајево, 2003.
- Матула В., Чуркина И.В.* Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70-е гг. XIX в.) // *Культура и общество в эпоху становления наций*. М., 1974. С. 166–178.
- Медяков А.С.* Внешняя политика Австро-Венгрии 1867–1871 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1996.
- Медяков А.С.* Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархий Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010.
- Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875.* Сарајево, 1987.
- Международные отношения на Балканах. 1856–1878 /* Под ред. В.Н. Виноградова. М., 1986.
- Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке: черты структурного кризиса. М., 1991.
- Миличевич М.* Письмо из Белграда // *Русская беседа*. 1859. Кн. III. Смесь. С. 140–145.

- Миличевич М.* Рассказ очевидца о Скупщине // Русская беседа. 1859. Кн. II. Смесь. С. 139–156.
- Миличевич М.* Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги // Русская беседа. 1858. Кн. IV. Смесь. С. 98–112.
- Милютин Д.А.* Воспоминания 1863–1864. М., 2003.
- Митрополит Сава Косановић* // Босанска вила. Сарајево. 16 декабря 1885. № 1. С. 4–6.
- Морозов С.* Русские путешественники-фотографы. М., 1953.
- Москва–Сербия. Белград–Россия: Сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Москва; Белград, 2011.
- Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.: Сборник документов и материалов. Самара, 2009.
- Ненашева З.С.* Русская православная церковь в Праге. Часть 1. Трудное начало // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 412–431.
- Никитин С.А.* Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 1. М., 1948. С. 18–51.
- Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
- Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М., 1960.
- Никитин С.А.* Южнославянские связи русской печати 60-х годов XIX века // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 6. М., 1952. С. 89–122.
- Никифор Дучић (1832–1900)* // *Мартиновић Д.Ј.* Портрети (био-библиографски преглед). Књ. 4. Цетиње, 1987. С. 33–61.
- Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.
- Новичев А.Д.* История Турции. Т. 4. Ч. 3. (1853–1875). Л., 1978.
- Овсяный Н.Р.* Из истории сербов-мусульман // *Овсяный Н.Р.* Ближний восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913. С. 72–102.
- Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898.
- Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006.

- Орешкова С.Ф.* Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 34–46.
- Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985.
- Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988.
- Очак И.Д., Поплыко Д.Ф.* Новые данные о связях сербского революционера В. Пелагича с Россией во второй половине 60-х годов XIX в. // Славянский архив. М., 1961.
- Очерк истории Министерства иностранных дел (1802–1902). СПб., 1902.
- Очерки истории Министерства иностранных дел. Т. 1–3. М., 2002.
- Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, везира Герцеговинского // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. С. 329–378.
- Памучина И.* Суд над Христианской девушкой в Мостаре в 1841 г. // Русская беседа. 1856. Кн. II. Смесь. С. 34–46.
- Папић М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1978.
- Папић М.* Стака Скендерова // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бањалука, 2017. С. 27–49.
- Папић М.* Трагом културног наслеђа. Сарајево, 1976.
- Пахомова Л.Ю.* Боснийский вопрос в российской внешней политике в 1878–1908 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2010.
- Пејановић Ђ.* Штампa Босне и Херцеговине 1850–1941. Сарајево, 1949.
- Пенинский И.С.* Грамматика славянская. СПб., 1827.
- Петросян Ю.А.* Османская империя. М., 2012.
- Петросян Ю.А.* Российская историография Османской империи XVIII–XX вв. СПб., 2012.
- Пилиповић Р.* Српски богослови на школовању у Русији у другој половини 19. века — према оцени руског царског дипломате // Годишњак за друштвену историју 2. Београд, 2012.
- Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М., 1997.
- Письма А.Ф. Гильфердинга — И.А. Кукулевичу Сакцинскому // Живая старина. 1894. Вып. 2.
- Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н. Львовым. СПб., 1900.

- Письмо А.Ф. Гильфердинга к А.В. Плетнёвой // Русская литература. 1991. № 2. С. 130–135.
- Пичета И. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца // Вера и разум. 1911. Т. 1–4.
- Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915.
- Полное собрание сочинений Ф.И. Тютчева. СПб., 1913.
- Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич в России // Развитие капитализма и национального движения в славянских странах. М., 1970.
- Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983.
- Попов Н. Србија и Русија. Од Кочине Крајине до Св. Андрејевске скупштине. Свеске I–II. Београд, 1870.
- Попов Н.А. Герцеговина и нынешнее восстание в ней // Сборник духовных брошюр. б.д.
- Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. Выпуск 1. СПб., 1871.
- Попов Н.А. Православие в Боснии и Герцеговине и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873.
- Попов Ч. Велика Србија. Стварност и мит. Нови Сад, 2007.
- Поповић А. Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска Вила. 1903. № 23–24. С. 393–395.
- Поповић Н. Александр Гильфердинг, путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији. Београд, 1996.
- Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2013.
- Превод чланка руског списатеља А. Гильфердинга, који је изашао у првој свесци «Руске беседе» за 1860 г.
- Прокопий (Чокорило), иеромонах. Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Русская беседа. 1858. Кн. 2. Ч. 2. Смесь. С. 93–121.
- Просвјета: лист за политику, књижевност и забаву. Бр. 7 од 7. до 15. фебруара 1887.
- Пыпин А.Н. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Сборник, составленный Гильфердингом. СПб., 1860 // Современник. 1860. № 3. Отд. 3. С. 120–130.
- Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. № 9.

- Рајић С.* Спољна политика Србије између очекивања и реалности (1868–1878). Београд, 2015.
- Раденић А.* Документација тајног национално-ослободилачког комитета у Београду 1860–1861 // Годишњак града Београда. Књ. XIV. 1967. С. 61–79.
- Радослављевић Н.* Грађа за историју Сарајевске (Дабробосанске) митрополије 1836–1878. Београд, 2007.
- Растовић А.* Британски путописци у Босни и Херцеговини у другој половини XIX и почетком XX века // Зборник за историју Босне и Херцеговине. Т. 4. Београд, 2004. С. 273–295.
- Ровнякова Л.И.* Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е гг. XIX века). Л., 1986.
- Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1878. Документы. М., 2008.
- Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. М., 2017.
- «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2011.
- Русский биографический словарь. Т. V. СПб., 1916.
- Самохвалова Н.* Жил-был фотограф один // Газета недели в Саратове № 1. 15.01.2013.
- Скарић В.* Изабрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985.
- Скендерова С.* Летопись Боснии 1825–1856 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 380–465.
- Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии. М., 2015.
- Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 1–4. М.; СПб., 1868–1874.
- Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений Министерства иностранных дел. Составил по поручению Министерства иностранных дел М. Никонов. СПб., 1869.
- Србија и ослободилачки покрети на Балкану од Париског мира до Берлинског конгреса: (1856–1878). Књ. 1. Београд, 1983.
- Српска читаоница у Бањалуци. Тематски зборник. Бањалука, 2018.
- Станојевић С.* Историја Босне и Херцеговине. Београд, 1909.
- Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988.
- Тесля А.А.* Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.

- Тодорова М.* Англия, Россия и танзимат (вторая четверть XIX века). М., 1983.
- Томашевић Д.* Мајка босанске сиротиње // *Аделина Паулина Ирби, Георгина Мјур Мекензи.* Путовања у словенске провинције Турске у Европи. Сарајево, 2016. С. 7–24.
- Томашевић Д.* Сарајево гдје некад било: књижевна биографија града 1463–1992. Сарајево, 2005.
- Тюркер Т.* Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX — нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2007.
- Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Дневник 1855–1882 гг. М., 1929.
- Ђоровић В.* Босна и Херцеговина. Београд, 1925.
- Ђоровић В.* Политичке прилике у Босни и Херцеговини. Београд, 1939.
- Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977.
- Устрялов Н.Г.* Руководство по первоначальному изучению русской истории. СПб., 1840.
- Финкель К.* История Османской империи: Видение Османа. М., 2012.
- Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого. СПб., 1867.
- Фрейдзон В.Ф.* О Белградском «комитете» М. Бана (1860–1861) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. С. 100–115.
- Фролова М.М.* К вопросу о деятельности дипломатических представительствах России в болгарских землях Османской империи в период с 1856 по 1866 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы консолидации. М., 2008. С. 173–193.
- Фролова М.М.* Москва в жизни болгарского публициста Райко Жинзифова // Славяне и Россия: славяне в Москве. Сб. статей. М., 2018. С. 80–105.
- Фролова М.М.* Русское консульство в Видине и переселение болгар в Россию (1861 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010. С. 170–187.
- Харузин А.Н.* Босния и Герцеговина. Очерки оккупированной провинции Австро-Венгрии. СПб., 1901.

- Хаџи-Сава Косановић // Богословски гласник. 1903. Књ. III. Св. 1. С. 161–162.
- Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бањалука, 2017.
- Хаџи-Сава Косановић // Босанска вила. Сарајево. 15 фебруара 1903. № 3.
- Хевролина В.М.* Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. М., 2007. С. 221–266.
- Хевролина В.М.* Документы из архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в. // Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 97–112.
- Хевролина В.М.* Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории их дипломатической деятельности (1856–1874) // Внешняя политика России. Источники и историография. М., 1999. С. 40–64.
- Хевролина В.М.* Министерство иностранных дел России в 1856–1878 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 3–26.
- Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004.
- Хомяков А.С.* К сербам. Послание из Москвы // Собрание сочинений А.С. Хомякова. Т. 1. М., 1900. С. 377–408.
- Христиане в Турции. Статья Дентона, священника англиканской церкви // Русский вестник. 1864. Т. 49. № 1. С. 346–348.
- Черных А.В.* А.Ф. Гильфердинг в Боснии и Герцеговине. 1857–1858 гг. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 155–164.
- Черных А.В.* Общественная и политическая деятельность А.Ф. Гильфердинга в 50–70-е гг. XIX в. // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния. Материалы третьей региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.). Воронеж, 2009. С. 56–60.
- Черных А.В.* Общественно-политическая и научная деятельность Александра Федоровича Гильфердинга (1831–1872): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; 07.00.09. М., 2012.
- Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. М., 1873. С. 499–525.
- Чуркина И.В.* К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Балканские исследования.

- Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. С. 62–74.
- Чуркина И.В. М.Ф. Раевский и его записки о национальном движении южных славян 1848–1849 гг. // Балканские исследования. Вып. 12. С. 62–81.
- Чуркина И.В. Первые годы деятельности М.Ф. Раевского // В «интеръере» Балкан: юбилейный сборник в честь И.С. Достяна. М., 2010. С. 287–296.
- Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославыне. М., 2011.
- Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. — 1914 г. М., 1986.
- Шемакин А.Л. Смерть графа Вронского. К 125-летию Серботурецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М., 2002.
- Шутовић М. Александар Гилфердинг: о карактеру старе српске књижевности // Културно наслеђе Косова и Метохије — научно виђење исходишта, развоја, значаја и чувања. Лепосавић, 2009.
- Юкич Ф. Рассказ францисканца о введении танзимата в Боснии (1850–1851) // Русская беседа. 1856. Кн. II. Смесь. С. 47–55.
- Aličić S.M.* Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine. Sarajevo, 1983.
- Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie. Saint-Petersbourg, 1861–1878.
- Armağan M.* Abdulhamid'in Kurtlarla Dansı 2. İstanbul: Timaş Yayınları, 2009.
- Bandžović S.* Bošnjaci i deosmanizacija Balkana. Muhadžirski pokreti i prebježišta «sultanovih musafira» (1683.–1875.). Sarajevo, 2013.
- Bandžović S.* Deosmanizacija Balkana i bošnjaci. Ratovi i muhadžirska prebježišta (1876.–1923.). Sarajevo, 2013.
- Bataković D.T.* The Foreign Policy of Serbia (1844–1867). Ilija Garašanin's Načertanije. Belgrade, 2014.
- Bić A.* Giljferding A.F. // Enciklopedija Jugoslavije. T. 4. Zagreb, 1986.
- Bojić M.* Historija Bosne i Bošnjaka: (VII–XX vijek). Sarajevo, 2001.
- Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja drugog svjetskog rata. Sarajevo, 1994.
- Bozdağ I.* Sultan Abdulhamid'in Hatıra Defteri. İstanbul, 2009.
- Breccwell W.C.* Opinion-maker: the Balkans in British popular literature, 1856–1876 // Jugoslovensko-britanski odnosi. Beograd, 1988.

- Dizdar S.* Bibliografija sarajevskog cvjetnika: prilog povijesti knjige. Sarajevo, 2017.
- Dizdar S.* Prvi Bošnjački novinar: Mehmed Šaćir Kurtćehajić (1844–1872) // *Bosniaca. Časopis Nacionalne i univerzitetske biblioteke Bosne i Hercegovine.* God. 17. Br. 17. (decembar 2012). S. 60–67.
- Donia R., Fine J.* Bosnia i Hercegovina: iznevjerna tradicija. Sarajevo, 2011.
- Ekmečić M.* Slika o Bosni i Hercegovini u evropskoj putopisnoj literaturi od 1850. do 1878. godine // *Balkanica VIII.* Belgrade, 1977.
- Emgili F., Kahramanyol M.* Sırbistan'ın Osmanlı topraklarındaki istihbarat ve teşkilatlanma çalışmaları (1898–1912). Ankara, 2010.
- Evans A.J.* Illyrian letters. London, 1878.
- Evans A.J.* Kroz Bosnu i Hercegovinu peške u vrijeme pobune 1875. Sarajevo, 1965.
- Glenny M.* The Balkans: nationalism, war and the Great Powers, 1804–1999. New York, 2000.
- Hawkeswoth S.* Voices in the Shadows. Women and Verbal Art in Serbia and Bosnia. CEUPRESS, 2000.
- Irby J.T.* Meeting Miss Irby. Sarajevo; Zagreb, 2011.
- Irijart Š.* Bosna i Hercegovina. Putopis iz vremena ustanka 1875–1876. Sarajevo, 1981.
- Jelavich B., Jelavich C.* The Balkans. New Jersey, 1965.
- Jukić I.F.* Zemljopis i poviestnica Bosne od slavoljuba bošnjaka. Zagreb, 1851.
- Koetschet J.* Osman Pascha, der letzte grosse Wesier Bosniens und seine Nachfolger. Sarajevo, 1909.
- Lukić-Tesarović I.* Sećanja britanskih putnica koje su putovale po našim krajevima u 18. i 19. veku // *Jugoslovensko-britanski odnosi.* Beograd, 1988.
- MacKenzie D.* The serbs and russian pan-slavism 1875–1878. New York, 1967.
- Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. London, 1867.
- Maksimović V.* Ljetopis Stake Skenderove // *Viđenja Bosne.* Plevlja, 1971. S. 109–117.
- Muvekkit Salih Sidki Hadžihuseinović.* Povijest Bosne. Knj. 2. Sarajevo, 1999. New-York. National Educational Association of the United States. 1895. NewYork, 1895.
- Özcan U.* II. Abdulhamid Dönemi Osmanlı Karadağ Siyasi ilişkileri. Doktora Tezi Süleyman Demirel Üniversitesi Isparta, 2009.

- Pasko Vasa-efendija*. Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdvet-efendije. Banja Luka, 2011.
- Pertusier C.* La Bosnie. Considérée dans ses rapports avec l'Empire Ottoman. Paris, 1822.
- Radojčić N.* Giljferding Aleksandar Feodorovič // Narodna enciklopedija srpko-hrvatsko-slovenačka. Knj. 1. Zagreb, 1925. S. 719–720.
- Radušić E.* Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. godine — od branitelja i zaštitnika do tužioca i sudije. Sarajevo, 2013.
- Şerif M.* Jön Türklerin. Siyasi Fikirleri 1895–1908. İstanbul, 2011.
- Slijepčević Đ.* Pitanje Bosne i Hercegovine u XIX veku. Keln, 1981.
- Šljivo G.* Bosna i Hercegovina 1854–1860. Landshut, 1998.
- Šljivo G.* Bosna i Hercegovina 1861–1869. Tešanj, 2005.
- Šljivo G.* Bosna i Hercegovina u XIX stoljeću u spisima stranih izveštača. Tešanj, 2008.
- Stavrianos L.S.* The Balkans. 1815–1914. New-York, 1965.
- The Muslims of Bosnia — Herzegovina. Their Historic Development from the Middle Ages to the Dissolution of Yugoslavia.* Cambridge, 1993.
- Walicki A.* The Slavophil controversy: history of a conservative utopia in nineteenth-century Russian thought. University of Notre Dame Press, 1989.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абдул-Азиз 14, 21, 223, 239,
261, 345, 363, 364
Абдул-Меджид I 11, 14, 86,
302, 353, 364
Агатангел, зворницкий
митрополит 65, 342
Агиографов Л. 232
Айрапетов О.Р. 15, 37, 401
Акиф Мехмед-паша 361, 392
Аксаков И.С. 25, 42, 67, 145,
170, 188–190, 193, 194, 231,
281, 284, 303, 304, 306,
322, 393, 395, 398, 403,
405, 412
Аксаков К.С. 66, 407
Аксакова В.С. 157, 404
Аксаковы 25, 399
Александр Карагеоргиевич
18, 195, 196, 296, 298, 301
Александр II 15–17, 37, 104,
142, 145, 178, 188, 210, 217,
218, 228, 265, 266, 307,
384, 401
Александр III 15, 37, 183, 184,
401
Али-ага 62, 105, 107, 108
Али-паша 375
Али-хайгуз, шейх 110
Аличич М. 47, 354, 364, 415
Андраши Д. 384
Андрич В. 325–327
Антим, дабробосанский
митрополит 342
Антоний, архиепископ
казанский 233
Антоний, архимандрит 138

Антоний, иеродиакон Сретен-
ского монастыря 218
Анфим VI, константино-
польский патриарх 334
Аранитович М. 240
Аранитович С. 240
Арсеневич Н. 153
Арсеньев В.С. 398
Арсеньев Ю.В. 398
Арш Г.Л. 378, 401
Ахмед Хамди-паша 392

Б

Бабић Б. 243, 370, 372, 373, 401
Бабич Г. 271
Бабст И.К. 284
Бакунин М.М. 112, 126
Балабин В.П. 305–307
Баляч Д. 150, 200
Бан М. 22, 46, 167, 172, 173,
199, 301–308, 402, 413
Банджович С. 52, 345, 350, 415
Бартенев П.И. 188, 198
Баршев С.И. 275
Батинич Т. 271
Батиныч А. 270
Батюшков П.Н. 231
Бахметьев А.Н. 143–145
Бахметьевы 23, 400
Бацатич П. 271
Безобразов В.В. 114–120, 122,
126, 165, 217, 219, 274, 280
Беляев И. 198
Березин Л.В. 305
Берич Д. 51, 102, 301, 401
Бесаровић Р. 283, 289, 401

Бессонов П.А. 198, 210, 398
 Бестужев-Рюмин К.Н. 42, 401
 Билинац Р.М. 245
 Билич Н. 266, 268–271
 Благосветлов Г.Е. 177, 178
 Блау О. 347, 348, 391
 Блудов Д.Н. 143, 145
 Блудова А.Д. 24, 25, 36, 118,
 129–132, 143, 144, 205,
 211, 213, 235–237, 245, 248,
 269, 283, 393
 Блудовы 399
 Бован В. 326, 401
 Богичевич Д. 270, 271
 Бодянский О.М. 31, 156, 284
 Божич М. 321
 Болдырев А.В. 41, 401
 Боровичко, австрийский
 ген.консул 304
 Ботчевич Д. 271
 Буслаев Ф.И. 284

В

—
 Вадбольский 305
 Васильев А.В. 274
 Васильчикова Т.В. 24, 130
 Васиф-паша 113, 337
 Васич К. 102, 119
 Вели-ага 62, 105, 107, 108
 Вели-бег (Белчия Галл) 372
 Велиудин-паша 244
 Верещагин 210
 Веселиновић Р. 328, 401
 Виетт Г. 64
 Виктор, настоятель Сретен-
 ского монастыря 233, 234
 Викториан, казанский
 епископ 233

Виноградов В.Н. 15, 16, 37, 38,
 42, 295, 383, 401, 405, 408
 Виссарион, епископ 255
 Влангали А.Е. 305
 Власова З.И. 148, 401
 Војводић В. 46, 402
 Войнович С. 271
 Волков С.В. 402
 Вольф М.О. 112
 Воробьева И.Г. 42, 402
 Воскресенский Л.Я. 231
 Вукалович Л. 21, 102, 116,
 118, 145, 172, 174–177, 181,
 185, 187, 199, 363
 Вукичевич Д.Т. 62
 Вукович Я. 321
 Вулетич С. 131
 Вулич С. 214
 Вучковић В.Ј. 46, 302, 304, 307,
 402
 Вучкович Г. 331, 332
 Вяземская Е.К. 10, 38, 402

Г

—
 Галахов А.Д. 138
 Гарашанин И. 22, 51, 52, 269,
 295–298, 300, 308–310,
 349, 384, 397, 409
 Гарибальди Д. 302
 Гатало 222
 Георгиевский А.И. 158
 Герд Л.А. 141, 402
 Геров Н. 143
 Гильфердинг А.Ф. 25, 26, 30,
 32, 42–45, 57–101, 105, 110,
 116, 125, 126, 130–134, 137,
 139, 145–148, 156–160, 166,
 167, 179, 189–199, 205, 208–

- 212, 217, 237–243, 258, 259,
263, 266, 267, 272, 275–278,
280, 295, 307, 317, 322, 329,
336, 338, 341, 345–347, 385,
393, 398, 401–403, 406–408,
410–412, 414
- Гильфердинг В.Ф. (Ридель) 95
Гильфердинг Ф.А. 148
Гильфердинг Ф.И. 58, 61
Гленни М. 51, 416
Глиноецкий Н.П. 187
Говедарица И. 271, 292
Говедарица С. 266, 270, 292
Голицын Д.П. (Муравлин)
280, 403
Голубович Д. 303
Горчаков А.М. 15–17, 42, 99,
104, 106, 143, 156, 170, 193,
210, 265, 266, 306, 384, 401
Градовский Г.К. 183
Греч Н.И. 137, 138, 403
Григоренко М.Г. 269
Григорий VI, константино-
польский патриарх 334
Григорий, герцеговинский
митрополит 64, 65, 113,
335–337, 342
Григорович В.И. 68, 403
Григорьев. Б.Н. 56, 403
Груздев, протоиерей 235
Груич С. 273, 275
Губонин П.И. 293
Гус Ян 159, 302
- Д**
—
- Давидовић С.* 342, 403
Даль В.И. 100
Дамьянов А. 215, 369
Дамьянович С. 271
- Данилова Н.П.* 33, 34, 329,
333, 404
Данченко С.И. 54, 229, 231,
233, 235, 236, 404
Дашков П.Я. 399
Де-Витте А.Я. 58
Демидов П.П. 161, 226
Дентон 103, 104, 414
Деспич М. 228, 230
Деспотович Д. 271, 282, 283, 320
Дечанец Й. 335
Джевдет-эфенди 93, 358, 364
Джонс 96, 97
Джорджевич М. 319
Джурич Д. 273
Джуричева К. 261
Джуркович А. 96, 97
Дибич И.И. 58
Димитриевич Е. 332
Дионисий I, дабробосанский
митрополит 64, 105, 248,
319, 329
Дионисий II
дабробосанский
митрополит 261, 286, 290,
330–335, 340, 342, 375
Добролюбов Н.А. 180
Донья Р. 49, 416
Достоевский Ф.И. 183
Достян И.С. 37, 44, 404, 415
Дреч Й. 99, 269, 271–273,
275–280, 282
Дулина Н.А. 12, 404
Дурново Н.Н. 229, 235, 327, 404
Дучич Д. 271, 273, 281, 282
Дучич Н. 117, 130, 135, 187,
228, 281, 308, 310, 311, 317,
328, 337–339, 342
Душанчић-Липљански Ј.Б. 51, 404
Дьяков В.А. 404

Е

—

Ежевский С.В. 284
Езерник Б. 29, 404
 Екатерина II 133, 378, 401
Елавич Б. 46, 414
Елавич Ч. 46, 414
 Елагин Н. 198
 Енчев 126
Еремеев Д.Е. 40, 405
 Ермаков Н.А. 159
 Ефремов П.А. 61, 400

Ж

—

Жаржи, граф 104
 Железнов И.М. 185
 Жинзифов Р. 174, 413
 Жуёвич Ж. 180–182, 275,
 280–282, 405

З

—

Заболотский-Десятков-
 ский А.П. 100
 Зилждич А. 370
 Зоретич, австрийский консул 315
 Зохраб Д. 116

И

—

Иванишевич Л. 271, 280–282
 Иванов А.И. 105, 126, 365
 Иванов Е. 226
 Игнатий II, дабробосанский
 митрополит 105, 222, 224,
 329–332, 342, 374

Игнатий, архимандрит
 Сергиевской пустыни 226

Игнатий, герцеговинский
 митрополит 342

Игнатъев Н.П. 17, 20, 42, 106–
 112, 118, 136, 142, 161, 167, 176,
 214, 219, 224, 227, 229, 235,
 253, 256, 260, 261, 270, 278,
 291, 293, 330, 331, 339, 351,
 355, 357, 359, 365, 367, 368,
 371, 375–377, 381, 397, 414

Игъатовић Ђ. 273, 275, 405

Игуманов С.А. 326

Иларионов Н.А. 31, 109, 120,
 122, 123, 126, 148, 153, 176,
 215, 216, 220, 229, 292, 313,
 367, 368, 377, 379, 381

Илич Р. 111

Илич С. 325

Иоанникий, саратовский
 епископ 232, 233

Ионин А.С. 25, 26, 60, 61, 65, 96–
 103, 107, 109, 115, 116, 125, 126,
 128, 154, 167, 270, 278, 398

Ионин В.С. 109, 115, 119, 126

Ирби А.П. 29, 141, 179, 230, 257,
 259, 260, 262–264, 326, 408,
 413

Искендеров П.А. 38

Й

—

Йенишехирли Ибрагим-паша
 392

Йованович 255

Йованович Н. (Окан Н.) 303,
 308, 310, 321, 325, 326, 363

Йованович П. 259

Йованович С. 271

J

Јакшић Г. 45, 406
Јанић Ј. 370, 372, 373, 401

K

Кайни Мехмед-паша 104, 392
 Кайчие А. 351
 Каллаи Б. 27, 308, 309, 383, 404
 Калуджерович 293
 Каннинг Д. 12
Каплин А.Д. 405
 Каподистрия 126, 148
 Карагеоргий 296
 Караджич В. 371, 373
 Каракозов Д.В. 178
 Каранова А. 261
Карасёв А.В. 36, 38, 39, 295, 298, 301, 308, 405
Карасёв В.Г. 20, 35, 181, 185, 275, 276, 280–282, 405
 Карлова М.Ф. 146, 405
 Катков М.Н. 172, 173
 Кельин Ф.В. 399
Керимова М.М. 30, 44, 405
 Киреев Н.А. 161, 226, 258, 260, 264
Киселькова Н.В. 44, 406
Кнежић Н. 263, 406
 Ковалевский Е.П. 16, 17, 25, 96, 98, 100, 113, 114, 144, 145, 193, 196, 208, 248, 317, 350, 398, 406
 Ковачевич Т. 29, 298, 406
 Колчин А. 226
Кондратьева В.Н. 34, 283, 405, 406

Константин Николаевич, великий князь 143
 Корнилов И.П. 25, 154, 160, 168, 229, 236, 322, 399
 Косанович К. 221
 Косанович С. 26, 135, 152, 155, 221–237, 256, 258, 260, 286, 292, 293, 321, 325, 326, 328, 336, 339, 408, 409, 414
Косик В.И. 20, 35, 36, 382, 406
 Кошелев А.И. 188–190, 192, 198, 398
Кошелев В.А. 189, 406
 Краевский А.А. 146, 185, 399
 Краснопевков Л.В. 231
 Крестич М. 325
 Круглов А. 179
Кршич Ђ. 239, 246, 263, 406
 Кудрявцев А.Н. 26, 31, 103, 107–113, 120–122, 124, 126, 148, 155, 162, 214, 219–221, 227, 228, 236, 237, 253, 258–260, 271, 281, 288–290, 292, 313, 314, 323, 330, 331, 333, 334, 351, 357, 359–362, 368, 374–376, 381
 Кудрявцев В.А. 109
 Кудрявцев Н.А. 109
 Кудрявцева В.А. 112
 Кудрявцева С.А. 109
Куев К. 146, 406
Кузьмичёва Л.В. 10, 54, 198, 407
 Кукулевич Сакцинский И.А. 66, 72, 190, 410
 Куртчехаич Мехмед Шачир 372, 373, 415, 416
 Курштич З. 303
 Кушелёв-Безбородко Г.А. 177

Л

—
Лазаревич Г. 131
Ламанский В.И. 145, 148,
156, 158
Лаптева Л.П. 42–44, 157–159,
407
Лебедев Л. 179
Левшина Ж.Л. 146, 407
Леовац Д. 295, 310, 408
Леонардович 254
Леонтьева А.А. 54, 350, 408
Левава И. 271, 274, 276–279, 405
Лешевич Ж. (поп Жарко)
152, 168, 342, 368
Лилуашвили К.С. 334, 408
Липранди И.П. 30
Лобанов-Ростовский А.Б. 356
Лобода А.М. 66, 408
Лофчели Дервиш Ибрагим-
паша 392
Лукич Н. 325
Львов А.Н. 135, 410
Льушић Р. 296, 408

М

—
Маджар В. 20, 35, 36
Майков А.А. 31, 177, 404
Майков А.Н. 161
Майсов В.И. 231
Макарова И.Ф. 40, 408
Маккензи Д. 46, 47, 416
Маккензи Д.М. 29, 179, 230,
408, 416
Максимовић В. 222, 223, 239,
408, 416
Максимович М.А. 188
Макушев В.В. 172, 173, 179, 398

Мандич М. 372, 373
Маринович Й. 141, 298, 311
Мария Александровна,
императрица 25, 143, 144,
148–150, 213, 244, 253,
256, 274
Маркович И. 340
Маркович Й. 340
Маркович С. 181, 273, 275, 276,
405
Мартиновић Д.Ј. 274, 277, 405,
409
Матула В. 44, 166, 169, 408
Махмуд-бей 376
Медяков А.С. 39, 309, 383, 408
Мейер М.С. 40, 344, 405, 408
Метрович П. 131
Мехмед Асим-паша 392
Мехмед Назиф-паша 392
Мехмед Решид-паша 91, 392
Мещерский В.П. 183
Микешин М.О. 154, 286, 287
Милан Обренович 273, 309,
310
Милевич Р. 62
Миленкович К. 270
Миленкович Р. 271
Миленкович Х. 270
Милинкович Й. 271
Миличевич Д. 197
Миличевич М. 194–198, 408,
409
Милоевич М. 310
Милош Обренович 196, 296,
349
Милошевић Б. 259
Милошевич С. 51
Милютин Д.А. 27, 398, 409
Милютин Н.А. 100, 398
Миляннич П. 271, 292

Минков Ф.Н. 269
 Митрович П. 271, 282
 Михаил Йованович,
 сербский митрополит 25,
 26, 131, 154, 163, 164, 190,
 196, 223, 249, 250, 255, 259,
 269, 277, 283, 284, 287, 290,
 296, 303, 311, 313, 314, 318,
 319, 322, 324, 326, 330
 Михаил Обренович 18, 32,
 46, 52, 53, 185, 199, 219,
 295, 298–300, 307, 309,
 316, 341, 405, 408
 Михайлович Р. 62
 Могила П. 138
 Морозов С.А. 151, 409
 Мотахед Р. 49
 Муравьев А.Н. 138
 Мустафа Асим-паша 392
 Мустафа Решид-паша 12, 13,
 404

Н

Налетов 126
 Немирович-Данченко В.И.
 (Славянский В.И.) 179
 Ненашева З.С. 44, 409
 Нессельроде К.В. 15
 Нешкович Е.С. 245, 248
 Никитин С.А. 33, 41, 44, 143,
 146, 156, 157, 229, 304, 306,
 404, 409
 Никифоров К.В. 295–297, 409
 Никифорова М.Н. 109
 Никола Петрович 53
 Николич С. 327
 Никонов М. 28, 55, 127, 412
 Новакович С. 310

Новиков Е.П. 384
 Новичев А.Д. 12, 14, 40, 409

О

Ободовский А.Г. 138
 Оборина Е. 271
 Овсяный Н.Р. 31, 409
 Окан Н. см. Йованович Н.
 Олимпиада,
 настоятельница
 монастыря 232
 Ольхин А.А. 305
 Олюнин С.В. 40, 344, 346, 409
 Омер Февзи-паша 256, 375, 392
 Омер-паша (Латас) 86, 87,
 116, 187, 192, 356
 Орешкова С.Ф. 410
 Орешкович А. 300
 Осман Мазхар-паша
 Сулейманпашич 356, 392
 Осман-паша, Топал Шериф
 104, 108–110, 113, 174, 175,
 226, 252–254, 261, 263, 289,
 290, 318, 349–358, 360, 365,
 369–371, 374–378, 392, 394,
 416
 Остоич 266, 270
 Очак И.Д. 383, 410

П

Павлович Н. 318, 321
 Паисий, дабробосанский
 митрополит 222, 234, 335,
 342
 Памучина И. 114, 116, 117,
 122, 164, 192, 336–339, 410

- Папић М.* 238–241, 253, 410
 Парфений, монах Сретенского монастыря 218
 Паскевич И.Ф. 58
 Паско Васа-эфенди 93, 364, 386, 388
Пахмова Л.Ю. 384, 410
Пејановић Ђ. 372, 410
 Пекарский П.П. 100
 Пелагич В. 34, 35, 155, 175, 184, 271, 283–292, 318, 320, 322, 323, 328, 333, 401, 405, 410, 411
Пенинский И.С. 137, 410
 Пепич С. 325
Перазич С. 20, 35, 36
 Перович Мария (Иогансон) 152, 201
 Перович Мелентий 220, 221
 Перович Й. 220, 221, 235, 271, 281
 Перович С. 135, 155, 216–221, 235, 317, 333, 339, 342
Пертузье Ш. 28, 29, 417
 Петкович К.Д. 35, 118, 382
 Петкович С. 320
 Петр I 133
 Петр, сербский митрополит 245
 Петранович Б. 228, 308, 310, 321, 333, 373
 Петрович Й. 370
Петрович Р. 20, 35
Петросян Ю.А. 40, 410
Пилиповић Р. 284, 410
Пирожкова Т.Ф. 41, 171, 189, 410
Писарев Ю.А. 20, 35
 Пичета Б. 270, 278, 279
 Пичета В.И. 119
 Пичета Й.Х. 119, 120, 124, 266–272, 281, 282, 317, 411
- Плетнёв П.А. 61, 400
 Плетнёва А.В. 25, 61, 70, 72, 81, 411
Погодин А.Л. 32, 411
 Погодин М.П. 25, 145, 158, 159, 198, 210, 216, 231, 237, 398, 399
 Полонский Я.П. 161
 Помяловский И.В. 398
Поплыко Д.Ф. 20, 34, 35, 283, 284, 286, 287, 410, 411
 Попов Н.А. 23, 25, 26, 30, 31, 42, 153, 154, 158, 160, 174, 177, 181, 197–199, 215, 228–230, 234, 236, 237, 256, 257, 277, 278, 286, 289, 290, 293, 310, 322, 380, 393, 398, 402, 411
Попов Ч. 51, 411
Попович А. 238, 239, 241, 242, 244, 248, 253, 256, 261, 263, 411
Поповић Н. 411
 Попович С.П. 111
Поповкин А.А. 34, 143, 226, 411
 Посохов И.А. 160, 161
 Прокопий, герцеговинский митрополит 279, 338–340, 342
 Прокопий, дабробосанский митрополит 342
 Протасова Н.Д. 24, 130
Пыпин А.Н. 42, 68, 411
 Пятницкий П.П. 28, 147–154, 200, 222, 413
- Р**
 —
Раденић А. 302, 304, 412
Радослављевић Н. 22, 100, 412

- Радулович Л. 235
 Раевский М.Ф. 24–26, 42, 44,
 45, 59, 98, 103, 105, 114–117,
 122, 125, 129–132, 136, 137,
 140, 144, 154, 156, 157, 159,
 163–169, 189, 190, 193, 209,
 211–213, 216, 270, 272, 277,
 283, 284, 286–292, 305–307,
 335–337, 393, 395, 398, 405,
 406, 408, 415
 Раевский Н.Н. 148
Раич С. 52, 309, 310, 412
 Ракич 177
Растовић А. 29, 412
 Рауф-паша 374, 376
 Раух Л. 159
 Реслер Е. 64
 Ресулбегович Хаджи-бег 88
 Реуф-паша 392
 Рехберг И. 102, 119
 Ризванбегович Али-паша
 336, 410
 Ризванбегович Ханзи-бег 88
 Ризван-паша 173
 Ристич 210
 Ристич Д. 131
 Ристич Й. 22, 52, 228, 301,
 303, 308, 310–312, 320,
 321, 326, 363, 377, 383, 397
 Ристич К. 321
*Ровнякова Л.И. 41, 171, 180,
 185, 192, 412*
 Розелион-Сашальский А.Г. 30
 Роскевич 347, 348, 391
- С**
—
- Салих-паша 365
 Самарин Ю. 198
- Самохвалова Н. 147, 149, 153, 412*
 Сараевич С. 319
 Сафвет-паша 260, 357, 360,
 368, 392
 Скакич 322
Скарић В. 238, 314, 329, 412
 Скендеров И. 241
 Скендеров П. 240
 Скендерова Савка 240
 Скендерова Стака 25, 100,
 138, 181, 226, 238–256, 258–
 264, 358, 406, 410–412, 414
 Славолубов Я.П. 123, 126, 270,
 278, 279, 335, 338, 339, 382
Слиепчевич Д. 47, 297, 417
 Сопрон И. 370, 371, 401
 Спасович И. 325
 Спахич Н. 270, 271
 Србич П. 271
 Срезневский И.И. 158
 Сречкович П. 310
Ставрианос Л. 46, 417
 Ставрич И. 325, 326
 Стажеско А. 102
Станоевич С. 45, 412
 Стасюлевич М.М. 182
 Стефанович В. 325
Стојаковић Г. 240, 254
 Стоиславлевич Д. 325
 Стремоухов П.Н. 17, 59, 74,
 106, 121, 148, 160, 161, 231,
 258, 269, 271, 281, 311, 382
- Т**
—
- Танасић С.З. 243*
 Тасовац М. 341
 Тевфик-бей 376
 Тёммель 347, 348, 391

Тепич И. 20, 35, 36, 47, 48, 62, 64,
98, 99, 102, 105, 107–112, 114,
116–118, 123, 124, 126, 163,
221, 271, 274, 275, 279, 281, 318,
349, 350, 352–354, 357, 361, 412

Тесля А.А. 42, 194, 412

Тишнер И. 211

Тодорова М. 40, 413

Тодорович С. 330

Тодорович, австрийский
консул 109, 236

Толстой А.П. 132, 135, 137,
167, 211

Толстой Д.А. 141, 156, 282

Томашевић Д. 230, 247, 413

Томич И. 370

Тюркер Т. 345, 413

Тютчев Ф.И. 161, 205, 411

Тютчева А.Ф. 27, 413

У

—

Узелац П. 169

Ускударли Ахмед Мажар
(Мазхар)-паша 392

Устрялов Н.Г. 137, 138, 413

Ф

—

Фазли-паша 242

Файн Д. 49, 416

Фауд-паша 352, 376

Феофил, иеродьякон
Сербского подворья 231

Филарет (Дроздов),
митрополит московский
21, 135, 138, 141, 210, 218,
374, 399, 410

Филипович Г. 271, 274, 276–278

Филиппов Т.И. 188

Финкель К. 13, 352, 413

Флинднер Т. 257

Франкини В.А. 364

Франц Иосиф I 105, 376, 384

Фрейдзон В.Ф. 302, 307, 413

Фролова М.М. 17, 174, 413

Х

—

Хаджи-Ристич 105

Хаджич А. 196, 197

Хаджич Й. 191, 403

Харузин А.Н. 31, 32, 413

Хевролина В.М. 17, 19, 35, 36, 39,
42, 57, 137, 141, 142, 315, 414

Хитрово М.А. 103, 120, 400

Хомяков А.С. 68, 188–190,
198, 199, 407, 414

Хоуксворт С. 239, 416

Хумо Омер-эфенди 373

Хуньяди де Кетей Ю. 199

Хуршид-паша 117

Ц

—

Цариградлия Кадри-эфенди
370

Цукич К. 327

Ч

—

Чайканович Р. 293, 370

Чайканович С. 222, 321, 325,
326, 328

Чемберли 126

Ченгич Дед-ага 368
 Ченгич Дервиш-паша 109
 Черкасский В.А. 231
 Черноевич А. 83
Черных А.В. 43, 414
 Чернышевский Н.Г. 180
 Черчил Г.А. 64
 Четверухин Н.Н. 118, 126
 Чижов В.Ф. 130, 193, 198
 Чокорило П. 135, 207–214, 216,
 218, 237, 244, 266, 272, 411, 414
Чорович В. 46, 413
*Чуркина И.В. 42, 44, 45, 129,
 156, 166, 169, 212, 283, 307,
 336, 408, 414, 415*

Ш

Шариф Гаджи-ага 352
 Шачир-эфенди 316
 Шеллер А.К. 179
Шемякин А.Л. 148, 415
 Шишкин Н.П. 292, 311, 312
Шливо Г. 52, 63, 379, 417
 Шола 279
 Штросмайер Й.Ю. 299, 300,
 308, 381
 Шульгин Н.И. 178
Шутович М. 415

Щ

Щербатов 126
 Щулепников Г.Е. 102
 Щулепников Е.Р. 26, 97,
 101–109, 113, 114, 117, 125,
 126, 144, 148, 163–165, 217,
 223, 224, 244, 248, 249, 252,

254–256, 318, 329, 331, 332,
 336, 350, 352, 355, 356, 364,
 371, 374

Щулепникова О.Е. 102

Э

Эванс А. 29, 335, 416
*Экмечич М. 10, 20, 29, 35, 47, 50,
 52, 295, 298, 301, 379, 404, 416*

Ю

Юдин Г.В. 399
Юкич И.Ф. 29, 192, 371, 415, 416
 Юркевич П.Д. 284

Я

Якобсон В.А. 108, 109, 126,
 259, 261, 357
 Янкович С. 320
 Ястребов И.С. 326

А

Armağan M. 53, 415

В

Bataković D.T. 296, 415
Bić A. 415
Bojić M. 52, 350, 359, 360, 415
Bozdağ I. 53, 415
Breacewell W.C. 29, 415

D

Dizdar S. 372, 416

E

Emgili F. 53, 416

I

Irijart Š. 29, 416

K

Kahramanyol M. 53, 416

Koetschet J. 352, 416

L

Lukić-Tesarović I. 29, 416

M

Muvekkit Salih Sidki

Hadžihuseinović 392, 416

Ö

Özcan U. 53, 416

R

Radojčić N. 417

Radušić E. 48, 116, 417

S

Şerif M. 53, 417

W

Walicki A. 417

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

К. В. Мельчакова

БОСНИЯ *и* ГЕРЦЕГОВИНА

в общественно-политической
жизни России в 1856–1875 гг.

На лицевой стороне переплета:

План Соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Сараеве
(АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3230. Л. 34)

На задней стороне переплета:

Боснийский вилайет. Чертеж железной дороги, предложенной
к сооружению и открытию в конце 1872 года. Рис. А.Н. Кудрявцева
(АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2332. Л. 82)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Оригинал-макет А.С. Старчеус

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
30,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87